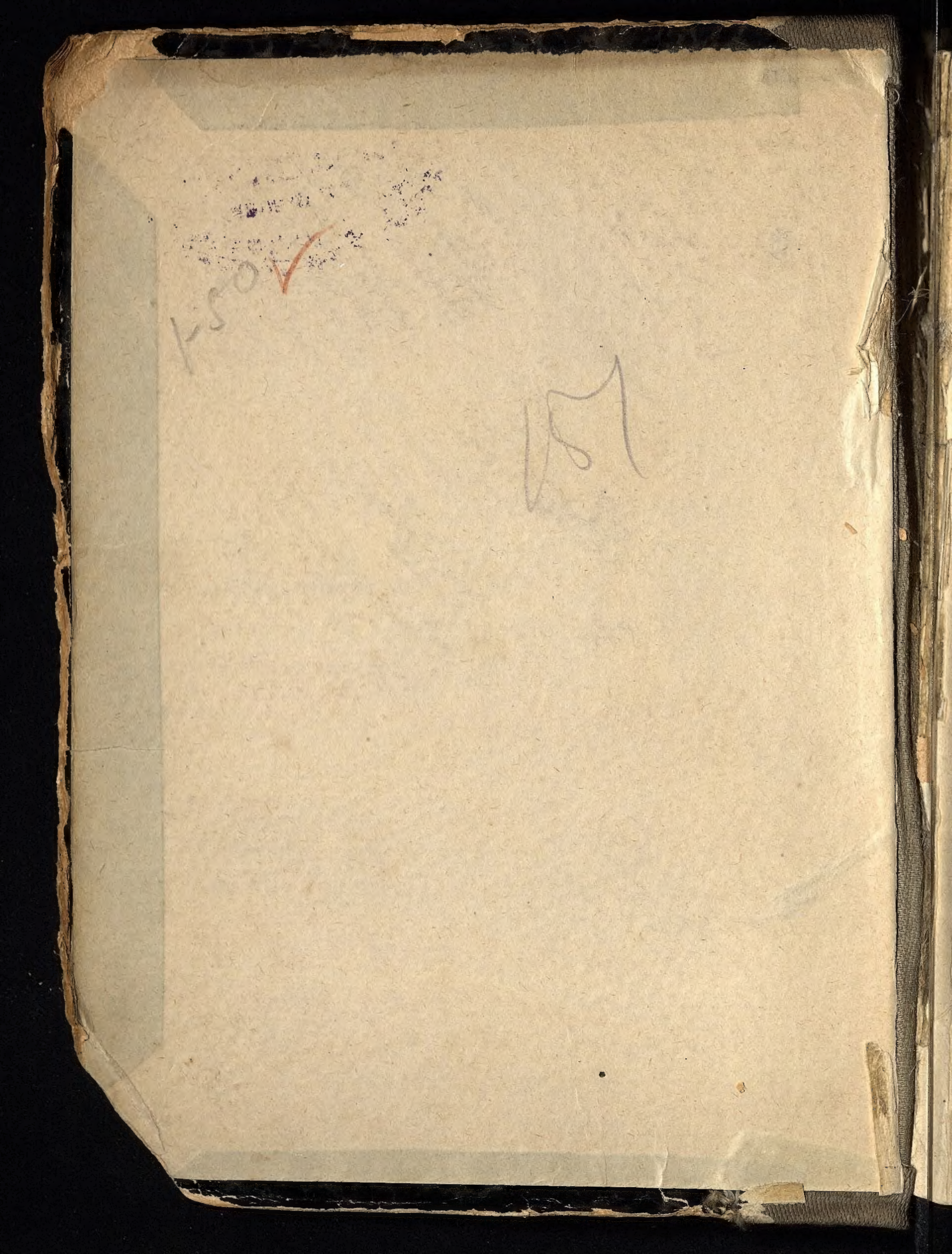
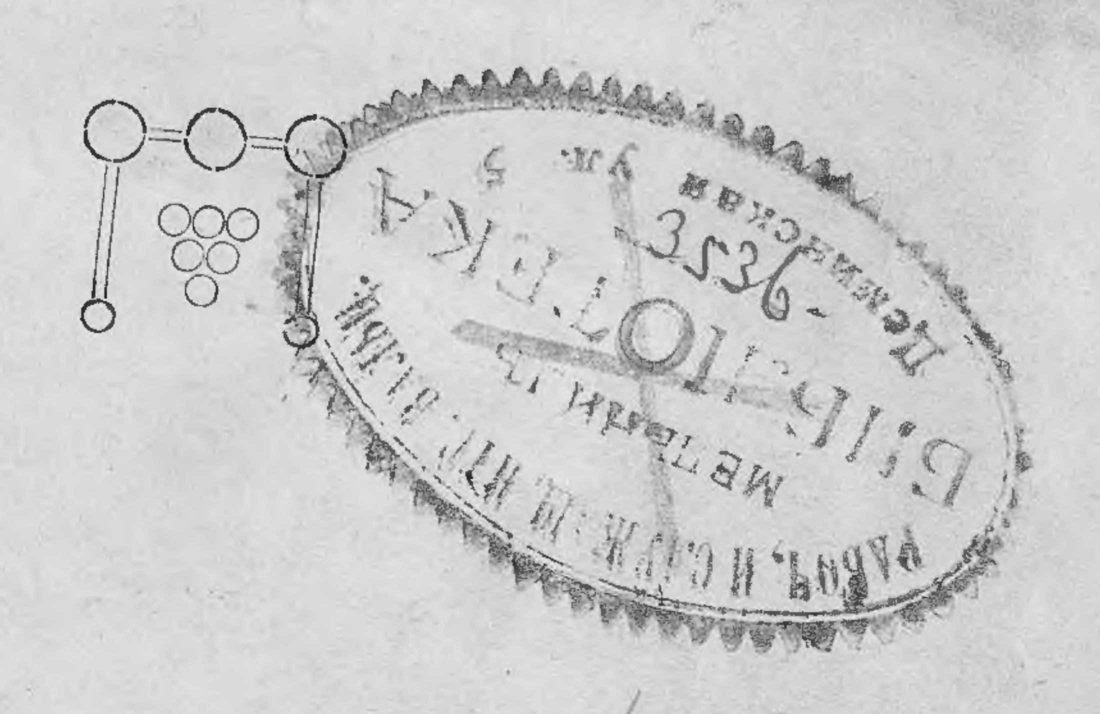
IPα
69

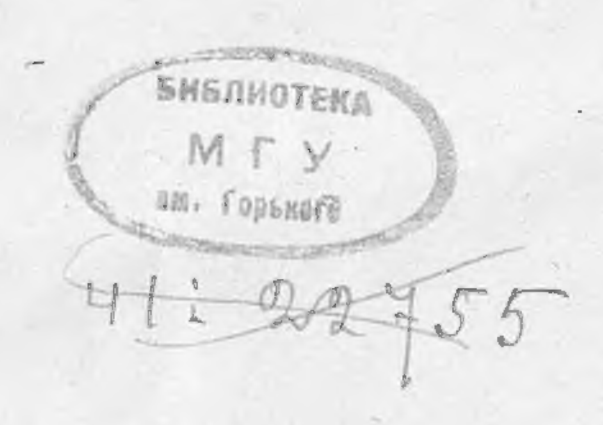


Н. В. Давыдовъ.

Изъ прошлаго.



Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1913.


БИБЛИОТЕКА
МГУ
им. Горького
41i 22755

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этомъ изданіи помѣщены, печатавшіяся уже раньше, теперь дополненныя и впервые выходящія въ свѣтъ, воспоминанія мои о Москвѣ за время моего дѣтства и юношества, картины деревенской, помѣщичьей жизни изъ той же эпохи,—близкой къ крѣпостному праву, и очерки, по личнымъ воспоминаніямъ, выдающихся на разныхъ поприщахъ лицъ, съ которыми судьба сводила меня въ отдаленномъ и сравнительно недавнемъ прошломъ. Всѣ событія, описанныя мною въ деревенскихъ очеркахъ, имѣли въ дѣйствительности мѣсто, но участники ихъ не названы мною настоящими ихъ именами, а также мною точно не указано мѣсто и время описанныхъ событій; скажу лишь, что все разсказанное происходило въ одной изъ центральныхъ черноземныхъ губерній Россіи въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. При описаніи старой Москвы, въ воспоминаніяхъ о былой деревнѣ, о судебной службѣ и въ біографическихъ очеркахъ я не мѣнялъ именъ лицъ, о которыхъ говорю, стараясь быть точнымъ и въ датахъ времени.

МОСКВА.

Пятидесятые и шестидесятые годы XIX столѣтія.

Воспоминанія мои о прежней Москвѣ дѣлятся на два періода — первый до 1860 года, а второй съ 1865 по 1870 годъ прошлаго столѣтія. Съ 1860 по 1865 годъ я отсутствовалъ изъ Москвы, а кромѣ того, дѣленіе это на два періода представляется удобнымъ и потому. что воспоминанія мои о пятидесятыхъ годахъ болѣе отрывочны и поверхностны, чѣмъ за второй періодъ, такъ какъ они относятся къ моимъ дѣтскимъ годамъ, и, наконецъ, это время, т.-е. пятидесятые годы, рѣзко отличается отъ второй половины шестидесятыхъ годовъ; оно еще всецѣло относится къ дореформенной эпохѣ, которой въ 1865 году, когда я юношей вернулся въ Москву, уже не стало.

I.

Особая печать лежала въ ту пору на всей Москвѣ: не только на зданіяхъ, не походившихъ на петербургскія, на улицахъ и движеніи по нимъ, но на московской толпѣ и на московскомъ обществѣ во всей его совокупности и разновидности. Особенности Москвы въ настоящее время сгладились, даже исчезли: уже нѣтъ особаго московскаго міровоззрѣнія, спеціальной московской литературы, а тѣмъ

болѣе науки, даже калачи, сайки и прочія, нѣкогда знаменитыя, спеціально московскія снѣди выродились; нѣтъ, наконецъ, строго говоря, и настоящаго «москвича». Нынѣшняго жителя Москвы, пожалуй, не отличишь отъ петербуржца, всѣ приняли болѣе или менѣе однообразный, космополитическій видъ. Не то было въ пятидесятыхъ годахъ, когда Москва являлась центромъ еще сильнаго въ то время славянофильства, сугубаго патріотизма и очагомъ считавшагося чисто русскимъ направленія мысли, а главнымъ образомъ, чувства, якобы самобытнаго и много въ себѣ содержащаго, отвергавшаго почти все, что переносилось къ намъ изъ «гнилаго Запада». Чувства эти были особенно горячи именно въ описываемые годы, — въ теченіе и вскорѣ послѣ Крымской кампаніи. Петербургъ всегда былъ близокъ и тянулъ къ Западу, и это сказывалось и во внѣшнемъ видѣ, даже одеждѣ его обывателей и въ его политическихъ и иныхъ взглядахъ, не сходившихся съ московскими рѣшительно ни въ чемъ.

Въ тогдашней Москвѣ еще сказывались черты прежняго обихода, отъ нея, дѣйствительно, вѣяло стариной. Если въ Москвѣ не было вовсе вліятельнаго, правящаго чиновничества, настоящей бюрократіи и военщины, то зато было еще достаточно русскаго «барства» и связаннаго съ нимъ крѣпостничества и много патріархальности, то мягкой, а то жесткой, убѣжденной сословности, при которой, несмотря на московское добродушіе и радушіе, весьма строго соблюдалось правило: «всякъ сверчокъ — знай свой шестокъ». Москва была прямолинейна, она признавала и любила власть и авторитеты. Власть,—взятая сама по себѣ,—казалась желательной, необходимой, спасительной и притомъ власть неограниченная, стоящая выше закона и въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Высшая правительственная власть, олицетворяемая для Москвы генералъ-губернаторомъ, та же власть, но ниже рангомъ, въ лицѣ болѣе мелкихъ правительственныхъ агентовъ, родительская власть въ семьѣ, власть господина надъ домочадцами и челядью, власть хо-

зяина надъ прикащиками, мастеровыми и т. д. Апостольское положенiе «нѣсть бо власти аще не отъ Бога» понималось буквально и примѣнялось весьма широко, при чемъ подвластные не протестовали, не додумавшись еще до такого исхода. Внѣшняя, государственная политика для москвича, упорно не желавшаго видѣть того, что совершалось въ дѣйствительности вокругъ него и за рубежомъ, сводилось упрямо къ стиху: «разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ». Общественное мнѣнiе существовало и тогда, но это въ сущности было мнѣнiе весьма ограниченнаго кружка, формально авторитетнаго, покоющееся на высказанномъ начальствомъ; однако оно принималось и почиталось за истинное. Общественное мнѣнiе складывалось, и вопросы, волновавшiе Москву, рѣшались безапелляцiонно въ Англiйскомъ клубѣ. Конечно, и въ то время существовали кружки и отдѣльныя лица, не принимавшiе на вѣру положенiй, провозглашенныхъ старшими и чиновными, но они составляли исключенiе и считались даже опасными.

Генералъ-губернаторскiй постъ занималъ графъ Закревскiй и держалъ себя именно такъ, какъ подобало въ то время высшему представителю административной власти, а именно онъ былъ дѣйствительнымъ хозяиномъ столицы настолько, что личный авторитетъ его былъ въ глазахъ обывателя выше и дѣйствительнѣе авторитета закона.

Масса населенiя, мало, а частью даже вовсе неграмотная, не считавшая сама себя полноправной частью общества, жила, обладая очень ограниченнымъ горизонтомъ и сосредоточивъ весь свой жизненный интересъ на мелочахъ хозяйства, торговли, ремесла, канцелярской службы, а въ качествѣ духовной пищи довольствуясь мѣстными сплетнями да фантастической болтовней на политическiя и иныя темы. Все населенiе покорно и безропотно подчинялось постановленiямъ, обычаямъ и распоряженiямъ, не всегда оправдывавшимся ихъ содержанiемъ, но преступить которые казалось чуть ли не смертнымъ грѣхомъ и во всякомъ случаѣ поступкомъ чрезвычайной смѣлости. Никто не дерзалъ курить

на улицахъ, чиновники не смѣли отпустить бороду и усы, студенты не рѣшались, хотя оно было очень заманчиво, носить длинныхъ волосъ, блины можно было ѣсть исключительно на масляницѣ и въ положенные для этого дни, посты строго соблюдались во всѣхъ классахъ населенія и т. д.

Религіозность достигала высокаго развитія, но преобладала внѣшняя сторона,— безотчетное, по довѣрію, исполненіе обрядовъ и правилъ. Церкви во время богослуженій усердно посѣщались, икона Иверской Божіей Матери еще въ большей степени, чѣмъ теперь, была прибѣжищемъ обитателей Москвы въ особо печальныхъ или радостныхъ случаяхъ; большія суммы денегъ жертвовались, а еще чаще назначались духовными завѣщаніями на церкви и монастыри. Не малое значеніе имѣло въ Москвѣ въ то время старообрядчество, повидимому, строго преслѣдовавшееся, но несмотря на это, отчасти же благодаря именно этому, значительно процвѣтавшее и обладавшее большими денежными средствами.

Попутно съ религіознымъ чувствомъ культивировалось и суевѣріе; Москва была переполнена разныхъ видовъ юродивыми, монашествующими и святошами-прорицателями; наибольшее гостепріимство личности эти встрѣчали въ купечествѣ, но они были вхожи и во многіе дворянскіе дома, а знаменитый въ то время Иванъ Яковлевичъ Корейша, содержавшійся въ больницѣ для умалишенныхъ, посѣщался тайно, да и явно, кажется, всѣмъ московскимъ обществомъ, а дамской его половиной признавался, несмотря на бросавшуюся въ глаза безсмыслицу его изреченій, истиннымъ прорицателемъ, обладающимъ даромъ всевѣдѣнія и святостью.

Московское купечество, и въ ту пору обильное и крѣпкое, мало выдвигалось, однако, на арену общественной жизни; оно было замкнуто и жило своими особыми духовными и матерьяльными интересами. Того выдающагося участія въ дѣлѣ развитія отечественной науки и искусства, которымъ отличается въ настоящее время московское купечество, тогда имъ не проявлялось, и мнѣ вспоминается лишь одно

гремѣвшее тогда имя общественнаго дѣятеля изъ купцовъ— это Кокоревъ.

Переносясь мысленно къ дѣтскимъ годамъ моимъ, я отчетливо вижу былую Москву, въ которой семья наша тогда жила, и вижу, какъ громадно она измѣнилась съ тѣхъ поръ; теперь, благодаря массѣ вновь построенныхъ и передѣланныхъ домовъ, развѣ двѣ-три улицы въ Замоскворѣчьи напомнятъ нѣсколько общій внѣшній видъ старой Москвы. Въ то время небольшіе деревянные, часто даже неоштукатуренные дома и домики, большею частью съ мезонинами, встрѣчались на каждомъ шагу и не только въ глухихъ переулкахъ, но и на улицахъ. Въ переулкахъ съ домами чередовались заборы, не всегда прямо державшіеся; освѣщеніе было примитивное—гарнымъ масломъ, при чемъ тускло горѣвшіе фонари, укрѣпленные на выкрашенныхъ когда-то въ сѣрую краску деревянныхъ неуклюжихъ столбахъ, стояли на большомъ другъ отъ друга разстояніи. Благодаря этому и болѣе чѣмъ экономному употребленію въ дѣло фонарнаго масла, которымъ не малое количество людей кормилось, не въ буквальномъ, конечно, смыслѣ, въ Москвѣ по ночамъ было рѣшительно темно, площади же съ вечера окутывались непроницаемымъ мракомъ. Грязи и навозу на улицахъ, особенно весною и осенью, было весьма достаточно, такъ что пѣшеходы теряли въ грязи калоши, а иной разъ нанимали извощика спеціально для переправы на другую сторону площади; лужи, бывало, стояли подолгу такія, что переходить ихъ приходилось при помощи, домашними средствами воздвигнутыхъ, мостковъ и сходней.

Полиціи на улицахъ было немного, но зато представители ея какъ высшіе, такъ и низшіе были классически хороши, типичны и интересны. Это было время «хожалыхъ» и «будочниковъ», настоящихъ будочниковъ, т.-е. людей дѣйствительно жившихъ въ будкахъ; будки были двухъ родовъ,—сѣрые деревянные домики и каменныя, столь же малаго размѣра, круглыя зданія, вродѣ укороченныхъ башенъ, первые темно-сѣраго цвѣта, а вторыя, помнится, бѣлыя съ свѣтло-желтымъ.

Внутри будокъ имѣлось обычно одно помѣщеніе, иногда съ перегородкой, большую часть котораго занимала русская печь; иногда, если будка стояла, напримѣръ, на бульварѣ, около нея ставилось нѣчто вродѣ заборчика и получался крошечный дворикъ, въ которомъ мирно хозяйствовала супруга хожалаго, висѣло на веревкахъ, просушиваясь, бѣлье, стояли принадлежности домашняго обихода и даже прогуливались куры съ цыплятами. Кромѣ того, около присутственныхъ мѣстъ и, помнится, кое-гдѣ на площадяхъ стояли обыкновенныя, военнаго образца, трехцвѣтныя будочки, въ которыхъ стража могла укрываться въ непогоду. Видъ самихъ будочниковъ былъ поразительный: одѣты они были въ сѣрые солдатскаго сукна казакины, съ чѣмъ-то, кажется, краснымъ на воротѣ, на головѣ носили каску съ шишакомъ, кончавшимся не остріемъ, какъ на настоящихъ военныхъ каскахъ, а круглымъ шаромъ. При поясѣ у нихъ имѣлся тесакъ, а въ рукахъ будочникъ, если онъ былъ при исполненіи обязанностей службы, держалъ алебарду, совершенно такую, какими снабжаютъ, изображающихъ въ театральныхъ представленіяхъ средневѣковое войско, статистовъ. Орудіе это, на первый взглядъ и особенно издали казавшееся страшнымъ, а въ дѣйствительности очень тяжелое и неудобное для какого-либо употребленія, стѣсняло, конечно, хожалыхъ, не обладавшихъ крѣпостью и выправкою средневѣковыхъ ландскнехтовъ, и они часто пребывали безъ алебарды, оставивъ ее или у своей будки или прислонивъ къ забору. Будочники эти не имѣли ничего общаго съ теперешними городовыми, чисто одѣтыми, даже элегантными, въ бѣлыхъ перчаткахъ, непромокаемыхъ накидкахъ, достаточно учтивыми, дающими даже полезныя топографическія и иныя указанія обывателямъ. Будочники были безусловно грязны, грубы, мрачны и несвѣдущи; да къ нимъ никто и не думалъ обращаться за справками, совершенно сознавая, что они лишь живыя «пугала» для злыхъ и для добрыхъ, спеціально приспособленныя для того, чтобы на улицахъ чувствовалась публикой и была бы воочію видна власть

предержащая, проявлявшаяся въ томъ, что учинившій какое-либо нарушеніе обыватель, впрочемъ, не всегда и не всякій, а именно глядя по обстоятельствамъ и по лицамъ, — «забирался» въ полицію.

Начальство хожалыхъ было тоже очень своеобразно: тогдашніе квартальные и прочіе полицейскіе чины до полицмейстера столь же внѣшне отличались отъ теперешнихъ приставовъ и ихъ помощниковъ, какъ примитивные «бутари» (ихъ такъ звали въ насмѣшку) отъ теперешнихъ городовыхъ. Элегантности въ нихъ не было нисколько, и внѣшнимъ уличнымъ порядкомъ они мало занимались. Зато внутренній порядокъ былъ всецѣло въ рукахъ полиціи, предъ которой обыватель—ремесленникъ, мѣщанинъ, торговецъ и купецъ, конечно, не изъ крупныхъ, да и мелкій чиновникъ,—безпрекословно преклонялись. Крѣпостное право еще не было отмѣнено, и сословія, «не избавленныя отъ тѣлеснаго наказанія», ощущали это непосредственно на себѣ и въ Москвѣ. Запьянствовавшіе или инымъ способомъ провинившіеся кучера, повара и лакеи изъ крѣпостныхъ отсылались ихъ господами при запискѣ въ полицію и тамъ ихъ сѣкли. То же, попутно и за отсутствіемъ протеста, практиковалось и съ вольными людьми изъ мѣщанъ и фабричныхъ, нерѣдко по иниціативѣ самой полиціи и съ одобренія публики, а иной разъ и сѣкомыхъ, предпочитавшихъ такую расправу судебной волокитѣ и лишенію свободы за маловажные проступки, до мелкихъ кражъ включительно.

Выдающуюся, оригинальную фигуру представлялъ изъ себя тогдашній полицмейстеръ Огаревъ, пережившій на своемъ посту эту примитивную эпоху и дѣйствовавшій и въ реформированной Москвѣ. Едва ли былъ во всемъ городѣ хотя единый человѣкъ, не знавшій въ лицо Огарева, мужа большого роста и соотвѣтственной корпуленціи, весьма воинственнаго вида и съ громаднѣйшими ниспадавшими усами. Онъ обладалъ громоподобнымъ голосомъ, энергіей и рѣшительностью и разъѣзжалъ по Москвѣ въ небольшой пролеткѣ на парѣ съ пристяжкой, отчаянно изгибавшейся на скаку.

Въ юмористическомъ журнальчикѣ, кажется, въ «Развлеченіи», издававшемся уже тогда, была помѣщена карикатура, изображавшая Геркулеса, сидящаго съ прялкой у ногъ Омфалы, при чемъ Геркулесъ имѣлъ обличіе Огарева, а Омфала напоминала одну извѣстную въ то время актрису, къ которой будто Огаревъ былъ неравнодушенъ. Дальше такой картинки иллюстрированная сатира еще не шла.

Личная и имущественная безопасность обывателей не была, строго говоря, сколько-нибудь гарантирована внѣшними мѣропріятіями. Та часть населенія, которая обычно поставляетъ нарушителей права собственности, въ ту дальнюю пору была не столь, какъ нынѣ, матерьяльно обездолена и гораздо менѣе требовательна, жизнь тогда давалась легче, а главное, процентъ такого населенія въ Москвѣ былъ несравненно меньшій, чѣмъ теперь; городъ еще не притягивалъ къ себѣ съ такою силой и легкостью и не калѣчилъ, развращая физически и морально, сельскихъ жителей, «безработные» еще не нарождались. Поэтому количество имущественныхъ преступленій было не такъ ужъ велико, и они сводились, главнымъ образомъ, къ карманнымъ и другимъ кражамъ и грабежамъ. Иныя мѣстности Москвы пользовались въ этомъ отношеніи дурной славой, и перебираться одному черезъ площади ночью было небезопасно, во всякомъ случаѣ приходилось разсчитывать на одного себя.

Домъ, въ которомъ жила наша семья, стоялъ на не существующей теперь больше Сѣнной площади; на ея мѣстѣ разбитъ теперь большой скверъ, примыкающій къ Страстному бульвару; площадь шла отъ Екатерининской больницы вплоть до Страстного монастыря и была тѣмъ болѣе пустынна, что одной стороной она граничила съ бульваромъ. Я хорошо помню, какъ иногда при наступившей темнотѣ, но даже еще не поздно вечеромъ, съ площади доносились крики: «караулъ, грабятъ», и отъ насъ болѣе храбрые выбѣгали на площадь, а менѣе мужественные отворяли форточки и возможно внушительно и громко возглашали «идемъ».

Площадь наша не напрасно носила названіе Сѣнной: два раза въ недѣлю зимой и лѣтомъ она еще наканунѣ съ вечера и рано утромъ устанавливалась рядами возовъ соломы и сѣна, довольно быстро раскупавшимися, при чемъ возы эти взвѣшивались на стоявшихъ среди площади монументальныхъ крытыхъ вѣсахъ. А разъ въ годъ на площади устраивалось народное гулянье; особенность его составлялъ именовавшійся «колоколомъ» громадный парусинный, конусообразный шатеръ, разбивавшійся на площади какъ разъ противъ дома, въ которомъ мы жили (рядомъ со зданіемъ больницы); въ этомъ кругломъ шатрѣ, доступномъ со всѣхъ сторонъ публикѣ, такъ какъ парусинный верхъ его начинался на высотѣ человѣческаго роста, производилась вольная продажа вина (водки), съ распитіемъ его на мѣстѣ. Все остальное пространство площади застраивалось балаганами, тоже обтянутыми парусиной, въ которыхъ шли обычныя въ то время представленія, да лавочками и ларями, торговавшими сластями въ видѣ мятныхъ жамокъ, цареградскихъ стрючковъ, подсолнечныхъ сѣмянъ, маковыхъ на меду пряниковъ и, вышедшихъ теперь изъ употребленія, леденцовъ въ видѣ красныхъ и желтыхъ пѣтушковъ, человѣчковъ и т. п. Строились также карусели и рѣдко встрѣчающіяся теперь качели - люльки, вращавшіяся какъ мельничное колесо, подымая и опуская любителей такого головокружительнаго занятія; всего же больше бывало пьяныхъ.

Бульвары того времени находились въ большомъ запущеніи и были совершенно предоставлены собственной судьбѣ; забота о нихъ начальства (городскаго самоуправленія еще не существовало) ограничивалась исключительно тѣмъ, что при входѣ на бульвары на особыхъ столбахъ были прибиты плакаты, на которыхъ значилось: «по травѣ не ходить, собакъ не водить, цвѣтовъ не рвать»... что было не трудно исполнить, ибо травы и газоновъ никогда и не бывало на бульварахъ, такъ же какъ цвѣтовъ, которыхъ и не думали сажать, собаки же, не будучи водимы, невозбранно сами

гуляли и даже проживали, плодясь и множась, на бульварахъ, а въ боковыхъ кустахъ вечерами и ночью укрывались жулики, какъ было принято называть мелкихъ злоумышленниковъ.

Изъ театровъ дѣйствовали тогда Большой и Малый и былъ еще казенный циркъ, помѣщавшійся противъ Большаго театра, гдѣ теперь магазинъ Мюръ и Мерилизъ, а нѣсколько позднѣе открылся частный циркъ — Раппо. Въ дѣятельности Большаго театра былъ нѣкоторое время вынужденный перерывъ, вызванный пожаромъ его. Тогда много говорили о смѣлости и находчивости одного простолюдина Марина, спасшаго во время пожара рабочаго театра, застигнутаго внутри огнемъ и забравшагося на крышу зданія, которой тоже грозила гибель. Достаточно высокихъ лѣстницъ не было налицо, но предпріимчивый спаситель, захвативъ веревку, влѣзъ на крышу театра по дождевой водосточной трубѣ и, укрѣпивъ веревку, спустилъ рабочаго, а затѣмъ благополучно опустился по ней самъ; подвигъ этотъ тогда же былъ иллюстрированъ на лубочной картинкѣ, продававшейся не только въ обычныхъ въ то время мѣстахъ продажи такихъ, — весьма многочисленныхъ, особенно патріотическаго характера,—изданій, но даже въ разносъ на улицахъ и бульварахъ.

Лубочныя картинки, замѣнявшія до нѣкоторой степени теперешнія иллюстрированныя газеты, чутко реагировали на интересующія простую публику событія и раздѣлялись на юмористическія и героическія, прославлявшія умъ, ловкость и храбрость русскихъ по сравненію съ другими народами; въ юмористическихъ же выставлялась слабость, хвастливость и ничтожество нашихъ европейскихъ и азіатскихъ соперниковъ и враговъ. Такія картинки издавались съ помѣщаемымъ внизу текстомъ соотвѣтственнаго содержанія, всегда, впрочемъ, ultra-патріотическаго, иногда въ стихахъ. Помню одну такую картинку, изображавшую совѣтъ представителей Англіи, Франціи и Турціи предъ картой Россіи, текстъ которой начинался, кажется, такъ:

«Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ»...

Очень много было батальныхъ картинъ, на которыхъ почти не было павшихъ русскихъ воиновъ, но зато вражеское войско безпощадно побивалось московскими рисовальщиками. Кромѣ эпизодовъ изъ Крымской кампаніи, изображались битвы и другія сцены изъ тянувшейся нескончаемо долго Кавказской военной эпопеи. Торговля лубочными картинками и такими же — и внѣшне и по внутреннему содержанію—книжками и брошюрами для народнаго чтенія, въ числѣ которыхъ много было сказокъ, вродѣ «Еруслáна Лазаревича» и «Бовы королевича», была сосредоточена въ воротахъ стѣны Китай-города — «проломныхъ», выходящихъ на Никольскую, и въ другихъ, даже (напримѣръ, на Кузнецкомъ Мосту) въ аркообразныхъ воротахъ частныхъ домовъ, при чемъ картины вѣшались на веревкахъ, ущемленныя въ деревянные щипцы, въ нѣсколько рядовъ однѣ надъ другими вдоль стѣнъ воротъ, а книжный товаръ располагался на открытыхъ ларяхъ.

Большой театръ былъ послѣ пожара возобновленъ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ теперь, съ тою разницей, конечно, что тогда не было не только электрическаго, но даже и газоваго освѣщенія, и центральная люстра зрительной залы поднималась передъ началомъ спектакля черезъ большое, круглое отверстіе плафона въ особое чердачное помѣщеніе, гдѣ составлявшія ее лампы «заправлялись» и зажигались, и она въ такомъ видѣ уже спускалась на свое обычное мѣсто. Вспоминаю еще ту разницу, сравнительно съ настоящимъ, что полы въ коридорахъ были мозаичные изъ мелкаго камня и что въ коридорахъ передъ началомъ спектакля курили какими-то особыми крѣпкими духами. Помню, какъ меня волновалъ и какъ я (увлекав-

шійся съ дѣтства театромъ) любилъ этотъ особый театральный запахъ, ощущавшійся какъ только войдешь въ коридоръ.

Главный занавѣсъ, изображающій въѣздъ въ Москву князя Пожарскаго, уже существовалъ тогда. Въ Большомъ театрѣ давались оперы и балеты, при чемъ итальянская оперная труппа въ тѣ именно годы, о которыхъ я пишу, не функціонировала. Она была въ Москвѣ раньше и затѣмъ вновь водворилась уже съ начала шестидесятыхъ годовъ. Самъ я судить о достоинствахъ музыкальнаго исполненія оперъ, конечно, по совершенной молодости лѣтъ, не могъ, но по отзывамъ старшихъ оно было не важное. Оперными примадоннами были тогда Семенова (сопрано) и Легошина (контральто), теноромъ, и не безъ успѣха, выступалъ Владиславлевъ, а въ басахъ состоялъ Куровъ. Изъ тогдашняго репертуара я припоминаю «Жизнь за царя» Глинки, «Аскольдову могилу» и «Громобоя» Верстовскаго, «Волшебнаго стрѣлка» Вебера, «Марту» Флотова, «Цампу» Герольда. Въ «Аскольдовой могилѣ» отличался исполненіемъ партіи Торопки, особенно же пѣсенъ «Близко города Славянска» и «Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ», теноръ Бантышевъ. Балетъ весьма процвѣталъ, при чемъ московская публика особенно восхищалась танцовщицей Лебедевой, дѣйствительно обладавшей хорошей мимикой, большой граціей и танцовавшей легко, пластично и съ изящной простотой; второй балериной была тогда Николаева, а балетнымъ комикомъ состоялъ Ваннеръ. Давались, между прочимъ, балеты: «Наяда и рыбакъ», «Жизель», «Сатанилла», «Корсаръ», «Эсмеральда», «Тщетная предосторожность», «Волшебная флейта» и «Мельники». Помню два трагическихъ случая, имѣвшихъ мѣсто въ Большомъ театрѣ и взволновавшихъ все московское общество, — это смерть одной танцовщицы отъ обжоговъ, полученныхъ на сценѣ, и паденіе, во время представленія балета «Жизель», съ порядочной высоты танцовщицы Николаевой, качавшейся на вѣткѣ дерева, вслѣдствіи неисправности какой-то машины, паденіе, — повлекшее за собою ослож-

ненный переломъ ноги балерины, надолго лишившій ее возможности участвовать въ балетѣ.

Въ Маломъ театрѣ, репертуаръ котораго состоялъ, кромѣ произведеній европейскихъ классиковъ и еще молодого Островскаго, главнымъ образомъ, изъ драмъ романтическаго характера, вперемѣшку съ переводными и оригинальными водевилями, отличались такіе корифеи сцены, какъ Щепкинъ, Васильевъ, Полтавцевъ, Живокини, Садовскій, Самаринъ, Шумскій, Никифоровъ, а изъ женскаго персонала: Никулина-Косицкая, Медвѣдева, Васильева, Колосова.

Домашній обиходъ москвичей, въ томъ числѣ и семей, принадлежавшихъ къ «высшему обществу», какъ тогда говорилось, былъ проще теперешняго во много разъ и за малыми исключеніями былъ далекъ отъ роскоши, которая въ Петербургѣ развивалась и распространялась гораздо быстрѣе. Москва того времени и именно то общество, о которомъ я сейчасъ говорю, носили характеръ помѣщичьяго уклада: у очень многихъ были въ Москвѣ свои дома, прислуга была вся своя крѣпостная, свои доморощенныя лошади, своя провизія — не вся, конечно, доставлявшаяся не только изъ подмосковныхъ имѣній, но и издалека, изъ Тамбовской, Полтавской и еще болѣе отдаленныхъ губерній. На лѣто помѣщики разъѣзжались по своимъ помѣстьямъ, а зимой оттуда высылались къ нимъ въ Москву обозы съ мукой, крупой, масломъ, разнообразною битою живностью и зеленью и всевозможными деревенскими сушеньями, соленьями, заготовками и лакомствами, — яблоками, вареньемъ, смоквами, сиропами, наливками, настойками и т. п.

Семейный домъ обычно дѣлился на двѣ части: мужскую и женскую. На женской половинѣ, въ дѣвичьей, всегда почти одна или двѣ горничныя гладили приносившимися дѣвочками изъ кухни утюгами какую-нибудь принадлежность дамскаго туалета, всего чаще юбки, разложивъ этотъ предметъ на положенной между двумя столами, а то и на особыхъ козлахъ, гладильной доскѣ, обтянутой сѣрымъ солдатскимъ сукномъ и холстиной, и

энергично прыская на бѣлье набранной въ ротъ водой. Тутъ же въ дѣвичьей у особаго стола и за пяльцами сидѣли нѣсколько дѣвушекъ за шитьемъ или иной женской работой, а на столѣ возвышалась «болванка», сдѣланная изъ картона въ натуральную величину голова съ шеей и плечами, имѣвшая раскрашенное, наподобіе женскаго, лицо. На этой болванкѣ отдѣлывались и примѣрялись чепчики, куафюры и шляпы; при этомъ голова болванки бывала вся истыкана булавками, а носъ подшибленъ благодаря паденіямъ болванки, а иногда шалостямъ дѣтей. Въ дѣтскихъ гдѣ-нибудь на мезонинѣ, на женской половинѣ и въ людскихъ жглись еще сальныя свѣчи въ виду дороговизны стеариновыхъ, «калетовскихъ», такъ звавшихся по фамиліи фабриканта, производившаго ихъ. Въ жилыхъ комнатахъ, мало провѣтривавшихся зимою, такъ какъ форточекъ было немного, а въ иныхъ домахъ ихъ и совсѣмъ не полагалось, а объ искусственной вентиляціи никто въ Москвѣ и понятія не имѣлъ, курили для освѣженія воздуха «смолкой», конусообразнымъ предметомъ изъ бересты, туго набитымъ внутри, приправленной чѣмъ-то вродѣ ладана смолой, которая разжигалась уголькомъ и давала изрядный и сильно пахучій дымъ. Парадныя комнаты тоже освѣжались, но или раскаленнымъ кирпичомъ, положеннымъ въ мѣдный тазъ съ мятой, обливаемой уксусомъ, или особымъ раскаливавшимся круглымъ инструментомъ съ ручкой, на который лили какіе-нибудь духи.

Домашняя жизнь Московской интеллигентной семьи, обладающей извѣстнымъ достаткомъ, внѣшне протекала въ строго опредѣленномъ порядкѣ, который рѣдко нарушался. Рано утромъ, пока господа почивали, многочисленная, особенно на женской половинѣ, прислуга (дворецкій, камердинеръ, дядька, буфетчикъ, ламповщикъ, выѣздной, буфетный мужикъ, поваръ и поварята, швейцаръ, истопникъ, дворникъ, мальчики, экономка, бонна, няня, горничныя разныхъ категорій, швеи, кухарка, поломойка, дѣвочки) чистила и убирала остальныя, кромѣ спаленъ, комнаты, при чемъ чистка эта была

достаточно поверхностная и основательно производилась только передъ большими праздниками. Но зато во время этой предпраздничной чистки все въ домѣ ставилось кверху дномъ, и въ комнатахъ дня два или три царилъ отчаянный безпорядокъ. На мужской половинѣ чистились ваксой сапоги (ботинки тогда носились въ видѣ исключенія), а одежда—вѣниками, въ сѣняхъ у «чернаго входа» или въ кухнѣ ставился самоваръ, а въ столовой накрывался столъ для утренняго чая и кофе, къ которому подавались горячіе филипповскіе калачи и соленые бублики. Къ $8^1/_2$ часамъ вся младшая часть семьи въ сопровожденіи педагогическаго персонала обязательно собиралась за чайнымъ столомъ, и тутъ происходили пререканія и раздоры изъ-за права на ручку отъ калача и пѣнки отъ сливокъ. Затѣмъ наступалъ дѣловой день: отецъ семьи уѣзжалъ по службѣ или по дѣламъ, барыня предавалась хозяйственнымъ или туалетнымъ занятіямъ, а дѣтей уводили наверхъ, — дѣвочекъ гувернантки, а мальчиковъ гувернеры, и засаживали за уроки.

Дѣти тогда, повидимому не менѣе любимые родителями, чѣмъ теперь, не вызывали, однако, стольких заботъ, особенно въ отношеніи гигіены, и не составляли безусловно преобладающаго элемента въ жизни семьи; имъ отводились комнаты наверху, въ мезонинѣ, часто низенькія, совсѣмъ не провѣтривавшіяся. Особой діетѣ ихъ не подвергали, да и самое дѣло воспитанія въ значительной степени предоставляли наставникамъ и наставницамъ, слѣдя лишь за общимъ ходомъ его, а непосредственно вмѣшивались въ дѣтскую жизнь лишь въ сравнительно экстренныхъ случаяхъ. Во многихъ вполнѣ почтенныхъ семьяхъ розга примѣнялась къ дѣтямъ младшаго возраста, а затѣмъ была въ ходу вся лѣстница обычныхъ наказаній: безъ сладкаго, безъ прогулки, ставленіе въ уголъ и на колѣни, устраненіе отъ общей игры и т. п. Если попадались хорошіе наставники (что было не рѣдко), то дѣтямъ жилось, несмотря на воспрещеніе шумѣть при старшихъ, вмѣшиваться въ ихъ разговоры и пріученіе къ порядку и хорошимъ манерамъ, легко и весело.

Лѣченіе тогда было на много проще нынѣшняго; температуру не измѣряли еще, а дѣло ограничивалось ощупываніемъ лба, осмотромъ языка и выслушаніемъ пульса. Къ знаменитостямъ (въ Москвѣ славились тогда доктора Оверъ и Альфонскій) обращались въ крайнихъ случаяхъ, а показавшійся нездоровымъ субъектъ осматривался домашнимъ докторомъ, пріѣзжавшимъ въ опредѣленные дни и часы, такъ же какъ часовщикъ для завода столовыхъ и стѣнныхъ часовъ, и подвергался лѣченію, не обходившемуся никогда (увы!) безъ касторовага масла, а затѣмъ, глядя по болѣзни, укладывался въ постель и, если болѣло горло, то на шею навязывалась тряпочка съ зеленой, очень пахучей мазью, а то на грудь клалась синяя (въ которую завертывали «сахарныя головы») сахарная бумага, проколотая и обкапанная свѣчнымъ саломъ, давалось потогонное въ видѣ настоя изъ липоваго цвѣта, сухой малины или земляники, давалась также хина, прибѣгали къ ужасу дѣтей къ страшнымъ Мольеровскимъ инструментамъ, клались на голову мокрые компрессы, а на ноги и руки горчичники, и держали на діетѣ. Болѣзни тогда, очевидно въ соотвѣтствіи со степенью развитія врачебной науки, были болѣе просты, — дѣти обычно хворали перемежающейся лихорадкой, горловыми болѣзнями, желудочными, а иногда и горячкою.

Въ 12 часовъ дня подавался завтракъ, опаздывать къ которому, такъ же, какъ къ обѣду, никому не дозволялось, послѣ чего дѣтей вели гулять, а старшіе проводили время тоже въ прогулкѣ или выѣздахъ за покупками, съ визитами и т. п. Обѣдали обычно въ 5 часовъ. Къ этому времени, кромѣ живущихъ въ домѣ, приходили нѣсколько полу-гостей, то-есть хотя и не принадлежащихъ къ семьѣ лицъ, но такъ или иначе близкихъ ей и пользовавшихся постоянно ея гостепріимствомъ,—остатокъ приживальщины, которая проявлялась еще и категоричнѣе, такъ какъ при семьѣ нерѣдко проживали бездомные старики или старушки, а иногда, но уже временно, до пріисканія мѣста, и люди не старые. Въ 9 часовъ вечера сервировался въ столовой же общій чай, затѣмъ дѣти

шли спать, а кромѣ того, часовъ въ 11 подавался чай уже въ гостиную или кабинетъ для взрослыхъ и гостей. Ужина не полагалось. Кушанья были не особенно изысканныя, но питательныя и вкусныя.

Вечерами, въ кабинетѣ или диванной, а то въ «угловой», устраивалась для старшихъ карточная игра, большею частью вистъ, а домашняя молодежь, къ которой присоединялись часто приходившіе въ семейные дома запросто, «на огонекъ», юные гости обоего пола, веселилась въ залѣ и гостиной отъ души и тоже запросто, устраивая шарады (чаще по-французски) и другія игры, а иногда и танцуя подъ аккомпаниментъ кого-либо изъ своихъ. Угощеніе тутъ полагалось самое простое: яблоки, иногда апельсины и домашнія сласти, впрочемъ, фигурировали и конфеты отъ входившаго въ моду Эйнема, пряники (bâtons de roi) отъ Педотти и «Studentenfrass» или «les quatre mendiants» — изюмъ, черносливъ, фисташки и миндаль. Устраивались также музыкальные вечера, въ которыхъ обычно принимала участіе, играя на фортепьяно, хозяйская дочка, а представителями струнныхъ инструментовъ бывали въ то время еще молодые музыканты: Герберъ, Кламротъ, Безекирскій и Шмидтъ. Исполнялась классическая камерная музыка: Бетховенъ, Гайднъ; часто устраивалась игра на двухъ фортепьяно въ восемь рукъ, а изрѣдка учинялись и домашніе спектакли; въ нихъ, помню, принимали участіе любители и знатоки этого дѣла А. М. Сухотинъ, В. П. Бѣгичевъ, И. Н. Лашкевичъ.

Военной молодежи было въ Москвѣ немного и на домашнихъ вечерахъ собиралось всего больше студентовъ Московскаго университета. Я помню въ числѣ молодежи, бывавшей у насъ въ ту пору, Н. Г. Рубинштейна, Ю. Давидова, графа Е. А. Саліаса, П. А. Капниста, графа В. А. Тизенгаузена, И. Н. Павлова, А. И. Гольденберга, В. П. Бѣгичева, Свербеевыхъ, Лопухиныхъ, Евреиновыхъ, Чичериныхъ, Воейковыхъ, Хомяковыхъ. Давались и настоящіе балы съ оркестромъ музыки (Сакса) и ужиномъ, но не-

сравненно проще и менѣе роскошные, чѣмъ теперь; въ качествѣ прохладительнаго фигурировали почти исключительно оршадъ, лимонадъ и клюквенный напитокъ.

Въ ту пору женскихъ гимназій не было, и дѣвушки въ сравнительно зажиточныхъ семьяхъ обязательно воспитывались дома; въ институты и пансіоны отдавались только сироты или дѣвицы, родители которыхъ жили въ провинціи; домашнее воспитаніе шло подъ руководствомъ гувернантокъ, большею частью француженокъ или англичанокъ. Обязательнымъ считалось для благовоспитанной дѣвицы знаніе французскаго, англійскаго и нѣмецкаго языковъ, умѣнье играть на фортепьяно, кое-какія рукодѣлія, прохожденіе краткаго курса Закона Божія, исторіи, географіи и ариѳметики, а также кое-что по части исторіи литературы,—главнымъ образомъ, французской. Самостоятельно читать дѣвицамъ разрѣшалось лишь англійскіе романы, всегда отвѣчавшіе своимъ содержаніемъ и изложеніемъ требованіямъ общепринятой морали. Ходить однѣмъ по улицамъ не полагалось не только дѣвочкамъ, но и взрослымъ барышнямъ, ихъ сопровождали воспитательницы и ливрейный лакей.

Мальчики тоже въ большинствѣ, если не отдавались въ какое-либо привилегированное или военно-учебное заведеніе, воспитывались и обучались вплоть до университета дома; съ ними занимались, помимо гувернера-нѣмца, нѣсколько учителей, въ большинствѣ преподаватели гимназій, а на лѣто приглашался студентъ, быстро превращавшійся въ то гостепріимное и ласковое во многомъ время изъ репетитора въ друга дома, почти члена семьи на долгіе годы, а то и на всю жизнь. Не мало романовъ, осложненныхъ и обостренныхъ сословностью и «дворянскою спесью», разыгрывалось на этой почвѣ,—романовъ, кончавшихся иногда даже трагично, но въ большинствѣ «въ ничью» или вполнѣ благополучно по внѣшности, т.-е. бракомъ. Такое домашнее обученіе мальчиковъ обходилось сравнительно дорого, но, конечно, оно давало гораздо больше, чѣмъ гимназическое. Мальчикамъ

тоже преподавалась музыка и танцы; послѣдніе совмѣстно съ дѣвочками подъ руководствомъ учителя танцевъ старика Карасева, а впослѣдствіи Ермолова, при чемъ иногда въ такихъ танцклассахъ, происходившихъ подъ звуки меланхолической скрипки съ обязательнымъ прохожденіемъ всѣхъ позицій, шассе, батмановъ и т. п., принимали участіе и дѣти другихъ семей, и подростки обоего пола заблаговременно обучались не только хорошимъ манерамъ и граціи, но и искусству флирта.

Хорошія манеры были обязательны; нарушеніе этикета, правилъ вѣжливости, внѣшняго почета къ старшимъ не допускалось и наказывалось строго. Дѣти и подростки никогда не опаздывали къ завтраку и обѣду, за столомъ сидѣли смирно и корректно, не смѣя громко разговаривать и отказываться отъ какого-нибудь блюда. Это, впрочемъ, нисколько не мѣшало процвѣтанію шалостей, вродѣ тайной перестрѣлки хлѣбными шариками, толчковъ ногами и т. п.

Дѣтей и юношей по праздникамъ всегда водили въ церковь, а Великимъ постомъ кормили постнымъ на первой, Крестопоклонной и Страстной недѣляхъ. Постъ приносилъ дѣтямъ вначалѣ огорченіе тѣмъ, во-первыхъ, что онъ наступалъ сразу послѣ праздниковъ и съ утра въ чистый понедѣльникъ воздухъ оглашался медленными, наводившими уныніе ударами церковнаго колокола, а также превращеніемъ любимаго, вкуснаго утренняго кофе со сливками въ постный чай съ кислымъ клюквеннымъ морсомъ или жидкимъ миндальнымъ молокомъ. Но въ немъ были и хорошія стороны, хотя бы, напримѣръ, наличность за завтракомъ жаренаго съ солью гороха (его можно было тайно насыпать въ карманъ и грызть во время уроковъ), а за обѣдомъ разныхъ киселей (изъ ржанаго хлѣба и классическаго клюквеннаго), маковниковъ и миндальныхъ сладкихъ «коронокъ». Наканунѣ большихъ праздниковъ служились всенощныя дома, а также на Страстной для чтенія «12 Евангелій» и «Вербная всенощная». Эти два домашнія богослуженія были очень любимы дѣтьми, ибо восковыя свѣчи и вербы доставляли обильный матеріалъ

для веселія, хотя и не имѣвшаго ничего общаго съ религіознымъ настроеніемъ, но вполнѣ невиннаго. Въ дни именинъ, рожденій, передъ и послѣ путешествій и по другимъ поводамъ служились на дому молебны, а въ экстренныхъ случаяхъ «подымалась» Иверская, и когда образъ вносили свои же домашніе въ домъ, то дѣтямъ разрѣшалось,—къ немалому ихъ удовольствію,—проползать подъ образомъ на четвереньках.

Подарковъ въ то время дѣти получали много и отъ родителей, и отъ родныхъ и друзей дома, но дары эти и игрушки были гораздо примитивнѣе, проще и дешевле теперешнихъ. Въ праздничные дни всегда къ обѣду пріѣзжали гости, торжественно подавалось шампанское въ обязательно обернутой салфеткой бутылкѣ и наливалось въ тонкіе, высокіе, а иногда хрустальные, граненые бокалы.

По воскресеньямъ въ нашей и родственныхъ семьяхъ дѣтей возили обѣдать «на Рождественку», какъ у насъ говорилось, что означало къ бабушкѣ, жившей на Рождественкѣ, недалеко отъ монастыря, въ собственномъ домѣ. (Въ немъ теперь гостиница «Берлинъ».) На Рождественку по воскресеньямъ съѣзжались на поклонъ къ бабушкѣ всѣ наличные въ Москвѣ сыновья и дочери и довольно многочисленные внучата. До обѣда дѣти пребывали въ небольшой комнатѣ передъ залой, гдѣ сервировался обѣдъ, а потомъ допускались и въ гостиную, но тамъ держались въ первой ея половинѣ, до колоннъ, за которыми сидѣли старшіе. Обѣдъ длился обычно долго и наводилъ на дѣтей скуку, тѣмъ болѣе что у бабушки, очень добродушной и милой старушки, намъ было приказано держаться особенно хорошо. За обѣдомъ всегда подавался «бишофъ»,—бѣлое вино, въ бутылку съ которымъ опускалась нарѣзанная тонкой спиралью свѣжая померанцовая корка и клался сахаръ. Это былъ очень вкусный напитокъ, который я, впрочемъ, съ тѣхъ поръ ни разу не пробовалъ. Послѣ обѣда старшимъ давали кофе въ маленькихъ чашкахъ, а дѣтямъ—по половинѣ моченаго яблока, которыя во избѣжаніе простуды сперва

ставились не надолго въ печь. Помню, какъ во время болѣзни бабушки всѣхъ насъ — ея внучатъ, приводили къ ней, лежавшей неподвижно на очень большой кровати, прощаться, и она насъ молча крестила. Дѣдушка, князь Андрей Петровичъ Оболенскій (онъ былъ попечителемъ Московскаго университета), въ то время уже покойный, былъ старшій въ семьѣ, а потому всѣмъ младшимъ братьямъ говорилъ «ты», а они ему отвѣчали на «вы», съ добавленіемъ «братецъ Андрей Петровичъ». Таково было тогда почитаніе старшихъ.

Хотя, какъ мною уже было сказано, общественное настроеніе москвичей было въ тѣ годы болѣе чѣмъ консервативное, но существовали и тогда сравнительно либеральные дома, гдѣ, помимо французской, особенно распространенной литературы, читали и восхищались потихоньку Герценомъ, а открыто Тургеневымъ и Григоровичемъ, слѣдили съ горячимъ интересомъ за ходомъ дѣла раскрѣпощенія крестьянъ, необходимость котораго признавалась въ такихъ семьяхъ вполнѣ, и съ надеждой относились къ начавшемуся царствованію Александра II, провидя въ немъ зарю грядущаго для Россіи обновленія и просвѣщенія во всѣхъ отдѣлахъ общественной жизни. Такихъ домовъ и кружковъ къ концу пятидесятыхъ годовъ становилось все больше, а университетская молодежь, наэлектризованная Грановскимъ, въ значительномъ большинствѣ была настроена либерально и рвалась къ осуществленію на дѣлѣ тѣхъ прогрессивныхъ и гуманныхъ положеній, съ которыми она знакомилась частью по лекціямъ болѣе просвѣщенныхъ профессоровъ, частью по книгамъ, всего же болѣе въ товарищескихъ кружкахъ, которыхъ въ то время образовалось очень много.

Молодежь уже дѣлала первые шаги ко вступленію въ общественную жизнь, участвуя въ преподаваніи въ народившихся тогда «воскресныхъ школахъ»; были и демонстративныя выступленія либеральнаго направленія: студенты въ большомъ количествѣ явились на похороны и шли за гробомъ скончавшагося въ Москвѣ декабриста князя

Трубецкого, а нѣсколько позднѣе, во время начавшихся тогда студенческихъ волненій, произошла знаменитая «Дрезденская битва» студентовъ съ полиціей, такъ названная по мѣстности, гдѣ она разыгралась, а именно на генералъ-губернаторской площади противъ существующей и теперь тамъ же гостиницы «Дрезденъ». Дѣло не обошлось безъ арестовъ и репрессій, и инымъ изъ наиболѣе увлекшихся юношей пришлось не только оставить университетъ, но и отбывать заключеніе въ крѣпости. Эта же молодежь дала первыхъ дѣятелей вскорѣ наступившей «освободительной эпохи» по крестьянской реформѣ, земству и судебнымъ учрежденіямъ.

II.

Весной 1865 года, выдержавъ въ Тамбовской гимназіи въ качествѣ экстерна вступительный въ университетъ экзаменъ, я уже въ началѣ августа направился въ Москву, такъ какъ для поступленія въ Московскій университетъ, мнѣ, по существовавшимъ тогда правиламъ, какъ имѣющему гимназическій аттестатъ не Московскаго учебнаго округа, надлежало подвергнуться еще въ самомъ университетѣ повѣрочному испытанію — colloquium'у.

Хорошо помню я этотъ colloquium, жестоко волновавшій насъ, наѣхавшихъ изъ провинціи юношей. Мы сильно робѣли предъ сонмомъ московскихъ профессоровъ, имѣвшихъ провѣрять наши познанія, въ глубинѣ и основательности которыхъ мы сами далеко не были убѣждены. Страхъ нашъ оказался не напраснымъ и при первомъ испытаніи изъ строя нашего выбыло нѣсколько человѣкъ; впрочемъ, кажется, гибли только на этомъ первомъ порогѣ. Онъ состоялъ въ написаніи въ аудиторіи, куда всѣхъ насъ собрали, въ теченіи двухъ, кажется, часовъ, сочиненія на заданную намъ тутъ же профессоромъ Тихонравовымъ тему. Тема эта была такова: «Классицизмъ послужилъ и понынѣ служитъ основаніемъ европейской цивилизаціи».

Совершенный ужасъ охватилъ меня по выслушаніи этой темы, ибо мнѣ сразу стало ясно, что я надлежащимъ образомъ не знаю даже, что такое классицизмъ,—я сознавалъ, что это не просто греческій и латинскій языкъ,—а писать по предмету, который не въ состояніи объять, казалось невозможнымъ. Писать, однако, было необходимо, и я изобразилъ «нѣчто» на двухъ листахъ писчей бумаги, начавъ съ опредѣ-

ленія понятія классицизма, а потомъ, остановившись почему-то довольно продолжительно на борьбѣ Лютера съ католичествомъ. Сочиненіе я не успѣлъ окончить къ назначенному сроку, какъ почти всѣ мои коллеги, но это не имѣло рѣшающаго значенія, и, въ концѣ-концовъ, черезъ недѣлю, рукопись была мнѣ возвращена Тихонравовымъ съ отмѣткой «3» и нѣсколькими замѣчаніями карандашомъ на поляхъ; помню, что противъ моего опредѣленія классицизма стояло: «не то», а сбоку моего повѣствованія о Лютерѣ значилось: «при чемъ тутъ Лютеръ?» Вскорѣ выдержавшихъ письменное испытаніе вытребовали къ словесному экзамену; въ числѣ экзаменовавшихъ профессоровъ сидѣли за отдѣльными столами Бѣляевъ, Капустинъ и Фелькель. Меня судьба направила къ первому и довольно неудачно, ибо профессоръ Бѣляевъ остался совершенно недоволенъ моими познаніями по русской исторіи и поставилъ мнѣ на моемъ сочиненіи «2», баллъ, какъ извѣстно, фатальный. Я все-таки пошелъ по совѣту товарищей къ Фелькелю, экзаменовавшему изъ латыни, и былъ имъ спасенъ. Профессоръ пришелъ въ совершенное удовольствіе отъ знанія моего нѣмецкаго и латинскаго языковъ (греческій тогда не требовался) и самой системы изученія послѣдняго (я учился не въ гимназіи, а дома, у гувернера-нѣмца, изъ утратившейся нынѣ плеяды нѣмцевъ энциклопедистовъ), и рѣшился мнѣ помочь; онъ пошелъ съ моимъ сочиненіемъ, на которомъ выставилъ 5 съ двумя плюсами, къ Бѣляеву и уговорилъ его переправить мою двойку на три. Такимъ образомъ я сталъ студентомъ Московскаго университета.

Москва, по истеченіи пяти лѣтъ, которыя я провелъ внѣ ея, показалась мнѣ неузнаваемой, такъ измѣнился общій ея видъ, принявшій почти что европейское обличіе. Уже одно то, что подъѣзжать къ Москвѣ пришлось по желѣзной дорогѣ (кажется, съ Коломны, а, быть-можетъ, уже съ Рязани), производило сильное впечатлѣніе. Да и сама Москва преобразилась и обновилась въ значительной степени. Въ ней, казалось, произошелъ за эти пять лѣтъ крутой переломъ; во всемъ чувствовалось что-то новое. Улицы тѣ же, да и строеній

новыхъ возникло не такъ ужъ много, а прежней Москвы не стало. Какъ въ человѣческомъ лицѣ при неизмѣнившихся чертахъ, даже безъ признаковъ постарѣнія, появляется иногда новое выраженіе, совершенно мѣняющее характеръ физіономіи,—выраженіе, зависящее отъ происшедшей внутренней, духовной перемѣны, такъ въ данномъ случаѣ что-то неуловимое измѣнило общій видъ Москвы, отнявъ у нея свойственныя ей прежде характерныя черты неподвижнаго захолустья, столицы соннаго царства.

Прежніе алебардисты будочники исчезли, и хотя новые полицейскіе агенты были еще далеки изяществомъ отъ теперешнихъ, но все-таки и въ этомъ дѣлѣ чувствовался шагъ впередъ. Освѣщеніе — новенькими керосиновыми лампами— казалось послѣ масляпаго великолѣпнымъ; на улицахъ стало несомнѣнно оживленнѣе и сама толпа нѣсколько расцвѣтилась и подобралась; съ грохотомъ разъѣзжали, производившіе впечатлѣніе чего-то почти американскаго по смѣлости замысла и оригинальности, громадные фургоны, запряженные парой лошадей,—это были вмѣстилища переноснаго свѣтильнаго газа, изъ которыхъ газъ посредствомъ рукава перекачивался въ резервуары освѣщавшихся внутри газомъ частныхъ домовъ, распространяя въ воздухѣ свой специфическій запахъ; магазины, въ особенности на Тверской и Кузнецкомъ Мосту, приняли болѣе элегантный видъ, витрины ихъ стали пышнѣе и заманчивѣе, архаичныя вывѣски, если не исчезли, то поуменьшились на большихъ улицахъ; экипажи старинныхъ фасоновъ на стоячихъ рессорахъ не показывались больше; вездѣ свободно курили, а студенты, уже безъ формы, въ статскомъ, разгуливали по бульварамъ съ такими длинными волосами, что любой діаконъ могъ имъ позавидовать; рядомъ съ косматыми студентами появились — это было уже совершенною новостью, — стриженыя дѣвицы въ синихъ очкахъ и короткихъ платьяхъ темнаго цвѣта.

Внѣшняя перемѣна зависѣла въ сущности отъ внутренней, болѣе значительной и радикальной, наложившей свою

печать на Москву. Духъ «Николаевской эпохи» отжилъ. Освобожденіе крестьянъ, осуществившееся по волѣ государя, дарованное обществу, готовившееся къ введенію земское и городское самоуправленіе, уже опубликованные Судебные Уставы, новый Университетскій уставъ, нѣкоторое раскрѣпощеніе печати—все это настолько всколыхнуло старое Московское общество, столько ввело въ него новыхъ элементовъ, не допускавшихся прежде и не имѣвшихъ права голоса, что старый патріархальный, связанный съ крѣпостнымъ правомъ, общественный катихизисъ и внѣшнія формы жизни оказались не соотвѣтствующими наступившей дѣйствительности, и старое общество съ его непререкаемымъ мнѣніемъ старшихъ и незыблемыми правилами стушевалось, будучи не въ состояніи справиться съ новымъ теченіемъ, направить и даже понять его. Убѣжденія представителей дореформеннаго порядка не измѣнились, многочисленные исповѣдники стараго режима покорились предъ силою, предъ совершившимся фактомъ, но они не приняли новый символъ вѣры, а просто отступили, временно замолкли, замкнулись въ самихъ себѣ, мечтая о реваншѣ.

Однако съ внѣшней стороны всѣмъ пришлось примкнуть къ новымъ порядкамъ. Надо было, чтобы не смѣшить людей, бросить прежніе рыдваны и возки и обзавестись небольшими каретками на лежачихъ рессорахъ, съ однимъ выѣзднымъ, и не стоящимъ сзади на запяткахъ, а сидящимъ спереди на козлахъ; общеевропейскій покрой платья былъ окончательно принятъ всѣми; оказалось необходимымъ уменьшить штатъ ставшей вольной прислуги и измѣнить способъ обращенія съ ней. Если подзатыльники и пощечины по отношенію къ служительскому персоналу (даже не самими господами, а дворецкими и другими старшими служителями) вывелись не сразу, то уже объ отсылкѣ для наказанія въ полицію нечего было и думать. Мужскія гимназіи реформировались; напоминавшая полицейскій мундиръ гимназическая форма, съ краснымъ стоячимъ воротникомъ, замѣнилась болѣе скромной и соотвѣтствующей ученикамъ. Вводи-

лись и быстро прививались, значительно вліяя на демократизацію Московскаго общества, женскія гимназіи. Закрывались прежніе дворянскаго характера пансіоны, но нарождались среднія и высшія учебныя заведенія новаго типа. Мелочной домашній обиходъ самъ собою мѣнялся, прежнія «смолки» замѣнялись китайскими бумажками, нагрѣвавшимися надъ свѣчами, сальныя свѣчи съ ихъ щипцами для сморканія нагорѣвшей свѣтильни, исчезли, будучи побѣждены подешевѣвшими стеариновыми; ламповое дѣло радикально реформировалось, олеинъ былъ вытѣсненъ керосиномъ и прежнія заводныя лампы, «карсели», или были сданы въ архивъ или передѣланы; во многихъ домахъ, особенно же въ магазинахъ, ввелось газовое освѣщеніе; мущины забыли о сапогахъ и перешли къ ботинкамъ; травяные вѣники замѣнились щетками и такъ до безконечности. Торговая и промышленная Москва наводнилась массою новинокъ, предметами первой необходимости и роскоши, сначала заграничнаго, а затѣмъ и русскаго производства, вытѣснившими изъ обихода почти все свое доморощенное и домодѣльное.

Демаркаціонная линія была перейдена: дореформенная старая Москва отжила, стала достояніемъ прошлаго. Но конечно, и внутренне и внѣшне, особенно даже внѣшне, въ Москвѣ второй половины шестидесятыхъ годовъ много осталось прежняго, теперь уже не существующаго. Чистоты на улицахъ, и въ настоящее время далеко не достигнутой, не было вовсе, мостовыя были отвратительны, тротуарные столбы, кое-гдѣ даже деревянные, считались еще почему-то и кому-то нужными, зимой снѣгъ и накапливавшійся мерзлый навозъ не свозились, и къ веснѣ Москва бывала вся въ ухабахъ, которые, когда начиналось энергичное таянье, превращались въ зажоры, и наступалъ моментъ, когда благоразумный обыватель сидѣлъ дома, ибо проѣзда не было ни на колесахъ, ни въ саняхъ. А то выходило такъ, что по Тверской, Кузнецкому Мосту и по другимъ большимъ улицамъ ѣздили въ пролеткахъ и чуть ли не стояла пыль, а въ

Замоскворѣчьи пользовались еще санями. Улицъ лѣтомъ не поливали, высохшій навозъ не счищали съ мостовой и сразу послѣ весенней грязи наступалъ періодъ пыли, во много разъ превосходившей дающую и теперь себя чувствовать. Бульвары не стали лучше, на нихъ царило такое же запустѣніе, а Александровскій садъ съ знаменитымъ гротомъ, если и содержался въ нѣсколько большемъ порядкѣ, то все-таки не былъ плѣнителенъ, и цвѣточныхъ насажденій въ немъ не полагалось; зато стѣны внутри грота, а частью даже и снаружи, были покрыты стихотворными и простыми надписями очень плохого содержанія. Въ весеннюю и лѣтнюю пору, по праздничнымъ днямъ, москвичи направлялись подышать чистымъ воздухомъ, помимо Петровскаго парка, гдѣ продохнуть нельзя было отъ пыли, въ Сокольники,— гдѣ не существовало теперешняго парковаго благоустройства, массы дачъ и многочисленныхъ хулигановъ, но зато больше было природы, — на Воробьевы горы, гдѣ тоже была достаточная глушь, и въ красивые Нескучный садъ и Кунцево. Дачъ тогда подъ Москвою было гораздо меньше и множество обывателей оставались на лѣто въ городѣ. Такихъ дачныхъ поселковъ, какъ Перловка, Малаховка, Пушкино, не существовало еще, но дачный спортъ начиналъ уже развиваться, и ближайшія къ Москвѣ деревни гостепріимно принимали къ себѣ лѣтомъ горожанъ просто на чистую половину крестьянской избы.

И зимой и лѣтомъ бывали народныя гулянья,—на масляницѣ и на Пасхѣ «подъ Новинскимъ», тамъ, гдѣ теперь бульваръ, замѣнившій прежній огороженный столбами пустырь, въ Вербное воскресенье на Красной площади, на Семикъ въ Марьиной Рощѣ, скоро, однако, перешедшее въ Сокольники, и на Дѣвичьемъ Полѣ. Гулянье подъ Новинскимъ состояло изъ неизбѣжныхъ каруселей, вращающихся качелей, лавокъ со сластями и балагановъ, изъ которыхъ нѣкоторые—помнится, Берга и Малафеева,—сбитые изъ теса, уподоблялись театру и давали обычно обстановочныя пантомимы батальнаго характера, вродѣ «Битвы русскихъ съ

кабардинцами», «Взятіе Карса» или разныхъ эпизодовъ Крымской кампаніи, вообще что-либо сопровождающееся военными эволюціями и отчаянной пальбой изъ ружей и даже деревянныхъ пушекъ, наполнявшей весь зрительный залъ пороховымъ дымомъ. Кромѣ большихъ балагановъ, воздвигался цѣлый рядъ мелкихъ, обтянутыхъ парусиной, черезъ дыры которой безплатно любовались представленіемъ уличные мальчики, гдѣ тоже давались, но уже упрощенныя, пантомимы, пѣлись пѣсни, имѣли мѣсто акробатическія представленія и показывались фокусы, при чемъ въ антрактахъ главные персонажи съ обязательнымъ «парнемъ» въ русской рубашкѣ съ накладной бородой изъ пакли, съ балалайкой въ рукахъ, выходили въ костюмахъ и гримѣ, несмотря на холодъ, на балконъ балагана и начиналось то, что французы называютъ la parade: кто могъ и умѣлъ балагурилъ и смѣшилъ публику, переговариваясь съ ней, а кто просто стоялъ, дрожа отъ холода. Въ тѣхъ балаганахъ, гдѣ бывала военная музыка,—иногда всего на всего четыре трубы и барабанъ,—этотъ оркестръ дудилъ и гремѣлъ во всю, а такъ какъ балагановъ было много и музыка играла единовременно и разное, а къ этимъ звукамъ присоединялась, слышная, конечно, и снаружи, пальба батальныхъ пантомимъ и звонъ колоколовъ, которыми балаганы созывали публику къ началу представленія, то получалась замѣчательно дикая и оригинальная какофонія, переносная для уха, благо это происходило на воздухѣ, и даже возбуждающая, веселящая. Въ совсѣмъ маленькихъ балаганчикахъ показывались панорамы, діорамы, восковыя фигуры, чудовища, дикіе люди, обросшіе мхомъ, и даже недавно пойманная въ Атлантическомъ океанѣ рыбаками сирена. А по лѣвому, отъ Кудринской площади, проѣзду пустыря шло катанье, очень многолюдное, особливо на Пасху. Выѣзжало на своихъ лошадяхъ, главнымъ образомъ, именитое и неименитое купечество, но катались и представители дворянскаго и другихъ сословій. Едва ли, однако, это катанье доставляло кому-либо удовольствіе; по крайней мѣрѣ, всѣ сидѣвшіе въ экипажахъ,

въ противоположность пѣшей толпѣ, искренно веселившейся и шумѣвшей, казались мрачными и словно исполняли священный, но тяжелый долгъ. Да тутъ и былъ налицо долгъ — щегольнуть выѣздомъ. И дѣйствительно, на гуляньѣ можно было видѣть великолѣпныхъ лошадей, эффектные экипажи и чудовищныхъ размѣрами кучеровъ въ голубыхъ, пунцовыхъ, зеленыхъ бархатныхъ, съ острыми углами шапкахъ, какихъ теперь больше кучера не носятъ. А въ толпѣ на самомъ гуляньѣ шла толкотня, грызня орѣховъ и подсолнуховъ, шныряли продавцы недавно изобрѣтенныхъ разноцвѣтныхъ, надутыхъ газомъ, шаровъ и встрѣчалось немалое количество пьяныхъ.

Катанье въ Вербное воскресеніе, тоже очень многолюдное и съ тою особенностью, что въ экипажахъ бывало больше дѣтей и публика была болѣе разнокалиберная, шло въ томъ же порядкѣ, но на площади, гдѣ толпился народъ, не было балагановъ, музыки и вообще какихъ-либо увеселеній, а съ ларей и въ палаткахъ, да и въ разносъ торговали вербами, вѣнками, грубо сдѣланными фальшивыми цвѣтами, игрушками и кое-какою мелочью. Теперешняго торга и продажи «морскихъ жителей», «тещиныхъ языковъ» и т. п. не производилось и было болѣе чинно. Зато продавались, вышедшія совсѣмъ изъ употребленія, дѣтскія вербы въ видѣ деревца съ листьями и плодами: вишнями, грушами и яблоками, сдѣланными изъ воска, краснаго и желтаго цвѣтовъ и съ восковымъ же, чрезвычайно румянымъ, херувимомъ на самомъ верху.

Лѣтнія народныя гулянья, сперва въ Марьиной Рощѣ, а потомъ въ Сокольникахъ, обходились безъ балагановъ, но зато на травѣ, въ тѣни деревьевъ устанавливались столики съ тутъ же ставившимися и пріятно дымившими на свѣжемъ воздухѣ самоварами, и происходило усиленное чаепитіе, а попозднѣе водились хороводы и шелъ плясъ подъ гармонику.

Элегантная публика, съѣзжавшаяся изъ Москвы по вечерамъ въ Петровскій паркъ, когда было поменьше пыли,

каталась тамъ по аллеямъ верхомъ и въ экипажахъ, а затѣмъ у круга, недалеко отъ Петровскаго дворца, разсаживалась на садовыя скамейки и на стулья за столики, наблюдая другъ за другомъ, и пила тоже, но уже хорошо сервированный, чай, кофе, прохладительные напитки (содовая и вообще искусственно газированныя воды вошли тогда въ моду), а «золотая молодежь» мужескаго пола тянула потихоньку шампанское изъ чайниковъ.

Москва донынѣ, несмотря на водопроводъ и канализацію, не можетъ добиться чистаго воздуха и къ инымъ дворамъ лучше и сейчасъ не подходить, но въ шестидесятыхъ годахъ зловоніе разныхъ оттѣнковъ всецѣло господствовало надъ Москвой. Уже не говоря про многочисленные, примитивно организованные обозы нечистотъ, состоявшіе часто изъ ничѣмъ не покрытыхъ, расплескивавшихъ при движеніи свое содержимое, кадокъ, въ лучшемъ же случаѣ изъ простыхъ бочекъ, съ торчащими изъ нихъ высокими черпаками, движеніе которыхъ по всѣмъ улицамъ, начавшись послѣ полуночи, а то и раньше, длилось до утра, отравляя надолго даже зимой всю окрестность, — зловоніе въ большей или меньшей степени существовало во всѣхъ дворахъ, не имѣвшихъ зачастую не только спеціально приспособленныхъ, но никакихъ выгребныхъ ямъ. Мѣста стоянокъ извощиковъ, дворы «постоялыхъ», харчевенъ, простонародныхъ трактировъ и тому подобныхъ заведеній и, наконецъ, всѣ почти уличные углы, хотя бы и заколоченные снизу досками, разные закоулочки (а ихъ было много!) и крытыя ворота домовъ, несмотря на надписи «строго воспрещается»... были очагами испорченнаго воздуха. А что за зловоніе держалось безысходно хотя бы на Тверской, между Охотнымъ рядомъ и той стороной, гдѣ Лоскутная гостиница! Слѣва несся отвратительный запахъ гніющей рыбы, а справа изъ лавокъ, гдѣ продавались свѣчи, простое мыло и т. п., нестерпимая, доводившая до тошноты, вонь испортившимся саломъ и постнымъ масломъ.

Тверская, въ особенности же Кузнецкій Мостъ достигли значительнаго прогресса въ отношеніи внѣшности расположенныхъ на нихъ магазиновъ, но большинство торговыхъ заведеній и лавокъ на другихъ улицахъ сохранили прежнія допотопныя вывѣски съ неграмотными, нерѣдко смѣшными надписями и картинами, наивно изображавшими сущность торговаго предпріятія; особенно часто бросались въ глаза вывѣски «табачныхъ лавокъ», на которыхъ обязательно сидѣли по одну сторону входной двери азіатскаго вида человѣкъ въ чалмѣ, курящій трубку, а на другой негръ или метисъ (въ послѣднемъ случаѣ въ соломенной шляпѣ), сосущій сигару; парикмахерскія вывѣски изображали обычно, кромѣ расчесанныхъ дамскихъ и мужскихъ головъ, стеклянные сосуды съ пьявками и даже сцену пусканія крови; на пекарняхъ и булочныхъ имѣлись въ изображеніи калачи, крендели и сайки, на колоніальныхъ сахарныя головы, свѣчи, плоды, а то задѣланные въ дорогу ящики и тюки съ отплывающимъ вдали пароходомъ; на вывѣскахъ портныхъ рисовались всевозможныя одежды, у продавцевъ рускаго платья кучерскіе армяки и поддевки; изображались шляпы, подносы съ чайнымъ приборомъ, блюда съ поросенкомъ и сосисками, колбасы, сыры, сапоги, чемоданы, очки, часы,—словомъ, на грамотность публики и на витринную выставку торговцы не надѣялись и представляли покупателямъ свой товаръ въ грубо нарисованномъ и раскрашенномъ видѣ, при чемъ и самыя вывѣски были неуклюжи и въ полной мѣрѣ некрасивы.

Торговля мало измѣнилась, и пріемы, по крайней мѣрѣ, въ сравнительно мелкой коммерціи, сохранили характеръ чуть ли не допетровской старины. Въ «городѣ», какъ назывались старые ряды, замѣненные теперь громаднымъ и прекраснымъ въ архитектурномъ отношеніи зданіемъ на Красной площади, вѣяло Азіей: казалось, что находишься въ восточномъ караванъ-сараѣ. Да смирнскіе и константинопольскіе крытые базары очень близки къ прежнимъ Московскимъ городскимъ рядамъ. Они представляли несомнѣнно инте-

ресную и оригинальную картину; снаружи ряды достаточно походили на теперешній Петербургскій Гостиный или Апраксинъ дворъ: невысокіе, но длинные, крытые, аркообразные и полутемные ходы пересѣкались идущими имъ вразрѣзъ другими такими же галлереями съ перекрестками, конечно, каменные, выбѣленные, съ каменными же, выбитыми къ серединѣ пѣшеходами, полами, безъ какихъ-либо орнаментовъ, съ неглубокими торговыми помѣщеніями, еще болѣе темными, отдѣлявшимися отъ самой галлереи деревянными перегородками съ дверями, а иногда, если торговое дѣло было небольшое, прямо прилавкомъ; у столбовъ арокъ пристраивались совсѣмъ открытые шкафы и лари съ товаромъ. Во всѣхъ магазинахъ, гдѣ велась сколько-нибудь солидная торговля, имѣлось верхнее помѣщеніе («палатка»), служившее частью конторой и складомъ для товара, частью такимъ же помѣщеніемъ для торговли, куда покупателямъ приходилось взбираться по крутой деревянной лѣстницѣ.

«Городъ» представлялъ изъ себя громаднѣйшій лабиринтъ галлерей, ходовъ, переходовъ и «линій»; въ этомъ лабиринтѣ была сосредоточена вся главная, «расхожая» торговля Москвы; тутъ можно было пріобрѣсть рѣшительно все нужное москвичу и притомъ за цѣну болѣе дешевую, чѣмъ на Кузнецкомъ Мосту или на Тверской. Торговля не была безпорядочно разбросана по рядамъ, она собиралась къ одному мѣсту по спеціальностямъ; такъ, галлерея, носившая названіе панской, торговала сукнами, москательная пряными товарами, ножевая линія сосредоточивала у себя предметы, соотвѣтственные ея названію, иконы и вообще церковныя принадлежности располагались въ особой галлереѣ, шелковыя и бархатныя матеріи тоже; спеціальныя вывѣски передъ началомъ «линіи» указывали, чѣмъ въ ней торгуютъ; въ знаменитомъ «сундучномъ ряду» можно было, кромѣ того, получить превосходные на вкусъ ягодные и фруктовые квасы и тутъ же у разносчиковъ, славившіеся на всю Москву, горячую осетрину, ветчину, сосиски, мозги и печеные пирожки съ разнообразной начинкой. Желав-

шіе закусить садились за небольшіе столики и тутъ перечисленныя яства сервировались имъ на блюдечкахъ, при которыхъ подавалась вилка и, для вытиранія рукъ, сѣрая пропускная бумага; квасъ разливался въ невысокія стеклянныя кружки съ ручкою.

Въ городѣ днемъ всегда бывало очень оживленно и шумно; въ иные предпраздничные дни покупающая публика шла по линіямъ сплошною толпой, при чемъ новички, провинціалы и нерѣшительные люди сбивались съ толку и покупали не всегда то, что имъ нужно, благодаря энергичнымъ, доведеннымъ до виртуозности, зазывамъ въ магазины (не изъ самыхъ крупныхъ, конечно) прикащиковъ, стоявшихъ у дверей своихъ лавокъ и въ источный голосъ перечислявшихъ и восхвалявшихъ свой товаръ; робкаго, обалдѣвшаго покупателя, случалось, прикащики прямо-таки затаскивали къ себѣ въ лавку силою; навязываніе товара было прямо невозможное, но московскій обыватель средней руки чувствовалъ себя хорошо въ такой обстановкѣ, любилъ «городъ» и всѣ свои покупки дѣлалъ именно тамъ. Отправляясь въ городъ, почти съ такимъ чувствомъ, какъ охотникъ-стрѣлокъ въ дупелиное болото, — въ большинствѣ это бывали дамы,— покупатель зналъ, что его ожидаетъ, и готовился къ борьбѣ. И не напрасно, ибо въ городѣ «запрашивали« безбожно, подсовывали разный испорченный товаръ и вообще старались всячески обмануть покупателя, смотря на него какъ на жертву и совершенно не заботясь о репутаціи фирмы; да таковая и не страдала отъ случаевъ явнаго обмана неопытнаго, наивнаго покупателя. Обыватель мирился съ правиломъ: «не обманешь — не продашь», входя въ положеніе торговца. Продавецъ и покупщикъ, сойдясь, сцѣплялись, одинъ хвалилъ, а другой корилъ покупаемую вещь, оба кричали, божились и лгали другъ другу, покупщикъ сразу понижалъ на половину, а то и больше запрошенную цѣну; если прикащикъ не очень податливо уступалъ, то покупатель дѣлалъ видъ, что уходитъ, и это повторялось по нѣскольку разъ, при чемъ, даже когда вещь была куплена, прихо-

дилось внимательно слѣдить за тѣмъ, напримѣръ, какъ отмѣривалась матерія, не кладутся ли въ «дутикъ» исключительно гнилые фрукты и т. п. Вся эта азіатская процедура, эта борьба, пусканіе въ ходъ хитростей, совершенно ненужные въ торговлѣ, считалось въ «городѣ» обѣими сторонами обязательной; это былъ обоюдный спортъ и удачная, дешево сдѣланная, покупка служила потомъ въ семьѣ покупщика и передъ знакомыми интереснѣйшей темой разговоровъ, ею хвастались, такъ же какъ прикащикъ тѣмъ, что поддѣлъ не знающаго цѣнъ покупателя или подсунулъ ему никуда негодную вещь.

Не легкія были для незнающаго человѣка условія пріобрѣтенія въ городѣ, но еще тяжелѣе была обстановка продажи; о какихъ-нибудь удобствахъ въ рядахъ для прикащиковъ и мальчиковъ и думать было нечего, а зимой, такъ какъ ряды не отапливались, приходилось совсѣмъ плохо и всѣ они, а также и хозяева въ двадцатиградусный морозъ, а зима была въ шестидесятыхъ годахъ суровѣе теперешней, жестоко зябли, отогрѣваясь кое-какъ горячимъ сбитнемъ (напитокъ изъ горячей воды съ медомъ и какой-либо специей), продававшимся въ разносъ многочисленными въ то время «сбитеньщиками», борьбой другъ съ другомъ и «кулачками».

Иностранцевъ въ «городѣ» не водилось, но въ общемъ и тогда уже участіе «иноземныхъ гостей» въ московской торговлѣ, особенно крупной, оптовой, было велико. Цѣлые отдѣлы торговли казались недоступными русскимъ уроженцамъ; напримѣръ, торговля машинами, разными техническими принадлежностями, оптическими, хирургическими и другими инструментами, красками и т. п. была сосредоточена въ нѣмецкихъ рукахъ; въ торговлѣ предметами роскоши и моды принимали участіе представители французской націи, содержавшіе также кондитерскія съ продажей конфектъ, модныя дамскія мастерскія и парикмахерскія. Вся эта индустрія роскоши и моды сосредоточивались на Кузнецкомъ Мосту, Петровкѣ, Столешниковомъ и Газетномъ переулкахъ и на Тверской: модная мастерская Минангуа, перчаточный

магазинъ Буассонадъ, мужскіе портные Бургесъ и Сара́, куаферы Нёвиль, Шарль и Леонъ Имбо, кондитерская Трамбле и т. д. Англійскій магазинъ Шанкса и Болина уже тогда славился солидностью; цвѣточная торговля была представлена русской фирмой братьевъ Фоминыхъ; винная торговля находилась въ рукахъ Леве, Депре и Бауера.

Сильно была распространена и торговля въ разносъ по домамъ. Тутъ дѣйствовали, главнымъ образомъ, татары, которыхъ было гораздо больше, чѣмъ теперь, и тюки которыхъ содержали въ большемъ количествѣ и болѣе разнообразный товаръ. Часто попадались и «венгерцы», бывшіе собственно словенцами, торговавшіе мышеловками и другими издѣліями изъ проволоки; ходили по домамъ остзейскія нѣмки, носившія въ корзинкахъ никому ненужныя метелочки изъ дерева и картонныя коробочки съ ящичкомъ и зеркальцемъ, обклеенныя мелкими раковинками. Уличныхъ разносчиковъ появлялось особенно много съ весны: моченыя яблоки, «апельсины-лимоны хороши», моченыя груши съ квасомъ, овощи и ягоды, мороженое, «гречники», поливавшіеся постнымъ масломъ, всевозможные пирожки и другія снѣди... Торговали всякой мелочью, лакомствами, а лѣтомъ ягодами и фруктами съ лотковъ и ларей на базарахъ, рынкахъ, а также на площадяхъ въ дни народныхъ гуляній и праздниковъ.

Магазины и лавки запирались рано, но «обязательныхъ постановленій», регулирующихъ торговлю, тогда еще не существовало и выходило это больше само собой или по приказамъ полиціи. Царскіе дни ознаменовывались перезвономъ церковныхъ колоколовъ, а флаговъ еще не вывѣшивали; зато съ наступленіемъ темноты на улицахъ зажигались, ставившіяся на тротуарныя тумбы, плошки, дававшія обычно больше чада и вони, чѣмъ огня, а на правительственныхъ, иногда и частныхъ зданіяхъ устраивалась иллюминація, состоявшая изъ разноцвѣтныхъ шкаликовъ, прикрѣплявшихся къ деревяннымъ каркасамъ, изображавшимъ государственный гербъ и нужные инициалы подъ короною.

По улицамъ невозбранно ходили, проникая и во дворы домовъ, шарманщики, иные со стараго фасона шарманкой-шкафчикомъ и танцующими въ немъ куклами, но съ еле слышной и обычно фальшивой музыкой, другіе же съ большимъ и тяжелымъ, громко, трубными звуками ревущимъ, ящикомъ; большинство шарманщиковъ были иностранцы, всего чаще итальянцы, подпѣвавшіе игравшимся шарманкою аріямъ; въ числѣ такихъ уличныхъ артистовъ часто во дворы заходили парочки подростки,—дѣвица и мальчикъ съ арфою и скрипкой и пиликали что-то до того жалостное, а сами были такъ похожи другъ на друга, бѣлобрысы, худы и наивны, къ тому же, видимо, нѣмецкаго происхожденія, что добродушныя хозяйки рѣдко отказывали въ пятачкѣ такой голодной парѣ; ходили шарманщики и съ учеными собачками, одѣтыми кавалерами и дамами въ шляпкахъ и смѣшно, а въ то же время возбуждая жалость забитымъ видомъ, прыгавшими по мостовой, быстро мигая глазами и мотая мордочкой. Показывались бродячіе акробаты въ трико, скрываемомъ подъ пальто, съ ковриκомъ для подстилки во время ихъ упражненій, тоже подростки или дѣти, еще болѣе печалившіе несчастнымъ видомъ, да и самой профессіей, сердобольныхъ москвичей. Наконецъ, хотя рѣже, появлялись «Петрушки», и на улицѣ или во дворѣ, а то, по приглашенію, въ домѣ давали свои, хорошо знакомыя дѣтямъ той эпохи, кукольныя представленія, показывавшіяся въ отверстія ширмъ и заключавшіяся въ разныхъ похожденіяхъ и гнусаво-пискливой болтовнѣ Петрушки,— личности въ сущности мало симпатичной и чрезвычайно эгоистичной, — съ «лѣкаремъ, изъ-подъ Каменнаго моста аптекаремъ», купцомъ, молодой бабой, цыганомъ, лошадью и городовымъ, которыхъ Петрушка нещадно избивалъ палкой, и чортомъ, уносившимъ, наконецъ, очевидно въ видѣ Немезиды, самого Петрушку въ преисподнюю. Кукольныя представленія повышеннаго типа давались по особому заказу въ состоятельныхъ домахъ, при чемъ тутъ уже воздвигалась небольшая сцена съ занавѣсомъ и фигурировало довольно

много маріонетокъ, танцовавшихъ, жонглировавшихъ и т. п. Обязательно въ числѣ дѣйствующихъ лицъ показывалась старуха съ розгой, несущая за спиной большую корзину, биткомъ набитую дѣтьми, которыя подъконецъ выскакивали изъ корзины и предавались танцамъ и веселію.

Въ иные воскресные дни весною и лѣтомъ раздавалась по улицамъ тревожная барабанная дробь, и подбѣгавшимъ къ окошкамъ любопытнымъ представлялась такая картина: за барабанщикомъ шелъ взводъ солдатъ съ офицеромъ, а за ними шагомъ ѣхала, запряженная парой лошадей, «колесница», выкрашенная въ черное платформа, по серединѣ которой возвышалась скамейка, на которой сидѣли обычно двое, а иногда и четверо лицъ мужскаго или женскаго пола, въ сѣрыхъ арестантскихъ халатахъ, а на груди у нихъ висѣли черныя дощечки съ надписью крупными бѣлыми буквами: «за убійство», «за поджогъ», «за разбой» и т. п. Рядомъ съ колесницей шелъ человѣкъ въ красной русской рубахѣ— палачъ. Это везли на «Сѣнную» или на «Конную» (за Москвой-рѣкой) лишенныхъ по суду всѣхъ правъ состоянія преступниковъ, приговоренныхъ на каторгу или въ Сибирь на поселеніе, для исполненія надъ ними «обряда публичной казни». По пріѣздѣ на площадь, въ центрѣ которой стоялъ, воздвигнутый за ночь, деревянный круглый эшафотъ со столбомъ, арестантовъ по очереди, при содѣйствіи палача, вводили на эшафотъ, ставили къ столбу и, если осужденный былъ дворянинъ, то надъ его головой ломали шпагу; на эшафотъ поднимался священникъ въ епитрахили и напутствовалъ осужденнаго, давая ему цѣловать крестъ. Затѣмъ громко читался приговоръ, опять раздавался барабанный бой и арестантъ оставался недвижимо у позорнаго столба (ему надѣвали, прикрѣпленные къ столбу короткими цѣпями, наручники) минутъ около десяти. Въ это время изъ толпы, окружавшей эшафотъ, на него бросались мѣдныя деньги, предназначавшіяся осужденному, и ихъ набиралось иногда много. Этимъ денежнымъ дождемъ, сыпавшимся на эшафотъ, московскій

людъ выражалъ жалость и милость, хотя и преступному, но все же несчастному человѣку.

Старинные рыдваны, какъ я уже говорилъ, не показывались больше на улицахъ и исчезли, замѣнявшіе прежде зимою кареты, возки, но извозное дѣло еще значительно разнилось съ теперешнимъ. Извощики дѣлились на двѣ категоріи, изъ которыхъ наиболѣе интересною была—«ваньки». Они одѣвались въ простые армяки и лѣтомъ носили высокія поярковыя шляпы «гречникомъ», но безъ павлиньихъ перьевъ и другихъ украшеній; зимой они выѣзжали въ саняхъ, конечно, безъ полости, а лѣтомъ въ дрожкахъ, именовавшихся «калибрами», а также «гитарами», въ виду нѣкотораго сходства ихъ съ этимъ музыкальнымъ инструментомъ; это былъ исконный московскій экипажъ, —узенькія, недлинныя дроги на стоячихъ рессорахъ, вмѣщавшія двухъ сѣдоковъ, но при томъ условіи, чтобы они, дабы не терять равновѣсія и въ виду узости сидѣнія, садились съ разныхъ сторонъ, каждый лицомъ къ улицѣ; если такимъ образомъ ѣхали кавалеръ съ дамой, то первый обязательно держалъ свою сосѣдку за талію, безъ чего она, по слабости пола, непремѣнно на хорошемъ толчкѣ вылетѣла бы изъ экипажа, а самъ онъ тоже частенько держался за кушакъ извощика. Очень удобно было ѣздить на такой гитарѣ, сѣвъ на нее верхомъ, лицомъ, конечно, къ извощику; въ такой позиціи не были страшны никакіе толчки и даже случалось ночною порой, что достаточно упившіеся виномъ люди благополучно добирались домой на «калибрѣ», держась за возницу и даже обнимая его сзади. Дешевизна «ванекъ» была поразительная: за двугривенный и даже пятиалтынный онъ везъ пару сѣдоковъ черезъ всю Москву и признавалъ вообще пятикопеечные рейсы, отъ каковаго гонорара извощики перваго разряда положительно отказывались. «Лихачей» теперешняго непріятнаго типа тогда не водилось, но были лучше оснащенные въ отношеніи экипажа, сбруи, одежды и лошадей, извощики, ѣздившіе обычно только съ знакомыми господами. Въ модѣ были у холостыхъ элегантныхъ молодыхъ

людей лѣтомъ «эгоистки»—экипажъ вполнѣ неудобный для ѣзды, раскачивавшійся, благодаря неустойчивымъ рессорамъ, во всѣ стороны и жестоко поддававшій на ухабахъ мостовой, вмѣщающій въ себя, да и то съ трудомъ, лишь одну персону; что не мѣшало (конечно, съ рискомъ вылетѣть на улицу) ѣздить въ немъ вдвоемъ, а зимой крохотныя и совсѣмъ низенькія сани. Зимой было принято выѣзжать семьей въ четверомѣстныхъ саняхъ, а также не вывелись еще парныя сани съ запятками, на которыхъ стоялъ выѣздной въ ливреѣ и шляпѣ съ позументомъ. Лѣтомъ показывались уже заграничнаго фасона шарабаны и кэбы.

Въ Москвѣ всегда любили и умѣли,—что сохранилось и поднесь,—хорошо поѣсть; въ описываемое время культъ гастрономіи стоялъ тоже высоко, и «трактиръ» занималъ не послѣднее мѣсто въ московской жизни; за ѣдой и выпивкой, а то за чаепитіемъ вершались часто крупныя дѣла и сдѣлки, главнымъ образомъ, по коммерческой части. Англійскій клубъ, потерявшій уже въ значительной степени прежнее общественное значеніе и вліяніе, сократившійся даже въ количествѣ членовъ, что привело его къ меньшей разборчивости въ выборѣ ихъ, въ кулинарномъ отношеніи держалъ еще себя высоко и его субботніе обѣды съ выдающейся закуской и знаменитая, разъ въ годъ подававшаяся, уха были внѣ конкуренціи. Изъ остальныхъ клубовъ начиналъ выдвигаться въ кулинарномъ отношеніи Купеческій, что же касается публичныхъ храмовъ Ганимеда и Вакха, то они,—я говорю про перворазрядныя заведенія,—дѣлились на два рода: рестораны съ французской кухней и русскіе трактиры. Пальма первенства, несомнѣнно, принадлежала послѣднимъ, доведшимъ именно въ эту эпоху дѣло свое до совершенства. Изъ трактировъ славились: «Большой Московскій» Гурина, трактиръ Тѣстова въ домѣ Патрикѣева и «Ново-Троицкій» на Ильинкѣ. Первые два существуютъ и находятся даже на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ и прежде, но внутреннее устройство ихъ вполнѣ измѣнилось; прежній внутренній распорядокъ былъ таковъ, какой существуетъ и теперь въ дешевыхъ

московскихъ трактирахъ. Довольно грязная, отдававшая затхлымъ, лѣстница, съ плохимъ, узкимъ ковромъ и обтянутыми краснымъ сукномъ перилами, вела во второй этажъ, гдѣ была раздѣвальня и въ первой же комнатѣ прилавокъ съ водкой и довольно невзрачной закуской, а за прилавкомъ возвышался громадный шкафъ съ посудой; слѣдующая комната-зала была сплошь уставлена въ нѣсколько линій диванчиками и столиками, за которыми можно было устроиться вчетверомъ; въ глубинѣ залы стоялъ громоздкій органъ-оркестріонъ и имѣлась дверь въ коридоръ съ отдѣльными кабинетами, то-есть просто большими комнатами со столомъ посрединѣ и фортепьяно. Все это было отдѣлано очень просто, безъ ковровъ, занавѣсей и т. п., но содержалось достаточно чисто. Про тогдашніе трактиры можно было сказать, что они «красны не углами, а пирогами». У Гурина были интересные серебряные, иные позолоченые, жбаны и чары, въ которыхъ подавался квасъ и бывшее когда-то въ ходу «лампопо».

Трактиры славились, и не безъ основанія, чисто русскими блюдами: такихъ поросятъ, отбивныхъ телячьихъ котлетъ, суточныхъ щей съ кашей, разсольника, ухи, селянки, осетрины, растегаевъ, подовыхъ пироговъ, пожарскихъ котлетъ, блиновъ и Гурьевской каши нельзя было нигдѣ получить, кромѣ Москвы. Любители-гастрономы выписывали въ Петербургъ московскихъ поросятъ и замороженные растегаи. Трактирныя порціи отличались еще размѣрами; онѣ были разсчитаны на людей съ двойнымъ или даже тройнымъ желудкомъ; и съ полъ-порціей не легко было справиться; цѣны на всѣ продукты были не дорогія.

Публика, засѣдавшая днемъ въ хорошихъ трактирахъ, была несхожа съ теперешней; во-первыхъ, дамъ никогда не бывало въ общей залѣ и рядомъ съ элегантною молодежью сидѣли совсѣмъ просто одѣтые скромные люди, а очень много лицъ торговаго сословія въ кафтанахъ пребывали въ трактирахъ, предаваясь исключительно чаепитію; коекогда, но все рѣже и рѣже появлялись люди стариннаго

фасона, требовавшіе и торжественно курившіе трубки съ длинными чубуками, при чемъ въ отверстіе чубука вставлялся свѣжій мундштукъ изъ гусинаго пера, а трубка приносилась половымъ уже раскуренная. Въ общей залѣ было довольно чинно, чему содѣйствовалъ служительскій персоналъ—половые. Это были старые и молодые люди, но рѣшительно всѣ степеннаго вида, покойные, учтивые и въ своемъ родѣ очень элегантные; чистота ихъ одѣяній—бѣлыхъ рубашекъ, была образцовая. И вотъ они умѣли предупреждать и быстро прекращать скандалы, къ которымъ тогдашняя публика была достаточно расположена, что и доказывала, нерѣдко безобразничая въ трактирахъ втораго сорта, а особенно въ загородныхъ ресторанахъ. Трактиры, кромѣ случайной, имѣли, конечно, и свою постоянную публику, и частые посѣтители величались половыми по имени и отчеству и состояли съ ними въ дружбѣ.

Лучшій оркестріонъ считался тогда въ «Большомъ Московскомъ» трактирѣ (гостиницы при немъ не было), и москвичи, въ особенности же пріѣзжіе провинціалы, ходили туда съ спеціальною цѣлью послушать дѣйствительно хорошій органъ. Раза четыре на дню вдоль всѣхъ рядовъ столиковъ общей залы проходилъ собственникъ трактира Гуринъ, любезно кланяясь своимъ «гостямъ»; это былъ очень благообразный, совершенно сѣдой, строгаго облика старикъ съ небольшой бородой, съ проборомъ по срединѣ головы, остриженной въ скобку; одѣтъ онъ былъ въ стариннаго фасона русскій кафтанъ. Какихъ-либо распорядителей не полагалось, и возникавшія иногда по поводу подаваемаго счета недоразумѣнія разрѣшались находившимся за буфетнымъ прилавкомъ, гдѣ за конторкой писались и счеты, прикащикомъ.

Трактиры рѣдко, развѣ по праздникамъ,—напримѣръ, на масляницѣ,—бывали переполнены, но они и не пустовали; того явленія, которое наблюдается теперь, что публика сразу является въ большомъ количествѣ въ часы завтрака или въ двѣнадцатомъ часу ночи, послѣ театра, не замѣчалось.

Тогда не водились и особыя карты «завтраковъ», а была лишь общая карточка съ обозначеніемъ всего, что можетъ предложить трактиръ гостямъ. Шли большею частью въ трактиръ просто поѣсть и выпить, не разбирая, будетъ ли это завтракъ или обѣдъ. Ужинали въ трактирахъ рѣже; вечеромъ состоятельная публика отправлялась больше въ рестораны. Подходить къ буфету не было принято и посѣтителямъ водка съ закуской — «казенной», какъ ее звали, а именно кусокъ вареной ветчины и соленый огурецъ, подавалась къ занятому столику. Вина были хорошія, лучшихъ московскихъ погребовъ, а шампанское тогда шло, главнымъ образомъ, «Редереръ Силлери». Сухихъ сортовъ еще не водилось. «Лампопо» пили только особые любители, или когда компанія до того разойдется, что, перепробовавъ всѣ вина, рѣшительно ужъ не знаетъ, что бы еще спросить. Питье это было довольно отвратительно на вкусъ и изготовлялось такимъ образомъ: во вмѣстительный сосудъ — открытый жбанъ — наливалось пиво, подбавлялся въ извѣстной пропорціи коньякъ, немного мелкаго сахара, лимонъ и, наконецъ, погружался спеціально зажаренный, обязательно горячій, сухарь изъ ржаного хлѣба, шипѣвшій и дававшій паръ при торжественномъ его опусканіи въ жбанъ. Любители выпивки выдумывали и другіе напитки, брошенные теперь и не безъ основанія, такъ какъ всѣ они были въ сущности невкусны. Пили, напримѣръ, «медвѣдя»—смѣсь водки съ портеромъ, «турку», приготовлявшуюся такимъ образомъ, что въ высокій бокалъ наливался до половины ликеръ «мароскинъ», потомъ аккуратно выпускался желтокъ сырого яйца, а остальное доливалось коньякомъ, и смѣсь эту нужно было выпить залпомъ. Были и иные напитки, но всѣ они, въ сущности, употреблялись не ради вкусоваго эффекта, а изъ чудачества или когда компанія доходила до восторженнаго состоянія; они весьма содѣйствовали тому, что московскимъ любителямъ выпивки приходилось видать на улицѣ или въ театрѣ и «бѣлаго слона», и «индійскаго принца», и ихъ родоначальника — «чертика».

Къ типу трактировъ принадлежалъ и «Эрмитажъ» г-на Оливье, но лишь по внѣшнему виду; тамъ процвѣтала уже французская изысканная кухня и можно было получить болѣе тонкія блюда, разныя новинки и «деликатессы»; именно тамъ было принято устраивать впередъ заказываемыя пиршества. Всѣмъ дѣломъ руководилъ и велъ его тогда самъ хозяинъ.

Изъ ресторановъ чистаго типа, гдѣ служители были во фракахъ и имѣлась исключительно французская кухня, доживалъ свой вѣкъ «Шевріе», помѣщавшійся въ Газетномъ переулкѣ, дѣйствовали «Дюссо», «Англія» на Петровкѣ, а нѣсколько позднѣе возникъ «Славянскій Базаръ», состоявшій при гостиницѣ того же наименованія, выстроенной по проекту извѣстнаго Пороховщикова. Были, кромѣ того, возникавшіе и въ большинствѣ скоро погибавшіе, маленькіе ресторанчики. Изъ гостиницъ пользовались лучшею репутаціей уже названный «Славянскій Базаръ», «Дюссо», «Дрезденъ», «Лоскутная» и, попроще, излюбленная провинціалами-помѣщиками, Шевалдышева на Тверской.

Тогдашнее студенчество всего болѣе посѣщало «Русскій трактиръ», бывшую «Британію», помѣщавшійся на Моховой, близъ Университета, въ теперь еще существующемъ въ томъ же неказистомъ видѣ домѣ, — какъ разъ противъ входа въ Манежъ, называвшійся тогда экзерциргаузомъ. Въ дообѣденные часы ежедневно можно было застать въ этомъ трактирѣ компанію студентовъ, играющихъ на билліардѣ и тутъ же закусывающихъ.

Загородныхъ мѣстъ увеселенія было нѣсколько въ Петровскомъ паркѣ и между ними первенствовалъ «Яръ». Но тогдашній «Яръ» ничего не имѣлъ общаго съ теперешнимъ. Все заведеніе состояло изъ небольшаго дома, выходившаго фасадомъ въ садикъ, граничившій съ шоссе, въ которомъ было двѣ бесѣдки и стояли простыя качели. Никакихъ представленій у «Яра» тогда не полагалось, и онъ отличался отъ обычнаго скромнаго ресторана тѣмъ, что кухня тамъ была образцовая и пѣлъ лучшій въ Москвѣ хоръ цыганъ (кажется, Ивана

Васильева и Соколова). Постоянной публики у «Яра» было мало, съ вечера, да нерѣдко и позже онъ пустовалъ, пока не наѣзжала кутящая компанія или любители цыганскаго пѣнія. Вотъ это пѣніе тогда процвѣтало вполнѣ; съ тѣхъ поръ оно лишь падало, отчасти благодаря тому, что рѣже стали такіе выдающіеся голоса какъ прежде, отчасти же потому, что къ увеселенію публики явились отвлекшіе ее отъ цыганъ венгерскій, русскій, малороссійскій хоры и шансонетныя пѣвицы, чего въ тѣ годы не существовало. Шансонетное пѣніе начинало тогда уже входить въ моду, но зимой, помнится, не было даже учрежденія, гдѣ бы оно предлагалось публикѣ, а лѣтомъ единственнымъ очагомъ его былъ довольно примитивный садъ «Эрмитажъ», еще до-Лентовской эпохи. Изъ иностранныхъ хоровъ въ Москвѣ появлялись зимой обычно тирольцы, люди очень скромные, угощавшіе москвичей сантиментально-патріотическими пѣснями, маршами и jodeln.

Тогда только что вышла изъ хора цыганка Марья Васильевна и были налицо Александра Ивановна, Марья Николаевна и еще нѣсколько «примадоннъ» съ прекрасными голосами, быстро исчезнувшихъ изъ хора, теноръ Михайло и другіе. Романсы того времени были, несомнѣнно, благозвучнѣе и интереснѣе теперешнихъ цыганскихъ, сводящихся къ вальсу, очень однообразныхъ и дѣланныхъ, поющихся къ тому же съ преувеличеніемъ во всемъ. Прежніе романсы: «Я васъ любилъ», «Скажи душою откровенной», «Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный», «Не искушай», «Я цыганкой родилася», «Тройка», тогдашняя новинка «Ночи безумныя» и другіе были оригинальнѣе, мелодичнѣе и больше подходили къ цыганскому пѣнію, которое, особенно въ solo, тоже было инымъ, гораздо проще, но музыкальнѣе и безъ умышленнаго подчеркиванія удареній и всѣхъ особенностей цыганской манеры пѣть, значительно исказившихъ ее теперь. Тогда гораздо чаще пѣлись дуеты и тріо, а въ хоровомъ исполненіи преобладали, кромѣ чисто цыганскихъ, малороссійскія пѣсни.

Клубовъ было пять: Англійскій, сильно павшій, но сохранившій характеръ свѣтскаго дворянско-бюрократическаго чопорнаго собранія, начавшій прогрессировать Купеческій, гдѣ ежегодно давались, охотно посѣщаемые публикой, маскарады, Дворянскій—мѣсто собранія «средняго» московскаго общества и чиновничества, Нѣмецкій или «шустеръ-клубъ», какъ его называли въ насмѣшку, мало посѣщавшійся, но знаменитый скандалами, которые учиняли на его балахъ и маскарадахъ не его члены, а гости изъ русскихъ, которыхъ затѣмъ обязательно выводили, и только что народившійся по иниціативѣ А. Н. Островскаго, Н. Г. Рубинштейна и артистовъ Малаго театра, артистическій кружокъ, помѣстившійся первоначально на Тверскомъ бульварѣ, а затѣмъ перешедшій на Большую Лубянку. Кружокъ этотъ существовалъ очень скромно до перехода съ Лубянки на Театральную площадь, гдѣ подъ водительствомъ актера Малаго театра Вильде онъ превратился частью въ театральную антрепризу, давая, въ сущности, совершенно публичные спектакли и составивъ особую драматическую труппу, частью въ обычный клубъ съ довольно крупною азартною игрой, между прочимъ въ модное тогда «лото». Къ этому времени многіе члены, а въ томъ числѣ и основатели, оставили кружокъ, въ которомъ завелись непріятныя исторіи, пререканія между директорами и вообще онъ уклонился отъ первоначально задуманной цѣли—общенія, на скромныхъ семейныхъ основаніяхъ, московскихъ артистовъ всѣхъ родовъ оружія и устройства исполнительныхъ собраній товарищескаго характера безъ преслѣдованія меркантильныхъ цѣлей и широкой публичности. Но первые года два своего существованія кружокъ жилъ хотя и скромной, но очень интересной жизнью и охотно посѣщался всей артистической Москвой, при чемъ нерѣдко тамъ импровизировалось безъ всякой эстрады, иной разъ за ужиномъ, музыкальное или литературно-драматическое исполненіе. Однимъ изъ частыхъ посѣтителей кружка былъ П. М. Садовскій; И. Ѳ. Горбуновъ во всѣ свои пріѣзды въ Москву заходилъ туда, да и дамскій

персоналъ московскихъ театровъ оживлялъ кружокъ своимъ присутствіемъ, что въ тѣ годы было новшествомъ.

Къ числу публичныхъ увеселеній надо отнести вышедшіе теперь изъ моды, маскарады, проходившіе тогда гораздо оживленнѣе; особенно многолюдны были, дававшіеся въ Большомъ театрѣ, маскарады. Подъ маскарадъ отводилось все помѣщеніе театра, даже передняя часть сцены. По окончаніи представленія партеръ быстро очищался отъ креселъ; полъ, въ части зрительной залы, прилегающей къ сценѣ, поднимался до ея уровня, оркестръ застилался тоже поломъ, и такимъ образомъ сцена соединялась съ партеромъ, при чемъ на сценѣ ставился павильонъ съ потолкомъ, отдѣлявшій отъ публики закулисную часть сцены; иногда на ней устраивался бившій довольно высоко фонтанъ; въ центрѣ зала возвышалась круглая эстрада, на которой сидѣли и исполняли свои пѣсни тирольцы; въ залѣ же, на краяхъ ея, помѣщались, кажется, два оркестра. Танцовали и на сценѣ и въ партерѣ, но въ общемъ танцующихъ было мало и танцы происходили достаточно смирно; пытавшихся рѣзко канканировать немедленно усмиряли, а при непослушаніи и сопротивленіи выводили безъ церемоніи. Костюмированныхъ было не очень много и костюмы не отличались красотою и оригинальностью; большинство масокъ, главнымъ образомъ лицъ женскаго пола, были въ разноцвѣтныхъ домино, а мужчины во фракахъ. Публики собиралось очень много, даже много ложъ бенуара и бельэтажа бывало занято, и оттуда движущаяся во всѣхъ направленіяхъ и танцующая публика представляла пеструю, веселую картину; въ большой залѣ-фойэ происходило гулянье парочками подъ руку, а въ боковыхъ залахъ устраивался буфетъ и за отдѣльными столиками подавался ужинъ. Дамы изъ «общества» тоже ѣзжали со своими кавалерами въ эти маскарады, но брали ложи, откуда не выходили и куда имъ подавалось шампанское (въ тѣ годы его пили во множествѣ и оно было гораздо дешевле), фрукты и конфеты. Конечно, ничего подобнаго тому оживленію, которое царило нѣкогда въ Парижѣ на дававшихся въ «Grand Opera» маска-

радахъ, въ Москвѣ не было, но все-таки театральные маскарады проходили веселѣе другихъ. Помню характерную сцену, свидѣтелемъ которой я былъ въ маскарадѣ: элегантный господинъ во фракѣ съ обязательнымъ цилиндромъ на головѣ вбѣгалъ изъ коридора по лѣстницѣ въ бельэтажъ и споткнувшись чуть не упалъ. Это показалось смѣшнымъ другому господину, стоявшему на площадкѣ бельэтажа, онъ громко расхохотался и крикнулъ:—«Ну-ка! еще!» Но не успѣлъ онъ договорить этой фразы, какъ упавшій въ два прыжка подскочилъ къ нему и далъ ему звонкую пощечину. Тотъ растерялся, а элегантный господинъ спросилъ:—«Угодно еще?» на что побитый резонно, но очень обиженно, отвѣтилъ:—«Не надо», и ушелъ.

Частныхъ театровъ въ то время не существовало, но ежегодно въ теченіе зимняго сезона дѣйствовалъ циркъ, помѣщавшійся на Воздвиженкѣ, гдѣ теперь оригинальный домъ Морозова; кажется, циркъ содержалъ сперва Сулье, а потомъ Чинизелли. Цирковыя представленія всегда были и будутъ приблизительно одинаковыми, разнясь лишь въ большей или меньшей ловкости и смѣлости наѣздниковъ, гимнастовъ и клоуновъ и въ способности ихъ смѣшить публику, да еще въ качествѣ лошадей. И тогдашній циркъ былъ подобенъ всѣмъ бывшимъ и будущимъ; труппа его была большая, хорошо набранная, въ конюшнѣ стояло много красивыхъ лошадей и вообще онъ казался учрежденіемъ солиднымъ; верхніе ярусы его бывали всегда полны, болѣе дорогія мѣста иногда и пустовали; водились и завсегдатаи-любители, сидѣвшіе въ первомъ ряду, не пропускавшіе, кажется, ни одного представленія и проводившіе антракты «за кулисами», т.-е. въ конюшнѣ. Помнится, старинные клоуны были всѣ изъ иностранцевъ, какъ, впрочемъ, и весь остальной персоналъ; «монологирующихъ» клоуновъ не водилось, зато они были менѣе грубы и болѣе элегантны. Въ этомъ направленіи тогда выдѣлялись отецъ и сынъ Віаль или Вилль (отецъ звался «Литль Вилль»), обладавшіе дѣйствительнымъ комизмомъ, а притомъ и

граціозностью движеній. Изъ наѣздниковъ отличался молодой красавецъ Саламонскій и была, помнится, замѣчательно красивая наѣздница, едва ли, впрочемъ, выдѣлявшаяся чѣмъ-либо, кромѣ красоты, дѣвица Адель Леонгартъ.

Кромѣ драматической сцены Императорскихъ театровъ, существовали, часто во время зимняго сезона функціонируя, одна или двѣ любительскихъ труппы, ядро которыхъ оставалось то же, но большинство членовъ ежегодно мѣнялось, не давая возможности достигнуть въ игрѣ единства и цѣльности. Въ одной изъ этихъ труппъ были истинно-талантливые люди; въ числѣ ихъ я помню князя Урусова, гг. Борисовскаго, Запольскаго, Макшеева—впослѣдствіи извѣстнаго актера Малаго театра, а въ то время артиллерійскаго офицера. Но все-таки дѣятельность этого кружка носила характеръ диллетантскій, большинство членовъ его относились къ дѣлу какъ къ забавѣ, не являлись на репетиціи, не учили ролей, играли «съ кондачка», да и выборъ пьесъ былъ случайный и навязанный условіями сцены, наличныхъ декорацій и вообще театральной обстановки. Спектакли устраивались то въ Секретаревскомъ театрѣ (на Кисловкѣ), то на временно воздвигавшейся сценѣ въ извѣстномъ гимнастическомъ заведеніи Пуаре (на Петровкѣ), красавицы дочери и сынъ котораго также принимали участіе въ спектакляхъ. Къ концу шестидесятыхъ годовъ образовалась, о чемъ я уже упоминалъ, постоянная очень недурная труппа художественнаго кружка, въ которую вступили наиболѣе дѣятельные члены общества, собиравшагося у Пуаре.

Серьезное, настоящее театральное дѣло было полностью сосредоточено въ Императорскихъ театрахъ, которые, за исключеніемъ симфонической и камерной музыки, были не только единственными представителями драмы, оперы и балета и вообще живого искусства и художественной стороны жизни Москвы, но были (я говорю въ данномъ случаѣ про Малый театръ) для молодежи школой и ареной общественности, единственной еще въ то время почвой, на которой легально могли выражаться цѣлою группой людей

не личныя, а общественныя симпатіи, высказываться одобреніе или неодобреніе авторамъ и тѣмъ или другимъ вѣяніямъ и идеаламъ, олицетворявшимся на сценѣ. Театръ представлялъ поэтому нѣчто большее въ общественномъ сознаніи, чѣмъ теперь, и къ тому же, за отсутствіемъ въ то время публичныхъ лекцій, чтеній, рефератовъ, былъ единственнымъ серьезнымъ, культурнымъ развлеченіемъ. Роль и значеніе его были весьма крупны, и Малый театръ съ честью несъ свои обязанности, удовлетворяя предъявлявшимся къ нему требованіямъ, чему въ значительной степени содѣйствовалъ А. Н. Островскій, драмы и комедіи котораго занимали центральное мѣсто въ репертуарѣ Малаго театра и многія изъ произведеній котораго, нося обличительный характеръ, являя изъ себя протестъ противъ пошлости, невѣжества, отсталости и другихъ пороковъ современнаго автору общества въ разныхъ его классахъ и взывая къ гуманности, просвѣщенію и вообще прогрессу, совпадали съ настроеніемъ молодежи и поддерживали его.

Если, не говоря объ Островскомъ, репертуаръ Малаго театра имѣлъ нѣсколько случайный характеръ и даже изобиловалъ пьесами невысокаго качества, а также удѣлялъ слишкомъ много мѣста и вниманія водевилю, то къ достоинствамъ его надо было отнести то, что Грибоѣдовъ и Гоголь никогда «не сходили съ репертуара», что Шекспиръ и Мольеръ не были забыты и ставилось все лучшее, что давали тогдашніе авторы—Алексѣй Толстой, Боборыкинъ, Писемскій, Потѣхинъ, Аверкіевъ, Маннъ, Дьяченко и другіе русскіе драматурги. Кромѣ того, необходимо принять во вниманіе, что руководителямъ театра приходилось до извѣстной степени считаться со вкусомъ публики, въ которой было еще много незрѣлаго, почти дѣтскаго и для которой оцѣнка Репетиловымъ водевиля не утратила значенія. Псевдоклассическая трагедія уже сошла вмѣстѣ съ Мочаловымъ со сцены, романтическая драма тоже теряла понемногу почву, занималась заря бытовой, реальной, современной и исторической, драмы. Бытовая комедія, представленная, главнымъ образомъ,

произведеніями Островскаго, заняла уже солидное, незыблемое положеніе. Но надо сказать, что иначе оно и не могло быть, ибо драмы и комедіи Островскаго исполнялись на сценѣ Малаго театра съ такимъ «ансамблемъ», до такой степени талантливо, что это исполненіе нельзя было не признать совершенствомъ. И въ настоящее время произведенія Островскаго исполняются превосходно на московской Малой сценѣ, лучше безъ сравненія, чѣмъ въ Александринскомъ, Художественномъ и другихъ театрахъ, чему не мало содѣйствуетъ сохранившаяся, благодаря живой преемственности, традиція игры того времени, о которомъ я пишу, но въ шестидесятыхъ годахъ было то, что постановкой руководилъ самъ Островскій, а исполнителями выступали такіе актеры, какъ П. М. Садовскій, Шумскій, Самаринъ, Живокини, Никифоровъ и актрисы: Васильева, Акимова, Медвѣдева, Колосова, Федотова, Никулина.

Составъ труппы Малаго театра былъ, дѣйствительно, выдающійся, какимъ онъ едва ли когда-либо былъ до и послѣ той эпохи. Всѣ переименованные мною актеры и многіе другіе—Рыкалова, Бороздина, Музиль, Петровъ, Рѣшимовъ, Федотовъ, Разсказовъ были первоклассными артистами, а нѣкоторые изъ нихъ прямо выдавались талантливостью, которая била въ нихъ ключомъ. Это были самородки, и инымъ изъ нихъ дарованіе замѣняло и эрудицію и даже необходимость усиленной работы. Къ числу ихъ, во-первыхъ, надо отнести П. М. Садовскаго; онъ былъ неподражаемо хорошъ во всѣхъ рѣшительно роляхъ, достававшихся ему. Прирожденное чувство раскрывало ему внутренній міръ изображаемаго лица и всегда подсказывало соотвѣтствующій данной роли тонъ и степень комическаго элемента, которымъ надлежало оттѣнить исполненіе. Чувство мѣры не покидало его и благодаря этому, несмотря на то, что онъ былъ крупнѣйшій за цѣлое, думается, столѣтіе «комикъ», въ его исполненіи, всегда смѣломъ и сильномъ, комическій элементъ не затушевывалъ остального. Садовскій никогда не «смѣшилъ» публику (я говорю не про водевили), хотя отъ

него зависѣло въ каждый данный моментъ заставить хохотать весь зрительный залъ, настолько силенъ и обаятеленъ былъ его комизмъ. Достаточно было видѣть Садовскаго въ роли Любима Торцова («Бѣдность не порокъ»), Подхалюзина («Свои люди—сочтемся»), Подколесина («Женитьба»), Расплюева («Свадьба Кречинскаго»), чтобы навсегда сохранить въ памяти удивительное по силѣ, правдивости, чувству и серьезному комизму исполненіе.

Я уже упоминалъ о томъ, что въ репертуаръ Малаго театра включались пьесы совершенно ничтожнаго содержанія, водевили, фарсы и даже оперетки, что теперь показалось бы болѣе чѣмъ страннымъ, но въ то время, да еще при отсутствіи другихъ театровъ, никого не поражало; напротивъ, публика шла очень охотно на такія представленія, въ которыхъ принимали участіе крупныя силы Малаго театра, а въ томъ числѣ и Садовскій. Онъ участвовалъ, напримѣръ, въ «Орфеѣ въ аду» Оффенбаха, изображая Аркадскаго принца и добросовѣстно пѣлъ его куплеты. «Орфей въ аду», дававшійся, вѣроятно, для сборовъ въ Большомъ театрѣ, былъ обставленъ очень оригинально и исполнялся совсѣмъ не въ томъ жанрѣ, для котораго онъ былъ написанъ, и не такъ, какъ его изображали французы. Отчаянный канканъ, которому предаются съ Зевсомъ во главѣ Олимпійцы въ финалѣ второго и четвертаго дѣйствій, замѣнялся весьма корректнымъ исполненіемъ какой-то фигуры французской кадрили и галопомъ, какъ его танцуютъ дѣти на урокахъ. Представленіе это было, дѣйствительно, интересно, но лишь какъ шутка, шаржъ, который позволяютъ себѣ забавы ради серьезные дѣятели сцены. Достаточно сказать, что, кромѣ Садовскаго—Аркадскаго принца, исполняли роли Юпитера—Живокини, Юноны—Акимова, Плутона—Никифоровъ, Меркурія—Разсказовъ, Минервы—красавица актриса Мухина и т. д. Помню, что въ роли Амура отличалась, недолго остававшаяся на сценѣ, Гельцеръ (тетка теперешней балерины), а потомъ, тоже быстро сошедшая со сцены, Струкова; вакханку въ послѣднемъ дѣйствіи танцовала съ большимъ

успѣхомъ одна изъ корифеекъ балета Семенова, принимавшая также участіе въ «Десяти невѣстахъ», оперетк‍ѣ, очень мило и живо шедшей въ Маломъ театрѣ, съ И. В. Живокини въ главной роли, при чемъ служанку-барабанщицу играла актриса Живокини, а невѣсту, говорящую трагическій монологъ, оставившая вскорѣ Малый театръ, Стрекалова.

Недостаткомъ Малаго театра, особенно съ нашей, теперешней точки зрѣнія, было незначительное вниманіе, удѣлявшееся постановкѣ, и не только въ отношеніи декорацій, костюмовъ и аксессуарной части, часто очень грѣшившихъ противъ исторической правды, но и въ отношеніи народныхъ сценъ и игры второстепенныхъ и безсловесныхъ актеровъ. Полнаго «ансамбля», подразумѣвая подъ нимъ все рѣшительно до мелочей обстановки, не было; этотъ ансамбль существовалъ въ полной мѣрѣ въ самомъ, конечно, существенномъ—въ игрѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, но въ мелочахъ онъ отсутствовалъ. На нихъ тогда, въ до-Мейнингеновскую эпоху, не обращали вниманія; все сводилось къ игрѣ премьеровъ. Поэтому случалось, что маленькія, но нужныя по ходу пьесы, роли исполнялись очень плохо и пятномъ, впрочемъ мало замѣчавшимся публикой, ложились на цѣлостность исполненія. Въ числѣ актеровъ Малаго театра рядомъ съ «гигантами сцены» были и болѣе чѣмъ слабые лицедѣи, плохо даже державшіеся на сценѣ и совершенно, напримѣръ, не умѣвшіе носить костюмовъ, въ которыхъ они не только не походили на изображаемыхъ ими элегантныхъ синьоровъ и синьоръ или именитыхъ бояръ и боярынь, но были прямо смѣшны. Замѣчалось тоже кое-когда, что случалось и съ премьерами, недостаточно твердое знаніе ролей; случалось, что и вся пьеса, мало прорепетированная, шла не гладко, съ замѣтными шероховатостями и паузами. Наконецъ бывало, что участвовавшіе въ маленькихъ пьесахъ и водевиляхъ корифеи театра играли небрежно, спустя рукава. Необходимо признать, кромѣ того, что ни режиссерская часть, ни большинство самихъ исполнителей не ра-

ботали кропотливо и усидчиво по разнымъ источникамъ надъ разборомъ предназначенной къ постановкѣ пьесы, надъ изученіемъ представляемой на сценѣ эпохи и углубленіемъ въ духовное «я» дѣйствующихъ лицъ. Были, конечно, исключенія, но очень многіе играли по традиціи и, какъ говорилось, «нутромъ».

Всѣ эти дефекты покрывались, однако, сторицею талантливостью членовъ труппы и, напримѣръ, исполненіе «Грозы» и «Каширской старины» производило на зрителя такое дѣйствіе, что онъ еще долгое время оставался подъ обаяніемъ протекшей передъ его глазами драмы и носилъ въ душѣ образы Катерины и Марьицы въ классически прекрасномъ исполненіи Г. Н. Федотовой. Въ обѣихъ пьесахъ она и Н. А. Никулина составляли удивительную по красотѣ и жизненности пару; въ «Грозѣ» участвовалъ также, играя Дикого, П. М. Садовскій, а въ «Каширской старинѣ» С. В. Шумскій, исполнявшій роль старика Бородавки такъ просто, задушевно и съ такимъ прирожденнымъ благородствомъ, что въ сценѣ съ Коркинымъ, котораго неподражаемо игралъ И. В. Самаринъ, онъ былъ величественъ и глубоко трогалъ взволнованнаго зрителя; если вспомнить, что въ той же пьесѣ участвовали еще Никифоровъ и Акимова, то станетъ понятнымъ горячее увлеченіе театромъ, которое царило въ тѣ годы.

Блистательно шло Шекспировское «Укрощеніе строптивой» съ Колосовой, а потомъ Федотовой, въ роли Катарины, Самаринымъ — Петручіо и Живокини — Груміо. Вскорѣ, впрочемъ, Самаринъ совсѣмъ оставилъ роли, въ которыхъ требовалась молодость, и окончательно перешелъ на амплуа père noble, въ которомъ онъ былъ особенно хорошъ. Великолѣпная игра актеровъ скрашивала даже совсѣмъ незначительныя пьесы, и я помню, какъ въ теперь уже забытой комедіи «Воробушки» весь театръ плакалъ, благодаря Самарину. Одной изъ его лучшихъ ролей былъ Фамусовъ въ «Горе отъ ума». Самаринскому пониманію и исполненію этой роли послѣдовалъ А. П. Ленскій, игра котораго въ «Горе отъ ума» была весьма близка Самаринской.

Наиболѣе вдумчивымъ и «работающимъ» былъ въ мужскомъ персоналѣ труппы, думается, С. В. Шумскій, игра котораго отличалась всегда, даже въ самыхъ небольшихъ роляхъ, законченностью и тонкой отдѣлкой всѣхъ деталей. Онъ былъ менѣе талантливъ, чѣмъ Садовскій, но умѣлъ достигать желаемаго впечатлѣнія на публику и обладалъ очень цѣнною на сценѣ способностью быть разнообразнымъ и прямо неузнаваемымъ въ различныхъ роляхъ. Репертуаръ его былъ колоссальный: Кречинскій, старикъ Бородавка, Аркашка въ «Лѣсѣ», Іоаннъ Грозный — Толстого, Хлестаковъ, Фролъ Скобѣевъ, Ришелье и т. д. до безконечности. А кромѣ того, Шумскій участвовалъ и въ легкихъ комедіяхъ и водевиляхъ и вездѣ былъ оригиналенъ, правдивъ и интересенъ. Разъ какъ я вспомнилъ о Фролѣ Скобѣевѣ, не могу не упомянуть о Н. А. Никулиной, игравшей въ этой пьесѣ роль сестры Фрола. Она была замѣчательно мила, своеобразно красива и увлекала весь театръ искрившимся весельемъ и правдивой живостью. Прекраснымъ партнеромъ ей былъ Рѣшимовъ въ роли ея жениха.

Давно уже сошли со сцены классическіе комики добраго стараго времени — И. В. Живокини и С. П. Акимова, но яркіе образы ихъ нельзя забыть тому, кто видѣлъ ихъ на сценѣ. Природа, казалось, спеціально создала обоихъ для того амплуа, которое они занимали въ Маломъ театрѣ, снабдивъ всѣми физическими и душевными качествами, особенно важными для представителей комизма. Одно появленіе ихъ на сценѣ уже вызывало веселое, даже радостное настроеніе, оба они казались носителями здороваго, искренняго веселья и безграничнаго добродушія. Едва ли Живокини и Акимова, получивъ роль въ новой пьесѣ, много работали надъ ней; они, думается, ограничивались созданіемъ внѣшняго образа лица, роль котораго имъ доставалась, и затѣмъ въ эту внѣшнюю оболочку вкладывали, не стѣсняясь другими условіями, присущій имъ юморъ, живость и то добродушіе, о которомъ я говорилъ. Если они не всегда вѣрно изображали типъ, имѣвшійся въ виду авторомъ, и грѣшили иной разъ въ самой

игрѣ, приближаясь къ буффонадѣ, то имъ этотъ грѣхъ прощался невольно даже, благодаря неудержимому смѣху, который они вызывали. И Живокини и Акимова были великолѣпны въ цѣломъ рядѣ серьезныхъ пьесъ, но мнѣ удивительно ярко вспоминается ничтожный водевиль «Сперва скончались, потомъ повѣнчались», гдѣ оба были неподражаемо милы, а вся зрительная зала погибала отъ смѣха.

Долго актеру Малаго театра Вильде пришлось бороться съ нерасположеніемъ къ нему публики; онъ не понравился въ Гамлетѣ и Чацкомъ, и эти неудачно исполненныя роли надолго сдѣлали его антипатичнымъ москвичамъ; ему даже шикали, что совсѣмъ не водилось въ Маломъ театрѣ; но онъ былъ человѣкъ развитой и много и упорно работалъ, постепенно совершенствуясь. Подъ конецъ своего пребыванія въ Маломъ театрѣ онъ значительно «обыгрался» и былъ въ нѣкоторыхъ роляхъ недуренъ.

Молодыми комиками были, скоро сравнительно покинувшій Малый театръ, Разсказовъ и Музиль. Первымъ особенно удачно исполнялись бытовыя роли въ пьесахъ Островскаго, а Н. И. Музиль, конечно, памятенъ и современной публикѣ. Е. Н. Васильева и Н. М. Медвѣдева перешли въ то время на роли старухъ и первая изъ нихъ была такой «grande dame», какой потомъ Малый театръ не видывалъ. Были актеры, не настолько выдающіеся какъ Садовскій, Самаринъ и Шумскій, но отличавшіеся исполненіемъ какой-нибудь одной или нѣсколькихъ ролей. Такъ, всѣмъ извѣстно было, что Дмитревскій замѣчательно хорошъ въ Осипѣ («Ревизоръ»), а Степановъ княземъ Тугоуховскимъ («Горе отъ ума») и въ водевилѣ «Ямщики, или какъ гуляетъ староста Семенъ Ивановичъ». Въ «Горе отъ ума» публика съ нетерпѣніемъ ждала сцены бала у Фамусова, во время котораго старикъ Никифоровъ танцовалъ съ одной изъ «княженъ», дѣвочкой лѣтъ двѣнадцати, мазурку, а во время представленія «Льва Гурьича Синичкина»—момента, когда Живокини окажется играющимъ на литаврахъ въ оркестрѣ; въ тогдашней

публикѣ было много наивнаго. Въ роляхъ иностранцевъ выдавался Петровъ, вообще хорошій актеръ, великолѣпно проводившій въ пьесѣ «Гувернеръ» заглавную роль.

Въ семидесятомъ году состоялся дебютъ М. Н. Ермоловой, репутація которой, какъ совершенно исключительной драматической актрисы, сразу и твердо установилась послѣ выхода ея въ «Эмиліи Галотти».

Въ Большомъ театрѣ шли представленія итальянской и русской оперъ. Первая весьма процвѣтала, абонементъ, бывало, разбирался почти до послѣдняго билета, и антрепренеръ Мерелли, заключившій контрактъ съ дирекціей театра, дѣлалъ хорошія дѣла. Зрительная зала бывала полна элегантной и оживленной публикой, дамы въ ложахъ бельэтажа одѣвались въ большинствѣ очень парадно, нерѣдко по-бальному, а кавалеры изъ «общества» являлись обязательно во фракахъ. Итальянскую оперу стоило посѣщать: примадонны и первые солисты обладали въ большинствѣ сильными, свѣжими голосами и были хорошіе пѣвцы тогдашней итальянской школы, культивировавшей, главнымъ образомъ, bel canto. Важнымъ считалось въ пѣніи не столько соотвѣтствіе словамъ данной аріи, сколько красота звука, умѣнье владѣть голосомъ, какъ владѣетъ виртуозъ-скрипачъ своей скрипкой. Московская итальянская опера уступала качественно развѣ только Петербургской, но всѣ оперныя знаменитости гастролировали и въ Москвѣ. Патти, Лукка, Вольпини, Арто, сестры Маркизіо, Требелли, Станьо, Ноденъ, Николини, Марини, Падилла и другіе пѣли на сценѣ Большаго театра. Да и вторые солисты были вполнѣ удовлетворительны, а капельмейстеры Бевиньяни и Дюпонъ были настоящими maestro по части веденія итальянскихъ оперъ. Репертуаръ былъ очень обширенъ: онъ обнималъ собою рѣшительно все старое и новое, что въ тѣ годы пѣлось итальянцами и у себя на родинѣ и во всѣхъ крупныхъ европейскихъ центрахъ. Давались всѣ извѣстныя оперы Беллини, Донизетти, Верди, Россини, Галеви, Гуно, Мейербера, начиная съ «Нормы», «Лючіи», «Невѣсты-лунатикъ» и кончая

«Африканкой», «Гугенотами» и «Фаустомъ». Тутъ получалась довольно комичная въ своей прямо дѣтской наивности особенность, обусловенная тогдашней цензурой, еще Пушкинымъ мѣтко охарактеризованной въ одномъ изъ его вольныхъ стихотвореній. Объявленія о представленіяхъ итальянской оперы печатались на афишахъ рядомъ въ два столбца, — одинъ съ русскимъ текстомъ, а другой съ итальянскимъ, при чемъ цензура распространялась лишь на русскій текстъ, считая итальянскій безопаснымъ для москвичей или недоступнымъ по ихъ малограмотности. Такъ, опера «Пророкъ» именовалась по-русски «Осадой Гента», а по-итальянски «Il prophetо», и дѣйствующія лица тоже значились въ русскомъ текстѣ афиши вымышленными цензоромъ именами, а въ итальянскомъ настоящими. La muètte de Portici такъ и значилась по-итальянски на афишѣ, а въ переводѣ на русскій языкъ оказывалась «Фенеллой или Палермскими бандитами», «Вильгельмъ Телль» — «Карломъ Смѣлымъ», «Моисей» — «Зора», «Гугеноты» — «Гвельфами и Гибеллинами» и т. д.

Не мало красавицъ-примадоннъ итальянской оперы увлекали сердца москвичей «собирательно», отвлеченно, до райка включительно, завсегдатаи котораго на время разъѣзда артистовъ по окончаніи оперы спускались съ верховъ и толпою собирались у театральнаго подъѣзда, нерѣдко устраивая оваціи любимымъ пѣвицамъ, въ томъ числѣ г-жѣ Арто, пользовавшейся особеннымъ успѣхомъ именно въ Москвѣ. Бывали и иныя увлеченія итальянками и дѣло не обходилось безъ романовъ. Изъ особенно красивыхъ пѣвицъ помню Феруччи, Сарольту, Бенатти. Любимцемъ во всѣхъ отношеніяхъ москвичей, главнымъ образомъ дамъ и дѣвицъ (сословія оперныхъ психопатокъ тогда еще не существовало), былъ теноръ Станьо. Красавецъ собою, совсѣмъ молодой, онъ обладалъ въ первыя двѣ зимы, проведенныя имъ въ Москвѣ, дѣйствительно, на рѣдкость сильнымъ, звучнымъ и пріятнымъ по тембру голосомъ. Но дивный голосъ его просуществовалъ недолго: Станьо былъ слишкомъ впечатли-

теленъ, слишкомъ любилъ жизнь и увлекался ею, не слѣдуя примѣру своихъ собратьевъ итальянскихъ пѣвцовъ, берегущихъ голосъ свой и хранилище его — собственное горло и легкія, какъ рѣдкое сокровище, не позволяющихъ себѣ никакихъ, въ чемъ бы то ни было, излишествъ. Станьо не выдержалъ, поддался соблазну жизни, и Москва и московскія дамы погубили его. Къ концу перваго же своего сезона онъ молодцомъ пилъ водку, закусывая классически соленымъ огурцомъ и ветчиной, тянулъ холодное шампанское какъ воду, даже «турку» и «медвѣдя» постигъ, катался въ саняхъ, самъ ловко правя тройкой, «любилъ безмѣрно», еще болѣе былъ любимъ, увезъ изъ Москвы, кажется, двухъ дамъ сразу, былъ счастливъ, но голосъ испортилъ и вскорѣ исчезъ съ московскаго опернаго горизонта.

Московская русская опера, всегда уступавшая петербургской, была въ шестидесятыхъ годахъ невысокаго качества и стояла несравненно ниже теперешней, почти до послѣдняго времени сохранявшей очень характерную черту тогдашней оперы, — это отсутствіе иниціативы, производительности и энергіи, какая-то общая апатія, дряблость и халатность. Черта эта въ ту пору отражалась, во-первыхъ, на репертуарѣ, который былъ болѣе чѣмъ скроменъ и, повторяясь изъ года въ годъ, очень мало давалъ новаго и интереснаго. Еще шли отъ времени до времени старинныя «Аскольдова могила» и «Громобой», затѣмъ, конечно, «Жизнь за Царя», «Русланъ и Людмила», «Русалка», «Фрейшюцъ», а изъ новыхъ постановокъ за цѣлое пятилѣтіе я помню: «Юдифь» и «Рогнѣду»—Сѣрова, «Дѣти степей»—Рубинштейна, «Грозу» — Кашперова, «Жидовку»—Галеви, «Торжество Вакха»—Даргомыжскаго, «Карпатскую розу»—какого-то датскаго композитора, «Фаустъ» — Гуно и только. Личный составъ оперы измѣнился къ лучшему по сравненію съ пятидесятыми годами и увеличился, но все-таки онъ былъ далекъ качественно отъ петербургской, дѣйствительно, прекрасной труппы, въ составѣ которой были такія силы, какъ Леонова, Платонова, Лавровская, Бюдель, Николь-

скій, Петровъ, Васильевъ, Кондратьевъ, Мельниковъ, Коммисаржевскій.

Своеобразный и печальный видъ являлъ Большой театръ въ тѣ вечера, когда давалась русская опера: партеръ былъ почти пустъ, нѣсколько наполняясь лишь въ послѣднихъ рядахъ; въ бельэтажѣ всего въ двухъ, трехъ ложахъ виднѣлась публика, да и то случайная, кто-либо изъ своихъ по контрмаркѣ, пріѣзжіе провинціалы или примитивное купеческое семейство изъ-за Москвы-рѣки, двинувшееся по поводу какого-нибудь семейнаго праздества въ театръ съ чадами и домочадцами и до того переполнившее ложу, что становилось непонятнымъ, какъ они всѣ туда втиснулись; въ бенуарахъ, а затѣмъ въ болѣе высокихъ ярусахъ публика кое-какъ набиралась еще, а балконъ, особенно же «раекъ» даже совсѣмъ наполнялись и райскіе обитатели театра, судя по аплодисментамъ, весьма наслаждались предлагавшейся имъ музыкой. Зрительная зала освѣщалась далеко не блистательно, начиналась опера обязательно съ опозданіемъ, а антракты длились безконечно долго. Зрители съ самаго начала являли разочарованный, скучающій видъ, все усиливавшійся къ концу, и оживлялись только во время танцевъ, всегда биссировавшихся, кто бы и что бы ни танцовалъ. Пѣвцовъ - солистовъ публика слушала, но оркестровое исполненіе ее вовсе не интересовало, и во время увертюры и музыкальныхъ антрактовъ въ партерѣ громко разговаривали, входили и уходили изъ залы и вообще не обращали на музыку ни малѣйшаго вниманія. Помню, что на всѣхъ представленіяхъ оперы «Громобой» можно было видѣть, знакомую всей Москвѣ, фигуру старика графа Гудовича, возсѣдавшаго всегда въ первомъ бенуарѣ съ правой стороны. Графъ Гудовичъ былъ вообще цѣнитель музыки, въ очень старыхъ годахъ еще самъ игралъ на віолончели и, между прочимъ, любилъ Верстовскаго, особенно же его мазурку въ «Громобоѣ». Москва хорошо знала даже выѣздъ графа Гудовича, на козлахъ кареты котораго сидѣлъ эффектный курьеръ - егерь въ шляпѣ съ зелеными

перьями, что полагалось графу по его званію оберъ-егермейстера.

Музыка русской оперы была поистинѣ печальна и почти заслуживала апатичнаго отношенія къ ней публики. Уже одинъ видъ неподвижной, словно вставленной въ футляръ, спины, равномѣрно расчесанныхъ въ обѣ стороны бакенбардъ, вицъ-мундира и бѣлыхъ перчатокъ капельмейстера давалъ мало надежды на энергичное веденіе имъ оркестра, и, дѣйствительно, дирижеръ ко второму акту предавался уже дремотѣ, самъ себя убаюкивая равномѣрнымъ помахиваньемъ палочки, и проявлялъ безпокойство и нѣкоторое любопытство по поводу происходящаго въ оркестрѣ, лишь когда раздавался совершенно фальшивый аккордъ мѣдныхъ, или несвоевременное вступленіе другихъ инструментовъ. Оркестръ, занимая внѣшне большое пространство, былъ, однако, сравнительно малочисленъ и неправильно, для полученія полноты и красоты звука, составленъ и размѣщенъ; малочисленность состава оркестра по его штату увеличивалась еще частымъ манкированіемъ музыкантовъ, что замѣтно было даже и постороннему лицу по пустымъ мѣстамъ передъ пюпитрами, у которыхъ нерѣдко сидѣли, вмѣсто артистовъ, совершенно чуждые Евтерпѣ молодые люди (часто изъ студентовъ), проникавшіе въ оркестръ по знакомству безплатно, въ качествѣ контрабандныхъ зрителей.

Хоръ пѣлъ грубо, рѣзко, а въ то же время заглушался оркестромъ; и голоса, и самое пѣніе были плохи, а потому о красивой звучности пѣнія и думать было нечего; хористы были къ тому же положительно переутомлены и надорваны черезчуръ усиленной, ежедневной работой, такъ какъ они же пѣли и въ итальянской оперѣ, требовавшей непрестанныхъ репетицій и разучиванія новыхъ оперъ; кое-кто изъ мужскаго персонала, въ виду скудости жалованія, участвовалъ тайкомъ въ пѣвческомъ хорѣ. Хористки даже наружностью смущали новичка-зрителя: большинство изъ нихъ были стары и уродливы, или замѣчательно полны, или страшно худы; впередъ при этомъ всегда важно выступали самыя заслу-

женныя и тяжеловѣсныя дамы. И пѣніе, и игра хора совершенно не отвѣчали тому, что должно было происходить по ходу оперы на сценѣ; то вся компанія, несмотря на просительные или угрожающіе жесты стоящихъ за кулисами режиссера и хормейстера и слышное публикѣ шиканіе дирижера, во весь голосъ вопила: «тише, тише», а то при пѣніи «бѣжимъ, спѣшимъ» выражала полное благодушіе, довольство и не только не двигалась съ мѣста, но даже и жестовъ никакихъ не дѣлала, пока, наконецъ, какъ по командѣ, сразу не валила, подобно стаду овецъ, за кулисы. Жестовъ у хористовъ было только два: правой рукой впередъ или ею же вверхъ, а въ моментахъ сильнаго хороваго выступленія всѣ разомъ подбѣгали къ самой рампѣ, пугая сидѣвшихъ въ первомъ ряду пожилыхъ людей. Хористы чувствовали себя на сценѣ какъ дома, запаздывали выходомъ, болтали промежъ себя, не всегда слѣдили за дирижерской палочкой, а потому, когда на сцену выпускался еще военный оркестръ, то, несмотря на видимую публикѣ изъ-за кулисъ махавшую руку, влѣзавшаго даже на стулъ, хормейстера, получалась нерѣдко совершенная путаница звуковъ и начиналось то, что характеризуется пословицей: «кто въ лѣсъ, кто по дрова».

Солисты... Между ними бывали настоящіе артисты, обладавшіе хорошими голосами, какъ, напримѣръ, примадонна-сопрано А. Д. Александрова, но такихъ было не много и въ особенности мужской персоналъ далеко не выдавался музыкальностью и искусствомъ пѣнія. Басы Демидовъ и Радонежскій обладали сильными голосами, но пѣли плохо, иной разъ, казалось, просто ревѣли, не всегда знали надлежаще свою партію, а играли изъ рукъ вонъ плохо; и имъ, да и другимъ пѣвцамъ было не до игры, когда приходилось считать по пальцамъ, слѣдить невступно за дирижерской палочкой и помнить, что въ такое-то время надо отойти отъ авансцены, а то занавѣсъ зашибетъ, или стать на опредѣленное мѣсто, чтобы не помѣшать шествію войска и т. п. Изъ теноровъ припоминаю Николаева и Раппорта, пѣвцовъ съ

не сильными, но пріятными голосами, недолго почему-то фигурировавшихъ въ русской оперѣ, и Орлова, тенора съ громаднѣйшимъ голосомъ, легко покрывавшимъ въ «Жизни за Царя» и хоръ, и оркестръ, но безъ всякаго умѣнья пѣть. Орлова, кажется, вскорѣ послѣ его дебютовъ перевели въ Петербургъ. Сильнымъ, звучнымъ голосомъ (сопрано) обладала г-жа Менщикова. Но въ пѣніи ея былъ крупный недостатокъ,—она, случалось, детонировала. Контральтовыя партіи исполняли тогда г-жи Оноре и Иванова; въ качествѣ меццо-сопрано выступала, съ очень жиденькимъ голосомъ, г-жа Анненская, а обязанности баритона иногда бралъ на себя, оставшійся навсегда въ Москвѣ послѣ какой-то оперно-итальянской антрепризы, Финокки, человѣкъ талантливый, но уже «спавшій съ голоса», который къ тому же никогда и не былъ благозвучнымъ.

Большинство солистовъ, какъ истые русскіе, носили костюмы почти не лучше хористовъ и совершенно не достигали картинности, отличавшей почти всѣхъ итальянскихъ пѣвцовъ. Особенно въ смыслѣ красоты, помню, выдавался итальянецъ теноръ Николини, одно появленіе котораго въ глубинѣ сцены въ «Лючіи», закутаннымъ въ черный плащъ, тутъ же сбрасываемый, вызывало восторгъ публики. Въ ту пору, впрочемъ, костюмами серьезно и не занимались и хоръ пѣлъ, напримѣръ, въ «Пророкѣ», «Вильгельмѣ Теллѣ» и «Фаустѣ» въ однихъ и тѣхъ же «пейзанскихъ» костюмахъ; а «вельможи» и въ «Гугенотахъ» и въ «Пуританахъ», да, кажется, во всѣхъ итальянскихъ операхъ появлялись все въ тѣхъ же, не знавшихъ износа, но сильно загрязненныхъ и помятыхъ одѣяніяхъ.

Декораціи зданій, особенно же внутреннихъ комнатъ и залъ, писались въ то время безъ соотвѣтствія тѣмъ архитектурному стилю и орнаментикѣ, ко времени которыхъ они относились, и одна и та же декорація, изображающая дворцовую залу, фигурировала и въ «Лючіи», и въ «Балъ-маскарадѣ», и въ «Фавориткѣ», да еще въ какомъ-нибудь балетѣ, а потому измятостью и облѣзлостью очень свидѣтельствова-

ла о своемъ почтенномъ возрастѣ и понесенныхъ трудахъ Тотъ же «садъ» и «лѣсъ» появлялись въ цѣломъ рядѣ различныхъ оперъ и балетовъ и обстановкой вообще въ Большомъ театрѣ, особенно для оперы, не церемонились; но новыя декораціи въ иныхъ пьесахъ, вызывавшихъ почему-либо большую заботливость относительно постановки, бывали красивы и изящнѣе теперешнихъ. Машинная часть, находившаяся въ завѣдываніи гг. Ва́льцевъ, сперва отца, а затѣмъ сына (и нынѣ состоящаго главнымъ машинистомъ театра), была организована хорошо и публика часто награждала младшаго Вальца, и какъ декоратора, и какъ машиниста, вызовами. Свѣтовые эффекты достигались лучше, чѣмъ прежде, во времена оленина, благодаря газовому освѣщенію и примѣненію, временно въ какой-либо отдѣльной сценѣ, электрическихъ лучей, но, разумѣется, они не достигали теперешняго совершенства.

Балетныя представленія, особенно въ началѣ сезона и весною, когда не было итальянской оперы, давались чаще, чѣмъ теперь, но посѣщались публикой меньше, чѣмъ въ настоящее время. Зрительная зала наполнялась только на Рождественскихъ праздникахъ, на масляницѣ, при новыхъ балетныхъ постановкахъ, въ бенефисы и по случаю гастролей какой-либо знаменитой иностранной балерины. Въ обычное время балетъ собиралъ, хотя большее количество зрителей, чѣмъ русская опера, но театръ бывалъ далеко не полонъ; въ первомъ, отчасти и во второмъ, ряду сидѣли всегда на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ присяжные балетоманы, число коихъ было не мало и между которыми встрѣчались люди всѣхъ возрастовъ, начиная съ безусыхъ юношей и кончая убѣленными сѣдиною старцами. Часто посѣщалъ балетъ извѣстный всей Москвѣ магнатъ—князь Николай Ивановичъ Трубецкой. Онъ важно и медленно, старческой походкой небольшаго роста человѣка, подходилъ, никому не кланяясь. и глядя прямо впередъ, къ своему мѣсту на лѣвой сторонѣ перваго ряда, вооруженный большимъ биноклемъ. Въ партерѣ же, конечно въ первомъ ряду, возсѣдалъ оберъ-поли-

ціймейстеръ Араповъ, входившій лѣнивой походкой и сидѣвшій затѣмъ весь спектакль неподвижно и безучастно, сохраняя на застывшемъ лицѣ равнодушное выраженіе. Въ третьемъ или четвертомъ ряду выдавалась громоздкая, но молодцоватая фигура, съ длинными, сѣдѣющими, ниспадающими усами, полиціймейстера Огарева. Нерѣдко въ нижней боковой ложѣ съ лѣвой стороны, подъ большой Императорской, показывалась характерная фигура тогдашняго генералъ-губернатора князя Долгорукова, а большую министерскую ложу съ правой стороны, во время выдающихся чѣмъ-либо спектаклей, какъ балетныхъ, такъ и оперныхъ, занимали князь М. В. и княгиня Л. Т. Голицыны. Въ ложахъ надъ бельэтажемъ часто появлялись воспитанницы старшихъ классовъ театральнаго училища съ классною дамой, всегда чинно и скромно сидѣвшія, не смѣвшія имѣть съ собою бинокля, что, впрочемъ, не мѣшало имъ переглянуться потихоньку или нечаянно столкнуться въ коридорѣ съ кѣмъ - либо изъ театральной молодежи, увлекавшейся той или другою изъ начинающихъ артистокъ.

Въ райкѣ возсѣдали не только случайные посѣтители, но и балетоманы, особенно энергично поддерживавшіе аплодисментами, дикими криками браво и бисъ и безконечными вызовами своихъ любимицъ или, напротивъ, неистово шикавшіе соперницамъ излюбленныхъ ими балеринъ, будто несправедливо поощрявшимся театральнымъ начальствомъ. Верхніе зрители иногда, напримѣръ, въ бенефисныя представленія, спускались передъ самымъ окончаніемъ балета внизъ, проникали въ партеръ и, ставъ у оркестра, шумѣли и неистовствовали во всю, такъ что приходилось, чтобы ихъ выжить, тушить люстру, а наиболѣе ретивыхъ крикуновъ и свистуновъ выводить какъ изъ партера, такъ и въ особенности изъ райка. Припоминаю случай, когда партерная и райская балетная молодежь (въ большинствѣ студенты), соединившись внизу у рампы, разошлись настолько, что, обозлившись на то, что по окончаніи спектакля, несмотря на энергичные вызовы, не поднимали занавѣса и не выпускали вызывав-

щуюся ими балерину, запустили на сцену стуломъ, взятымъ изъ ложи бенуара, при чемъ стулъ упалъ въ помѣщеніе оркестра и разбилъ арфу извѣстной артистки г-жи Иды Папендикъ, игравшей на этомъ инструментѣ въ Большомъ театрѣ. Та же молодая публика собиралась по окончаніи балета у театральнаго подъѣзда, чтобы посмотрѣть поближе на любимыхъ артистокъ, а при случаѣ и тутъ учинить имъ овацію.

Букеты вышедшаго теперь изъ употребленія фасона, большіе, круглые, ровно цвѣтокъ къ цвѣтку сложенные, въ большинствѣ изъ камелій, а также цвѣточныя корзины и вѣнки меньшихъ, чѣмъ теперешніе, размѣровъ, обязательно съ лентами, подносились балеринамъ часто. Подавались они изъ оркестра капельмейстеромъ. Въ особо торжественныхъ случаяхъ, какъ-то въ бенефисы или въ прощальное воскресенье на масляницѣ, т.-е. въ послѣдній спектакль зимняго сезона (Великимъ постомъ театральныхъ представленій не бывало въ тѣ годы), кромѣ большихъ букетовъ, а иногда и цѣнныхъ подарковъ, изъ литерныхъ ложъ бросались на сцену къ ногамъ чествуемой артистки букетики и маленькіе вѣнки, что дѣлалось и въ оперныхъ представленіяхъ. Букеты заказывались обязательно въ цвѣточномъ заведеніи братьевъ Ѳоминыхъ.

Изъ старыхъ балетовъ въ шестидесятыхъ годахъ шли «Фаустъ», «Робертъ и Бертрамъ, или два вора», «Жизель», «Корсаръ», «Волшебная флейта», «Мельники», «Тщетная предосторожность» и новые: «Дочь фараона», «Конекъ-горбунокъ», «Фіаметта», «Царь - Кандавлъ», «Папоротникъ», «Донъ - Кихотъ» и балеты-дивертисменты «Василискъ» и «Валахская невѣста». Первой танцовщицей состояла А. І. Собещанская, а на вторыхъ роляхъ была, занявшая впослѣдствіи мѣсто Собещанской, совсѣмъ еще молодая, недавно дебютировавшая, П. М. Карпакова 1-я, пользовавшаяся особымъ расположеніемъ молодежи, устраивавшей ей грандіозныя оваціи: арфа была разбита именно въ честь ея. Изъ иностранныхъ балеринъ я помню г-жъ Кукки, Гранцеву и Дооръ, изъ которыхъ наибольшій успѣхъ въ Москвѣ имѣла Гранцева, довольно

долго остававшаяся на нашей сценѣ. Иногда въ московскомъ балетѣ появлялась петербургская танцовщица Кеммереръ, отлично исполнявшая характерные танцы. Изъ наиболѣе выдающихся солистокъ того времени припоминаю г-жъ Дюшенъ [1]), Савицкую, Рябову, плѣнявшую своею миловидностью и граціей Шапошникову, Карпакову 2-ю, Горохову и замѣчательно красивыхъ, скоро оставившихъ сцену, Авиловy и Борегаръ. Въ мужскомъ персоналѣ первыми танцовщиками выступали Соколовъ, Ермоловъ, Никитинъ и комикъ,—уже не молодой, но замѣчательно талантливый Ваннеръ; драматическія роли, требовавшія мимики, поручались обладавшему выдающимися мимическими способностями Рейнсгаузену, царей и вельможъ изображали состарившіеся артисты Фредериксъ и Кузнецовъ, а царицъ г-жа Полякова; молодымъ исполнителемъ характерныхъ ролей выступалъ, отличившись сразу въ роли Иванушки-дурачка въ «Конькѣ-горбункѣ», г-нъ Гельцеръ. Русскую прекрасно плясалъ въ этомъ же балетѣ Кондратьевъ. Изъ иностранцевъ танцоровъ помню красиваго и ловкаго Бекефи и комика-эксцентрика Эспинозу, замѣчательно маленькаго ростомъ, но съ длиннѣйшимъ носомъ, производившаго невѣроятные скачки и прыжки.

Музыкальная сторона балетнаго дѣла стояла на той же высотѣ, какъ и въ оперѣ, но при большей легкости музыки казалась вполнѣ удовлетворительной, тѣмъ болѣе что оркестровые солисты были настоящіе артисты и исполненіе ими своихъ номеровъ было безупречно. Оркестромъ въ балетахъ дирижировали сперва Лузинъ, а потомъ Богдановъ, братъ

[1]) Въ опереткѣ Зуппе «Десять невѣстъ и ни одного жениха», дававшейся на сценѣ Малаго театра, Живокини, игравшій въ ней главную роль, восхваляя по пьесѣ передъ женихомъ танцы одной изъ его дочерей-невѣстъ, прибавлялъ отъ себя такой куплетъ:

«Ни Дюшенъ, ни Карпакова,
Не станцуютъ па такого!
Карпакова и Дюшенъ
Не станцуютъ этотъ шенъ».

знаменитой нѣкогда балерины Надежды Богдановой, долго танцовавшей, между прочимъ, въ Парижѣ, въ «Grand Opera». Ставить новые балеты обычно пріѣзжалъ изъ Петербурга г. Петипа, а режиссеромъ состоялъ (въ оперѣ Савицкій) Смирновъ. Очень мелодичную музыку къ балетамъ писалъ, завѣдывавшій оркестровой частью театра, г-нъ Минкусъ.

Старые балеты шли въ достаточно полинявшей и помятой постановкѣ; то же повторялось и въ дивертисментахъ, но новые большіе балеты ставились, особливо въ декораціонномъ отношеніи, хорошо.

Эскизная мазня съ мало соотвѣтствующимъ изображаемымъ предметамъ фантастическимъ подборомъ красокъ, непріятно поражающая теперь зрѣніе въ иныхъ декораціяхъ, — своего рода художественно-театральное декадентство, —тогда вовсе не существовала, и зрителю не приходилось задавать себѣ вопросъ, видитъ ли онъ на сценѣ дерево, скалу или корову, облака ли на горизонтѣ или бушующее море. Прежняя декораціонная живопись была менѣе груба, не такъ крикрива, быть-можетъ менѣе эффектна, но, напримѣръ, въ пейзажахъ ближе подходила къ природѣ; стилизація еще не была изобрѣтена, и въ общемъ декораціи давали большее впечатлѣніе красоты. Зато костюмы были несомнѣнно хуже настоящихъ; въ большинствѣ они были далеки отъ нужнаго стиля, аляповаты, всѣ смахивали на одинъ образецъ и не давали при группировкахъ красиваго сочетанія разныхъ цвѣтовъ; при этомъ весь танцующій персоналъ, а въ томъ числѣ и кордебалетъ, одѣвался обязательно въ классическіе танцовальные костюмы, т.-е. трико и короткія пышныя газовыя юбки для лицъ женскаго пола и тоже трико, короткіе панталоны и куртка для мужчинъ; лишь цари, царицы, вельможи, придворные, воины, гости, чудовища, видѣнія и другіе не танцующіе персонажи получали длинное, болѣе естественное платье.

Очень эффектно во всѣхъ отношеніяхъ былъ поставленъ, при ближайшемъ участіи К. Ф. Вальца, балетъ «Папоротникъ», либретто къ которому сочинилъ талантливый диллетантъ—

пѣвецъ и художникъ К. С. Шиловскій, подъ конецъ жизни поступившій въ труппу Малаго театра подъ фамиліей Лошивскаго. Онъ принималъ участіе и въ самой постановкѣ балета вмѣстѣ со своей матушкой Марьей Васильевной Шиловской, рожденной Вердеревской, въ то время вышедшей вторично замужъ за извѣстнаго всей Москвѣ любителя театра, литератора, веселаго, остроумнаго, замѣчательно красиваго В. П. Бѣгичева, мѣтко описаннаго Маркевичемъ въ романѣ «Четверть вѣка назадъ» подъ фамиліей Ошанина, занимавшаго должность инспектора репертуара Московскихъ театровъ. И М. В. Шиловская-Бѣгичева, и ея старшій сынъ Константинъ (впослѣдствіи Лошивскій) были личности выдающіяся по талантливости, особенно тяготѣвшія именно къ театру. Марья Васильевна обладала рѣдкимъ по красотѣ и силѣ контральто и удивительнымъ, врожденнымъ умѣньемъ пѣть. По признанію М. И. Глинки, никто не исполнялъ съ такимъ совершенствомъ, какъ она, арію изъ его «Жизни за Царя» — «Бѣдный конь въ полѣ палъ». Да и романсы Глинки и Даргомыжскаго она пѣла неподражаемо хорошо. Мнѣ пришлось слышать пѣніе Марьи Васильевны, когда ей было уже лѣтъ за сорокъ, но и тогда еще исполненіе ея было въ полной мѣрѣ превосходно. Вспоминаю одинъ вечеръ, во время котораго, по просьбѣ бывшаго у Шиловскихъ Даргомыжскаго, М. В. спѣла цѣлый рядъ романсовъ сочиненія гостя, а также Глинки, и совершенно зачаровала и его, и все присутствовавшее общество.

Въ гостепріимномъ домѣ Шиловскихъ почти каждый вечеръ собиралось «на огонекъ» разнообразное, очень интересное общество; здѣсь можно было встрѣтить рѣшительно всѣхъ представителей художественнаго театрально-музыкальнаго міра Москвы, а также пріѣзжихъ артистовъ всевозможныхъ ранговъ. Разнообразное музыкальное исполненіе, импровизація, чтеніе авторами ихъ произведеній, случайно устраивавшіеся молодежью танцы,—все это чередовалось въ обстановкѣ непринужденности и искренняго веселья. Шиловскіе обладали большими средствами, что и позволяло имъ вести такой

открытый образъ жизни, не граничившій, однако, съ роскошью. Ужинъ, заканчивавшій вечеръ, сервировался такой, какой оказывался налицо въ кухнѣ, и я помню, какъ нѣсколько разъ баритонъ русской оперы Большаго театра Финокки готовилъ для ужина макароны по-итальянски, дѣйствительно, очень вкусные.

Послѣ кончины Марьи Васильевны, жизнь сына ея К. С. Шиловскаго пошла оригинально и скорѣе бурно, но на всемъ ея протяженіи была посвящена художественной сторонѣ, не выходя изъ области культурной «богемы». Служеніе искусству въ той или иной формѣ, увлеченіе театромъ да широкая, какъ принято говорить, нерасчетливая натура К. С. привели къ тому, что очень большое его состояніе растаяло и подъ конецъ жизни онъ, не потерявъ, однако, присущей ему жизнерадостности, энергіи и добродушія, существовалъ съ семьей исключительно на получаемое въ Маломъ театрѣ жалованье. Помню, какъ Шиловскій (это было въ началѣ семидесятыхъ годовъ), ставъ самостоятельнымъ, увлекался внутренней отдѣлкой своего дома (на Тверской, на углу Дегтярнаго переулка, гдѣ теперь, кажется, кинематографъ), въ которомъ устроилъ постоянную сцену, музыкальный залъ и т. п. К. С. мало сидѣлъ на мѣстѣ и часто переѣзжалъ изъ Москвы въ имѣніе, за границу и въ провинцію, объѣхавъ чуть ли не всю Россію въ качествѣ гастролера—пѣвца, гитариста или драматическаго актера. К. С. обладалъ пріятнымъ баритономъ и унаслѣдовалъ отъ матери умѣнье выразительно пѣть романсы; имъ было ихъ сочинено—слова и музыка—большое количество, но далеко не всѣ были изданы; одно изъ наиболѣе легкихъ его произведеній сдѣлалось почему-то особенно извѣстнымъ въ публикѣ,—это «Тигренокъ». На гитарѣ Шиловскій игралъ какъ виртуозъ; какъ-то находясь въ Италіи, онъ совершилъ длительную экскурсію пѣшкомъ съ гитарой за плечами, въ качествѣ странствующаго пѣвца, заслуживая шумное одобреніе обитателей селъ и мѣстечекъ, въ которыхъ онъ «концертировалъ». Шиловскимъ было написано нѣсколько драматическихъ произведеній,

серьезныхъ и шуточныхъ, частью изданныхъ, частью ставшихъ достояніемъ близкихъ ему людей, а также не малое количество стиховъ, особенно юмористическихъ, и нѣсколько статей, посвященныхъ театру. И живопись была не чужда Шиловскому, при чемъ, однако, въ этой области онъ не пошелъ дальше диллетантства. Имъ, между прочимъ, были основаны, существующія до настоящаго времени, «среды», вечернія собранія художниковъ, на которыхъ каждый рисовалъ что-нибудь и эти произведенія тутъ же разыгрывались, а затѣмъ общество очень незатѣйливо ужинало и дѣйствительно весело, но и шумно, проводило время.

К. С. Шиловскій былъ очень друженъ съ коллегой его по «богемству» графомъ Ѳ. Л. Соллогубомъ и благодаря открытому, симпатичному характеру и большой обаятельности, былъ друженъ и любимъ всѣми корифеями того художественнаго міра, въ которомъ онъ провелъ всю свою, рано оборвавшуюся, жизнь. Въ молодыхъ годахъ—время студенчества — я былъ очень друженъ съ Шиловскимъ и добрыя отношенія наши сохранились до конца его жизни, хотя послѣ университета мы встрѣчались рѣдко, такъ какъ жизнь каждаго изъ насъ пошла своей особой дорогой.

Продолжая говорить о балетѣ, отмѣчу, что исполненіе танцевъ первыми сюжетами, солистками и корифейками стояло на должной высотѣ и едва ли пріѣзжія знаменитости, вродѣ г-жъ Гранцевой и Дооръ, съ точки зрѣнія зрителя-неспеціалиста въ танцовальномъ искусствѣ, стояли выше г-жъ Собещанской и Карпаковой. Солисты мужчины тоже дѣлали свое дѣло хорошо, подобно теперешнимъ; многіе изъ нихъ были даже граціозны; иные отличались недурной мимикой и вообще сценической игрой. Въ послѣднемъ отношеніи женскій персоналъ Московскаго балета, послѣ Лебедевой и Николаевой, былъ достаточно слабъ, и исполненіе балеринами драматическихъ мѣстъ балетовъ не выдавалось талантливостью. Кордебалетъ, въ противоположность солисткамъ, танцовалъ плохо; это была армія, какъ и хоръ въ оперѣ, мало дисципли-

нированная, работавшая весьма халатно и небрежно. Въ движеніяхъ кордебалетныхъ танцовщицъ не замѣчалось вовсе легкости и граціи, вступали и кончали онѣ не единовременно, составлявшіяся ими группы бывали не складны и безпорядочны, а танцовавшія въ ансамбляхъ «у воды», т.-е. на заднемъ планѣ сцены, въ сущности только помахивали руками, раскачивались и топтались на мѣстѣ; когда же всѣмъ имъ по ходу дѣла приходилось бѣжать, т.-е. «порхать» по сценѣ, или учинить единовременный прыжокъ, то раздавался громкій и длительный гулъ и топотъ, и можно было бояться, что полъ сцены не выдержитъ тяжести кордебалетныхъ сильфидъ. Многія изъ нихъ къ тому же,—это явленіе, хотя и въ меньшей степени замѣчалось и въ средѣ корифеекъ,—давно уже достигли почтеннаго возраста и, глядя на ихъ тяжеловѣсныя фигуры и довольно унылыя неказистыя лица, невольно думалось, что едва ли ихъ мѣсто въ балетѣ, гдѣ все должно бы быть красиво, легко, граціозно, молодо и весело.

Особенность, отличавшая Московскій балетъ, заключалась, между прочимъ, въ томъ, что танцы, а также костюмы балеринъ были совершенно скромны. Благодаря этому въ исполненіи, хотя бы и хорошемъ, какого-нибудь танца иногда не хватало страстности или вѣрнѣе чувственности, соотвѣтствовавшихъ данному «па», но зато исполненіе было строго классическое, пріятно плѣнявшее чистотой и благородствомъ движеній и позъ, а также строгостью костюма. Личный составъ Московскаго балета того времени не имѣлъ вообще ничего общаго съ легкостью нравовъ, присущей почти всѣмъ европейскимъ балетнымъ труппамъ. Громадное большинство служительницъ Московской Терпсихоры были далеки отъ веселаго прожиганія жизни, а существовали скромно, семейно, скорѣе по-мѣщански, чѣмъ въ духѣ легкомысленной театральной богемы.

Дѣятели сцены, будь то представители драмы, оперы или балета, всегда обращаютъ на себя особое вниманіе общества, что неизбѣжно связано съ ихъ профессіей, а жрицы

Терпсихоры, особенно близкія культу граціи и красоты болѣе другихъ. Неудивительно поэтому, что онѣ и въ описываемую эпоху увлекали посѣтителей театра и не только талантливостью, а именно внѣшней красотой въ широкомъ ея пониманіи. Въ молодыхъ миловидныхъ танцовщицъ влюблялись тогда очень легко и совершенно серьезно. Мнѣ вспоминается длинный рядъ браковъ, удачныхъ и неудачныхъ, въ большинствѣ, однако, счастливыхъ, которыми заключались ухаживанья и романы, возникавшіе въ шестидесятыхъ годахъ между членами Московскаго интеллигентнаго общества въ разныхъ его классахъ и балетными барышнями. Эти ухаживанья, въ особенности когда они относились еще къ не оставившей театральное училище воспитанницѣ балетнаго отдѣленія, уже выступавшей публично на сценѣ, принимали странныя, часто забавныя, нерѣдко наивныя и во всякомъ случаѣ увлекавшія обѣ стороны формы. Воспитанницъ театральной школы въ то время не отпускали даже на домъ, у иныхъ не было въ Москвѣ своей семьи, а за поведеніемъ ихъ до чрезвычайности требовательно и строго слѣдили тогда начальница школы и надзирательницы, уподобляясь стариннымъ испанскимъ дуэньямъ, а потому переписываться, объясняться, а тѣмъ болѣе видѣться съ воспитанницами для влюбленныхъ въ нихъ молодыхъ людей было очень трудно. Но всѣ препятствія, при обоюдномъ стараніи, устранялись все-таки, и иной разъ романъ завязывался и развивался еще до офиціальнаго знакомства и встрѣчи влюбленныхъ. Это былъ часто совершенно невинный флиртъ, «игра въ любовь», очень заманчивая, кончавшаяся, однако, въ большинствѣ, какъ я уже говорилъ, серьезно. Тутъ пускалось въ ходъ ношеніе галстука цвѣта излюбленнаго «ею»; если возможна была подача воспитанницѣ букета на сценѣ, то въ таковой, въ самую его глубину, пряталась визитная карточка, а если знакомство уже было заключено, записочка. Никогда не пропускались случаи появленія воспитанницъ въ открытыхъ ложахъ Большаго театра, а при возвращеніи на сцену онѣ всегда встрѣчались съ поджидавшимъ ихъ

кавалеромъ, успѣвавшимъ иногда сказать слова два «своей» воспитанницѣ. Потомъ проводы воспитанницъ отъ театральнаго подъѣзда въ школу, куда онѣ отвозились въ театральныхъ рыдванахъ, и болѣе смѣлыя выступленія: появленія за кулисами въ видѣ пожарнаго, подъ сценой—въ качествѣ рабочаго и т. п.

Помню забавный эпизодъ, разыгравшійся на этой почвѣ въ Большомъ театрѣ. Молодежь изъ театраловъ рѣшилась во что бы то ни стало проникнуть на репетицію, на которыя тогда никто не допускался, какого-то новаго балета и достигла желаемаго, подкупивъ одного изъ театральныхъ сторожей, который пустилъ молодую компанію, человѣкъ въ восемь, въ день имѣвшей состояться вечеромъ репетиціи съ трехъ часовъ дня въ раекъ, у котораго существуетъ, какъ извѣстно, свой особый входъ и лѣстница; сторожъ заперъ вошедшихъ на замокъ, а по окончаніи репетиціи долженъ былъ выпустить плѣнниковъ. Молодые люди, предвидя долгое скучное сидѣнье въ райкѣ, гдѣ въ противоположность настоящему раю, царила днемъ, да и вечеромъ при репетиціи, полнѣйшая темнота, запаслись провизіей и увеселительными напитками, а также потайными фонарями, благодаря чему, а главное безусловной молодости, очень весело проводили время даже до начала репетиціи, соблюдая притомъ обѣщаніе не шумѣть. Но случилось, уже во время репетиціи, что кто-то изъ театраловъ почувствовалъ себя нездоровымъ настолько, что ему показалось необходимымъ немедленно покинуть убѣжище, и онъ, не предупредивъ остальныхъ товарищей найдя входную дверь запертой, поднялъ стукъ. Шумъ этотъ услыхалъ не тотъ сторожъ, который впустилъ молодыхъ людей, и испугавшись доложилъ о стукѣ инспектору зданія; незадолго передъ тѣмъ изъ коридоровъ верхнихъ ярусовъ было похищено нѣсколько фонарей, а потому явилось предположеніе, что въ театръ забрались злоумышленники. Все театральное начальство, бывшее налицо на репетиціи, въ предшествіи многочисленныхъ сторожей съ фонарями, поднялось на галерку, гдѣ пораженнымъ взорамъ чиновни-

ковъ и служителей представилась группа вовсе не разбойниковъ, а хорошо знакомыхъ всѣмъ молодыхъ людей, скромно сидѣвшихъ, припрятавъ провизію, на лавочкахъ у барьера. На вопросъ начальства: «Что вы тутъ дѣлаете»? юноши отвѣтили: «Смотримъ репетицію», послѣ чего все общество свели внизъ, въ контору, хотѣли было послать за полиціей для составленія протокола, но такъ какъ никому не было ясно, какъ юридически квалифицировать уголовное дѣяніе, учиненное молодежью, то всѣхъ, достаточно посмѣявшись, отпустили съ миромъ домой. Провинившагося сторожа молодые люди не выдали.

Театральная школа, уже переведенная въ то время съ Большой Дмитровки на Софійку, не имѣла еще особаго драматическаго отдѣленія, а воспитанницамъ балетнаго класса, въ который зачислялись всѣ поступавшія, оказывавшимъ склонность и дѣйствительную способность къ драматической сценѣ, давались соотвѣтственные уроки, особо отъ остальныхъ, членами труппы Малаго театра. Школа въ тѣ годы, подъ начальствомъ Обера, велась наподобіе женскихъ институтовъ; въ театръ на репетиціи и представленія, куда воспитанницъ возили въ громадныхъ неуклюжихъ каретахъ, ихъ всегда сопровождала одна изъ классныхъ дамъ и нянюшки. Научное преподаваніе было поставлено въ школѣ не очень высоко, во всякомъ случаѣ значительно ниже гимназическаго, что зависѣло отъ того, что много времени удѣлялось на занятія спеціальными предметами (танцы и т. п.) и воспитанницы старшихъ классовъ часто были заняты на сценѣ. Кромѣ научныхъ предметовъ преподавались французскій языкъ и музыка (фортепьяно и пѣніе). Говоря о прежней театральной школѣ, нельзя не упомянуть, что всѣ наши наиболѣе знаменитые артисты ученики ея: Г. Н. Федотова, Н. А. Никулина, М. Н. Ермолова, Колосова, Н. М. Медвѣдева, Бороздина, С. В. Шумскій, М. П. Садовскій, И. В. Самаринъ учились въ школѣ.

Директоромъ московскихъ театровъ былъ Неклюдовъ, а инспекторомъ репертуара, что соотвѣтствовало должности помощника директора, Пельтъ. Вскорѣ, впрочемъ, долж-

ность директора московскихъ театровъ была упразднена и завѣдываніе театрами, подъ руководствомъ пребывавшаго въ Петербургѣ директора, было поручено управляющему Московской театральной конторой, каковую должность занялъ Пельтъ, а на его мѣсто былъ назначенъ Бѣгичевъ. Пельтъ не имѣлъ ничего общаго съ какимъ-либо отдѣломъ міра искусства, онъ былъ только дѣльный чиновникъ-администраторъ. Управленіе московскими театрами, кажется, съ самаго основанія ихъ, приняло характеръ бюрократическій, приказный, со строго во всемъ проведенной системой чиноначалія, служебнаго старшинства и подчиненности, при неуклонномъ соблюденіи канцелярскаго порядка съ его неизбѣжными рапортами, донесеніями, предписаніями, протоколами, значительно вредящими такому дѣлу какъ театральное, требующему по существу своему живаго, непосредственнаго, не стѣсняемаго никакими формальностями, управленія, имѣющаго въ виду лишь самое дѣло, а потому не стѣсняющагося чиновнымъ положеніемъ того или другого лица. То, что звалось прежде «казенщиной», являвшей изъ себя торжество формализма и равнодушіе къ заслоняемому условностями службы дѣлу, царило безмятежно надъ театрами въ шестидесятыхъ годахъ, препятствуя развитію и росту театральнаго дѣла, и такъ вкоренилось, что и въ настоящее время оно не чуждо театру. В. П. Бѣгичевъ былъ самъ по себѣ не «чиновникъ» и не былъ профаномъ въ художественной сферѣ; актеръ-любитель, авторъ нѣсколькихъ небольшихъ водевилей, онъ, казалось, былъ вполнѣ подходящъ для оживленія и обновленія театральнаго дѣла, но ему не удалось, или онъ не захотѣлъ сломить создавшуюся до него рутину и за время его службы въ театрѣ ничего не измѣнилось.

Припоминаю бывшій въ Большомъ театрѣ эпизодъ, рельефно рисующій тогдашнее настроеніе общества въ разнообразныхъ его слояхъ. Это было въ 1867 году. Въ день покушенія Каракозова на жизнь государя, 4 апрѣля, я, не зная ничего о таковомъ, отправился въ театръ, опоздавъ къ началу представленія.

Шла опера «Жизнь за царя». Я вошелъ въ зрительную залу во время антракта между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ и былъ сразу пораженъ необычайнымъ видомъ публики. Она была многочисленна и быстро пополнялась новыми зрителями; въ коридорахъ и всѣхъ проходахъ собирались группы и громко, возбужденно разговаривали, даже кричали. Мнѣ сейчасъ же совершенно незнакомыя лица сообщили, что изъ Петербурга получено извѣстіе о покушеніи на жизнь государя, что оно не удалось, что государь спасенъ, а злоумышленникъ—полякъ. Такова была первая версія, не возбудившая никакихъ сомнѣній въ виду Парижскаго покушенія. Когда поднялся занавѣсъ и раздались звуки «польскаго», вся рѣшительно присутствовавшая публика, безъ предварительнаго уговора, встала со своихъ мѣстъ и потребовала исполненія гимна. Конечно, требованіе ея было немедленно исполнено и гимнъ былъ пропѣтъ и артистами, и публикой съ такимъ воодушевленіемъ, которое трудно себѣ представить. Это было началомъ овацій, которыя, становясь все болѣе бурными, длились въ теченіе всего представленія, при чемъ театръ все болѣе и болѣе наполнялся лицами, спѣшившими туда не для выслушанія оперы, а узнавъ о покушеніи. Гимнъ былъ пропѣтъ многократно, и затѣмъ оркестръ и хоръ приступили было къ исполненію второго акта оперы, но это имъ такъ и не удалось на этотъ разъ: при первыхъ же звукахъ «польскаго» публика вставала, слышались крики: «не надо! Долой! Гимнъ!» и въ концѣ-концовъ всѣ исполнители «польскаго» на сценѣ побросали конфедератки на полъ, спѣли еще разъ гимнъ и занавѣсъ опустился. Послѣ антракта пошелъ прямо третій актъ, тоже не обошедшійся безъ овацій, разрѣшившихся съ новою силой въ первой картинѣ четвертаго дѣйствія, которую — сцену убійства Сусанина — опять-таки не удалось провести нормально: вышло такъ, что Сусанинъ побѣдилъ поляковъ. По окончаніи спектакля гимнъ пѣлся еще много разъ при неостывавшемъ энтузіазмѣ публики.

До возникновенія отдѣленія музыкальнаго Общества, музыка, какъ одинъ изъ элементовъ, слагающихъ общественную жизнь, не существовала въ Москвѣ: не было серьезной музыкальной школы, не было центра, объединяющаго артистовъ и направляющаго ихъ дѣятельность, не было главы и руководителя этого большого дѣла. Существовалъ оркестръ Большого театра, состоявшій исключительно изъ нѣмцевъ и чеховъ, было еще нѣсколько совершенно незначительныхъ частныхъ оркестровъ, небольшое количество учителей музыки, главнымъ образомъ игры на фортепьяно и пѣнія, изъ иностранцевъ; чужеземные наѣзжіе артисты давали концерты, въ полкахъ были военные оркестры, публика увлекалась свыше мѣры Итальянской оперой, музыкальнѣе которой она ничего и представить себѣ не могла, и, наконецъ, въ отдѣльныхъ просвѣщенныхъ семьяхъ культивировалась домашняя «камерная» музыка, игрались композиціи Бетховена и другихъ классиковъ—и только.

Кажется, въ 1866 году въ Москву пріѣзжалъ новаторъ музыкально-оркестроваго дѣла, предшественникъ Вагнера, Берліозъ съ цѣлью дать нѣсколько симфоническихъ концертовъ, и былъ пораженъ скудостью оркестровыхъ средствъ Москвы, противорѣчившей общей музыкальности русскихъ. Тогда, помню, состоялся грандіозный народный концертъ, устроенный Рубинштейномъ въ манежѣ на Моховой, гдѣ оркестромъ дирижировалъ Берліозъ. Послѣднимъ номеромъ концерта былъ финалъ изъ «Жизни за царя», исполненный, кажется, всѣми безъ исключенія Московскими оркестрами: театральнымъ, частными и военными, при участіи хоровъ театральнаго и музыкальнаго Общества и пѣвческихъ капеллъ. Всей этой массой дирижировалъ Берліозъ, а отдѣльными группами исполнителей Рубинштейнъ и князь Ю. Н. Голицынъ.

Въ Московскомъ обществѣ того времени уже чувствовалась потребность въ серьезной организаціи музыкальнаго дѣла и сказывался запросъ на «русскую» музыку, вызванный Глинкой и Даргомыжскимъ. Какъ бы отвѣчая на этотъ

запросъ, въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ качествѣ общественнаго дѣятеля на этомъ поприщѣ, выступилъ Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ, и съ присущими ему выдающейся талантливостью, несокрушимой энергіей и любовью къ своему дѣлу въ короткое время создалъ для Москвы настоящую музыкальную атмосферу, въ которой быстро и правильно стали развиваться всѣ отрасли этого искусства. Москва обязана именно Рубинштейну тѣмъ, что менѣе чѣмъ въ десятилѣтіе въ ней создались серьезное музыкальное Общество, консерваторія, образовался великолѣпный симфоническій оркестръ, поднялись въ обществѣ музыкальный вкусъ, пониманіе и потребность въ серьезной музыкѣ, возникло нотное издательство и явились русскіе музыканты, которымъ вскорѣ пришлось исполнять творенія русскихъ композиторовъ,—русскихъ не только по происхожденію, но по духу, по оригинальному творческому замыслу и выполненію.

Въ 1865 году музыкальное Общество, уже солидно сформировавшись, процвѣтало въ полной мѣрѣ; на его симфоническія собранія, имѣвшія мѣсто въ залѣ Дворянскаго Собранія, гдѣ исполнялись лучшія произведенія классическаго и новѣйшаго репертуара, въ томъ числѣ и отечественныя, какъ оркестровыя, такъ и сольныя, собиралась вся интеллигентная и элегантная Москва,—болѣе свѣтскіе слои внизу, а все остальное на хорахъ. Въ то время другихъ музыкальныхъ собраній симфоническаго характера не существовало, а Николай Григорьевичъ такъ успѣшно пропагандировалъ идею серьезной музыки, что посѣщеніе по субботамъ концертовъ музыкальнаго Общества стало какъ бы обязательнымъ для москвичей. Люди, вовсе не увлекавшіеся музыкой, жестоко скучавшіе даже во время исполненія длинныхъ симфоній, считали своей обязанностью бывать на симфоническихъ собраніяхъ. Публики собиралось такъ много, что она не только переполняла большую колонную залу, но занимала всѣ мѣста въ сосѣдней гостиной, гдѣ, какъ и въ залѣ, стулья ставились рядами. Въ число исполнителей хора музыкальнаго Общества вступали любители-

пѣвцы изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ Московскаго общества, не исключая представителей «высшаго общества». Дамы, отправляясь на концерты музыкальнаго Общества, одѣвались по-бальному, а вся мужская публика внизу являлась не иначе какъ во фракахъ. Большую сенсацію производили на этихъ концертахъ, отличавшіяся красотой и элегантностью, г-жи Борисовская и Миліоти.

Все дѣло велъ самъ Рубинштейнъ, дирижируя оркестромъ и хоромъ и вырабатывая программы музыкальныхъ исполненій. Помощниками ему по музыкальной части были гг. Альбрехтъ, Лангеръ, по административной князь Н. П. Трубецкой, князь Ю. А. Оболенскій, Торлецкій. Въ это время былъ созданъ Рубинштейномъ проектъ учрежденія при музыкальномъ Обществѣ консерваторіи, и Н. Г. формировалъ уже кадры будущихъ профессоровъ ея, въ число которыхъ привлекъ П. И. Чайковскаго, и вообще подготовлялъ открытіе консерваторіи, вскорѣ и осуществившееся.

Прямо легендарной представляется личность Н. Г. Рубинштейна теперь, когда по прошествіи многихъ лѣтъ оглядываешься на все то, что имъ было сдѣлано, и вспомнишь, какую кипучую, но продуктивную, безъ малѣйшаго отдыха дѣятельность онъ проявлялъ тогда. Казалось, созданіе и управленіе музыкальнымъ Обществомъ и консерваторіей, директорство которой онъ взялъ на себя, и гдѣ, кромѣ того, онъ самъ велъ классъ фортепьянной игры, было болѣе чѣмъ достаточно и для сильнаго человѣка, но Рубинштейнъ не ограничивался этимъ; не было, кажется, ни одного концерта, дававшагося въ пользу дѣйствительно достойнаго общеполезнаго дѣла, въ которомъ Н. Г. не выступалъ бы въ качествѣ дирижера оркестра или солиста. Онъ былъ неизмѣннымъ руководителемъ концертовъ, дававшихся въ пользу недостаточнаго студенчества, велъ спѣвки хора музыкальнаго Общества, и къ нему же по всѣмъ дѣламъ, какъ къ хозяину музыкальной Москвы, обращались всѣ пріѣзжіе въ Москву музыканты. А затѣмъ сколько хлопотъ и денежныхъ тратъ приносили ему заботы о недостаточныхъ ученикахъ кон-

серваторіи и, уже совершенно ему чуждыхъ, разныхъ инвалидахъ музыкальной профессіи. Н. Г. былъ въ полной мѣрѣ отзывчивый и добрый человѣкъ, не умѣвшій отказывать, когда его помощь дѣйствительно была нужна, при чемъ онъ совершенно не считался со своими личными средствами и раздавалъ гораздо даже больше, чѣмъ самъ имѣлъ, живя потомъ въ долгъ.

Но зато Рубинштейнъ былъ горячо любимъ Москвой, которая сумѣла оцѣнить его еще при жизни, и каждое публичное его выступленіе сопровождалось оваціями въ его честь. Несмотря на то, что Н. Г. былъ строгъ и требователенъ съ публикою, воспрещая, напримѣръ, входъ въ концертный залъ во время начавшагося уже исполненія музыкальнаго номера, что сперва казалось москвичамъ даже оскорбительнымъ, и не допуская разговоровъ и болтовни въ публикѣ во время музыкальнаго исполненія, Рубинштейна «обожали», а когда онъ становился за дирижерскій пюпитръ и передъ началомъ исполненія обводилъ глазами залу, всѣ притихали, какъ бы замирая. Рубинштейнъ былъ вообще, несмотря на добродушіе, очень вспыльчивъ и иногда не сдержанъ. Помню, какъ на спѣвкахъ хора музыкальнаго Общества, въ числѣ исполнителей котораго я состоялъ, Н. Г., когда дѣло не ладилось и какая-либо часть хористовъ,—обычно тенора, а иногда сопрано,—пѣла невѣрно или сбивалась въ тактѣ, кричалъ на провинившихся пѣвцовъ, приводя дамъ и дѣвицъ, продолжавшихъ впрочемъ имъ восхищаться, въ трепетъ, и отбивалъ тактъ дирижерской палочкой столь энергично, что часто ломалъ ихъ, иногда по двѣ на одной спѣвкѣ.

Москвичи и въ частной жизни баловали и ухаживали за Н. Г., успѣвавшимъ какимъ-то чудомъ бывать и въ обществѣ, и принимать у себя друзей. Обычно у Н. Г. собирались по воскресеньямъ къ завтраку, длившемуся очень долго и сопровождавшемуся крупной игрой въ карты, къ которой Рубинштейнъ былъ вообще склоненъ, въ большинствѣ проигрывая. Въ числѣ близкихъ Н. Г. лицъ состоялъ П. И. Юргенсонъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ открывшій сравни-

тельно небольшую музыкальную торговлю. Но вскорѣ Юргенсонъ, при поддержкѣ Н. Г., взялся за музыкальное издательское дѣло, въ то время новое въ Россіи, такъ какъ до Юргенсона все выписывалось изъ-за границы и у насъ издавались лишь мелочи въ родѣ романсовъ, салонныхъ пьесъ и танцевъ, или въ небольшомъ количествѣ и крупныя вещи, но по весьма высокой, недоступной широкой публикѣ, цѣнѣ (напримѣръ, «Жизнь за царя» стоила 10 р.). Громадная заслуга Юргенсона состояла въ томъ, что онъ рѣшился на изданіе нотъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ композиторовъ по небывало дешевой цѣнѣ, благодаря чему стоимость нотъ значительно понизилась и онѣ быстро стали распространяться во всѣхъ слояхъ общества. Одно время Николай Григорьевичъ жилъ вмѣстѣ съ П. И. Чайковскимъ, гдѣ мнѣ у нихъ приходилось встрѣчаться, въ числѣ другихъ, съ актеромъ Малаго театра И. В. Самаринымъ, состоявшимъ преподавателемъ драматическаго искусства и дикціи въ консерваторіи.

Рубинштейнъ былъ человѣкомъ жизнерадостнымъ и, отдавая почти все свое время работѣ, любилъ бывать въ веселомъ обществѣ, засиживался иногда въ гостяхъ, или въ клубѣ до утра, но въ назначенное время являлся въ консерваторію свѣжій и бодрый. Какъ примѣръ удивительной силы воли и крѣпости его, приведу случай, которому я былъ свидѣтелемъ: Н. Г. долженъ былъ на одномъ студенческомъ концертѣ дирижировать какой-то крупной оркестровой вещью; приблизительно за четверть часа до начала этого музыкальнаго номера онъ пріѣхалъ въ Собраніе прямо съ какого-то юбилейнаго торжественнаго обѣда, послѣ безсонной (какъ онъ самъ намъ говорилъ) ночи и цѣлаго дня, проведеннаго безъ отдыха въ работѣ въ консерваторіи, и потомъ на какомъ-то засѣданіи, — настолько усталый, что онъ прямо въ изнеможеніи упалъ въ артистической комнатѣ на диванъ, и всѣмъ намъ казалось немыслимымъ, чтобы онъ могъ провести большую и сложную оркестровую композицію. Мы предложили Н. Г. объявить публикѣ, что его

померъ отмѣняется вслѣдствіе его нездоровья, но онъ не согласился, и когда наступилъ его чередъ, всталъ и направился на эстраду; онъ такъ ослабѣлъ, что его пришлось вести подъ руки, и мы съ волненіемъ слѣдили за безконечно усталымъ, померкшимъ выраженіемъ его поблѣднѣвшаго лица, опасаясь обморока. Но какъ только Н. Г., войдя на капельмейстерское мѣсто на эстрадѣ, взялъ въ руки дирижерскую палочку, онъ тотчасъ же преобразился: отъ утомленія ни въ выраженіи лица, ни въ движеніяхъ не осталось слѣда, онъ также строго и требовательно, какъ всегда, окинулъ взглядомъ залу и оркестръ и затѣмъ провелъ съ поразительною энергіей и обычною музыкальностью всю пьесу. Но уже домой мы не рѣшились отпустить его одного и довезли его къ себѣ въ каретѣ, настолько онъ опять казался обезсиленнымъ.

Надо думать, что чрезмѣрная работа, соединенная къ тому же съ массою тяжелыхъ хлопотъ и непріятностей, обязательно связанныхъ съ основаніемъ и первоначальнымъ веденіемъ новаго большого дѣла, да отсутствіе отдыха и въ немногіе свободные часы, не дали возможности Н. Г. творить какъ музыкальному композитору, но зато онъ далъ Москвѣ такъ много по своей спеціальности, что давно пора была бы москвичамъ подумать о постановкѣ ему хотя бы скромнаго памятника.

Одно время въ Москвѣ пользовался значительной популярностью какъ музыкальный дѣятель князь Ю. Н. Голицынъ, личность вообще далеко не заурядная. Внѣшній видъ князя уже былъ выдающійся: красивый, высокаго роста, съ большой черной бородой, онъ, строгимъ выраженіемъ правильныхъ чертъ лица и холодныхъ глазъ, производилъ сильное впечатлѣніе. Одѣвался онъ оригинально и очень эффектно. Вокругъ его личности слагались цѣлыя легенды, и онъ казался таинственнымъ, почти страшнымъ и увлекательнымъ. Говорили, что одно время онъ былъ весьма богатъ, жилъ черезчуръ роскошно и открыто, разорился, вновь разбогатѣлъ, содержалъ собственный великолѣпный оркестръ и хоръ, когда состоялъ Тамбовскимъ предводи-

телемъ дворянства. О немъ разсказывались прямо-таки фантастическія вещи: романтическое похищеніе, совершонное при удивительныхъ условіяхъ, поѣздка въ Америку...

И вдругъ такой поразительный человѣкъ оказался въ Москвѣ простымъ содержателемъ и регентомъ хора пѣвчихъ, но хора огромнаго, обслуживавшаго, разбиваясь на отдѣльныя части, всю Москву. Голицынскіе пѣвчіе пѣли дѣйствительно прекрасно, и въ то время было принято въ «обществѣ» приглашать на домашнія богослуженія и на свадьбы хоръ Голицына. Пѣвчіе являлись безъ хозяина своего, но ко времени исполненія какого-либо выдающагося пѣснопѣнія въ церковь или въ частный домъ являлся самъ Голицынъ и, лично продирижировавъ этотъ номеръ, уѣзжалъ.

Еще большею извѣстностью пользовался въ Москвѣ современникъ Голицына — графъ В. А. Соллогубъ, авторъ знаменитаго въ свое время очерка «Тарантасъ» и множества, не сходившихъ тогда со сцены, комедій и водевилей. Музыка была чужда графу Соллогубу, но музыкальное дѣло, также какъ театръ и вообще весь художественно-артистическій міръ, были той атмосферой, въ которой жилъ В. А. Онъ, какъ извѣстно, состоялъ одно время на государственной службѣ, завѣдывалъ тюремнымъ дѣломъ и создалъ функціонирующій и теперь въ Москвѣ работный домъ; но тѣмъ не менѣе графъ совсѣмъ не былъ бюрократомъ-чиновникомъ; онъ представлялъ изъ себя оригинальный типъ «аристократа-богема» и чувствовалъ себя вполнѣ дома лишь въ средѣ литераторовъ, художниковъ и артистовъ. Талантливый, остроумный, блестящій ораторъ, графъ Соллогубъ былъ очень цѣнимъ Московскимъ обществомъ, повторявшимъ его остроты и bons mots, вродѣ, ставшаго классическимъ, «благодарю, не ожидалъ», фразы, которою кончалась каждая строфа длиннаго и все нароставшаго стихотворенія В. А., сказаннаго имъ впервые экспромптомъ. Графъ былъ незамѣнимъ на банкетахъ, гдѣ онъ произносилъ рѣчи и тосты, полные остроумія, воодушевленія и веселія; онъ выступалъ одинаково талантливымъ ораторомъ, говоря по-русски и по-французски

Помню, какъ за однимъ ужиномъ, дававшимся болѣе состоятельными распорядителями концерта въ пользу недостаточнаго студенчества участникамъ его, главнымъ образомъ итальянцамъ-пѣвицамъ и пѣвцамъ, приглашенный, въ качествѣ почетнаго гостя, графъ Соллогубъ совершенно восхитилъ иностранцевъ своимъ ораторскимъ искусствомъ и способностью къ импровизаціи. Послѣ этого же ужина, прошедшаго весело и оживленно, кто-то изъ молодежи плясалъ въ назиданіе итальянцамъ трепака подъ акомпаниментъ, художественно импровизированный въ четыре руки, присутствовавшими тоже на ужинѣ, Н. Г. Рубинштейномъ и Вивьеномъ.

Разъ какъ я коснулся людей, извѣстныхъ всей Москвѣ, то упомяну здѣсь о лицѣ, хорошо знакомомъ Московскому обществу, хотя лицо это не выступало ни на какомъ поприщѣ общественной дѣятельности. Я говорю о княжнѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Гагариной, скончавшейся въ преклонномъ возрастѣ лѣтъ четырнадцать тому назадъ. Княжна Гагарина представляла изъ себя прототипъ московской барыни добраго стараго времени, столь художественно начертанный Л. Н. Толстымъ въ лицѣ старухи Ахросимовой. Княжна не занимала никакого офиціальнаго положенія въ Москвѣ, не имѣла придворнаго званія, не была богата, а между тѣмъ къ ней на поклонъ въ дни ея именинъ и на праздникахъ ѣздила вся Москва; ея боялись, такъ какъ она, не стѣсняясь, говорила всѣмъ въ лицо правду, иногда далеко не пріятную, и не выбирая выраженій, постоянно мѣшая русскую рѣчь съ французской; она знала въ Москвѣ всѣхъ и все, хотя никогда почти не выходила изъ дома, да и у себя пребывала недвижимо въ одной комнатѣ, полулежа на кушеткѣ. Но несмотря на ея «злой языкъ», иногда дѣйствительно больно язвившій, и то, что она легко сердилась и не щадила на словахъ людей, ее огорчавшихъ, или въ дурномъ поступкѣ которыхъ она убѣдилась, княжна Екатерина Андреевна была чрезвычайно добра и вѣчно хлопотала за разныхъ сиротъ и брошенныхъ дѣтей, помогала имъ, а также нескончаемому ряду неудачниковъ, успѣвшихъ ее разжалобить, и все-

гда заступалась за несправедливо, по ея мнѣнію, обиженныхъ. Въ этихъ случаяхъ она, если это было нужно для достиженія ея цѣли, забывала о своей немощности и ѣхала на извозчикѣ къ тому лицу, которое должно было помочь въ заинтересовавшемъ ее дѣлѣ, и всегда добивалась аудіенціи, или писала тому лицу записку, ставя адресата въ крайне тяжелое положеніе, ибо почеркъ у Е. А. былъ неразборчивъ до невозможности.

Тогдашній генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ былъ очень расположенъ къ Е. А., чѣмъ она часто пользовалась, обращаясь къ его въ то время могущественному содѣйствію для достиженія взятой ею на себя задачи. Быть-можетъ, не всегда покровительствуемыя княжной лица были достойны предпринятыхъ въ ихъ пользу хлопотъ, и въ сущности обманывали ея довѣріе, но это уже была не вина Екатерины Андреевны, которая никогда не руководствовалась личными соображеніями. Жила она совершенно одна послѣ смерти пріемной дочери, а небольшія матеріальныя средства ея заключались въ пенсіи, получавшейся ею за службу отца, и въ небольшой суммѣ, ежегодно выплачивавшейся ей однимъ изъ ея племянниковъ, человѣкомъ очень богатымъ. Для личной помощи всѣмъ бѣднымъ, которые къ ней обращались, ей не могло хватать ея личныхъ средствъ, но эту обязанность брали на себя близкіе ей люди, обладавшіе хорошими средствами, благодаря чему штатъ ея бѣдныхъ былъ очень великъ. Послѣ ея смерти остался, бережно хранимый ею, небольшой капиталъ въ процентныхъ бумагахъ, завѣщанный ею одному изъ многочисленныхъ ея воспитанниковъ, наличныхъ денегъ не оказалось, и расходы по похоронамъ взялъ на себя тотъ же племянникъ, который при жизни поддерживалъ ее.

Большимъ другомъ княжны Гагариной состоялъ, тоже хорошо знакомый Москвѣ, докторъ Павелъ Яковлевичъ Майоръ. Это былъ типичнѣйшій представитель прежняго Московскаго быта. Нѣмецъ по происхожденію, съ дѣтства обрусѣвшій, воспитанникъ Московскаго Университета еще тѣхъ временъ, когда многіе профессора медицинскаго

факультета читали по-латыни, онъ въ шестидесятыхъ годахъ былъ уже старикомъ, но добрымъ и оживленнымъ какъ юноша, и цѣлый день разъѣзжалъ по Москвѣ, посѣщая своихъ кліентовъ. Кліенты эти не были, однако, какъ можно было думать въ виду званія Майора, больными; это были просто близкія ему съ ранней юности семьи, въ которыхъ онъ числился «домашнимъ докторомъ», получая опредѣленное годовое жалованье, но ограничивая самостоятельное лѣченіе лишь такими болѣзнями какъ насморкъ, перемежающаяся лихорадка и «простуда»; главная же его обязанность состояла въ рѣшеніи вопроса, если кто-нибудь въ семьѣ заболѣлъ, серьезный ли это случай и нужно ли позвать доктора. Хотя Майоръ былъ «аллопатъ», но онъ предпочиталъ лѣчить гомеопатіей, крупинками «аконита» и «белладонны», ибо настоящихъ лѣкарствъ, кромѣ хины, горчичниковъ, касторовaго масла, липоваго цвѣта и ромашки, опасался. По окончаніи курса на медицинскомъ факультетѣ Павелъ Яковлевичъ поступилъ домашнимъ докторомъ въ многочисленную семью князя Андрея Петровича Оболенскаго и провелъ всю свою жизнь въ этомъ званіи въ этой, весьма разросшейся со временемъ, семьѣ, но не столько какъ докторъ, о чемъ онъ часто самъ совершенно забывалъ, сколько какъ близкій, вѣрный другъ. П. Я. Майоръ былъ превосходнѣйшій человѣкъ, добродушный, веселый, всегда готовый помочь совѣтомъ и дѣломъ, вѣрный хранитель довѣрявшихся ему членами семей, при которыхъ онъ числился домашнимъ врачомъ, сокровеннѣйшихъ тайнъ, человѣкъ, казалось, совершенно необходимый въ тѣсномъ кружкѣ Оболенскихъ и ихъ сородичей: Свербеевыхъ, Лопухиныхъ, Давыдовыхъ, Озеровыхъ, Волковыхъ, Евреиновыхъ, Трубецкихъ, а также и у другихъ, близкихъ этимъ семьямъ лицъ. Майоръ былъ и внѣ этого общества цѣнимъ и любимъ: онъ дружилъ и съ представителями нѣмецкой колоніи и театральной и музыкальной Москвы, состоя безсмѣннымъ, съ основанія его, членомъ-исполнителемъ музыкальнаго Общества. Павла Яковлевича часто можно было видѣть

въ театрѣ, въ концертахъ и вообще въ публичныхъ собраніяхъ, на которыя съѣзжалась вся Москва. Онъ любилъ молодежь, которая отвѣчала ему тѣмъ же и съ довѣріемъ льнула къ нему, хотя онъ на видъ сурово обходился съ юношами, провинившимися чѣмъ-либо въ отношеніи этикета или слишкомъ веселаго «выхода», бранилъ ихъ, ворчалъ, но въ концѣ-концовъ даже утѣшалъ; говорилъ онъ всѣмъ молодымъ людямъ, сколько-нибудь близкимъ, «ты». Не разъ П. Я. выручалъ меня во времена студенчества, снабжая послѣ первоначальнаго отказа и строгой морали тремя или и пятью рублями, которые онъ доставалъ изъ очень своеобразнаго хранилища,—изъ-подъ клеенки, покрывавшей его письменный столъ. П. Я. былъ холостъ, а жизнь его протекла въ сущности благопріятно для него, благодаря тому, что его искренно любили; скончался онъ уже древнимъ, ослѣпшимъ старикомъ, окруженный лаской и сердечной заботой потомковъ семьи князя А. П. Оболенскаго. Съ нимъ сошла въ вѣчность не писанная и не подлежавшая оглашенію семейная хроника старой Москвы.

Оглядываясь теперь на давно прошедшее время поступленія моего въ Московскій Университетъ, я, во-первыхъ, припоминаю горделивое и глубоко радостное чувство, вызванное во мнѣ этимъ событіемъ, чувство благоговѣнія къ «святилищу науки», къ центру и главѣ русскаго просвѣщенія, какъ въ прошломъ, такъ и въ настоящемъ, къ храму, въ которомъ еще недавно священнодѣйствовалъ Грановскій и въ данное время «читали» Соловьевъ, Крыловъ, Чичеринъ... Это чувство піетета именно къ Московскому Университету было присуще не одному мнѣ, а большинству юношей, вступавшихъ въ него, особенно же провинціаламъ. Намъ казалось, что одинъ лишь Московскій Университетъ въ состояніи удовлетворить всѣ волновавшіе насъ и требовавшіе разрѣшенія запросы научнаго и общественнаго характера, которые мы несли въ Университетъ. Не знаю, какъ для тогдашнихъ моихъ коллегъ,

но для меня лично Московскій Университетъ шестидесятыхъ годовъ по днесь сохранилъ обаяніе, которое съ такой силой сказывалось при вступленіи въ него; и хотя онъ на самомъ дѣлѣ не удовлетворилъ всѣхъ предъявлявшихся къ нему пожеланій и не оправдалъ всѣ надежды, отступивъ въ иномъ отъ рисовавшагося въ душѣ юношей идеала, но я не могу не быть благодарнымъ Университету за то, что онъ мнѣ далъ въ обоихъ направленіяхъ—научномъ и общественномъ, далъ всей своей совокупностью, лекціями профессоровъ, ихъ личнымъ вліяніемъ, чтеніемъ, общей атмосферой, которою дышалось въ стѣнахъ прежняго Университета, и общеніемъ съ товарищами.

Ректоромъ Университета въ то время состоялъ С. И. Баршевъ; позднѣе его замѣнилъ С. М. Соловьевъ, а инспекторскую должность занималъ И. И. Красовскій, человѣкъ добродушный и доброжелательный, внѣшность котораго,—онъ былъ очень элегантенъ, но совершенно лысъ,—вызвала появленіе такого, циркулировавшаго между студентами, четверостишія:

«Краса инспекціи Московской,
Краса Имперскаго двора,
Иванъ Ивановичъ Красовскій,
Да гдѣ же ваши волоса?»

Красовскій состоялъ въ званіи камеръ-юнкера. Кажется, всѣ вообще чины тогдашней инспекціи («субики»—какъ ихъ въ шутку звали студенты) были люди порядочные, не преслѣдовавшіе студентовъ, и ихъ служба казалась совершенной синекурой, чѣмъ-то никому не нужнымъ. Изъ нихъ припоминаю И. П. Барсова, дружившаго съ нами и не выдававшаго мелкихъ студенческихъ тайнъ вродѣ запрещеннаго, но творившагося достаточно явно, сбора денегъ въ пользу исключенныхъ изъ-за скандала съ профессоромъ Полунинымъ студентовъ-медиковъ. Постъ попечителя занималъ въ тѣ годы генералъ Левшинъ. Въ составѣ профессоровъ юридическаго факультета, на который я поступилъ, находились тогда

Н. И. Крыловъ (римское право), В. Н. Лешковъ (общественное право), онъ же деканъ факультета, Б. Н. Чичеринъ, вскорѣ покинувшій Университетъ и каѳедру котораго (государственное право) занялъ Сергѣевичъ, ушедшій одновременно съ Чичеринымъ Ѳ. М. Дмитріевъ (международное право), М. Н. Капустинъ (энциклопедія права), С. И. Баршевъ (уголовное право и процессъ), В. Н. Никольскій (гражданское право), Соколовъ (каноническое право), Вицынъ (гражданскій процессъ), И. Д. Бѣляевъ (исторія русскаго права), В. Н. Легонинъ (судебная медицина), Ѳ. Б. Мюльгаузенъ (финансовое право), Бабстъ (политическая экономія и статистика), Юркевичъ (исторія философіи права), С. М. Соловьевъ (русская исторія), Фелькель (латинскій языкъ) и отецъ Сергіевскій (богословіе).

Въ профессорской средѣ въ это время не царило единомыслія и существовало, повидимому, три направленія: либеральное, консервативно-отсталое и безразличное, пожалуй, наиболѣе многочисленное. Между первыми двумя шла борьба, настолько обострившаяся въ 1867 или 1868 году, что изъ состава профессуры вышли, не считая возможнымъ оставаться въ Университетѣ при существовавшихъ условіяхъ, принадлежавшіе къ молодой, болѣе либеральной партіи, Чичеринъ, Дмитріевъ, Рачинскій (на естественномъ факультетѣ) и, нѣсколько позднѣе, Капустинъ. Студенчество, бывшее, конечно, на сторонѣ уходившихъ профессоровъ, представлявшихъ крупную научную величину, чествовало ихъ торжественнымъ прощальнымъ обѣдомъ, за которымъ молодое краснорѣчіе лилось въ большей еще степени, чѣмъ вино, и на которомъ, кромѣ чествуемыхъ профессоровъ, присутствовало нѣсколько наиболѣе почетныхъ лицъ изъ тогдашней московской интеллигенціи. Тогда же группа студентовъ-юристовъ снялась въ фотографіи вмѣстѣ съ Чичеринымъ и остальными ушедшими профессорами.

Наибольшимъ сочувствіемъ студенчества пользовался Никита Ивановичъ Крыловъ, аудиторія котораго всегда собирала многочисленныхъ слушателей. Онъ въ описываемое

время уже былъ въ отставкѣ и читалъ лекціи въ качествѣ приглашеннаго доцента, а потому приходилъ въ Университетъ не въ вицъ-мундирѣ, какъ всѣ остальные профессора, а въ черномъ, коротенькомъ, очень неуклюжемъ фракѣ и старомодномъ галстукѣ на шеѣ. Никита Ивановичъ, стоя на каѳедрѣ, не оставался ни минуты въ покоѣ, онъ весь былъ въ движеніи, то свертывая, то развертывая красный носовой платокъ, жестикулируя, подчеркивая выраженіемъ характернаго лица высказываемую мысль; нерѣдко онъ сходилъ съ каѳедры и продолжалъ чтеніе, стоя около нея, иногда изображая въ лицахъ какой-нибудь эпизодъ изъ исторіи римскаго права. Чтеніе Крылова, совершенно своеобразное, производило громадное впечатлѣніе, захватывало и увлекало слушателей въ полной мѣрѣ; благодаря образности и живости рѣчи Н. И., слушатели словно присутствовали вмѣстѣ съ профессоромъ на римскомъ судоговореніи у претора и совершенно ясно представляли себѣ зарожденіе и развитіе различныхъ институтовъ римскаго права. Наука, казавшаяся сухой, тяжело усваиваемой, въ аудиторіи Крылова оживала и, напротивъ, влекла къ себѣ слушателей. Крыловъ не пользовался расположеніемъ университетскаго начальства, и между студентами ходили слухи, что его выживаютъ изъ Университета. Послѣ одной лекціи, по окончаніи которой слушатели проводили Н. И. изъ аудиторіи аплодисментами, что въ то время строго воспрещалось, студенты, боясь, чтобы такая исключительная овація не повредила и безъ того шаткому положенію Крылова, вскорѣ же собравшись въ бо̀льшемъ числѣ противъ обыкновенія на лекціи профессора Лешкова, состоявшаго деканомъ, покрыли и его чтеніе шумными аплодисментами, чтобы сравнять въ этомъ отношеніи обоихъ лекторовъ. Особенно близки, какъ ученики, къ Крылову изъ студентовъ были покойный С. А. Муромцевъ и понынѣ здравствующій князь Л. С. Голицынъ, выпустившіе прекрасно изданныя лекціи Крылова, составлявшіяся Муромцевымъ и еще нѣсколькими студентами, съ портретомъ Никиты Ивановича на заглавномъ листѣ.

Только что упомянутый профессоръ В. Н. Лешковъ не пользовался такою популярностью, какъ Крыловъ, но на самомъ дѣлѣ былъ не только прекраснымъ человѣкомъ, но ученымъ, вносившимъ въ преподававшійся имъ предметъ—полицейское право, или какъ онъ его именовалъ «общественное право», много оригинальнаго, проводившимъ въ лекціяхъ собственные взгляды, которые можно было, и не безъ основанія, оспаривать, но представлявшіе научный интересъ. Лешковъ былъ противникомъ насильственно-реформаторской ломки, произведенной въ государственно-общественномъ организмѣ Россіи Петромъ I, и въ лекціяхъ своихъ подолгу останавливался на доказательствахъ вреда, принесеннаго государству Петромъ, нарушившимъ нормальное теченіе и хотя медленное, но самостоятельное развитіе общественныхъ силъ Россіи.

Студенчество не безъ интереса слушало также лекціи И. Д. Бѣляева (исторія русскаго права), преподаваніе котораго, уступая значительно чтенію Н. И. Крылова, было однако не шаблонно. Бѣляевъ былъ профессоромъ, интересовавшимся только своей наукой, совершенно ушедшимъ въ правовое прошлое Россіи; онъ охотно помогалъ студентамъ, желавшимъ серьезно изучить его предметъ, въ ихъ работѣ, занимаясь съ ними у себя на дому и снабжая нужными для этого рукописями («грамотами») и книгами. Въ пріемный день И. Д., въ воскресенье, у него, на его болѣе чѣмъ скромно обставленной и грязноватой квартирѣ, всегда можно было застать одного или нѣсколькихъ студентовъ, при чемъ хозяинъ, очень низкаго роста, значительно кривобокій человѣкъ, съ словно приплюснутой съ обѣихъ сторонъ, заостренной кверху, головой и мышинымъ лицомъ, принималъ молодыхъ гостей въ страннаго вида хламидѣ, служившей ему домашнимъ одѣяніемъ.

Мюльгаузенъ читалъ финансовое право весьма основательно, но иногда пропускалъ лекціи, что у Бабста встрѣчалось постоянно. О значеніи лекцій Чичерина говорить не

приходится, оно было, конечно, громадно, но манера его читать была не увлекательна. Замѣнившій его профессоръ Сергѣевичъ далъ намъ чрезвычайно интересный курсъ государственнаго права. Никольскій и Соколовъ не выдавались какъ преподаватели и не имѣли особаго значенія для студентовъ, въ той же степени какъ Легонинъ, Вицынъ, просто передававшій своими словами новый уставъ гражданскаго судопроизводства, и добродушный германецъ Фелькель. То же надо сказать про занимавшаго каѳедру богословія настоятеля Университетской церкви отца Сергіевскаго, служеніе котораго въ храмѣ славилось «во всей Москвѣ» и привлекало, въ особенности на всенощныя первой недѣли Великаго поста (меѳимоны), въ Университетскую церковь много представительницъ «избраннаго общества». Юркевичъ, серьезный ученый и мыслитель, былъ въ сущности недостаточно оцѣненъ большинствомъ юридической молодежи; лекціи его казались неудобопонятными и посѣщались немногими. Аудиторія Соловьева, наоборотъ, была всегда переполнена. Къ Капустину студенты относились хорошо за его добродушіе, готовность помочь и участіе, которое онъ охотно проявлялъ къ обращавшимся къ нему, но лекціи его, хотя курсъ его былъ интересенъ и достаточно полонъ, посѣщались тоже немногими. Ему же въ первое время по уходѣ Дмитріева, весьма цѣнившагося какъ профессоръ, было поручено чтеніе международнаго права. Уголовное право и процессъ читалъ намъ Баршевъ, говорившій, что на полѣ русской криминалистики выросло только два цвѣтка: «я и братъ Яковъ»,—профессоръ училища правовѣдѣнія. Это приписываемое Баршеву изреченіе (самъ я его не слыхалъ отъ него) было, несомнѣнно, вѣрно, по крайней мѣрѣ въ той его части, которая свидѣтельствовала о тогдашней бѣдности русской литературы по уголовному праву, а тѣмъ болѣе процессу. Баршевъ лекціи свои по уголовному праву, дѣйствительно, *читалъ* въ буквальномъ смыслѣ слова по составленной за много лѣтъ передъ тѣмъ рукописи, въ которой едва ли когда мѣнялъ что-либо. Баршевъ, будучи достаточно начитаннымъ представителемъ

господствовавшей еще тогда и въ Германіи классической школы уголовнаго права, добросовѣстно передавалъ въ своемъ курсѣ вкратцѣ всѣ главныя положенія этой школы, не прибавляя ничего отъ себя и не касаясь вовсе возникшихъ уже тогда на Западѣ новыхъ теорій, а затѣмъ излагалъ, не освѣщая его критикой, сущность дѣйствовавшаго уложенія о наказаніяхъ. Русскій уголовный процессъ, новый и для Баршева, онъ читалъ очень не полно, придерживаясь исключительно устава уголовнаго судопроизводства.

Отношенія между профессорами и ихъ слушателями были въ большинствѣ хорошія, благожелательныя, отчасти носившія на себѣ слѣды былой патріархальности; но были и такіе профессора, съ которыми у студентовъ не завязывалось никакихъ отношеній. Они приходили въ положенные дни и часы въ Университетъ, поднимались по чугунной лѣстницѣ наверхъ въ одну изъ аудиторій, сопровождаемые небольшой кучкой слушателей изъ наиболѣе старательныхъ, не пропускавшихъ ничьей лекціи студентовъ, прочитывали свою двухчасовую лекцію, а покинувъ Университетъ, забывали о немъ, или, по крайней мѣрѣ, о студентахъ, встрѣчаясь съ ними лишь весною на экзаменахъ и тутъ, или въ полномъ безразличіи къ тому, что говоритъ экзаменующійся, ставили всѣмъ удовлетворительные баллы, или, наоборотъ, свирѣпствовали и «срѣзывали» студентовъ, нагоняя на нихъ ужасъ и оставаясь непреклонными къ просьбамъ о прибавкѣ балла или о переэкзаменовкѣ «каликъ-перехожихъ», какъ звалъ въ шутку Бѣляевъ провалившихся и бродившихъ по профессорамъ съ просьбами о помилованіи студентовъ. Случаи столкновенія профессоровъ со студентами по общимъ вопросамъ политическаго или академическаго характера не возникали въ мое время за исключеніемъ «Полунинской» исторіи.

Тогдашнее студенчество дѣлилось на множество кружковъ, но совершенно частнаго характера, безъ опредѣленной организаціи и представительства, и съ этими кружками профессорамъ приходилось вступать въ сношенія исключи-

тельно по вопросамъ научнаго характера. Столкновенія между отдѣльными студентами или цѣлой группой ихъ бывали у членовъ инспекціи, но они не принимали за время моего пребыванія въ Университетѣ слишкомъ остраго характера, подобно тому, что было потомъ въ концѣ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Студенты въ шестидесятыхъ годахъ были менѣе требовательны, чѣмъ теперь, въ отношеніи своихъ академическихъ правъ, и собственно на этой почвѣ я помню лишь одно крупное явленіе, «Полунинскую исторію», возникшую, если не ошибаюсь, уже въ началѣ 1870-го года, изъ-за недовольства студентовъ-медиковъ профессоромъ Полунинымъ, слушать лекціи котораго они отказывались, кончившуюся тѣмъ, что, кажется, семнадцать студентовъ были исключены изъ Университета. На юридическомъ факультетѣ эта исторія, вызвавшая сильное раздраженіе противъ начальства, примѣнившаго столь строгую дисциплинарную мѣру, отозвалась тѣмъ, что между студентами была открыта подписка въ пользу исключенныхъ и собрана порядочная сумма.

Вообще 1870 годъ, я говорю про первую его половину, прошелъ въ студенчествѣ не такъ тихо и покойно, какъ предшествовавшіе. Въ отдѣльныхъ студенческихъ кружкахъ усилилось, зародившееся, конечно, еще раньше, броженіе политическаго характера, находившееся въ связи съ такимъ, же, но болѣе энергичнымъ движеніемъ между студентами Петровской академіи. Въ аудиторіяхъ во время междулекціонныхъ перерывовъ появлялись иногда ораторы, не непремѣнно изъ своихъ студентовъ, бывали даже гости изъ Петербурга и состоялось нѣсколько сходокъ, въ большинствѣ на университетскомъ дворѣ, за старымъ университетомъ. Говорилось на нихъ, кромѣ вопросовъ академической жизни, о начавшейся реакціи, о необходимости протеста со стороны учащейся молодежи, о потребности общестуденческой организаціи и взаимной поддержки кружковъ и т. п. Около этого времени было произведено между студентами довольно много обысковъ и нѣсколько арестовъ, что вызвало, само собой разумѣется, протесты и требованія объ освобо-

жденіи товарищей. Все это было, однако, лишь подготовленіемъ и началомъ тѣхъ бурь, которыя впослѣдствіи разразились среди Московскаго студенчества, принявъ гораздо болѣе острый характеръ и приблизившись по направленію къ общему, не спеціально студенческому, движенію. Въ кружкахъ, о которыхъ я упомянулъ, уже тогда говорилось о необходимости сближенія съ народомъ, о томъ, что надо «идти въ народъ» съ цѣлью помощи ему духовной и матеріальной, развитія его, пробужденія въ немъ сознанія человѣческихъ и гражданскихъ правъ и, конечно, читалась недозволенная цензурой литература.

Но не всѣ студенческіе кружки увлекались вопросами политическаго или народническаго характера; во многихъ изъ нихъ преобладали интересы научно-литературные, философскіе и, наконецъ, интересы текущаго дня, а именно обсуждались и комментировались только-что введенныя и ожидавшіяся еще реформы, дебатировались вызываемые ими отвлеченные (правовые) и практическіе вопросы. Къ одному изъ такихъ кружковъ принадлежали стоявшій во главѣ его С. А. Муромцевъ, покойный профессоръ М. В. Духовской, князь Л. С. Голицынъ, бывшій Министръ Юстиціи Н. В. Муравьевъ, Фуксъ (нынѣ сенаторъ), Марконетъ и другіе студенты, готовившіеся къ судебному поприщу и организовавшіе между собою практическія занятія по уголовному процессу. Въ ту пору на юридическомъ факультетѣ господствовало сильнѣйшее увлеченіе новымъ судебнымъ дѣломъ, и громадное большинство молодыхъ юристовъ разсчитывало посвятить себя судебной дѣятельности, вступивъ въ ряды адвокатуры или магистратуры.

Тогдашнее студенчество отличалось также отъ настоящаго несравненно большимъ оптимизмомъ, большею жизнерадостностью и, я сказалъ бы, большею молодостью, выражавшеюся въ довѣріи жизни и людямъ, въ сознаніи собственныхъ силъ и увлеченіи ожидающимся будущимъ. Общій подъемъ, вызванный крестьянской реформой, еще не прошелъ, а въ юношествѣ онъ чувствовался много сильнѣе. Искренно,

сильно вѣрилось, что не зарницы временно освѣтили, мелькнувъ и погаснувъ, общественный мракъ—наслѣдіе прошлаго, а что занялась заря, знаменующая скорое наступленіе общественной и частной свободы, просвѣщенія, законности и всего того, что заманчиво таится въ словѣ культура. Открывалось, уже легально, столько путей и задачъ, о которыхъ недавно можно было лишь мечтать! Заминки, задержки и отступленія въ освободительно-реформаторской дѣятельности правительства не страшили, онѣ казались временными, лишь вызывающими на борьбу съ ними, и впереди рисовался, даже не туманно, а ясно и близко, идеалъ общественности въ политическомъ и другихъ отношеніяхъ. И литература шестидесятыхъ годовъ не разочаровывала молодежь, а сулила ей хорошее будущее. Тургеневъ не былъ забытъ, какъ теперь; временное охлажденіе къ нему было въ сущности фикціей, что и сказалось потомъ на Пушкинскихъ празднествахъ, а даваемые имъ картины и образы будили въ душѣ уживавшееся съ здоровымъ реализмомъ поэтическое настроеніе, украшающее жизнь и помогающее переносить ея невзгоды. Молодость тогдашняго юношества сказывалась и въ большей простотѣ и непосредственности, пожалуй, даже наивности, при которой многое (театръ, музыка, товарищество, природа), что теперь нерѣдко уже не привлекаетъ и не дѣйствуетъ на молодежь, радовало и удовлетворяло ее.

Новые суды были еще совсѣмъ недавно введены при общемъ ликованіи печати, не исключая даже «Московскихъ Вѣдомостей», и большей части интеллигентнаго общества. Ликованіе это вскорѣ, впрочемъ, у нѣкоторыхъ органовъ печати, въ томъ числѣ у «Московскихъ Вѣдомостей», замѣнилось отрицательнымъ отношеніемъ, перешедшимъ затѣмъ въ дикое озлобленіе, преслѣдованіе и прямо травлю судебныхъ учрежденій и личнаго состава таковыхъ. Недовольство не какими-нибудь отдѣльными рѣшеніями и приговорами, а принципіальное неодобреніе и враждебность проявились у всѣхъ сторонниковъ дореформеннаго строя вскорѣ

же по введеніи Судебныхъ Уставовъ. Личному составу ставилось, напримѣръ, въ вину то, что онъ не слился съ другими представителями государственной власти, держался отъ нихъ обособленно и во многомъ проводилъ совершенно иные, чѣмъ прочее чиновничество, взгляды. Про судебное вѣдомство говорилось съ озлобленіемъ и писалось, что оно составляетъ status in statu, каковое положеніе якобы нетерпимо, а между тѣмъ требованіе такой изолированности и независимости, указаніе судебному вѣдомству совершенно особаго положенія въ средѣ другихъ государственныхъ учрежденій было офиціально высказано въ опубликованной государственной канцеляріей объяснительной запискѣ къ Судебнымъ Уставамъ, чѣмъ, между прочимъ, объяснялось положеніе уставовъ объ оставленіи лицъ судебнаго вѣдомства безъ производства въ чины за выслугу лѣтъ и безъ наградъ, допускавшихся лишь въ особыхъ случаяхъ.

Да это было не единственное обвиненіе, ихъ зарождалось много, но въ шестидесятыхъ годахъ они именно лишь зарождались, такъ сказать намѣчались. Выступать съ рѣзко поставленнымъ прямымъ обвиненіемъ давно ожидавшагося, обновленнаго суда рѣшались публично еще немногіе. Еще плѣняла его новизна, не были еще забыты только что разрушенныя Судебными Уставами крѣпкія стѣны старыхъ судовъ, за которыми существовалъ какъ бы особый міръ, куда нелегко было проникать тому, кому это было нужно, и, наоборотъ, откуда нелегко и, во всякомъ случаѣ, очень не скоро можно было выбраться очутившемуся за этими стѣнами поневолѣ. Слишкомъ были памятны старая судебная волокита, крючкотворство, взяточничество, прежніе ходатаи по дѣламъ отъ Иверской, все, дышавшее темной неправдой, дореформенное правосудіе. Не улеглось еще увлеченіе Мировыми судьями, быстро, безъ какихъ-либо формальностей и накладныхъ расходовъ, разбиравшими публично гражданскія и уголовныя дѣла, выступавшими одинаково на защиту личныхъ и имущественныхъ правъ какъ знатнаго, такъ и простолюдина, примѣнявшими арестъ за самоуправство и буйство, хотя бы оно

было учинено богатымъ обывателемъ, бывшимъ прежде застрахованнымъ отъ такого наказанія и отдѣлывавшимся негласнымъ денежнымъ взносомъ. Слишкомъ велико было обаяніе Мирового Суда въ средѣ Московскаго мелкаго люда, незнатныхъ горожанъ, мѣщанъ, ремесленниковъ и домашней прислуги, для которыхъ Мировой Судъ, послѣ полицейской расправы, былъ откровеніемъ. Въ первые годы камеры Мировыхъ судей ежедневно наполнялись, кромѣ участвующихъ въ дѣлѣ, посторонней публикой, особенно у нѣкоторыхъ излюбленныхъ судей, къ числу которыхъ надо отнести А. А. Лопухина, М. М. Багриновскаго, Вл. В. Давыдова. Нельзя не помянуть добромъ всѣхъ Московскихъ Мировыхъ судей того времени, сумѣвшихъ сразу, съ первыхъ шаговъ, правильно поставить и повести важнѣйшее дѣло суда: разборъ мелкихъ тяжбъ.

Сильнѣйшее впечатлѣніе на общество производили тогда и засѣданія Окружнаго Суда съ присяжными засѣдателями. Передъ введеніемъ ихъ не мало раздавалось голосовъ, предостерегавшихъ отъ увлеченія этою формой суда у насъ въ Россіи на томъ основаніи, что наши присяжные засѣдатели, въ число которыхъ первоначально допускались и неграмотные крестьяне, не поймутъ возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, не сумѣютъ ихъ выполнить и, пожалуй, явятъ изъ себя судей, доступныхъ подкупу. Такими толками еще болѣе увеличился интересъ общества къ первымъ шагамъ новоявленныхъ присяжныхъ, а независимо отъ этого до крайности любопытнымъ представлялись первыя выступленія государственнаго обвинителя-прокурора и въ качествѣ защитниковъ-членовъ сословія присяжныхъ повѣренныхъ. И съ первыхъ же засѣданій суда стало очевиднымъ, что страхъ за нашихъ присяжныхъ засѣдателей совершенно напрасенъ, такъ какъ они, относясь вдумчиво и съ сознаніемъ нравственной отвѣтственности и важности новаго дѣла, вѣрно и правильно выполняли возложенную на нихъ задачу и вносили въ отправленіе правосудія то, чего до сихъ поръ нехватало нашимъ дореформеннымъ уголовнымъ судамъ,—живое, нестѣсняемое формальностями, чувство справедливости, знаніе

жизни въ разнообразнѣйшихъ ея проявленіяхъ и общественное пониманіе и оцѣнку, не всегда согласные съ писаннымъ закономъ, иныхъ преступленій, а также гуманность. Приговоры присяжныхъ горячо обсуждались въ обществѣ, вызывая, конечно, различныя мнѣнія и страстные споры, но въ общемъ Москва была довольна новымъ судомъ, и обыватели всѣхъ сословій шли въ судебныя засѣданія по гражданскимъ, особенно же по уголовнымъ дѣламъ, и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за теченіемъ процесса и рѣчами сторонъ.

Тогда сразу намѣтились какъ выдающіеся ораторы — съ обвинительной стороны, состоявшій прокуроромъ Окружнаго Суда, М. Ѳ. Громницкій, обвиненіе котораго было всегда замѣчательно твердо и сильно строгой логичностью дѣлаемыхъ имъ выводовъ и казалось непоколебимымъ, а со стороны защиты—Ф. Н. Плевако и князь А. И. Урусовъ, прославившійся на дѣлѣ Марѳы Волоховой, обвинявшейся въ убійствѣ мужа. Залы засѣданій бывали переполнены, когда защитниками выступали Плевако или Урусовъ. Краснорѣчіе ихъ было разное, но, въ концѣ-концовъ, одинаково дѣйствовало на слушателей; въ рѣчахъ Ф. Н. Плевако чувствовалось больше силы, онъ, казалось, опровергая доводы своего противника, разбивалъ ихъ словно молотомъ; онъ бывалъ неровенъ въ своей рѣчи, но зато въ тѣхъ мѣстахъ ея, которыя волновали его лично, онъ доходилъ до истиннаго вдохновенія, словно преображался и мощно увлекалъ своихъ слушателей. Его краснорѣчіе было совершенно своеобразно и оригинально. Рѣчи князя Урусова казались особенно изящными, какъ бы выточенными; въ нихъ встрѣчалось больше легкаго юмора, сатирическихъ оттѣнковъ, онѣ отличались большей эрудиціей, литературностью, текли болѣе плавно и въ общемъ красиво, но въ нихъ не было той, я готовъ сказать—дѣвственной, силы, пожалуй грубоватой, но могучей силы, которая отличала рѣчи Плевако; однако встрѣчавшійся и у князя Урусова паѳосъ былъ искрененъ и не проходилъ безслѣдно для слушающихъ его. Вскорѣ же явилось много другихъ хорошихъ ораторовъ,

какъ со стороны обвиненія, такъ, и въ особенности, со стороны защиты. Но для Москвы слава Урусова и Плевако не была никѣмъ пошатнута. Оба они остались Московскими знаменитостями, причемъ особымъ любимцемъ общества сталъ Ф. Н. Плевако, никогда не покидавшій Москвы, оригинальную фигуру котораго хорошо знали всѣ обыватели. Безъ полной интереса, находчивости и веселія рѣчи Федора Никифоровича не обходилось ни одно изъ сколько-нибудь выдающихся юбилейныхъ и другихъ собраній и трапезъ.

Должность предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда занималъ Е. Е. Люминарскій, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшій высокому званію судьи, что тогда было особенно важно, ибо судебнымъ шестидесятникамъ приходилось первымъ воплощать въ жизненное дѣло все начертанное въ Судебныхъ Уставахъ и создавать типы русскихъ судей, прокуроровъ, адвокатовъ. Судебные дѣятели обѣихъ столицъ, вызывавшіе особенное вниманіе, становились, благодаря этому, создавая прецеденты, устанавливая судебные обычаи, наглядными учителями начинающихъ и готовящихся къ служебному поприщу лицъ. Первымъ предсѣдателемъ Московскаго Окружнаго Суда Е. Е. Люминарскимъ эта нелегкая задача была выполнена съ полнымъ успѣхомъ; онъ въ лицѣ своемъ показалъ, каковъ долженъ быть судья, неподкупный въ широкомъ значеніи этого слова, независимый, самостоятельный, объективный и гуманный. И онъ, а позднѣе товарищъ предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда Э. Н. Сумбулъ, сдѣлали очень много для правильной постановки русской магистратуры, такъ же какъ Ф. М. Громницкій для выработки надлежащаго типа русскаго прокурора.

Еще больше чѣмъ имъ обязано русское правосудіе А. Ф. Кони, не только практически, непосредственной работой, укрѣплявшему основныя положенія правильно понимаемыхъ судебныхъ функцій прокурора, адвоката, судьи и слѣдователя, но закрѣпившаго ихъ печатнымъ словомъ, что особенно важно.

Быть-можетъ, основныя положенія Судебныхъ Уставовъ, облеченныя А. Ф. Кони въ блестящую литературную форму, признаются въ настоящее время не всѣми судебными дѣятелями, но вѣрность ихъ и соотвѣтствіе идеалу «юстиціи» рано или поздно будутъ признаны, и они послужатъ источникомъ, изъ котораго будущіе дѣятели суда будутъ черпать долженствующія руководить ими начала. А. Ф. Кони, воспитывавшійся въ Московскомъ Университетѣ, работалъ на судебномъ поприщѣ въ Петербургѣ и провинціи, но я не могу въ моихъ воспоминаніяхъ, хотя посвященныхъ Москвѣ, не упомянуть о немъ, говоря о судебной реформѣ 1866 года, такъ какъ имъ было сдѣлано много болѣе, чѣмъ кѣмъ-либо, для выясненія, очищенія и закрѣпленія дѣйствительныхъ основъ реформированнаго суда.

Но не только названныя мною лица вѣрно поняли въ тѣ годы и сумѣли осуществить высокіе принципы, вложенные въ Судебные Уставы, съ ними и за ними тѣмъ же, нелегкимъ и все усложнявшимся съ теченіемъ времени, путемъ пошли многіе и многіе, и не только въ столицахъ, а «по всему лицу земли русской», по мѣрѣ того какъ Судебные Уставы вводились въ разныхъ ея мѣстностяхъ. И эти первые дѣятели судебной реформы и ихъ непосредственные ученики съ честью выполнили нелегкую задачу закладки основъ истиннаго правосудія.

Какъ характеристику взаимнаго пониманія въ то время правъ и обязанностей высшей администраціи и судебнаго персонала приведу разсказъ, лично слышанный мною отъ бывшаго до 1879 года Министромъ Юстиціи графа Константина Ивановича Палена. Вскорѣ по введеніи судебной реформы графъ, занимавшій тогда должность Товарища Министра Юстиціи, въ качествѣ таковаго прибылъ въ Москву для обозрѣнія и ознакомленія съ новыми судебными учрежденіями. Пріѣхавъ въ Окружный Судъ, онъ отправился въ кабинетъ Предсѣдателя и велѣлъ дежурившему у дверей его курьеру доложить о себѣ. Е. Е. Люминарскій черезъ курьера передалъ, что онъ занятъ (онъ въ это время принималъ просителя) и проситъ графа подождать немного. Дѣйствительно очень скоро, окон-

чивъ бесѣду съ просителемъ, предсѣдатель попросилъ къ себѣ въ кабинетъ графа Палена, извинившись за промедленіе въ пріемѣ. Въ то время и графъ Паленъ и предсѣдатель суда искренно считали поступокъ Люминарскаго правильнымъ, соотвѣтствующимъ нормальнымъ отношеніямъ между Министерствомъ и первымъ судьею Окружнаго Суда.

Шестидесятые годы относятся еще къ «эпохѣ великихъ реформъ» Императора Александра II, не закончившихся тогда, но уже давшихъ Россіи, кромѣ новыхъ судовъ, земское и городское самоуправленіе, и эта удивительная по своей продуктивности эпоха, поставившая въ короткое время на вершинахъ ея выдающихся вождей, а на мѣстахъ скромныхъ, но проникнутыхъ тѣми же благородными побужденіями, работниковъ, еще давала себя чувствовать и въ Московскомъ интеллигентномъ обществѣ; въ немъ не палъ еще подъемъ духа, вызванный законодательствомъ, призвавшимъ къ участію въ государственномъ дѣлѣ само общество, хотя въ правительственныхъ кругахъ, а за ними частью и въ частныхъ сферахъ, сказывалось уже приближеніе реакціи, и у многихъ въ душу закрадывался страхъ предъ грядущимъ. Такъ или иначе, но въ обществѣ, члены котораго принимали прямо или косвенно участіе въ дѣятельности новыхъ учрежденій, царило большое оживленіе, и интересъ въ общему дѣлу не остывалъ еще; лучшіе люди шли на службу земству и городу. Въ Москвѣ городскимъ головой былъ избранъ извѣстный участникъ крестьянской реформы князь Владиміръ Александровичъ Черкасскій, котораго замѣнилъ одинъ изъ благороднѣйшихъ и лучшихъ людей Москвы—князь Александръ Алексѣевичъ Щербатовъ; Юрій Федоровичъ Самаринъ жилъ и работалъ въ эти годы въ Москвѣ, такъ же какъ близкій ему и только что названнымъ В. А. Черкасскому и А. А. Щербатову—И. С. Аксаковъ. Дворянскія и земскія собранія проходили оживленно съ волновавшими всю Москву дебатами. Не было ни прежняго самодовольнаго благодушія, купленнаго цѣною всего того отрицательнаго, чѣмъ держалось крѣпостное право съ его жесто-

кими и несправедливыми крѣпкими устоями, ни апатіи и безразличія къ общественному дѣлу; вездѣ, казалось, шла оживленная борьба двухъ направленій, — либеральнаго, стремившагося и твердо уповавшаго на завершеніе реформъ въ общественно-политическомъ отношеніи введеніемъ представительнаго строя, и реакціоннаго, жаждавшаго если не возвращенія крѣпостного права, что было уже явно неисполнимо, то хотя бы умаленія значенія реформъ Александра II, сокращенія участія и компетенціи общественныхъ силъ въ правительственной дѣятельности, поддержанія сословности и особаго значенія и вліянія дворянства.

Кромѣ, уже упомянутаго мною выше, событія 4 апрѣля 1867 года, взволновавшаго все населеніе Москвы безъ различія его слоевъ и направленія и возмутившаго общество полнымъ несоотвѣтствіемъ дикаго поступка Каракозова съ общимъ чувствомъ благоговѣнія къ особѣ гуманнаго Царя-Освободителя, на котораго лично возлагалось въ то время много надеждъ, я припоминаю еще, имѣвшее общественное значеніе, посѣщеніе Москвы «братьями-славянами». Славянъ, съѣхавшихся подъ водительствомъ Ригера и Палацкаго изо всѣхъ почти странъ, населенныхъ родственными Русскимъ племенами, за исключеніемъ поляковъ, Москва официальная и неофиціальная встрѣчала съ большимъ радушіемъ и одушевленіемъ, диссонансомъ въ которомъ все-таки звучало отсутствіе представителей Польской націи. Событіе это не внесло въ дальнѣйшемъ ничего новаго въ наши международныя отношенія и не помогло благополучному разрѣшенію Польскаго вопроса, донынѣ тяжелымъ бременемъ лежащаго на нашемъ отечествѣ.

Лѣтомъ 1870 года, окончивъ курсъ на юридическомъ факультетѣ Университета, вспоминая съ благодарностью о счастливо проведенныхъ въ немъ пяти годахъ, въ теченіе которыхъ мнѣ пришлось вступить въ близкія отношенія съ самыми разнообразными слоями и кружками Московскаго студенчества, я покинулъ Москву, промѣнявъ ее на глухую провинцію.

ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Семидесятые и начало восьмидесятыхъ годовъ.

Лѣтомъ 1870 года, почти тотчасъ по окончаніи курса въ Университетѣ, я былъ по представленію тогдашняго Моршанскаго (Тамбовской губерніи) уѣзднаго предводителя дворянства Василья Григорьевича Безобразова назначенъ Мировымъ Посредникомъ.

Главная задача, ради которой былъ созданъ институтъ Посредниковъ, — введеніе, а затѣмъ ликвидація временныхъ, обязательныхъ по землѣ и ея выкупу, отношеній между освобожденными крестьянами и ихъ бывшими собственниками-помѣщиками, отводъ и укрѣпленіе за крестьянскими обществами надѣльной земли, была уже въ моемъ участкѣ завершена предшественникомъ моимъ княземъ Н. Н. Чолокаевымъ, съ самаго начала крестьянской реформы принимавшимъ дѣятельное участіе въ работахъ по осуществленію ея, сперва въ губернскомъ комитетѣ, а затѣмъ Мировымъ Посредникомъ перваго призыва, и мнѣ пришлось ввести лишь одну уставную грамоту. Но дѣла было все-таки не мало, благодаря тому, что надзоръ, хотя бы формальный, за выборными волостными и сельскими должностными лицами былъ достаточно сложенъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что такого вмѣшательства со стороны Посредниковъ въ общественную жизнь крестьянства, какое проявляютъ въ настоящее время земскіе начальники, тогда не практиковалось. Сельскому и волостному сходу предоставлялась полная независимость, такъ какъ контроль начальства ограничивался лишь повѣркою компетентности сходу

рѣшенныхъ имъ дѣлъ и непротиворѣчія рѣшеній закону. Слѣдящей за мелочами опеки не было, также какъ давленія на выборъ должностныхъ лицъ, которымъ предоставлялось въ кругѣ ихъ дѣйствій достаточно свободы.

Приходилось обязательно и подолгу пребывать въ ежемѣсячныхъ засѣданіяхъ Съѣзда Посредниковъ, а кромѣ того, большое количество крестьянъ ежедневно приходило то съ жалобами на старшину, старосту, сходъ или волостной судъ, а то просто за совѣтомъ по всевозможнымъ земельнымъ и инымъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Все это, а въ особенности консультаціонное дѣло, представлялось мнѣ тогда, хотя и знакомому уже съ крестьянскою жизнью, но совсѣмъ еще юному и въ служебномъ дѣлѣ совершенно неопытному, крайне головоломнымъ и сложнымъ, и много разъ я становился совершенно въ тупикъ при встрѣчѣ съ какой-либо юридически-бытовой проблемой и не зналъ, куда и какъ направить просителя. Такое положеніе было неизбѣжно, ибо крестьянское право и понынѣ представляетъ изъ себя одну изъ труднѣйшихъ къ усвоенію дисциплинъ, значительно усложняясь еще въ примѣненіи нормъ его къ жизни, а въ то время это право было совсѣмъ не разработано. Оказывалось на практикѣ, что иные изъ моихъ коллегъ, люди пожилые, не изучавшіе права, гораздо лучше и проще,— по крайней мѣрѣ повидимому лучше,—и, во всякомъ случаѣ быстрѣе разрѣшали юридическіе вопросы, одна подсудность которыхъ представлялась мнѣ часто загадочной, руководствуясь просто начальническимъ усмотрѣніемъ и разбирая лично дѣла, подлежавшія нормально разсмотрѣнію другихъ учрежденій.

Особенно много хлопотъ давало составленіе и повѣрка списковъ по волостямъ крестьянъ, подлежавшихъ рекрутскому набору; общая воинская повинность еще не была введена. Трудно поддавались также повѣркѣ приговоры сельскихъ обществъ объ учетѣ общественныхъ денежныхъ суммъ, находившихся на рукахъ старшинъ, старостъ и сборщиковъ податей; за рѣдкими исключеніями учетчики

и учитываемые были неграмотны, кромѣ, конечно, писарей; сборщики часто не имѣли никакихъ книгъ, не выдавали квитанцій и счетъ съ плательщиками вели по «биркамъ» или полагаясь на память.

Впечатлѣніе, производимое тогдашнимъ волостнымъ судомъ, было весьма печально; справедливыя рѣшенія составляли, какъ часто въ этомъ приходилось убѣждаться, далеко не господствующій процентъ разбираемыхъ судомъ дѣлъ; судьи, почти безъ исключенія неграмотные, или относились совершенно безразлично къ дѣлу, предоставляя первенствующую роль волостному писарю, или вносили въ рѣшеніе тяжбъ и споровъ личный интересъ, нерѣдко вызванный подкупомъ деньгами, а всего чаще угощеніемъ; сколько-нибудь твердыхъ основъ обычнаго права, которымъ судамъ надлежало руководствоваться, не существовало въ сознаніи крестьянъ-судей, ибо ихъ не существовало, какъ твердо установившихся, всѣми признаваемыхъ положеній, вообще въ крестьянствѣ, а писарь, ссылаясь иногда въ рѣшеніи суда на обычай, дѣлалъ это просто для подысканія мотива рѣшенія; большинство рѣшеній излагалось очень неграмотно и почти безъ всякой мотивировки. Приговоры волостного суда не подлежали обжалованію по существу и разсматривались съѣздомъ лишь въ кассаціонномъ порядкѣ. Съѣздъ не былъ, такимъ образомъ, въ состояніи, за рѣдкими исключеніями, исправить ошибку или умышленную несправедливость волостного суда, хотя и убѣждался въ ней, и оставляя безъ послѣдствій по формальнымъ причинамъ иной разъ правильную по существу жалобу, вселялъ тѣмъ въ населеніи убѣжденіе, что справедливость не доступна крестьянскимъ судамъ; и крестьяне относились къ своему суду, дѣйствительно, безъ довѣрія и много охотнѣе обращались къ Мировому Судьѣ.

Новый Мировой Судъ ввелся у насъ очень удачно и привлекъ къ участію въ немъ дѣльныхъ, развитыхъ, хорошо подготовленныхъ мѣстныхъ людей, благодаря чему все населеніе вскорѣ же оцѣнило его достоинства и стало къ нему относиться съ должнымъ уваженіемъ, что сказалось,

между прочимъ, и въ очень небольшомъ количествѣ апелляціонныхъ жалобъ, поступавшихъ въ Мировой Съѣздъ. Земское собраніе цѣнило хорошихъ судей и, напримѣръ, одного изъ таковыхъ,—И. Д. Прокунина, человѣка, пользовавшагося общимъ уваженіемъ, обладавшаго выдающимися судейскими качествами, но потерявшаго имущественный цензъ, избирало въ Мировые Судьи единогласно. Въ то время въ нашемъ уѣздѣ царило вообще значительное оживленіе и интересъ къ общественному дѣлу, вызванные слѣдовавшими одна за другою крупными реформами, призывавшими мѣстныхъ людей къ независимой общественной работѣ, а потому земскія собранія, не знавшія въ ту пору «пѣтчиковъ», проходили возбужденно, при общемъ къ нимъ вниманіи и дѣйствительномъ интересѣ.

Между волостными старшинами моего участка были люди безусловно порядочные, честно исполнявшіе свои обязанности, но большинство ихъ вмѣстѣ съ писарями,—очень ненадежнымъ, но важнѣйшимъ элементомъ тогдашняго крестьянскаго управленія,—были не чужды распространенному и въ крестьянствѣ грѣху мздоимства. Одинъ изъ старшинъ, уже старикъ, занимавшій эту должность еще до 19 февраля въ качествѣ волостного головы (въ его волости не было помѣщичьихъ крестьянъ, а лишь бывшіе государственные), умный, дѣловой, хорошо грамотный и состоятельный человѣкъ, управлялъ своей волостью такъ, что на него не поступало никогда ни одной жалобы ни словесной, ни письменной, а мѣстный волостной судъ почти не функціонировалъ; крестьяне обращались по всѣмъ своимъ дѣламъ, обычно, исключительно къ старшинѣ. Это была совершенно особенная волость, за крестьянскими обществами которой никогда не числилось ни одной копѣйки недоимки и вообще какого-либо неисполненія. Деньги вносились своевременно въ казначейство старшиною, который умѣлъ затѣмъ, и не безъ пользы для себя, получить ихъ съ подвѣдомственныхъ ему крестьянъ; онъ былъ дѣйствительнымъ хозяиномъ волости, очевидно, обладая особыми адми-

нистративными способностями, и пользовался довѣріемъ населенія.

Письмоводителемъ моимъ былъ человѣкъ безусловно честный, сообщавшій мнѣ о нерѣдкихъ случаяхъ предложенія ему взятки. Лично мнѣ только одинъ разъ былъ поднесенъ даръ за служебное дѣйствіе и,—признаюсь,—я его принялъ. Мнѣ удалось распутать и помочь удачному разрѣшенію какого-то сложнаго семейнаго раздѣла, и вотъ въ благодарность за это старая крестьянская вдова—глава семьи, принесла мнѣ живого гуся, и сколько я ни старался ее убѣдить въ томъ, что гусь мнѣ безусловно не нуженъ и что служилому человѣку принимать дары за исполненіе своихъ обязанностей воспрещаетъ законъ, она не внимала увѣщаніямъ, не брала гуся назадъ, умоляя не обижать ее отказомъ, и такъ-таки и ушла со двора, оставивъ свою птицу у меня.

Съ добрымъ чувствомъ вспоминаю я, уже упомянутаго мною, предводителя В. Г. Безобразова, человѣка въ высшей степени справедливаго, гуманнаго и доступнаго, затратившаго, между прочимъ, крупныя средства на оборудованіе и поддержаніе выстроенной въ его имѣніи земской больницы, а также дѣятельнаго и дѣльнаго врача этой больницы П. Ф. Лебедева.

Сравнивая теперешнее крестьянство съ тѣмъ, которое я засталъ въ 1870 году, я вижу большую разницу. Во-первыхъ, общая состоятельность его значительно понизилась, а денежные расходы увеличились противъ прежняго; покупается пропасть предметовъ, которые въ семидесятыхъ годахъ добывались дома; домодѣльныя лапти, холстина, паневы и иныя ткани замѣнились покупными продуктами и народилась потребность въ незнакомыхъ прежде крестьянству покупныхъ мелочахъ домашняго и хозяйственнаго обихода. Денегъ въ крестьянскомъ оборотѣ появилось, несомнѣнно, больше, но хозяйственная и домашняя культура сельскаго обывателя поднялась отъ этого явленія очень мало. Избы такъ же тѣсны, темны и холодны зимой, какъ и прежде, выигравъ лишь въ одномъ—всѣ онѣ топятся по-бѣлому;

дворы такъ же не прибраны и грязны; такая же непроходимая грязь со стоячими, вонючими лужами господствуетъ на деревенскихъ улицахъ, обработка земли попрежнему въ большинствѣ плохая, небрежная; такъ же нерасчетливо весною и осенью травятся и забиваются лошадьми и скотомъ обширные выгоны; улучшеніе замѣчается лишь въ увеличеніи количества удобряемой земли и въ наличности у крестьянъ, но далеко еще не повсемѣстно, улучшенныхъ орудій производства. Религіозность внѣшне и внутренно пала; былая крѣпость семьи рушилась и отцовская власть потеряла почти всякое значеніе, да и вообще старшій въ крестьянскомъ дворѣ не является уже болѣе единственнымъ и полнымъ хозяиномъ, которому сдавалось всѣми остальными членами семьи все ими заработанное. Увеличились отхожіе промыслы и тяготѣніе къ городу, фабрикѣ, заводу; развилось хулиганство, чего прежде не было, и не народилось еще чувство уваженія къ чужой собственности; развилась до нѣкоторой степени грамотность, но далеко не въ такомъ размѣрѣ, какъ бы оно слѣдовало, судя по количеству школъ; хорошая грамотность замѣчается лишь у крестьянъ, побывавшихъ внѣ своего села, на военной службѣ, или на какомъ-нибудь дѣлѣ въ городѣ; но все-таки общее развитіе стало, несомнѣнно, выше, что, впрочемъ, касается, главнымъ образомъ, мужского населенія. Гораздо больше замѣчается въ крестьянствѣ недовольства своимъ положеніемъ, особенно недостаточностью надѣльной земли, и крѣпкаго стремленія найти выходъ изъ этого положенія. Патріархальности, встрѣчавшейся прежде въ отношеніяхъ крестьянъ съ сосѣдними помѣщиками, и слѣда нѣтъ, и нѣтъ вообще сосѣдской доброжелательности; нѣтъ и довѣрія къ начальству. Пьянство, насколько я могъ замѣтить, не увеличилось.

Въ 1871 году состоялось введеніе Судебныхъ Уставовъ въ округѣ Саратовской Судебной Палаты, въ который входитъ и Тамбовская губернія. Я оставилъ мировое посредничество и вступилъ въ ряды судебнаго вѣдомства, къ каковой дѣятельности готовился еще на университетской скамьѣ,

опредѣлившись кандидатомъ на судебныя должности при открывшемся лѣтомъ Тамбовскомъ Окружномъ Судѣ. Первыя засѣданія суда состоялись уже осенью, но лѣтомъ шла спѣшная подготовительная работа, отчасти канцелярскаго характера, а именно передача дѣлъ изъ старыхъ судебныхъ учрежденій въ новыя, классификація ихъ и распредѣленіе по надлежащей подсудности. Дѣло это было трудное и кропотливое, приходилось спѣшить, а оно усложнилось еще тѣмъ, что въ этомъ году въ Тамбовѣ развилась очень сильная холерная эпидемія, дававшая до ста смертныхъ случаевъ въ сутки, выгнавшая даже временно изъ предѣловъ Тамбова всѣ почти власти, такъ что одно время губерніей управлялъ какой-то очень маленькій чинъ и управлялъ очень удачно, не хуже настоящаго воеводы. Вновь назначенная судебная молодежь, во избѣжаніе холерной заразы, поселилась въ эту пору какъ на дачѣ на недалекомъ отъ Тамбова необитаемомъ островѣ рѣки Цны, въ «Казимировой избушкѣ», такъ прозванной по имени, кажется, рыбака собственника единственнаго на островѣ жилого помѣщенія, откуда по утрамъ на лодкахъ ѣздила въ городъ, а покончивъ обязательныя служебныя занятія, возвращалась тѣмъ же путемъ на свой островъ; тамъ, въ свободное отъ взятой на домъ работы время, царило достаточное веселье, поощряемое необычайностью обстановки, совмѣстною жизнью и даже тѣмъ тревожнымъ все-таки состояніемъ, которое вызывалось близостью жестокой болѣзни. Холера не тронула никого изъ обитателей Казимировой избушки, и къ осени всѣ благополучно перекочевали въ Тамбовъ.

Первымъ предсѣдателемъ Тамбовскаго Окружнаго Суда былъ В. И. Бартеневъ, почтенный человѣкъ и хорошій цивилистъ, вкладывавшій въ исполненіе своихъ обязанностей много труда, знанія и строгой справедливости, а прокуроромъ состоялъ В. А. Боголюбовъ, человѣкъ выдававшійся энергіей, рѣшительностью, пожалуй даже стремительностью. Онъ былъ полною противоположностью всегда уравновѣшеннаго, спокойнаго Бартенева и со страстностью отно-

сился къ исполненію нелегкой задачи—разрушить до основанія всѣ прежніе, дореформенные пріемы мѣстнаго правосудія, сломать все то, что, кромѣ закона и часто вопреки его, авторитетно вліяло на направленіе судебной дѣятельности, какъ-то значеніе происхожденія, занятія крупной должности, состоятельности. Боголюбовъ былъ типомъ воинствующаго прокурора; онъ, говоря образно, вводилъ Судебные Уставы «на остріѣ меча правосудія», не щадя преданій, привычекъ и даже людей, казавшихся ему врагами новаго порядка, независимо отъ того, принадлежали ли они къ мѣстному обществу или къ персоналу Суда, разъ какъ они не шли по новому пути и не вѣрили въ Судебные Уставы. Очень быстро Боголюбовъ возбудилъ противъ себя значительную часть общества и въ дальнѣйшемъ не пріобрѣлъ симпатіи населенія. Не мало жалобъ было на него подано частными и должностными лицами, но сломить его энергію этимъ путемъ не удалось, такъ какъ онъ въ общемъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, а потому тогдашній Министръ Юстиціи графъ К. И. Паленъ счелъ нужнымъ поддержать его.

Возможенъ былъ, конечно, иной способъ дѣятельности, чѣмъ принятый Боголюбовымъ, менѣе раздражающій, даже ошеломляющій, но не надо забывать, что то была своего рода «Sturm und Drang-Periode» реформаторской эры, начавшейся съ 19 февраля 1861 года и въ извѣстной послѣдовательности охватывавшей всѣ области Россіи. Боголюбовъ, при содѣйствіи товарищей прокурора, слѣдователей и суда, достигъ того, къ чему съ полнымъ основаніемъ стремился,—укрѣпленія въ сознаніи мѣстнаго общества и представителей администраціи необходимости считаться съ законностью и значеніемъ мѣстнаго блюстителя ея—прокурора, и рѣзкими штрихами установилъ и подчеркнулъ разницу между прежнимъ подкупнымъ, заискивающимъ, трусливымъ и грязнымъ судомъ и новыми судебными учрежденіями, чуждыми взяткѣ, внѣсудебному давленію и низкопоклонству. Въ глухой провинціи приходилось бороться болѣе упорно и энергично,

чѣмъ въ столицахъ и крупныхъ губернскихъ центрахъ, съ неотжившими еще взглядами и убѣжденіями недавней крѣпостной эпохи; независимость суда, равноправность всѣхъ передъ закономъ и судомъ, строгое и гласное преслѣдованіе проступковъ и даже преступленій, покрывавшихся и прощавшихся прежде, казались опасными либеральными измышленіями, и за сохраненіе прежнихъ порядковъ въ новыхъ учрежденіяхъ ратовали многіе.

Да и въ своей, судебной средѣ, гдѣ осталось не мало прежнихъ служащихъ, приходилось энергично бороться съ издавна привившимся формализмомъ, господствовавшимъ надъ существомъ дѣла, конечно, болѣе легкимъ и удобнымъ къ выполненію, чѣмъ дѣйствительное дѣло, и съ медленностью производства. Необходимость этой борьбы была налицо, но очень многіе изъ молодыхъ судейцевъ уже слишкомъ пренебрежительно относились къ формѣ въ судебномъ производствѣ, совсѣмъ не признавая ее. Судебные дѣятели того времени игнорировали въ офиціальной перепискѣ титулы своихъ корреспондентовъ и въ лучшемъ случаѣ допускали лишь обращеніе на «Милостивый государь», не обращаясь ни къ кому на «Ваше превосходительство», «Ваше высокородіе» и опуская бывшіе прежде въ ходу разнообразные канцелярскіе термины.

Какъ на примѣръ совершеннаго подавленія существа дѣла прежнимъ приказнымъ формализмомъ я могу сослаться на дѣло о несостоятельности помѣщика и Тамбовскаго губернскаго предводителя дворянства Ліона, сданное прежними судебными мѣстами Окружному Суду какъ неоконченное. Дѣло это было поручено мнѣ для разбора его и доклада; привезли его ко мнѣ на домъ на подводѣ, такъ какъ оно состояло изъ 43 толстыхъ томовъ; пришлось прочесть все дѣло отъ доски до доски и воочію убѣдиться въ непроизводительной затратѣ труда и времени. Кромѣ бумагъ и отношеній, въ дѣлѣ было множество журнальныхъ опредѣленій Гражданской и Уголовной Палатъ, въ которыхъ какъ бы незначительна ни была резолютивная часть, прописывались подъ рубрикою

«слушали» всѣ нужныя и ненужныя для даннаго момента обстоятельства дѣла, и подъ рубрикой «законы» тоже, безусловно не идущія къ дѣлу, статьи разныхъ томовъ Свода, что, въ концѣ-концовъ, страшно запутывало и затягивало производство (облегчая, однако, взиманіе даровъ), въ которомъ въ этихъ «слушали», «законы» и «приказали» на протяженіи десятковъ томовъ можно было заблудиться какъ въ лѣсу. Поэтому дѣло и тянулось что-то болѣе десяти лѣтъ. Когда я осилилъ послѣдній томъ, то оказалось, что дѣло въ сущности уже рѣшено и осталось лишь привести въ исполненіе послѣднее опредѣленіе Палаты. Въ другомъ случаѣ такое же машинальное повтореніе составляемыхъ по точно установленой формѣ, не судьями, конечно, а писарями, журнальныхъ постановленій въ одномъ уголовномъ дѣлѣ привело къ тому, что судившійся, кажется, за грабежъ крестьянинъ Онисимъ Хитровъ незамѣтно для судей превратился въ Анисью Хитрову, каковая особа оказалась приговоренной въ арестантскія роты. Въ моихъ рукахъ тогда перебывало множество старыхъ производствъ, изъ которыхъ нѣкоторыя останавливали вниманіе даже странностью заглавія; я помню, напримѣръ, дѣла «о монахѣ, всплывшемъ на поверхность озера», «о помѣщикѣ Ивановѣ и уткѣ», «о провалившихся мостахъ», «о пропавшемъ чиновникѣ Знаменскомъ» и т. п.

Органы полиціи очень не возлюбили новый прокурорскій надзоръ и судебныхъ слѣдователей, вдругъ вторгнувшихся въ полицейскую область, нарушившихъ самостоятельность чиновъ полиціи по производству дознаній и предъявлявшихъ рядъ требованій, исполненіе которыхъ было не легко и не представляло выгоды. Но не одна полиція, а цѣлыя группы населенія, какъ я уже говорилъ, и отдѣльныя лица отнеслись вполнѣ отрицательно къ новымъ судебнымъ учрежденіямъ, однако главная масса обывателей стала на сторону Судебныхъ Уставовъ. Въ первое время засѣданія Окружнаго Суда, особенно уголовныхъ отдѣленій съ присяжными засѣдателями, посѣщались массою публики; въ уѣздахъ выѣздныя сессіи Окружнаго Суда, длившіяся тогда долго,

благодаря обилію принятыхъ изъ старыхъ учрежденій нерѣшенныхъ дѣлъ, составляли прямо общественное событіе. На это время въ городъ съѣзжались окрестные помѣщики, нерѣдко съ семьями; дѣятелей новаго суда, совершенно не похожихъ на прежнихъ судей, засѣдателей и прочихъ чиновниковъ, въ большинствѣ старыхъ, мрачныхъ, даже грязныхъ, принимали радостно, устраивали ради нихъ «вечера» и другія празднества. Лица прокурорскаго надзора, присяжные повѣренные, секретари и кандидаты на судебныя должности, всѣ молодые, сравнительно элегантные, обычно веселые, окруженные ореоломъ участія въ новомъ благородномъ дѣлѣ, отблескомъ учености, много и красиво говорившіе публично, были совсѣмъ невиданными гостями въ иныхъ захолустныхъ и прямо даже дикихъ мѣстахъ обширной черноземной губерніи. Желѣзныхъ дорогъ въ губерніи еще не существовало, населеніе было мало подвижно и жило на мѣстахъ, придерживаясь старины; лѣса стояли еще дремучіе, болота залегали непроходимыя, звѣря лѣсного и прочаго водилось во множествѣ, и новыя вѣянія, вызванныя къ жизни эпохою реформъ, еще не дошли до иныхъ мѣстностей, или еще только робко прокрадывались къ нимъ.

Близость по времени къ крѣпостному праву давала себя чувствовать во многомъ, во взаимныхъ отношеніяхъ помѣщиковъ съ крестьянами, еще говорившими своимъ господамъ въ случаѣ предъявленія какихъ-либо ходатайствъ: «Вы наши отцы, а мы ваши дѣти», въ многочисленности у «господъ» всевозможной прислуги и въ обращеніи съ ней, въ содержаніи помѣщиками псовой охоты съ доѣзжачими, выжлятниками и въ тому подобныхъ признакахъ. Мнѣ въ то время пришлось побывать въ одной крупной помѣщичьей усадьбѣ, гдѣ сохранился весь укладъ прежней дореформенной жизни и, казалось, крѣпостное право не было отмѣнено. Усадьба эта принадлежала старику генералу Ж—у, въ то время уже достаточно дряхлому, что было не удивительно, такъ какъ онъ въ 1814 году въ штабъ-офицерскомъ чинѣ участвовалъ въ торжественномъ вступленіи нашихъ войскъ въ Парижъ.

Ж—въ былъ холостъ и домашнимъ хозяйствомъ у него завѣдывала не старая еще экономка, въ комнатѣ которой, съ лежанкой и стоявшими на окнахъ бутылями настаивавшейся наливки, генералъ любилъ отдыхать и дремать, сидя въ креслѣ. Домъ былъ деревянный, не казистый, но большой, съ массою комнатъ различныхъ размѣровъ. Я былъ у Ж. зимою. Во всѣхъ комнатахъ стояла страшная духота, такъ какъ генералъ любилъ тепло и форточекъ не признавалъ; топились печи соломой, которая съ утра ворохами валялась на полу; въ передней торчало нѣсколько мальчиковъ-казачковъ, одѣтыхъ въ соотвѣтственную форму; на обязанности одного изъ нихъ лежала забота о трубкахъ генерала и своевременной перемѣнѣ и подачѣ ихъ; во внутреннихъ покояхъ шныряли дѣвчонки въ затрапезныхъ платьяхъ и босикомъ; прислуги вообще было много. Въ гостиной на диванахъ и на креслахъ лежали или разгуливали по комнатамъ, не отличавшимся большой чистотой, борзыя собаки—«крымскія», не переносившія сильныхъ морозовъ; у Ж. была знаменитая породистыми собаками охота. Обѣдъ подавался къ часу дня, очень обильный; передъ нимъ полагалась закуска домашняго приготовленія и водка разныхъ сортовъ, настоенная дома, а послѣ обѣда своя же наливка. При усадьбѣ стоялъ великолѣпный конскій заводъ; Жи—скіе рысаки были извѣстны и въ Москвѣ. Конюшни и вообще конный дворъ, расположенные близко отъ дома, содержались въ блестящемъ порядкѣ, и генералъ ежедневно отправлялся лично туда, присутствуя при выводкѣ въ манежѣ лошадей. Было удивительно, что старикъ, не переносившій ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка въ жарко натопленномъ домѣ, отправлялся на конный дворъ, не надѣвая шубы. Послѣ 19-го февраля Ж. оставилъ на усадьбѣ всю свою крѣпостную дворню, назначивъ имъ хорошее жалованье, но съ тѣмъ, чтобы всѣ подчинялись ему попрежнему, какъ прирожденному господину ихъ. Дворовые согласились, и такъ какъ Ж. былъ человѣкъ съ очень хорошими средствами, то въ его домашнемъ и усадебномъ обиходѣ не произошло никакой

перемѣны, и онъ прожилъ до конца жизни прежнимъ всевластнымъ помѣщикомъ, игнорируя актъ 19-го февраля.

Цѣлый рядъ уголовныхъ дѣлъ, бывшихъ въ моихъ рукахъ въ первые годы по введеніи судебной реформы, съ несомнѣнностью свидѣтельствовали о суровости и грубости нравовъ иныхъ мѣстностей губерніи. Помню, напримѣръ, дѣло, заключавшееся въ томъ, что одинъ мелкопомѣстный землевладѣлецъ, когда проходившая мимо его усадебки съ пѣснями артель плотниковъ не послушалась его и не прекратила, несмотря на его приказанія, пѣніе, схватилъ ружье, заряженное дробью, и выстрѣлилъ въ плотниковъ изъ обоихъ стволовъ, при чемъ одному выбилъ глазъ. Въ другомъ случаѣ два пріятеля согласились споръ о достоинствѣ ружья одного изъ нихъ рѣшить опытомъ, а именно, оспаривавшій дальнобойность ружья предложилъ собственнику его выстрѣлить въ него мелкою дробью въ спину на разстояніи семидесяти, кажется, шаговъ. Обозленный споромъ охотникъ, когда его противникъ сталъ на отмѣренное мѣсто, быстро пододвинулся къ нему поближе и выстрѣломъ причинилъ довольно сложную рану. Вообще сѣверные уѣзды губерніи доставляли почти исключительно дѣла объ убійствахъ въ дракѣ, нанесеніи увѣчій, ранъ и иныхъ поврежденій, о нападеніяхъ на усадьбы, о грандіозныхъ самоуправствахъ и иныхъ проявленіяхъ насилія, дикости и самодурства. Помню, напримѣръ, нѣсколько дѣлъ объ увѣчьяхъ, а именно объ откушеніи носа во время драки, о вырываньи полъ-бороды, которая затѣмъ, какъ неопровержимое доказательство аккуратно пришивалась потерпѣвшимъ къ подаваемой жалобѣ. Побоища имѣли мѣсто не только въ низшихъ классахъ населенія, но и въ болѣе высокихъ, хотя они не такъ часто доходили до суда; по разсказамъ очевидцевъ, въ одномъ изъ уѣздовъ мѣстное общество, кажется, въ клубѣ, раздѣлившись на двѣ враждебныя партіи, вступило въ бой, длившійся чуть ли не сутки, но окончившійся благополучно лишь незначительными поврежденіями, не потребовавшими другихъ медикаментовъ кромѣ арники и пластыря,

а затѣмъ мировой и пиршествомъ, длившимся еще дольше. Все это были замиравшіе отголоски былой, дореформенной жизни, во времена расцвѣта которой губернія славилась рысаками, билліардными и картежными игроками, даже шулерами, силачами, гнувшими шутя подковы, спеціалистами по части выпивки и гастрономіи.

Какъ образчикъ отношенія къ новому суду и другимъ реформамъ придерживавшейся старыхъ порядковъ части мѣстнаго общества, приведу отрывокъ длиннаго доклада-прошенія на имя прокурора одного стараго отставного чиновника не изъ крупныхъ.

...«Во время откуповъ—откупщики! Тогда въ ренсковыхъ магазинахъ и погребахъ разлитіе винъ изъ боченковъ въ бутылки производилось въ присутствіи уполномоченныхъ откупщика и чиновниковъ казенной Палаты, при коихъ невозможно было разспропливать вина; строго о семъ наблюдали откупщики. За упраздненіемъ откуповъ строгость надзора за разлитіемъ винъ уничтожилась. Торговцы виноградныхъ винъ начали вина разсиропливать. Вина уже не той доброты! Да! Нонче права отняты отъ полиціи, что если въ домѣ хозяина кто будетъ стрѣлять или буйство, драка и убійство, то полиція не имѣетъ права войти къ нему въ домъ для взятія виновныхъ; все говорятъ: нѣтъ закона! А бери съ улицы. Прежде былъ законъ, что полицейскій чиновникъ входитъ въ домъ именемъ Его Императорскаго Величества, беретъ изъ дома за буйство въ полицію».

«Въ городѣ перекупъ во всемъ, возвышеніе цѣнъ, обвѣсъ и обмѣръ; вѣса и гири невѣрные, торговцы измошенничались; здѣсь живутъ безпаспортныхъ много. Прежде сего жандармы ловили безпаспортныхъ и доставляли въ полицію, а нынѣ власть отъ нихъ отошла! Теперь губернаторъ ѣздитъ лѣтомъ по губерніи ревизовать однѣ полиціи, ибо въ городахъ уѣздные Суды, Магистраты и Ратуши упразднены. Будки полицейскія уничтожены, дозоръ не ходитъ по улицамъ и никто не повѣряетъ и не видитъ! Воровъ не преслѣдуютъ и не ловятъ! Даже гражданскія власти не являются

въ соборъ въ табельные дни не отъ недостатка желанія, а единственно — встать негдѣ, полонъ соборъ однихъ мужиковъ»...

Взяточничество прежнихъ судейцевъ настолько было общеизвѣстно и считалось неизбѣжнымъ, что агенты новаго суда въ теченіе довольно долгаго времени подвергались предложеніямъ мзды. Со мною также, когда я исправлялъ должность слѣдователя, былъ подобный случай. Главный прикащикъ въ крупномъ торговомъ дѣлѣ обвинялся хозяиномъ въ растратѣ значительной суммы денегъ, но такъ какъ онъ велъ дѣла фирмы самостоятельно на основаніи довѣренности и не представилъ еще отчета хозяину, то я рѣшилъ пріостановить уголовное преслѣдованіе прикащика какъ преждевременное, съ предоставленіемъ хозяину права предъявить свою претензію первоначально въ порядкѣ гражданскомъ. Составивъ такое постановленіе, я его объявилъ пришедшему справиться о положеніи дѣла прикащику, сказавъ, что завтра же отошлю дѣло въ судъ для прекращенія производства. Вѣроятно, усмотрѣвъ въ этихъ моихъ словахъ намекъ, прикащикъ вынулъ изъ кармана довольно толстую пачку кредитныхъ билетовъ, изъ которыхъ первый сіялъ радужными цвѣтами, и поднесъ ее мнѣ, сказавъ, что, даръ этотъ исходитъ «отъ чистаго сердца». Онъ, кажется, искренно не могъ понять, почему я отказался принять благодарность, и пачку пришлось ему вернуть почти силою. Нѣсколько разъ я въ прошеніяхъ потерпѣвшихъ, подававшихся не лично, находилъ не крупныя ассигнаціи; такіе случаи встрѣчались, конечно, не у одного меня; однако года черезъ три по введеніи реформы не стало слышно о взяточныхъ предложеніяхъ.

Изъ бывшихъ у меня, какъ слѣдователя, на рукахъ дѣлъ помню одно старинное, въ семи распухшихъ томахъ пожелтѣвшей бумаги, носившее именованіе о «злоупотребленіяхъ по службѣ» такихъ-то, при чемъ слѣдовалъ длинный рядъ именъ; дѣло оставалось, по принятію его моимъ предшественникомъ изъ старыхъ учрежденій, видимо безъ всякаго движенія и уже внѣшностью своей наводило уныніе;

сознаюсь, я прямо боялся приступить къ нему, помня вынесенныя мною при изученіи дѣла Ліона мученія. Выручилъ меня участковый товарищъ прокурора Б. П. Булгаковъ (если не ошибаюсь—нынѣ сенаторъ), посовѣтовавшій запросить полицію, существуютъ ли и гдѣ обрѣтаются шесть привлеченныхъ къ дѣлу и оставленныхъ на свободѣ бывшихъ чиновниковъ. Получился отвѣтъ, что пятеро изъ нихъ скончались, иные уже давно (дѣло было начато лѣтъ 12 тому назадъ). Оставшагося въ живыхъ обвиняемаго я вызвалъ и, убѣдившись въ весьма почтенномъ его возрастѣ и видимой болѣзненности, отпустилъ съ миромъ, тѣмъ болѣе, что онъ отозвался искреннимъ запамятованіемъ обстоятельствъ, послужившихъ основаніемъ для привлеченія его къ дѣлу; производство это я такъ и не прочелъ, ибо вскорѣ получилось извѣщеніе о кончинѣ послѣдняго изъ обвиняемыхъ.

Упомяну еще объ одномъ, оригинальномъ по личности обвиняемой, дѣлѣ, по которому мнѣ пришлось вести предварительное слѣдствіе. Сравнительно интеллигентные супруги, обладавшіе нѣкоторыми средствами (насколько помню, онъ былъ машинистомъ и декораторомъ мѣстнаго театра), не имѣвшіе дѣтей, взяли на воспитаніе съ намѣреніемъ усыновить семилѣтняго ребенка бѣдной вдовы—прачки, съ условіемъ, чтобы мать не ходила къ сыну, совершенно предоставивъ имъ воспитаніе мальчика. Мать согласилась, надѣясь тѣмъ обезпечить судьбу сына. По прошествіи приблизительно полугода прачка захворала воспаленіемъ легкихъ и легла въ больницу; она стала уже поправляться, когда къ ней пришла знакомая ея женщина, мывшая бѣлье на семью декоратора, и разсказала, что, не заставъ хозяевъ дома, видѣла сына больной всего избитаго и исщипаннаго, и отъ ихъ служанки узнала, что барыня постоянно бьетъ и мучаетъ мальчика. Чувства матери пересилили физическую слабость прачки и сопротивленіе больничнаго персонала; она немедленно ушла изъ больницы и отправилась, хотя и черезъ силу, прямо къ воспитательницѣ сына; добравшись до него, она убѣдилась въ томъ, что ея знакомая сказала правду, и хотѣла

увести мальчика, но его не дали, и тогда она съ мѣста, по совѣту кого-то, поплелась въ камеру прокурора Окружнаго Суда, гдѣ въ то время случайно находился и я. Разсказавъ о случаѣ съ сыномъ, прачка настолько ослабѣла, что ее пришлось отвезти прямо въ больницу, а я, такъ какъ декораторъ съ женою проживали въ моемъ слѣдственномъ участкѣ, тотчасъ же отправился къ нимъ. Мальчика, однако, уже не оказалось въ домѣ, и пріемная мать его объявила, нисколько не смущаясь, что онъ ушелъ безъ ея вѣдома. Пришлось ограничиться допросомъ свидѣтелей—сосѣдей декоратора. Ихъ показаніями выяснилось, что въ квартирѣ послѣдняго ежедневно слышатся крики и плачъ ребенка, что не разъ мальчикъ жаловался на побои и что слѣды насилія были прямо видны на немъ. На допросѣ въ качествѣ обвиняемой въ истязаніи пріемнаго сына, жена декоратора виновною себя не признала, объяснивъ, что и мать мальчика и сосѣди лгутъ.

Между тѣмъ мальчикъ исчезъ, и розыски его полиціей не привели ни къ чему, но было ясно, что онъ умышленно спрятанъ гдѣ-либо встревожившейся пріемной матерью. Оставивъ ее на свободѣ, я поручилъ полиціи устроить за ней тщательное наблюденіе, расчитывая, что она отправится-таки къ мальчику; это, дѣйствительно, случилось на слѣдующій же день; мальчикъ оказался у тетки обвиняемой и полиція доставила мнѣ его. Трудно себѣ представить болѣе жалкое существо, чѣмъ то, какимъ оказался бѣдный мальчикъ. Худой, блѣдный, онъ весь былъ покрытъ кровоподтеками и не зажившими болячками и язвами; часть волосъ на его головѣ была выдрана, оба уха надорваны, выбито нѣсколько зубовъ, а верхняя губа была разсѣчена и опухшая. Мальчикъ сначала, когда докторъ, осматривавшій его, сталъ снимать съ него рубашку, горько заплакалъ, рѣшивъ, что его опять будутъ бить, и намъ не скоро удалось его успокоить.

При дальнѣйшемъ ходѣ слѣдствія выяснилось, что обвиняемая истязала и мучила своего пріемыша самыми разнообразными способами. Начиналось съ простыхъ толч-

ковъ въ лицо, или куда придется, если ребенокъ не аккуратно, по ея мнѣнію, ѣлъ за обѣдомъ, или не сразу ея слушался, но какъ только мальчикъ начиналъ плакать и кричать, на его воспитательницу находилъ какъ бы припадокъ ярости и она раздѣвала мальчика донага и заставляла бѣгать по комнатѣ, подстегивая ремнемъ съ пряжкою, впивавшеюся въ тѣло мальчика, или вырывала клочьями волосы; часто за обѣдомъ она била его металлическою ложкой по губѣ, разбивая ее; ставила его голыми колѣнками на полъ, посыпанный солью и держала такъ до обморочнаго состоянія, сѣкла розгою, моча ее въ отварѣ бодяги, надрывала уши и производила всѣ эти операціи, все болѣе и болѣе раздражаясь отъ плача и стоновъ мальчика. При вторичномъ допросѣ она опять-таки не признала себя виновной, а слѣды истязаній, найденные на тѣлѣ мальчика, объяснила золотухой, что, однако, было тотчасъ же опровергнуто врачебной экспертизой. Женщина она была здоровая физически, молодая, лѣтъ двадцати пяти, замѣчательно красивая, достаточно развитая и ничто въ прежней ея жизни и поведеніи вообще не давало какого-либо объясненія ея безчеловѣчному обхожденію съ несчастнымъ мальчикомъ, а также причины, побудившей именно ее, а не ея мужа, взять ребенка на воспитаніе. На вопросъ мой, предложенный врачамъ, не представляется ли обвиняемая ненормальной въ психическомъ отношеніи, они отвѣтили съ увѣренностью отрицательно. Но я и тогда думалъ, а теперь даже не сомнѣваюсь въ томъ, что обвиняемая не была вполнѣ нормальной психически женщиной. Она въ извѣстные моменты чувствовала потребность и находила наслажденіе въ причиненіи физическихъ мученій, при чемъ крики и плачъ ея жертвы только разжигали въ ней эти несомнѣнно болѣзненныя, патологическаго происхожденія, чувства. Присяжные на судѣ признали ее виновной, не давъ снисхожденія. Мальчика пришлось помѣстить въ больницу, откуда вскорѣ его взяла на воспитаніе и усыновила одна добрая женщина, окружившая его лаской и заботой, — онъ попалъ изъ ада въ рай. Мать спасла его

въ полномъ смыслѣ, но сама погибла; у нея, благодаря уходу изъ больницы, возобновилось и осложнилось воспаленіе, да и сердце, ослабѣвшее отъ болѣзни, не выдержало всего испытаннаго, и она черезъ нѣсколько дней по возвращеніи въ больницу скончалась тамъ, узнавъ, однако, о спасеніи сына.

Изъ первыхъ дѣятелей Тамбовскаго суда, въ числѣ которыхъ было много способныхъ, дѣльныхъ людей, занявшихъ впослѣдствіи въ другихъ округахъ должности предсѣдателей Суда и Судебной Палаты, а также сенаторовъ, я не могу не выдѣлить, бывшаго въ то время товарищемъ прокурора, нынѣ уже покойнаго Л. И. Навроцкаго. Это былъ человѣкъ чрезвычайно оригинальный, выработавшій себѣ особую житейскую философію; онъ обладалъ общею талантливостью и между прочимъ прекрасно владѣлъ стихосложеніемъ, при чемъ относился къ этой своей способности, къ сожалѣнію, не серьезно, не развивалъ ее и писалъ или даже говорилъ экспромптомъ стихи лишь на шуточныя темы и не печаталъ своихъ произведеній. Онъ былъ отличный судебный ораторъ, и обвинительныя рѣчи его, образныя, сильныя, не чуждыя тамъ, гдѣ это было умѣстно, ѣдкаго юмора, производили всегда сильное впечатлѣніе. Ничего лишняго не вкладывалось Навроцкимъ въ его рѣчи и заключенія и никогда имъ не преувеличивалось обвиненіе. Послѣ Боголюбова онъ занялъ въ Тамбовскомъ судѣ прокурорское мѣсто, привѣтствуемый всѣмъ мѣстнымъ обществомъ, искренно любившимъ этого милаго человѣка и интереснѣйшаго собесѣдника. Онъ не походилъ на свирѣпаго предшественника своего, напротивъ отличался мягкостью, даже уступчивостью, не переходившею, однако, въ угодливость. Но дѣло правильной постановки прокуратуры уже было сдѣлано, и къ тому времени, когда постъ прокурора занялъ Навроцкій, уже не было необходимости непрестанно воевать, отстаивая съ оружіемъ въ рукахъ самостоятельность и власть суда и значеніе закона; нужно было лишь не отступать, что было по плечу Навроцкому.

Мнѣ пришлось участвовать еще въ одномъ введенін Судебныхъ Уставовъ, на этотъ разъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, въ Царствѣ Польскомъ. Мѣсяца за четыре до открытія новыхъ судебныхъ учрежденій я, въ качествѣ прокурора Плоцкаго Окружнаго Суда, пріѣхалъ въ Плоцкъ, получивъ изъ Министерства Юстиціи порученіе обревизовать или вѣрнѣе нѣсколько ознакомиться съ дѣлопроизводствомъ прежнихъ судовъ и личнымъ ихъ составомъ, въ видахъ рѣшенія вопроса о томъ, кто изъ мѣстныхъ судейцевъ можетъ получить назначеніе на какую-либо должность при Окружномъ Судѣ. Кромѣ того, на обязанности моей лежало распредѣленіе по подсудности и разсылка неоконченныхъ уголовныхъ дѣлъ, имѣвшихъ быть сданными Плоцкимъ Уголовнымъ Судомъ, въ округъ котораго входило нѣсколько губерній. Задача эта была, если отнестись къ ней требовательно, почти не выполнима и во всякомъ случаѣ крайне сложна. Серьезнѣйшимъ препятствіемъ являлось для всѣхъ судебныхъ чиновъ русскаго происхожденія, получившихъ такія же порученія по другимъ губерніямъ, незнаніе польскаго языка, на которомъ велось все дореформенное производство, и самое поверхностное знакомство съ прежнимъ процессомъ, пріобрѣтенное уже на мѣстѣ. Лично я оказался въ нѣсколько лучшемъ, чѣмъ другіе, положеніи, такъ какъ, узнавъ заранѣе о предстоявшемъ мнѣ назначеніи, успѣлъ, засѣвъ со студентомъ полякомъ за изученіе польскаго языка, порядочно ознакомиться съ нимъ; но тѣмъ не менѣе чтеніе прежнихъ дѣлъ и бумагъ, излагавшихся совершенно особымъ слогомъ и крайне неразборчивымъ почеркомъ, давалось мнѣ съ большимъ трудомъ. Пришлось также заботиться о пріисканіи и наймѣ помѣщенія для Окружнаго Суда, приспособленіи его и омеблированіи. Все это удалось закончить къ 1 іюля 1876 года, когда состоялось торжественное открытіе новаго суда.

Дореформенное судебное дѣло въ Польшѣ стояло не высоко; оно въ общихъ чертахъ напоминало прежнее русское производство; такъ же какъ и въ центральныхъ губерніяхъ

Россіи личный составъ суда не пользовался несмѣняемостью и былъ весьма зависимъ; въ средѣ его не мало было лицъ, напоминавшихъ даже внѣшнимъ видомъ былыхъ нашихъ «приказныхъ», едва ли общимъ развитіемъ стоявшихъ выше ихъ. Но было достаточно, особенно между молодежью, способныхъ, развитыхъ, хорошо направленныхъ и юридически подготовленныхъ лицъ. Всѣ они, получивъ назначеніе въ новыхъ учрежденіяхъ и убѣдившись въ высокихъ качествахъ Судебныхъ Уставовъ, съ охотою и полною добросовѣстностью взялись за проведеніе въ жизнь основъ новаго суда. Нельзя имъ не поставить это явленіе въ большую заслугу: хотя и плохо было старое судоустройство, но оно было для нихъ свое—польское; судопроизводство шло на польскомъ языкѣ, примѣнялись польскіе законы, а новый судъ вводилъ въ дѣлопроизводство русскій языкъ и незнакомые полякамъ русскіе Судебные Уставы и Уложеніе о наказаніяхъ (дѣйствовавшій до реформы въ гражданскомъ судѣ Наполеоновъ кодексъ и нѣкоторыя другія гражданскія процессуальныя законоположенія остались въ силѣ). Благодаря упомянутому мною добросовѣстному отношенію къ новому дѣлу громаднаго большинства назначенныхъ въ новый судъ прежнихъ судейцевъ и удачному подбору перешедшихъ изъ центральной Россіи судебныхъ дѣятелей введеніе Уставовъ Александра II совершилось въ Плоцкомъ округѣ вполнѣ удачно, и дѣятельность новыхъ учрежденій, въ томъ числѣ и мировыхъ, съ самаго начала направилась по надлежащему пути, что вскорѣ же сказалось въ довѣріи населенія къ новому суду.

Зная, конечно, что мы, русскіе чиновники, назначенные въ Царство Польское, чуждые мѣстному населенію, уже тѣмъ самымъ должны были возбудить его недовольство, въ данномъ случаѣ тѣмъ большее, что мы имѣли замѣнить послѣднее правительственное учрежденіе, функціонировавшее въ составѣ исключительно польскаго персонала и на польскомъ языкѣ, я ожидалъ, что буду встрѣченъ въ высшей степени недружелюбно или даже враждебно коллегами польскаго происхожденія и всѣмъ мѣстнымъ обществомъ. Но

предположенія мои оказались ошибочными, и я не могу констатировать ни одного случая проявленія ко мнѣ и другимъ русскимъ сослуживцамъ враждебности. Весьма вѣроятно, что въ глубинѣ души у многихъ изъ лицъ, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло, шевелилось не особенно благосклонное чувство, но вовнѣ оно не выражалось ничѣмъ; отношенія наши были самыя корректныя. Съ нѣсколькими сослуживцами-поляками и съ лицами посторонними суду я со временемъ сталъ въ искренно дружескія отношенія. Не было даже попытокъ какого-либо противодѣйствія нашей служебной дѣятельности. Изъ сослуживцевъ, поступившихъ въ наши ряды изъ старыхъ учрежденій, вспоминаю дѣльнаго цивилиста товарища предсѣдателя Павловскаго, весьма знающаго юриста Вольскаго, милѣйшаго, добродушнаго, скромнаго товарища прокурора Милевскаго, молодыхъ энергичныхъ слѣдователей Кицинскаго, Мейера, гостепріимнаго, веселаго секретаря ипотечнаго отдѣленія Гурскаго и нѣсколькихъ талантливыхъ адвокатовъ.

На насъ, дѣятеляхъ суда, для которыхъ въ особенности не должно быть «еллиновъ и іудеевъ», а только люди внѣ какого-либо отношенія къ ихъ національности, не лежала миссія непосредственной руссификаціи польскихъ губерній, а потому въ наши отношенія къ сослуживцамъ и представителямъ мѣстнаго общества не вмѣшивалась политика и вопросы взаимныхъ отношеній Имперіи и Царства Польскаго. Это обстоятельство, очевидно, содѣйствовало установленію между нами добрыхъ отношеній, а лично мнѣ очень помогало знаніе мое польскаго языка, на которомъ я довольно свободно, хотя далеко не правильно, скоро выучился говорить. Мнѣ не разъ приходилось бывать у мѣстныхъ землевладѣльцевъ и лично испытать польское гостепріимство. Эти посѣщенія произвели на меня наилучшее впечатлѣніе и вообще у меня сохранились лишь хорошія воспоминанія о знакомыхъ изъ польскаго общества, которое въ томъ слоѣ, съ которымъ мнѣ пришлось встрѣчаться (лица судебнаго вѣдомства, представители интеллигентныхъ профессій,

помѣщики), было въ полной мѣрѣ развитое, культурное. Въ нѣкоторомъ какъ бы противорѣчіи съ указанной культурностью стояли, однако, два условія жизни тѣхъ классовъ, о которыхъ я говорю: положеніе въ семьѣ женщины и придаваніе выдающагося значенія внѣшности, въ ущербъ другимъ условіямъ жизни. Жена и мать не казалась равноправной въ семьѣ, ей отводилась второстепенная, по сравненію съ мужемъ и отцомъ, роль, при которой она скорѣе казалась экономкой, властно вмѣшивающейся лишь въ вопросы домашняго хозяйства. Ради внѣшности, хотя бы въ квартирахъ, жертвовалось удобствомъ и комфортомъ, казалось бы неразлучнымъ съ дѣйствительной культурой. Такъ, всегда имѣлись налицо комнаты для пріема посѣтителей и гостей, элегантно меблированныя, содержавшіяся въ блистательномъ порядкѣ, тогда какъ рядомъ шли жилыя комнаты, тѣсныя, далеко не всегда чистыя, съ недостаточнымъ содержаніемъ воздуха и безъ условій европейскаго комфорта.

Говоря о польскомъ обществѣ, упомяну кстати, что драматическій отдѣлъ искусства былъ представленъ основательно, и въ мѣстномъ Плоцкомъ театрѣ играла недурная труппа. Попутно вспоминаю, что въ тѣ годы Варшавскій театръ «Rozmaitosci» былъ въ блестящемъ положеніи и дававшіяся въ немъ драмы и комедіи, какъ переводныя классическія, такъ и польскихъ драматурговъ шли великолѣпно, съ удивительнымъ ансамблемъ. Изъ актрисъ того времени припоминаю талантливыхъ: Поппель, блистательно исполнявшую роли ingénue, и Дёрингъ, выдающуюся исполнительницу драматическихъ ролей. Въ числѣ артистовъ состояли прелестный комикъ, нѣсколько въ жанрѣ буффъ, Жулковскій, напоминавшій игрою Московскаго артиста 50-хъ и 60-хъ годовъ Живокини, сильный драматическій актеръ Круликовскій, Рапацкій и jeune premier Шимановскій.

Новые судебные дѣятели изъ русскихъ были приняты, какъ это ни странно на первый взглядъ, весьма недружелюбно мѣстной русской администраціей, особенно въ лицѣ ея высшихъ представителей. (Считаю необходимымъ отмѣтить,

что сказанное мною совершенно не относится къ двумъ бывшимъ за время моей службы въ Плоцкѣ вице-губернаторамъ, къ И. К. Пистолькорсу, съ которымъ по-днесь я сохранилъ самыя дружескія отношенія, и А. К. Анастасьеву.) Полная независимость новыхъ судебныхъ чиновъ, подчиненіе полиціи прокуратурѣ по производству дознаній, самостоятельное возбужденіе прокурорскимъ надзоромъ, помимо администраціи, уголовныхъ дѣлъ, вмѣшательство его въ дѣло возбужденія преслѣдованія за преступленія должности, какое-то подобіе контроля со стороны суда и прокуратуры административной дѣятельности, внушавшее неопредѣленное, но въ то же время чувствительное безпокойство тѣмъ, за кѣмъ имѣлись служебные грѣхи,—все это въ высшей степени раздражало и волновало представителей мѣстной власти. На этой почвѣ очень скоро произошли столкновенія, препирательства и установились достаточно враждебныя отношенія, при чемъ, конечно, въ виду неуступчивости агентовъ суда, въ Петербургъ послѣдовали жалобы и разнообразныя обвиненія, сводившіяся, главнымъ образомъ, къ особенно опасному на окраинѣ умаленію новымъ судебнымъ персоналомъ престижа власти. Но обвиненія эти, вызывая въ свое время не мало волненій и лишняго труда доставленіемъ объясненій, окончились, однако, совершенно благополучно какъ для судебнаго дѣла, такъ и для судебнаго персонала. Министръ Юстиціи графъ Паленъ призналъ нашу дѣятельность правильной, и никто даже изъ наиболѣе энергичныхъ судебныхъ дѣятелей не пострадалъ.

Русское чиновничество, которое я засталъ въ Плоцкой губерніи, — конечно не все, не производило хорошаго впечатлѣнія и хотя оно, напримѣръ, при пререканіяхъ съ судебнымъ вѣдомствомъ, ссылалось въ доказательство своей правоты на необходимость поддержанія власти, оно именно поведеніемъ своимъ въ значительной степени роняло ее. Главнымъ грѣхомъ была почти повальная задолженность русскихъ чиновниковъ мѣстнымъ крупнымъ и мелкимъ капиталистамъ, въ большинствѣ евреямъ.

Предсѣдателемъ Плоцкаго суда былъ А. В. Лонгиновъ (нынѣ предсѣдатель Департамента Одесской Судебной Палаты), а предсѣдателями двухъ мировыхъ съѣздовъ г. г. Галовъ и Друри, люди отдававшіе все свое время и всѣ свои способности служебному дѣлу. Вполнѣ удачно организовался судъ для разбора мелкихъ дѣлъ—мировыя учрежденія съ присущей Варшавскому Округу особенностью, гминнымъ судомъ. Въ числѣ мировыхъ судей состоялъ между прочимъ С. А. Линкъ, занимающій въ настоящее время постъ старшаго предсѣдателя Московской Судебной Палаты. Весь судебный персоналъ, чувствуя себя отдѣленнымъ отъ остального служебнаго общества, съ которымъ онъ не имѣлъ ничего общаго, находился въ хорошихъ взаимныхъ отношеніяхъ; не было ни малѣйшей розни между судомъ и слѣдователями, съ одной стороны, и лицами прокурорскаго надзора—съ другой; возникавшіе, трудные къ разрѣшенію, юридическіе и иные вопросы обсуждались совмѣстно, и за все время моего пребыванія въ Плоцкѣ согласіе и единеніе царило въ судебной средѣ.

Въ Варшавскомъ Судебномъ Округѣ отсутствуетъ институтъ присяжныхъ засѣдателей, о чемъ очень приходилось сѣтовать, но что казалось неизбѣжнымъ при условіи признанія судопроизводственнымъ языкомъ русскаго, совершенно недоступнаго крестьянскому сельскому и почти всему мѣщанскому городскому населенію. Громадное неудобство для судей изъ русскихъ, особенно при разрѣшеніи по существу уголовныхъ дѣлъ, — незнаніе мѣстнаго языка, на которомъ почти исключительно давались объясненія подсудимыми и показанія свидѣтелями, довольно быстро устранилось тѣмъ, что судьи настолько ознакомились съ польскимъ языкомъ, что и безъ переводчика хорошо понимали говорившееся участвовавшими въ процессѣ лицами. Обычно роль переводчика бывала чисто формальная. Очень отрицательное впечатлѣніе было вынесено мною отъ суда второй инстанціи по уголовнымъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ Окружному Суду. Я говорю не о личномъ составѣ апелляціоннаго суда — Варшавской

Судебной Палаты, а о самомъ институтѣ пересмотра уголовныхъ дѣлъ въ установленныхъ судопроизводственнымъ закономъ условіяхъ, при которыхъ Палатѣ приходилось разрѣшать дѣла по истеченіи значительнаго времени послѣ рѣшенія и на основаніи гораздо менѣе вѣскихъ данныхъ, чѣмъ суду первой инстанціи, а именно въ громадномъ большинствѣ случаевъ безъ непосредственнаго выслушанія свидѣтелей.

Тогдашнее польское крестьянство, съ которымъ часто приходилось имѣть дѣло въ судѣ и внѣ его, значительно отличалось отъ великорусскаго уже тѣмъ, что оно было сравнительно состоятельно и условія его домашней жизни были обставлены, какъ въ жилищномъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, лучше, что касается, впрочемъ, главнымъ образомъ, крестьянъ-собственниковъ, а не безземельныхъ батраковъ. Затѣмъ крестьянская сельскохозяйственная культура стояла на много выше, чѣмъ въ русскихъ губерніяхъ, и обработка земли почти не уступала качественно сосѣдней, германской. Но степень общаго развитія крестьянъ не казалась выше; напротивъ, крестьянинъ черноземной полосы производилъ впечатлѣніе человѣка, обладающаго большимъ умственнымъ развитіемъ, болѣе способнаго, живого и интеллигентнаго. Въ заурядномъ польскомъ крестьянинѣ сказывались черты какой-то апатіи, и гораздо болѣе энергичнымъ являлся женскій крестьянскій элементъ. Зачастую съ крестьяниномъ-просителемъ являлась его жена и съ первыхъ же словъ мужа перебивала его и сама ужъ передавала все, что считала нужнымъ для убѣжденія начальства въ правотѣ своего дѣла. Вообще польская крестьянка казалась менѣе забитой, болѣе свободной и въ дѣвическомъ, и въ замужнемъ состояніи, чѣмъ великорусская.

Наличность въ населеніи еврейскаго элемента давала себя, конечно, чувствовать и въ судебныхъ дѣлахъ, какъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ, при чемъ въ послѣднихъ евреи являлись обычно субъектами болѣе тонкихъ преступленій, но относительный процентъ еврейской преступности былъ не выше процента остального населенія. Считаю

нужнымъ оговориться въ томъ отношеніи, что высказанное мною положеніе лишь результатъ моихъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній. Если представители еврейской народности встрѣчались въ сельскомъ населеніи рѣдко, лишь въ качествѣ содержателей лавки, корчмы, переправы и т. п., то въ городахъ и мѣстечкахъ они составляли преобладающую часть жителей и, казалось, забрали исключительно въ свои руки всю мѣстную торговлю, ремесла и всѣ городскіе промыслы. Громадное большинство евреевъ-горожанъ, вѣроятно въ виду переполненія ими городовъ и однообразнаго направленія дѣятельности, существовали крайне бѣдно и плохо; жилища ихъ, переполненныя обитателями, въ особенности дѣтьми, которыми еврейскіе кварталы кишмя кишѣли, были убоги, тѣсны и въ высшей степени грязны, и весь домашній обиходъ скорѣе нищенскій. Въ числѣ евреевъ-горожанъ были, разумѣется, и люди богатые, крупные коммерсанты и предприниматели, а также лица, занимавшіяся ссудой денегъ подъ проценты. Кредитъ евреями открывался легко, и это обстоятельство вводило многихъ русскихъ чиновниковъ въ соблазнъ; часто большая часть жалованья чиновника оставалась каждаго 20-го числа въ рукахъ кредитора. Соблазняло и побуждало къ займамъ и то, что при условіи нѣкоторой состоятельности дебитора процентъ евреями взимался небольшой. Факторы и комиссіонеры, безъ которыхъ въ то время въ такомъ городкѣ какъ Плоцкъ нельзя было обойтись при сколько нибудь развитыхъ потребностяхъ, ограничивались очень умѣреннымъ гонораромъ за исполненіе самыхъ разнообразныхъ порученій, какъ-то: доставленіе изъ Варшавы провизіи и другихъ предметовъ, отсутствовавшихъ въ Плоцкѣ, наемъ лошадей для поѣздокъ по губерніи, пріисканіе прислуги и т. п. Я лично могъ при этомъ констатировать безусловную честность и исполнительность тѣхъ комиссіонеровъ, къ которымъ мнѣ приходилось обращаться.

Очень хорошія воспоминанія остались у меня о Плоцкѣ, хотя это былъ заброшенный городокъ. Помню, какъ я былъ удивленъ, пріѣхавъ въ него, уже тѣмъ обстоятельствомъ,

что въ городѣ не оказалось извощиковъ и существовала, кажется, лишь одна отдававшаяся внаймы коляска у содержателя мѣстной гостиницы. Удивила и лучшая гостиница: она была замѣчательно плоха и примитивна и лишена безусловно всѣхъ удобствъ, уже тогда бывшихъ присущими русскимъ «отелямъ» средней руки. Единственное ея достоинство состояло въ томъ, что она была достаточно чиста, а, пожалуй, и то, что она вовсе не походила на публичное мѣсто и казалась скорѣе частнымъ жилищемъ, хозяинъ котораго пускалъ къ себѣ жильцовъ; да и жильцовъ этихъ бывало очень мало. Отсутствіе извощиковъ объяснялось очень просто и понятно тѣмъ, что ѣздить было некуда и не зачѣмъ. Плоцкъ,—быть-можетъ, онъ теперь разросся,—а тогда былъ совсѣмъ небольшой городокъ, гдѣ до всего было рукой подать; къ тому же улицы были мощеныя и имѣлись приличные тротуары, что спасало отъ грязи. Всѣ обыватели ходили пѣшкомъ, и свои экипажи имѣлись, кажется, только у губернатора, проживавшаго въ Плоцкѣ католическаго епископа и у высшихъ военныхъ чиновъ; обычно на улицахъ царила тишина, нарушавшаяся хлопаньемъ бича наѣзжавшихъ въ городъ помѣщиковъ, звуками трубы почтовыхъ повозокъ да шумомъ, подымаемымъ кучкой о чемъ-нибудь интересномъ разговорившихся евреевъ. Городокъ производилъ пріятное впечатлѣніе, кромѣ уличной чистоты, обиліемъ садовъ, особенно на окраинахъ. Расположенъ Плоцкъ красиво на высокомъ берегу Вислы, гдѣ около «Тумы»—плохонькаго бульвара у обрыва надъ Вислой, съ котораго открывался обширный видъ, стоялъ старый католическій соборъ, построенный въ готическомъ стилѣ, у входныхъ дверей котораго мнѣ не разъ въ лѣтнее время, гуляя по городу поздно вечеромъ, приходилось видѣть распростертую на землѣ съ раскинутыми руками фигуру человѣка, чаще женщины, исполнявшей этимъ лежаніемъ обѣтъ или возложенную на нее исповѣдникомъ епитимью.

Въ дальнѣйшемъ мнѣ, до выхода въ отставку, пришлось служить въ двухъ другихъ округахъ, гдѣ Судебные Уставы

были уже давно введены и гдѣ они,—въ болѣе отдаленномъ прошломъ,—примѣнялись еще въ томъ направленіи и пониманіи, которое было присуще судебнымъ дѣятелямъ перваго призыва.

Я упомяну здѣсь, касаясь исключительно семидесятыхъ и первой половины восьмидесятыхъ годовъ, о нѣсколькихъ болѣе интересныхъ дѣлахъ, бывшихъ въ моихъ рукахъ, и о встрѣчахъ съ выдающимися такъ или иначе лицами.

Въ воспоминаніи моемъ всего ближе и ярче выдвигается личность человѣка, къ которому я отношусь съ совершенно особымъ чувствомъ уваженія и глубокой симпатіи; я говорю о скончавшемся годъ съ небольшимъ тому назадъ Сергѣѣ Алексѣевичѣ Лопухинѣ. Онъ въ теченіе долгой судебной службы занималъ послѣдовательно должности кандидата, помощника секретаря, секретаря Окружнаго Суда, судебнаго слѣдователя, товарища прокурора, прокурора, предсѣдателя Окружнаго Суда, прокурора Палаты, оберъ-прокурора Уголовнаго Департамента Сената и, наконецъ, сенатора. Поднимаясь въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ по этой іерархической лѣстницѣ, Сергѣй Алексѣевичъ не измѣнился въ своихъ убѣжденіяхъ и направленіи и остался до конца жизни такимъ же убѣжденнымъ послѣдователемъ основъ Судебныхъ Уставовъ Александра II, какимъ онъ былъ, вступая въ судебное вѣдомство. Начало и продолженіе службы С. А. до назначенія его прокуроромъ, прошло на моихъ глазахъ, благодаря чему я въ достаточной степени успѣлъ ознакомиться и даже изучить его личность.

Это былъ человѣкъ особенно одаренный: глубокій и острый умъ, блестящія ораторскія способности, умѣнье быстро оріентироваться въ наиболѣе сложныхъ вопросахъ, тонкій юморъ, пылкость, умѣряемая логическимъ мышленіемъ, и выдающееся благородство мыслей выдвигали его въ каждой средѣ, въ каждомъ дѣлѣ, за которое онъ брался. Жизнерадостный, веселый, остроумный, искренно добрый и благожелательный, онъ былъ въ полной мѣрѣ обаятеленъ и какъ общественный дѣятель, и какъ частный человѣкъ. «Карьера»

Лопухина была блестяща, но онъ не только не стремился къ повышеніямъ, но былъ полною противоположностью того, что носитъ названіе карьериста и, надо думать, именно поэтому пробылъ очень недолго (это было уже въ недавнее время) на посту оберъ-прокурора. Вопросы честолюбія были ему безусловно чужды, и не въ нихъ видѣлъ онъ и находилъ личное благополучіе; Лопухинъ былъ рѣдкій семьянинъ, въ средѣ семьи проводилъ онъ все свое свободное время, не имѣя никакихъ другихъ увлеченій, но горячо интересуясь литературой, искусствомъ и общественными вопросами. Въ молодости С. А. принималъ участіе въ любительскихъ драматическихъ представленіяхъ и въ этомъ дѣлѣ также стоялъ головою выше всѣхъ остальныхъ участниковъ, играя не по-дилетантски, а какъ настоящій талантливый актеръ. Онъ, между прочимъ, участвовалъ въ Ясной Полянѣ, а потомъ въ Тулѣ, въ первыхъ двухъ представленіяхъ «Плодовъ просвѣщенія», превосходно исполняя роль Звѣздинцева, что не разъ высказывалъ Левъ Николаевичъ Толстой, хорошо знавшій Сергѣя Алексѣевича.

Мнѣ думается, что Лопухинъ былъ прототипомъ русскаго прокурора и идеально исполнялъ функціи таковаго; онъ, впрочемъ, и самъ говорилъ, что прокурорскія обязанности настолько ему близки и понятны, что онъ словно родился и выросъ въ камерѣ прокурора. Убѣжденный сторонникъ законности, видѣвшій главную задачу русской прокуратуры именно въ поддержаніи всѣми силами и укрѣпленіи законности, Лопухинъ достигалъ въ этомъ отношеніи очень многаго, считаясь съ наличными условіями общественной жизни и политическаго момента; онъ не былъ воинствующимъ представителемъ прокурорскаго надзора, идущимъ напроломъ по всѣмъ вопросамъ, подобно описанному мною раньше Боголюбову, онъ умѣлъ временно уступить, принять допустимый компромиссъ, чѣмъ, въ концѣ-концовъ, достигалъ намѣченной цѣли, но никогда при этомъ не шелъ на постыдныя уступки, никогда не становился послушнымъ, слѣпымъ орудіемъ. Отсутствіе раздражающей запальчивости,

логичность и убѣдительность его мнѣній, при указанной уже мною обаятельности, помогали С. А. добиваться своего: ему незамѣтно уступали. О вліяніи на него посторонняго вѣдомства, хотя бы и по дѣламъ политическимъ, не могло быть и рѣчи. Въ немъ сочеталось строгое соблюденіе закона съ гуманностью, проявлявшейся и въ обвиненіи, и въ направленіи отдѣльныхъ дѣлъ, а главное, въ его вліяніи на подчиненную или близкую ему судебную и даже административную среду. Тѣни чиновнической сухости не было въ Лопухинѣ, онъ отличался полной простотой, доступностью и искренностью.

Разъ какъ я остановился на воспоминаніяхъ объ отдѣльныхъ судебныхъ дѣятеляхъ, то упомяну теперь же и о лицахъ, не принадлежавшихъ къ судебному вѣдомству, но съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться въ началѣ моего долголѣтняго пребыванія въ Тулѣ (съ 1878 года).

Какъ сейчасъ вижу благообразную, дышавшую добродушіемъ фигуру Тульскаго архіерея Никандра. Онъ обладалъ удивительною красотой, но красотой, свойственной именно духовной особѣ—архипастырю. Совершенно сѣдой, бѣлый какъ лунь, еще съ густыми волосами на головѣ и ниспадавшей бородѣ, блестѣвшей бѣлизной подобно первому снѣгу, онъ производилъ впечатлѣніе и духовной бѣлизны; полное лицо его было, несмотря на года, свѣтло и румяно, а небольшіе голубые глаза свѣтились умомъ и несказанной добротой. Выраженіе лица его было обычно добродушно веселое, и такимъ преосвященный Никандръ былъ и въ жизни. Онъ любилъ вечерами принять немногихъ пріятныхъ ему посѣтителей, съ которыми весело бесѣдовалъ, не сдерживая присущаго ему самому юмора. Онъ былъ весьма пріятнымъ и интереснымъ собесѣдникомъ, не раздражавшимся высказываемыми ему сужденіями, не согласными съ его взглядами. Л. Н. Толстой, бывавшій у него довольно часто въ періодъ его религіозныхъ исканій, долго сохранялъ о немъ добрую память и не разъ отзывался какъ о хорошемъ, хотя, по его мнѣнію, заблуждающемся

человѣкѣ. Преосвященный былъ очень простъ въ обращеніи и разговорѣ и не стѣснялся въ выраженіяхъ, называя иныхъ изъ подчиненныхъ ему духовныхъ особъ «попиками», а настоятельницъ женскихъ монастырей «труболетками». А при этомъ Никандръ былъ глубоко, искренно вѣрующій человѣкъ и человѣкъ безусловно строгой монашеской жизни. Такимъ онъ сталъ съ дѣтскихъ лѣтъ, часть которыхъ прошла для него въ монастырѣ, гдѣ пребывалъ его отецъ священникъ, постригшійся въ монахи еще молодымъ, вскорѣ послѣ смерти жены, матери Никандра. Уже въ Академіи онъ былъ въ иноческомъ званіи и свѣтскую жизнь съ ея соблазнами зналъ лишь по книгамъ и разсказамъ. Удивительно было, что при этомъ преосвященный не превратился въ сухого аскета, отрицающаго и клянущаго все, что творится въ мірѣ. Напротивъ, онъ съ любовною снисходительностью относился къ жизни людей въ міру и не признавалъ для другихъ преступнымъ все то, отъ чего самъ отказался. Къ женщинамъ онъ относился внѣшне такъ же, какъ и къ мужчинамъ; принималъ ихъ, былъ съ ними добръ и ласковъ, но, кажется, въ душѣ чувствовалъ къ нимъ нѣчто подобное презрѣнію или скорѣе жалости, считая ихъ въ глубинѣ души созданіями слабыми, во всемъ уступающими мужчинамъ. Какъ-то при мнѣ, на предложенный вопросъ, какъ ему понравилась красотой одна дама (это была пѣвица Медея Фигнеръ), онъ спокойно отвѣтилъ: «Не знаю. У нея, какъ у всѣхъ, обыкновенное женское лицо». Всѣ женщины казались ему одинаковыми. Жилъ Никандръ очень скромно и просто, и единственную роскошь, которую онъ себѣ позволялъ, это угощеніе пріятныхъ ему гостей хорошимъ виномъ, которое по вечерамъ его служка вносилъ въ рюмкахъ, въ отвѣтъ на его звонокъ, мужчинамъ красное бургонское, а дамамъ бѣлое.

Преосвященный любилъ пѣніе, но зналъ лишь духовную музыку. Какъ-то (это было уже позднѣе описываемаго мною времени) онъ высказалъ желаніе послушать когда-нибудь свѣтское пѣніе, и тогдашній Тульскій губернаторъ Н. А.

Зиновьевъ доставилъ ему такой случай, пригласивъ къ себѣ на подгородную дачу Никандра и супруговъ Фигнеровъ, проводившихъ лѣто въ своемъ недалекомъ отъ Тулы имѣніи. Послѣ обѣда знаменитые пѣвцы-супруги исполнили подъ акомпаниментъ фортепьяно цѣлый рядъ арій и романсовъ, очень восхитивъ Никандра, особенно часто повторявшаго послѣ вздоха свое обычное: «О, Господи!» Наиболѣе ему понравилось исполненіе пѣвцами дуэта Глинки «Не искушай меня безъ нужды», который Фигнеры пѣли, дѣйствительно, неподражаемо хорошо. Вспоминаю случай, когда во время праздничнаго (на Рождество) пріема у преосвященнаго одна молодая дама, принявъ отъ него благословеніе и поцѣловавъ руку, долго не выпускала, прижимая ее къ своей полной груди; Никандръ не препятствовалъ, не разсердился, но особенно выразительно произнесъ: «О, Господи», и съ большой жалостью къ ней посмотрѣлъ на даму.

Говорили, что Никандръ плохо управлялъ своей епархіей, «распустилъ» священниковъ и консисторію, не былъ достаточно взыскателенъ и строгъ. Весьма вѣроятно, что это было такъ, ибо преосвященный былъ истинно добрый человѣкъ, не умѣвшій строго казнить, но онъ былъ, думается, именно идеаломъ христіанскаго пастыря, ставившимъ превыше всего заповѣди любви и прощенія. Къ тому же не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ Тульской епархіи во время его долгаго управленія творилось не больше злоупотребленій въ консисторіи и внѣ ея, чѣмъ въ другихъ епархіяхъ, или въ той же Тульской при иныхъ архіереяхъ, людяхъ суровыхъ, гораздо болѣе чиновникахъ, чѣмъ служителяхъ церкви.

Одно время въ Тулѣ постъ вице-губернатора занималъ князь Л. Д. Урусовъ. Едва ли онъ обладалъ какими-либо административными способностями и служебной дѣловитостью, но, вспоминая давнюю Тульскую жизнь, нельзя не упомянуть о князѣ Урусовѣ, какъ объ очень хорошемъ человѣкѣ. Всѣ его лучшія качества развились, и самъ онъ нашелъ въ жизни полное удовлетвореніе и успокоеніе уже не

молодымъ человѣкомъ, ставъ въ близкія отношенія къ Л. Н. Толстому и примкнувъ къ его міровоззрѣнію. Я не встрѣчалъ человѣка, болѣе твердо увѣровавшаго въ нравственное ученіе, высказываемое Львомъ Николаевичемъ. Сближаясь понемногу съ этимъ ученіемъ и съ самимъ Толстымъ, Урусовъ нашелъ въ мысляхъ Л. Н. и въ самой жизни его полное разрѣшеніе всѣмъ вопросамъ, мучившимъ его; у него не стало никакихъ сомнѣній и колебаній, и изъ свѣтскаго человѣка, служившаго прежде гусаромъ, а потомъ въ дипломатическомъ корпусѣ, онъ превратился въ одного изъ наиболѣе убѣжденныхъ и вѣрныхъ учениковъ Льва Николаевича. Урусовъ не «опростился» внѣшне, не перемѣнилъ одежды, не взялся за какое-нибудь ручное ремесло, но онъ устранилъ изъ своего обихода всякую роскошь и лишнее баловство, отказался отъ охоты, отъ вина, вообще отъ «свѣтской» жизни и вышелъ въ отставку. Всѣ его поступки, вся его дѣйствительная жизнь стали въ полное согласіе съ принятымъ имъ ученіемъ, въ которомъ, повторяю, онъ нашелъ полное удовлетвореніе, такъ же какъ въ расположеніи Л. Н. къ нему. Левъ Николаевичъ, дѣйствительно, очень цѣнилъ и любилъ этого чистаго душой и сердцемъ человѣка.

Тульская губернія дала Россіи не мало выдающихся людей: Л. Н. Толстой, Жуковскій, князь В. А. Черкасскій, Писаревъ, Глѣбъ Успенскій, Сухово-Кобылинъ. Съ Львомъ Николаевичемъ мнѣ посчастливилось стать въ близкія отношенія, а изъ остальныхъ перечисленныхъ лицъ я встрѣчался изрѣдка и то лишь въ качествѣ чина судебнаго вѣдомства съ Сухово-Кобылинымъ, авторомъ бывшей особенно популярной въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ комедіи «Свадьба Кречинскаго». Въ мое время это уже былъ старикъ, но чрезвычайно бодрый, молодящійся и энергичный. Впечатлѣніе, производимое имъ, быть-можетъ, лишь при первомъ знакомствѣ, было не въ его пользу; онъ казался сухимъ, жесткимъ человѣкомъ, обозленнымъ, недовольнымъ всѣмъ окружающимъ.

Но и помимо исторически извѣстныхъ лицъ, въ Тульской губерніи въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ было не мало выдающихся людей. Между ними были представители той плеяды провинціальныхъ общественныхъ дѣятелей пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, которые вводили на мѣстахъ и отстаивали не безъ упорной борьбы либеральныя реформы первой половины царствованія Императора Александра II. Я назову изъ нихъ близкихъ князю В. А. Черкасскому П. Ф. Самарина, И. И. Раевскаго и болѣе молодого Р. А. Писарева. Самаринъ, служившій одно время комиссаромъ въ Царствѣ Польскомъ, куда онъ былъ вызванъ, организовавшимъ въ Польшѣ мѣстное крестьянство, княземъ Черкасскимъ, былъ затѣмъ въ Епифанскомъ уѣздѣ Мировымъ Посредникомъ, потомъ предсѣдателемъ Съѣзда Мировыхъ Судей и, наконецъ, Тульскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, состоя въ то же время уѣзднымъ и губернскимъ земскимъ гласнымъ. На всѣхъ этихъ общественныхъ должностяхъ онъ оставался вѣрнымъ истолкователемъ принциповъ, положенныхъ въ основу крестьянской, земской и судебной реформъ, и умѣлъ окружить себя людьми, работавшими въ томъ же, какъ и онъ, направленіи. Это былъ человѣкъ, обладавшій глубокимъ и тонкимъ умомъ, громадною эрудиціей и начитанностью и общею талантливостью. Безусловно добрый и мягкій въ душѣ человѣкъ, онъ казался внѣшне и людямъ мало его знавшимъ сухимъ, даже черствымъ. Недоразумѣніе это было вызвано тѣмъ, что Самаринъ былъ очень сдержанный, не экспансивный человѣкъ, представлявшій полную противоположность типу людей съ «душой на распашку». Душой, и вполнѣ благородной, сочувствовавшей всему высокому, Самаринъ обладалъ, но онъ не выставлялъ ее на показъ; а при этомъ онъ не стѣснялся высказывать откровенно свое мнѣніе о событіяхъ и людяхъ и, обладая наклонностью къ сарказму, остроумными замѣчаніями своими могъ задѣть самолюбіе лицъ, которымъ возражалъ въ томъ или иномъ общественномъ собраніи. П. Ф. Самаринъ былъ близокъ со всѣми

выдающимися дѣятелями царствованія Александра II, съ Л. Н. Толстымъ, Милютинымъ, Черкасскимъ, Аксаковымъ, Щербатовымъ, Б. Чичеринымъ; онъ въ полной мѣрѣ сочувствовалъ идеѣ введенія въ Россіи конституціоннаго образа правленія, одно время надѣясь даже на близкое осуществленіе этой послѣдней ступени начавшагося при немъ политическаго обновленія Россіи. Пробывъ два трехлѣтія губернскимъ предводителемъ Дворянства, П. Ф. на время отказался отъ общественной дѣятельности, при чемъ дворянское общество, прощаясь съ нимъ, высказывало ему горячее сочувствіе и благодарность за его службу. Но когда, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ томъ же дворянскомъ собраніи была выдвинута друзьями Самарина его кандидатура въ губернскіе предводители, онъ получилъ при баллотировкѣ шарами меньшее количество голосовъ, чѣмъ другой кандидатъ, рѣзко противоположнаго направленія: такъ, подъ вліяніемъ наступившей реакціи, рѣзко измѣнилось за это время настроеніе въ помѣщичье-дворянской средѣ. Мнѣ въ эту пору приходилось слышать такіе отзывы: «Самаринъ для насъ слишкомъ уменъ! Намъ нуженъ человѣкъ попроще». Съ тѣхъ поръ Петръ Федоровичъ не выступалъ уже на общественномъ поприщѣ. Повидимому, личность П. Ф. Самарина натолкнула Л. Н. Толстого на созданіе въ «Аннѣ Карениной» образа «предводителя».

И. П. Раевскій, раздѣлявшій политическіе взгляды Самарина, провелъ всю свою жизнь въ деревнѣ, не покладая рукъ работая въ качествѣ Мирового Посредника, судьи и земскаго гласнаго.

Р. А. Писаревъ, также помѣщикъ Епифанскаго уѣзда, былъ прямымъ продолжателемъ и послѣдователемъ Самарина и Раевскаго. Обладая громадною энергіей и духовною мощью, Писаревъ весь отдавался общественному дѣлу, служа обществу горячо и безкорыстно и у себя на мѣстѣ, и далеко за предѣлами Тульской губерніи, тамъ, гдѣ это казалось особенно нужнымъ. Онъ работалъ въ уѣздномъ и губернскомъ земствѣ, состоялъ Епифанскимъ предво-

дителемъ, а во время Турецкой войны былъ въ Красномъ Крестѣ, находился при Лорисъ-Меликовѣ въ періодъ Ветлянской чумы и совершенно выдающуюся дѣятельность проявилъ во время голода,—кажется, 1881 года. Не мало пришлось ему поработать и въ холерные годы. При этомъ Писаревъ умѣлъ работать продуктивно; каждое дѣло, за которое онъ брался, шло, благодаря ему, надлежаще, и Епифанскій уѣздъ долженъ сохранять благодарную память о немъ за все то, что Р. А. сдѣлалъ хотя бы для улучшенія санитарнаго и школьнаго дѣла. Громаднымъ достоинствомъ Писарева была его неутомимость въ работѣ, стойкость и выдержанность, благодаря которымъ онъ не оставлялъ общественной работы и въ разгаръ реакціи, и боролся съ вредными для мѣстнаго населенія проявленіями ея при крайне тяжелыхъ условіяхъ. Но эта работа, на которую расходовались Рафаиломъ Алексѣевичемъ всѣ его физическія и моральныя силы, несмотря на крѣпость его организма, въ концѣ-концовъ, надорвала его здоровье; быстро развившаяся болѣзнь сердца свела преждевременно въ могилу этого достойнѣйшаго человѣка и рѣдкаго общественнаго дѣятеля.

На первый взглядъ можетъ показаться, что общественныя заслуги названныхъ мною лицъ незначительны и существованіе ихъ не внесло въ жизнь общества никакого добра. Никто изъ нихъ, дѣйствительно, не воздвигъ выдающагося зданія, не одержалъ побѣды надъ внѣшнимъ врагомъ, не оставилъ послѣ себя научныхъ трудовъ или произведеній искусства. Но тѣмъ не менѣе жизнь ихъ прошла не безслѣдно и оставила добрые плоды. Значеніе ея для общества заключается въ томъ, что жизнь этихъ людей была чиста и благородна и, какъ въ общественномъ дѣлѣ, такъ и въ частной семейной обстановкѣ, была направлена только на добро. Названныя мною лица во всѣхъ своихъ поступкахъ руководствовались не корыстными и себялюбивыми мотивами, а указаніями совѣсти и долга. Они не примыкали ни къ какой партіи, не раздѣляли крайнихъ убѣжденій, но то,

что они—чистые, прямые, безукоризненные, уравновѣшенные люди сочувствовали идеямъ, положеннымъ въ основу такъ называемыхъ либеральныхъ реформъ царствованія Александра II, указывало и указываетъ на справедливость и практичность этихъ реформъ. Для человѣка, стоящаго на перепутьи общественной вѣры, важно, помимо логической убѣдительности извѣстныхъ принциповъ, знать, что на сторонѣ ихъ убѣжденно стояли хорошіе, честные, благородные и безпристрастные люди. Вліяніе такихъ лицъ, какъ Самаринъ, Писаревъ и другіе, о коихъ я упоминалъ здѣсь, было при жизни ихъ благотворно, и вліяніе это не должно со смертью ихъ исчезнуть. Надо лишь сохранить память о такихъ людяхъ добра.

Въ это же приблизительно время предводителемъ дворянства Новосильскаго уѣзда состоялъ А. М. Сухотинъ, не выдававшійся какъ общественный дѣятель, но прекрасный, добрѣйшей души человѣкъ. Онъ былъ привлекателенъ уже тѣмъ, что соединялъ въ себѣ всѣ черты не существующаго больше, просвѣщеннаго, увлекающагося Европейской жизнью, но характерно русскаго «барина» еще крѣпостной эпохи, изящнаго, добродушнаго, учтиваго и мягкаго въ сношеніяхъ со всѣми, несмотря на ихъ положеніе, знатока литературы, прекраснаго чтеца — особенно по-французски, не расчетливаго въ практической жизни, но рыцарски честнаго. Я помню Сухотина въ дѣтствѣ, въ Москвѣ, тогда еще въ военномъ мундирѣ съ Георгіевскимъ крестомъ, полученнымъ незадолго передъ тѣмъ въ Севастополѣ, ласковаго и съ дѣтьми, веселаго, принимавшаго съ успѣхомъ участіе въ свѣтскихъ любительскихъ спектакляхъ. Въ то время А. М. Сухотина знало все Московское общество, такъ же какъ его братьевъ, изъ которыхъ одинъ Сергѣй Михайловичъ достойно занималъ впослѣдствіи должность товарища предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда, но отличался значительной разсѣянностью, создававшей комическіе случаи. Такъ, разъ, по словамъ очевидцевъ, предсѣдательствуя въ судебномъ засѣданіи съ присяжными засѣдателями по дѣлу

о мелкой кражѣ, отрицавшейся подсудимымъ, онъ въ заключительномъ словѣ (резюме) сталъ говорить присяжнымъ о соединенномъ съ искреннимъ раскаяніемъ признаніи обвиняемаго, объ остромъ приступѣ ревности, побудившемъ его броситься съ ножемъ на жену, чѣмъ ввелъ присяжныхъ, составъ суда и публику въ глубокое смущеніе и недоумѣніе, окончившееся тѣмъ, что С. М. вспомнилъ вдругъ, что онъ передаетъ присяжнымъ обстоятельства совершенно другого дѣла, о чемъ и объявилъ тутъ же.

Изъ этой же эпохи въ моихъ рукахъ осталось нѣсколько курьезныхъ документовъ; одинъ изъ нихъ—прошеніе, копію съ котораго я снялъ изъ подлиннаго дѣла, интересно своей наивностью и опредѣленіемъ института полиціи, въ сущности вѣрномъ. Приведу его полностью:

«Въ 1-ую Градскую Часть.

От Коллежскаго секретаря N. N.

заявленіе.

Почелъ обязанностью довести до свѣдѣнія оной части для сообразныхъ дѣйствій.

Въ ночь подъ 3 число сего Апрѣля было посягательство кражи въ квартиру мою; съ улицы при отвореніи окна первой рамы нижнее стекло съ помощью ножа выставлено, а у другой рамы тоже нижнее стекло вовсе разбито; трескъ стекла разбудилъ меня; съ испуга сна я вскрикнулъ.

Вслѣдствіе крика моего похитители бѣжали, но по первому обозрѣнію оказалось, что успѣли украсть съ окна одинъ бумажный мѣшочекъ съ печеніемъ и стеклянный стаканъ, а мелочное не упомню, украденному же объявляю цѣну по чистой совѣсти на 1 рубль серебромъ; подозрѣнія же я ни на кого не имѣю.

Но какъ я вдовецъ, семейства у себя не имѣю, сынъ же мой — другъ Александръ! — находится въ дѣйствующей арміи, — бивуакъ въ открытомъ полѣ близъ Адріанополя!—

я полагаю, что злоумышленники по одиночеству моему рѣшились посягнуть на кражу.

На основаніи Свода Законовъ II тома и XIV тома оную часть имѣю честь просить принять мѣру безопасности и водворить въ квартиру мою спокойствіе, *ибо полиція есть душа гражданства и фундаменственный подпоръ человѣческой безопасности*. 1879 г. Апрѣля 3 дня».

Въ другомъ прошеніи, адресованномъ на мое имя мѣстнымъ обывателемъ, излагалось обвиненіе противъ одного полицейскаго чиновника въ злоупотребленіи по службѣ и попутно указывалось и на факты изъ его частной жизни. Вотъ отрывокъ этого прошенія:

...«Обратите начальническое вниманіе на пристава N. Онъ обольстилъ дѣвицу, дочь священника, и принялъ къ себѣ безъ вида, который долженъ былъ предъявить въ первую часть по жительству его. N растлилъ ея дѣвство, и родившихся отъ нея младенцевъ отправлялъ въ Москву, въ воспитательный домъ. Здѣсь есть такія женщины, которыя берутъ за отнесеніе дѣтей 10 рублей съ родительницъ вдовъ и застарѣлыхъ дѣвицъ, ибо законъ природы невозможно одолѣть, чтобы вдовецъ и вдова не имѣли у себя любовницъ и любовника. Но это не есть преступленіе, а я только обнаружилъ, что N несправедливый чиновникъ въ обольщеніи и растленіи дѣвицъ». . . . . .

Къ отдѣлу курьезовъ относится и одно уголовное дѣло о найденномъ на проѣзжей дорогѣ мертвомъ тѣлѣ неизвѣстнаго человѣка. Судебный слѣдователь, хотя неизвѣстный скончался, повидимому, естественной смертью, принялъ дѣло къ своему производству и приложилъ великое стараніе къ обнаруженію званія покойнаго. Для этого онъ, кромѣ порученій полиціи, составилъ постановленіе о приложеніи трупа къ дѣлу и сдалъ тѣло на храненіе въ уѣздную полицію, съ тѣмъ, чтобы оно предъявлялось какъ можно большему количеству лицъ, въ тѣхъ видахъ, не признаетъ ли кто-нибудь умершаго. Полиція, покорная волѣ слѣдователя, помѣстила мертвое тѣло въ сарай при пожарномъ депо, гдѣ оно и пре-

бывало безмятежно въ теченіе долгаго времени, никого не безпокоя, такъ какъ стояла зима, трупъ замерзъ, а сарай не отапливался. Но званіе мертвеца не обнаружилось, а между тѣмъ наступила весна, трупъ оттаялъ, началось его разложеніе, и тогда полиція обратилась къ мѣстному товарищу прокурора съ просьбой объ избавленіи ее отъ храненія неудобнаго «вещественнаго доказательства» и о разрѣшеніи предать его землѣ. Этотъ же судебный слѣдователь допускалъ вообще значительные промахи и нарушенія при производствѣ слѣдствій, въ родѣ несвоевременнаго составленія важныхъ постановленій, записи «начерно», карандашемъ показаній допрашиваемыхъ неграмотныхъ лицъ и т. п. и, будучи человѣкомъ робкимъ, до того боялся посѣщеній, наѣзжавшаго въ городъ, гдѣ онъ жилъ, товарища прокурора, что нарочно уѣзжалъ съ дѣлами въ это время куда-нибудь въ уѣздъ, а разъ сказался отсутствующимъ, но былъ обнаруженъ товарищемъ прокурора спрятавшимся въ спальнѣ за шкафомъ.

По поводу вещественнаго доказательства вспоминаю забавный случай, имѣвшій, впрочемъ, мѣсто гораздо позднѣе, заключавшійся въ слѣдующемъ: одному кандидату было поручено судомъ произвести предварительное слѣдствіе по дѣлу о подлогѣ какой-то росписки. У этого кандидата была, проживавшая въ домѣ, собака, а на его бѣду на распискѣ, о которой шло дѣло, имѣлось довольно свѣжее жирное пятно. Кандидатъ, произведя осмотръ заподозрѣнной росписки, оставилъ ее на столѣ и вышелъ куда-то. Когда онъ вернулся, то оказалось, что его собака стащила со стола росписку и по легкомыслію съѣла ее. Ошеломленный кандидатъ ужаснулся, рѣшивъ, что его неминуемо ждетъ уголовный судъ, и бросился ко мнѣ съ повинной. Разстроенный, испуганный онъ объявилъ мнѣ, что по такому-то дѣлу пропало важное вещественное доказательство. Помню, что я былъ ошеломленъ не менѣе кандидата, узнавъ отъ него, что вещественное доказательство было съѣдено собакой, но не могъ удержаться отъ смѣха при взглядѣ на виноватое, поблѣднѣвшее лицо кандидата. Этотъ рѣдкій въ судебной практикѣ казусъ не

имѣлъ вредныхъ послѣдствій ни для дѣла, ни для собственника собаки, такъ какъ слѣдствіе было прекращено за отсутствіемъ въ обжалованномъ дѣяніи признаковъ преступленія.

Помню случай, когда другой слѣдователь, производившій слѣдствіе о гнусномъ насиліи надъ немолодой замужней женщиной, имѣвшей уже, по собственному ея показанію, шестерыхъ дѣтей, произвелъ чрезъ врача освидѣтельствованіе ея для болѣе точнаго, такъ сказать научнаго, опредѣленія, лишена ли она невинности.

Въ одинъ слѣдственный участокъ, въ виду временнаго отсутствія слѣдователя, былъ командированъ для исправленія его должности кандидатъ, а такъ какъ въ участкѣ было много дѣлъ, то въ помощь къ нему былъ посланъ судомъ другой кандидатъ. Тогда первый рѣшилъ, дабы не обидѣть младшаго своего коллегу, производить всѣ слѣдственные акты вмѣстѣ съ нимъ, и въ дѣлахъ оказались, дѣйствительно, протоколы, въ которыхъ значилось: «такого-то года и числа мы, кандидаты на судебныя должности, такіе-то, допрашивали NN и т. д.». Конечно, такое, хотя и симпатичное съ точки зрѣнія пониманія правилъ товарищества, процессуальное нововведеніе было быстро устранено.

Въ памяти моей осталось, конечно, гораздо болѣе дѣлъ тяжелаго, даже гнетущаго характера, а въ томъ числѣ дѣло, по которому состоялась судебная ошибка, а именно былъ приговоренъ и сосланъ на каторгу невинный человѣкъ. Обстоятельства дѣла этого были таковы: на трехъ крестьянскихъ дѣвочекъ, собиравшихъ въ лѣсу около дороги ягоды, напалъ проѣзжавшій верхомъ по дорогѣ молодой крестьянинъ; одну изъ дѣвочекъ, лѣтъ 14-ти, онъ поймалъ и совершилъ надъ ней гнусное насиліе. Дѣвочки хорошо замѣтили примѣты парня, его одежду и даже масть лошади; время, когда было учинено преступленіе, было тоже установлено, такъ какъ дѣвочки, какъ разъ передъ появленіемъ незнакомаго имъ верхового, слышали паровой гудокъ недалекаго завода, дававшійся всегда аккуратно въ два часа дня. Подозрѣніе въ учиненіи насилія пало на сына экономическаго старосты

мѣстнаго помѣщика, служившаго объѣздчикомъ; его видѣли въ тотъ день вскорѣ послѣ гудка выѣзжавшаго верхомъ изъ лѣса, а по предъявленіи его дѣвочкамъ, какъ потерпѣвшая, такъ и двѣ ея подруги, заявили безъ колебаній, что онъ—насильникъ. Онѣ узнали его по фигурѣ, лицу, одеждѣ, а также и по масти лошади. Объѣздчикъ былъ привлеченъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, однако не только не сознался, но показалъ, что въ тотъ день въ лѣсу не былъ, а находился въ совершенно другомъ мѣстѣ, гдѣ его будто видѣли. Но лица, на которыхъ онъ сослался, не подтвердили его показанія (оно было ложно дано имъ съ испуга), и стало ясно, что онъ сказалъ неправду, желая спастись придуманнымъ «alibi». Улики казались подавляющими, и присяжные засѣдатели безъ колебаній признали молодого объѣздчика виновнымъ; онъ былъ приговоренъ къ четырехлѣтней каторгѣ и отправленъ въ Сибирь, въ одну изъ каторжныхъ тюремъ, гдѣ въ виду его безупречнаго поведенія срокъ работъ былъ сокращенъ и онъ по прошествіи, кажется, двухъ съ половиной лѣтъ былъ водворенъ въ Сибирь какъ поселенецъ. Около этого времени до отца объѣздчика, убѣжденнаго, несмотря на приговоръ суда, въ невинности сына, стали доходить слухи, что истинный виновникъ насилія надъ дѣвочкой — кузнецъ, проживающій въ сосѣднемъ селѣ. Старикъ передалъ объ этихъ слухахъ мѣстному урядпику, которому вскорѣ удалось найти источникъ этихъ слуховъ; оказалось, что одна крестьянка проболталась другой, что она, въ то время какъ случилась бѣда съ дѣвочкой, замывала по просьбѣ кузнеца, съ которымъ была въ близкихъ отношеніяхъ, потихоньку ото всѣхъ его бѣлье, запачканное пятнами крови. Возникло по предложенію прокуратуры дознаніе объ этихъ слухахъ, а затѣмъ и предварительное слѣдствіе, на которомъ крестьянка, обиженная чѣмъ-то кузнецомъ, подтвердила разсказъ о бѣльѣ, добавивъ, что кузнецъ намеками далъ ей понять, какимъ образомъ получились на его бѣльѣ кровяныя пятна; выяснилось, что у кузнеца въ то время была лошадь одинаковой масти съ лошадью объѣздчика и что онъ самъ

замѣчательно похожъ на него и что, наконецъ, у него есть того же цвѣта и покроя, какъ у того, кафтанъ. По предъявленіи кузнеца дѣвочкамъ онѣ сказали, что, кажется, онъ похожъ на насильника, но утверждать того за давностью не могутъ. Слѣдствіе собрало еще нѣсколько мелкихъ уликъ противъ кузнеца, и хотя онъ отрицалъ свою виновность, онъ былъ преданъ суду.

Согласно дѣйствующему и въ настоящее время закону, для возобновленія дѣла объ осужденномъ по ошибкѣ необходима наличность обвинительнаго приговора о другомъ лицѣ. Кузнецъ и на судѣ передъ присяжными запирался въ своей винѣ и, несмотря на тяжесть собранныхъ противъ него уликъ, рѣшиться обвинить его было не легко уже потому, что со времени совершенія преступленія прошло три года, и потерпѣвшая изъ жалкой, обиженной дѣвочки превратилась въ здоровую женщину, вполнѣ благополучно состоящую уже замужемъ и почти забывшую объ учиненномъ надъ ней насиліи, за которое кузнецу грозила тоже каторга. Но присяжные знали, что по винѣ его томится до сихъ поръ въ Сибири невинный человѣкъ и обвинили кузнеца. Послѣ суда онъ сознался, будучи доставленъ въ тюрьму, въ своемъ преступленіи. Дѣло объ объѣздчикѣ было возобновлено, при чемъ онъ, конечно, былъ возвращенъ на родину и прежній приговоръ о немъ былъ отмѣненъ. Я его видѣлъ по возвращеніи изъ ссылки; онъ поразилъ меня своимъ благодушнымъ отношеніемъ къ обрушившемуся на него, незаслуженному несчастію; оно не озлобило его, и онъ перенесъ тюрьму, каторгу и поселеніе почти безропотно, смирившись предъ этимъ жестокимъ ударомъ судьбы, которая, и въ моментъ возстановленія его невинности, сурово обошлась съ нимъ, насолила ему; отбывъ каторгу, онъ устроился въ селеніи, куда былъ приписанъ, очень удовлетворительно, женился, обзавелся хозяйствомъ, и въ этотъ именно моментъ его, не спрашивая о его желаніи или даже согласіи, этапнымъ порядкомъ препроводили обратно въ Россію, куда онъ уже совсѣмъ не стремился. Я поднялъ вопросъ о матеріальномъ вознагражденіи

невинно осужденнаго, но не знаю, чѣмъ кончилось это дѣло въ Министерствѣ Юстиціи, въ которое оно было мною представлено.

Разъ, при исполненіи обязанностей службы, я испыталъ ужасъ во всемъ значеніи этого слова. Произошло это такъ: какъ-то лѣтомъ я, по должности прокурора, получилъ телеграмму о томъ, что въ одной каменноугольной шахтѣ, за нѣсколько станцій по желѣзной дорогѣ отъ Тулы, случился обвалъ и что есть человѣческія жертвы. Я немедленно выѣхалъ на мѣсто и съ судебнымъ слѣдователемъ и правительственнымъ инженеромъ спустился въ шахту. Для непривычнаго человѣка пребываніе въ шахтѣ всегда непріятно, а въ данномъ случаѣ это чувство было особенно сильно, но для выясненія причины обвала необходимо было какъ можно скорѣе произвесть осмотръ мѣстности. Обвалился одинъ ходъ (штрекъ), засыпавъ бывшихъ и работавшихъ тамъ, кажется, четырехъ забойщиковъ; они, какъ показали работавшіе въ сосѣдней штольнѣ ихъ товарищи, не были завалены сразу; обвалъ случился около входа въ штольню, не доходя до того мѣста, гдѣ они работали, и сквозь толщу песка, завалившаго совсѣмъ отверстіе штольни, слышались крики тѣхъ четырехъ; рабочіе немедленно принялись за раскапываніе свалившейся массы песка, а для доставленія свѣжаго воздуха товарищамъ стали вводить сквозь песокъ желѣзную трубу, но въ это время послышался вновь сильный трескъ и гулъ, масса песка хлынула какъ лавина изъ отверстія штольни и не стало слышно голосовъ рабочихъ; очевидно, произошелъ второй обвалъ, окончательно засыпавшій шахтеровъ. Въ видахъ осмотра самаго мѣста обвала и извлеченія труповъ погибшихъ, горнорабочими былъ быстро пробитъ въ толщѣ каменноугольнаго пласта, параллельно обвалившейся штольнѣ, узенькій и низкій ходъ къ тому мѣсту, гдѣ должны были лежать убитые; вскорѣ показалась нога одного изъ нихъ и при свѣтѣ фонаря можно было опредѣлить, какая именно масса завалила рабочихъ. Инженеръ предложилъ мнѣ осмотрѣть самому это мѣсто, и я съ фонаремъ въ рукахъ

влѣзъ во вновь пробитый ходъ и на четверенькахъ, задѣвая боковыя стѣны хода, добрался до конца его, гдѣ виднѣлось небольшое полое пространство, а затѣмъ песокъ, изъ котораго торчала человѣческая нога; назадъ пришлось двигаться пятясь; въ это время раздался надо мной раскатистый гулъ, и мнѣ пришла въ голову мысль, что обвалъ продолжается и я не успѣю выбраться изъ показавшагося мнѣ еще болѣе узкимъ и низкимъ хода, тѣмъ болѣе, что я наткнулся на что-то; это было ужасное ощущеніе именно животнаго страха; мнѣ казалось, что я не двигаюсь больше, что мнѣ нечѣмъ дышать, но, къ счастью, я въ это время оказался уже у выхода и, быстро пятясь, вылѣзъ въ галлерею. Во время моего лазанья по узкому ходу послѣдовалъ дѣйствительно въ самой глубинѣ штольни еще обвалъ, вызвавшій услышанный мною гулъ, песокъ вывалился еще больше въ галлерею, и инженеръ объявилъ, что надо немедленно прекратить работы по раскопкѣ, такъ какъ галлереѣ, въ которой мы находились, со всѣми ея развѣтвленіями, грозитъ опасность; массы песка, залегающаго на каменноугольномъ пласту, пришли подъ вліяніемъ просочившейся въ нихъ воды въ движеніе и могли вызвать страшную катастрофу. Работы были прекращены, всѣ покинули галлерею и, дѣйствительно, она въ этотъ же день завалилась съ прилегающими къ ней штреками, и четыре рабочихъ такъ и остались въ ней навсегда погребенными въ пескѣ.

Изъ крупныхъ дѣлъ, за слѣдствіемъ о которыхъ я лично наблюдалъ, выдѣлялось дѣло о «Кукуевской катастрофѣ». Это было, случившееся въ ночь на 30 іюня 1882 года, крушеніе пассажирскаго поѣзда Московско-Курской желѣзной дороги около деревни Кукуевки, недалеко отъ станціи Бастыево. Убито было болѣе сорока пассажировъ, а болѣе или менѣе тяжело раненыхъ было еще больше (около 90). Нѣсколько вагоновъ поѣзда, находясь на высокой насыпи, шедшей поперекъ оврага, на полномъ ходу поѣзда свалились въ провалъ, образовавшійся въ насыпи, и были завалены сползшей на нихъ землей и пескомъ. Произошло это на разсвѣтѣ послѣ

долго длившагося страшнаго ливня, образовавшаго въ овра-гѣ около насыпи большой прудъ.

Мнѣ пришлось пробыть на мѣстѣ со слѣдователемъ и, пріѣхавшимъ изъ Москвы, прокуроромъ Судебной Палаты С. С. Гончаровымъ двѣ недѣли въ ужасной обстановкѣ. Въ теченіе этихъ двухъ недѣль не выпало ни капли дождя, даже не показалось ни одного облачка на небѣ, и жара стояла тропическая, при чемъ спасенія отъ нея не было никакого, такъ какъ вблизи не было даже лѣса, куда можно было бы укрыться отъ палящихъ лучей солнца, а желѣзнодорожные вагоны, въ которыхъ мы жили и работали, накалялись за день какъ хорошо натопленныя печи, и въ нихъ и ночью невозможно было сносно заснуть, благодаря духотѣ. Къ тому же ночью шли усиленныя работы по раскопкѣ завала и всей насыпи, сперва освѣщаемыя факелами и кострами, а потомъ электричествомъ, и съ мѣста работъ далеко кругомъ разносился шумъ, крики и пѣніе «дубинушки»; рабочихъ была на мѣстѣ масса и, благодаря скученности ихъ, воздухъ около линіи желѣзной дороги былъ очень испорченъ; да и съ мѣста раскопокъ неслось нестерпимое зловоніе, вызванное гніеніемъ убитыхъ при катастрофѣ, перваго изъ которыхъ удалось раскопать, кажется, лишь на шестой день, а послѣдняго на десятый. Да и нервы достаточно разстраивались сценами признанія прибывшими на мѣсто родственниками своихъ покойниковъ; съ однимъ изъ нихъ, молодая жена котораго погибла при крушеніи, случился тутъ же острый припадокъ сумасшествія. Сильное, но тяжелое впечатлѣніе производила служившаяся каждый вечеръ при наступавшей темнотѣ надъ обваломъ, гдѣ лежали еще не откопанныя тѣла погибшихъ, пріѣзжавшимъ изъ недалекаго Мценска соборнымъ священникомъ, при пѣніи хора пѣвчихъ, общая панихида. Двѣ недѣли, проведенныя при усиленной работѣ въ такой обстановкѣ, не прошли мнѣ даромъ; я довольно долго потомъ хворалъ, да и теперь съ тяжелымъ чувствомъ вспоминаю объ этомъ, казавшемся тогда безконечно долгимъ, времени.

Впослѣдствіи въ Тулѣ и Москвѣ пришлось еще долго трудиться надъ Кукуевскимъ дѣломъ, выясняя причину катастрофы и ея виновниковъ; нами было произведено шесть длительныхъ экспертизъ, былъ перерытъ архивъ Московско-Курской желѣзной дороги, составленіе мною обвинительнаго акта длилось ровно мѣсяцъ, но это интересное дѣло не стало вполнѣ гласнымъ. Такъ какъ обвиненіе, предъявленное къ подлежавшимъ суду высшимъ и низшимъ желѣзнодорожнымъ служащимъ, не влекло для виновныхъ наказанія, соединеннаго съ лишеніемъ правъ, то все дѣло было на точномъ основаніи Всемилостивѣйшаго манифеста 1883 года прекращено производствомъ и сдано въ архивъ Тульскаго Окружнаго Суда, гдѣ и теперь находится.

Вины умышленной со стороны желѣзнодорожныхъ агентовъ въ данномъ случаѣ не было и не могло быть, но небрежность была налицо, смягчаемая, однако, для нѣкоторыхъ изъ лицъ, привлеченныхъ къ дѣлу, совершенно исключительными обстоятельствами. Кукуевскій оврагъ, черезъ который шла высокая насыпь, былъ сухой, но весною и въ очень сильные дожди по дну его протекалъ ручей, въ виду чего подъ насыпью имѣлась чугунная водопроводная труба, сѣченіемъ въ полтора аршина. Лѣтомъ 1881 года было рѣшено замѣнить эту трубу новой, для чего въ насыпи была прорыта невысокая галлерея (штольня), укрѣпленная шпалами, и на мѣсто старой положена новая труба того же діаметра, но болѣе длинная, чѣмъ прежняя, благодаря чему послѣднія ея звенья съ обѣихъ сторонъ насыпи оказались наружи. Штольня осталась въ насыпи, но она была засыпана возможно плотно землей, а надъ оставшимися наружи концами трубы были сдѣланы уже осенью контрфорсы, оставшіеся неодернованными. Такимъ образомъ входъ въ штольню былъ защищенъ невысокою насыпью изъ мѣстнаго, довольно плывучаго грунта, не сплотившагося еще къ лѣту слѣдующаго года съ главною массой насыпи. Это составляло, несомнѣнно, больное мѣсто Кукуевскаго переѣзда, требовавшее особаго наблюденія за нимъ.

Съ вечера и въ ночь на 30 іюня въ мѣстности, гдѣ находится Кукуевскій оврагъ, разразилась гроза, сопровождавшаяся страшнымъ ливнемъ, настолько сильнымъ, что подобнаго единовременнаго выпаденія влаги, какъ оказалось по собраннымъ слѣдствіемъ свѣдѣніямъ, не наблюдалось раньше на отмѣтившихъ этотъ дождь метеорологическихъ станціяхъ. Благодаря ливню по крутому оврагу понеслась стремительно масса воды, остановленная Кукуевскою насыпью; вода шла такъ быстро и сильно, что стокъ ея по трубѣ былъ далеко недостаточенъ, и вода въ оврагѣ у насыпи стала быстро подниматься, покрывъ защищавшіе отверстіе штольни контрфорсы. Весьма вѣроятно, что труба къ тому же отчасти засорилась сѣномъ, снесеннымъ съ луговъ водою, и разными обломками; надъ трубою образовался, какъ надо думать, водоворотъ, и имъ контрфорсъ напорной стороны былъ размытъ и вода устремилась въ штольню, земля въ которой, не будучи плотной, такъ какъ она отъ тяжести насыпи защищалась потолкомъ штольни, не могла ее задержать. Пробивъ себѣ новую дорогу, вода съ такою силою ринулась по ней, что вынесла не только землю, но почти всю штольню и даже тяжелыя звенья трубы, нѣкоторыя изъ которыхъ были потомъ найдены на той сторонѣ дамбы и почти за версту отъ нея. Вода, благодаря длившемуся ливню, все прибывала въ оврагѣ, несмотря на проложенный ею широкій путь, и вмѣстѣ съ тѣмъ она и въ самой насыпи, размывая ее, поднималась все выше и такимъ образомъ образовала въ ней какъ бы пещеру, надъ которой верхній слой насыпи находился въ висячемъ положеніи и, наконецъ, размываемый и сверху дождемъ, сталъ осѣдать. Въ этотъ именно моментъ поѣздъ въѣзжалъ на насыпь, которая не выдержала его тяжести и рухнула въ промытое потокомъ отверстіе, увлекая за собой вагоны поѣзда и свои боковые откосы.

Паровозъ съ тендеромъ перелетѣли провалъ и свалились на противоположной сторонѣ его, зарывшись въ толщу насыпи, багажный вагонъ свалился внизъ, слѣдующій вагонъ отъ толчка разлетѣлся вдребезги, при чемъ всѣ сидѣв-

щіе въ немъ пассажиры (это были солдаты) были съ страшной силой выкинуты на лѣвую сторону оврага, благодаря чему, какъ бы чудомъ, уцѣлѣли, кромѣ одного, отдѣлавшись ушибами; но слѣдующіе вагоны, въ числѣ, кажется, четырехъ, свалились въ провалъ, разбиваясь другъ о друга, а насыпь продолжала съ боковъ ползти на нихъ. Пассажира два успѣли выскочить или были выкинуты на правую сторону насыпи въ потокъ и спаслись, а остальные погибли, будучи, вѣроятно, убиты на мѣстѣ при паденіи вагоновъ, которые всѣ превратились въ осколки и смѣшались съ насыпью, образовавъ долго не поддававшуюся разбору, какъ бы сплавившуюся, кучу земли, досокъ, желѣза, колесъ и всякихъ обломковъ, между которыми лежали тѣла погибшихъ; добраться до убитыхъ, не уродуя ихъ, было очень трудно. Поѣздъ при крушеніи разорвался отъ толчка и нѣсколько вагоновъ остановились на насыпи у самаго обвала; бывшіе въ нихъ пассажиры отдѣлались испугомъ.

Я передалъ вкратцѣ вѣрную картину того, какъ и почему случилась Кукуевская катастрофа, но для выясненія и установленія ея талантливому судебному слѣдователю А. Н. Пареного (нынѣ товарищъ предсѣдателя Московскаго Окружнаго Суда) пришлось приложить очень много упорнаго труда и стараній.

Какъ-то управляющій акцизными сборами обратился ко мнѣ съ конфиденціальной просьбой объ оказаніи содѣйствія къ обнаруженію и преслѣдованію тайной выдѣлки водочныхъ издѣлій и незаконной («подыменной») торговли виномъ; безъ непосредственнаго участія прокуратуры и слѣдственной власти въ дѣлѣ обнаруженія и зарегистрированья этихъ злоупотребленій, въ существованіи которыхъ было заинтересовано одно весьма состоятельное лицо, управляющій не надѣялся на успѣхъ предпринятаго имъ противъ этого лица похода, такъ какъ бывшія прежде попытки кончались неудачей. По непосредственному сообщенію управляющаго начато было предварительное слѣдствіе и былъ совершенно неожиданно для заинтересованныхъ лицъ

произведенъ слѣдователемъ въ одномъ подвальномъ помѣщеніи обыскъ, обнаружившій въ этомъ подвалѣ тайный водочный заводъ. Тамъ оказалось, между прочимъ, нѣсколько бочекъ съ водкой, настаивавшейся на ягодахъ; по составленіи протокола какъ бочки, такъ и окна, и единственная ведшая въ подвалъ дверь, были опечатаны судебнымъ слѣдователемъ его должностною печатью, и подвалъ, конечно, запертъ. Когда, однако, явилась по прошествіи нѣсколькихъ дней надобность въ дополнительномъ осмотрѣ подвала, и слѣдователь, снявъ печати съ дверей, проникъ въ помѣщеніе, то оказалось, что всѣ бочки съ наливкою пусты и вообще весь спиртъ и водка испарились безслѣдно, несмотря на то, что всѣ печати, какъ наружныя, такъ и на бочкахъ и самыя бочки, были совершенно цѣлы. Всѣ наши старанія выяснить, какимъ образомъ могло случиться исчезновеніе алкоголя, это обстоятельство такъ и осталось для насъ тайной, повергшей въ изумленіе даже чиновъ акцизнаго вѣдомства, достаточно видавшихъ разные фокусы, продѣлываемые во избѣжаніе оплаты акцизомъ спирта на винокуренныхъ и водочныхъ заводахъ. Чудесное исчезновеніе водки не спасло отъ обвинительнаго приговора богатаго хозяина тайнаго водочнаго завода.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ возникла эпидемія несостоятельности городскихъ общественныхъ банковъ, противъ правленія которыхъ въ каждомъ случаѣ возбуждалось, и не безъ основанія, судебное преслѣдованіе. Эпидемія эта началась съ краха Скопинскаго банка и его знаменитаго въ то время директора финансиста - самородка Рыкова. Городскіе банки расплодились къ тому времени въ громадномъ количествѣ; не было, кажется, ни одного уѣзднаго города (въ Тульской губерніи), гдѣ бы не было своего банка, хотя надобность въ такихъ кредитныхъ учрежденіяхъ была болѣе чѣмъ сомнительна. Такіе города, какъ, напримѣръ, Кашира и Одоевъ, не вели никакой торговли, около нихъ не ютились заводы и промышленныя заведенія, жителей въ нихъ было замѣчательно мало, и самые города существовали въ сущности только потому, что въ нихъ находились полицей-

ское управленіе, казначейство, тюрьма, акцизный округъ, дворянская опека, мировой съѣздъ, земская управа, воинское и другія присутствія и жили исправникъ, судья, слѣдователь, воинскій начальникъ, уѣздный врачъ и прочія власти, около которыхъ, и только ради которыхъ, группировалось остальное населеніе, коммерческая часть котораго вела лишь мелочную торговлю съ ничтожнымъ денежнымъ оборотомъ. Находившихся въ губернскомъ городѣ отдѣленій государственнаго и частныхъ банковъ было въ то время достаточно для кредитованія сколько-нибудь крупныхъ коммерсантовъ губерніи. Но банки общественные открылись и въ такихъ городахъ, какъ Каширa и Одоевъ, не сослуживъ никакой пользы мѣстному населенію. Операціи такихъ банковъ сводились въ большинствѣ, какъ оно выяснилось при судебномъ разслѣдованіи, къ раздачѣ находившихся въ распоряженіи банковъ капиталовъ подъ векселя членамъ правленія банковъ и близкимъ имъ лицамъ, при чемъ такіе векселя, всѣ «дружескіе», въ срокъ не оплачивались, лишь переписываясь, въ иныхъ случаяхъ даже съ добавленіемъ суммы не вносившихся процентовъ. Въ концѣ-концовъ неминуемо наступала несостоятельность банка, а также въ громадномъ большинствѣ учтенные векселя оказывались безнадежными. Банкъ закрывался, довѣрчивые вкладчики и другіе банки, кредитовавшіе его, терпѣли убытки, заправилъ банка судили и не всегда оправдывали, и сами они, что было всего удивительнѣе, тоже почти неминуемо разорялись; взятыя изъ банка деньги не шли имъ въ пользу.

Банковская эпидемія завершилась крупнымъ крахомъ Тульскаго Городского банка—«Сушкинскаго», такъ названнаго по имени основателей-вкладчиковъ и безсмѣнныхъ директоровъ и полновластныхъ хозяевъ его, мѣстныхъ богатыхъ купцовъ, двухъ братьевъ Сушкиныхъ, бывшихъ весьма вліятельными людьми въ Тулѣ. Слухи о томъ, что дѣла Сушкинскаго банка пошатнулись и капиталы его незаконно розданы, а многочисленные вкладчики рискуютъ получить копейку за рубль, стали распространяться въ Тульскомъ

обществѣ, вызывая понятно тревогу. По настоянію мѣстнаго отдѣленія Государственнаго Банка, была произведена, командированнымъ Министерствомъ Финансовъ лицомъ, ревизія банка, результаты каковой еще не были оглашены. Сушкины держались, однако, твердо и утверждали, что въ банкѣ все обстоитъ благополучно, и что заминка въ деньгахъ явленіе временное, съ которымъ банкъ справится. Но въ это время на мое имя поступило заявленіе отъ нѣсколькихъ гласныхъ городской Думы, предъявившихъ къ директорамъ банка прямое, подтверждавшееся приложенными документами, обвиненіе въ рядѣ дѣйствій по управленію банкомъ, имѣющихъ всѣ признаки преступленія. Жалоба эта была мною передана лично губернатору; послѣдній созвалъ экстренное засѣданіе Городского Присутствія, которое постановило возбудить судебное преслѣдованіе противъ директоровъ банка—Сушкиныхъ. Прямо изъ Присутствія, я съ судебнымъ слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ отправился въ помѣщеніе банка, которое мы опечатали, и затѣмъ явились къ Сушкинымъ для производства обыска въ ихъ громадномъ домѣ. Братья Сушкины не ожидали возбужденія слѣдствія, надѣясь выпутаться изъ бѣды, и наше появленіе было для нихъ страшнымъ, непредвидѣннымъ ударомъ, тѣмъ болѣе, что ихъ пришлось первоначально заключить подъ стражу. Обыскъ въ ихъ домѣ далъ очень много для слѣдствія, и въ томъ числѣ найденную нами на письменномъ столѣ одного изъ братьевъ копію ревизіоннаго отчета банка Петербургскимъ чиновникомъ, при письмѣ одного изъ служащихъ Министерства Финансовъ, сообщавшаго, что снять копію было очень трудно, такъ какъ отчетъ находился въ кабинетѣ Министра, еще не ознакомившагося съ нимъ.

Предварительное слѣдствіе по дѣлу Сушкинскаго банка длилось долго, такъ какъ операціи его были крупны и разнообразны, и одна бухгалтерская экспертиза производилась нѣсколькими, командированными Государственнымъ Банкомъ, спеціалистами около шести мѣсяцевъ; слѣдствіе обнаружило рядъ злоупотребленій директоровъ Сушкиныхъ,

приведшихъ банкъ, въ связи съ неумѣлымъ и безпорядочнымъ управленіемъ его дѣлами, въ полную несостоятельность, тяжело отразившуюся на многочисленныхъ его вкладчикахъ, вводившихся въ теченіе ряда лѣтъ въ заблужденіе фиктивными отчетами и балансами. Оба брата были осуждены и приговорены Палатою къ ссылкѣ въ Сибирь. Ихъ собственное, когда-то очень крупное, состояніе пошло на частичное удовлетвореніе гражданскихъ исковъ, и въ концѣ-концовъ оказалось, что банковыя операціи, которыя велись совершенно самостоятельно и безконтрольно Сушкиными, только разорили ихъ и переселили въ Сибирь. Старшій изъ братьевъ Сушкиныхъ, глава всего дѣла, былъ, несомнѣнно, человѣкъ умный, съ сильной волей, энергіей и большой авторитетностью, но его ума, при отсутствіи у обоихъ достаточнаго развитія,—они были только грамотны,—и спеціальныхъ познаній, очевидно, не хватило и не могло хватить на веденіе такого крупнаго и сложнаго дѣла, какъ большое кредитное учрежденіе. Самодурство, грубое хищеніе, нерѣдко незначительное по суммѣ и въ сущности не нужное, желаніе властвовать, мелкая нерасчетливая скупость, увѣренность въ возможность подкупить каждаго, а потому и въ безнаказанность, — вотъ тѣ черты, которыя сказывались въ веденіи банковаго дѣла Сушкиными.

Вслѣдъ за Сушкинскимъ рухнулъ еще одинъ Тульскій общественный банкъ—Александринскій, избѣжавшій, впрочемъ, уголовно-судебной ликвидаціи, и на немъ серія банковскихъ крушеній оборвалась.

Этими краткими очерками я пока ограничиваю свои «судебныя» воспоминанія, такъ какъ считаю неудобнымъ говорить о сравнительно недавнемъ времени и о лицахъ, и теперь еще состоящихъ въ рядахъ судебнаго вѣдомства.

IV.

ГРАФЪ ѲЕДОРЪ ЛЬВОВИЧЪ СОЛЛОГУБЪ.

Въ томъ возрастѣ, когда жизнь уже склоняется къ закату, картины прошлаго выступаютъ въ памяти особенно отчетливо и ярко, и это прошлое неудержимо манитъ къ себѣ, — гораздо больше, чѣмъ настоящее, а тѣмъ паче будущее. Протекшее время очистило былое отъ всякой злобы дня, пристрастности, предвзятости и всего наноснаго; оно стало понятнѣе, со многимъ въ немъ миришься, а чѣмъ глубже заглядываешь въ даль, тѣмъ это прошлое, подернувшееся весенней дымкой молодости, кажется чище, лучше. О немъ не только думается, а хочется разсказать другимъ; оттуда охотнѣе всего черпается матеріалъ для писанія.

Отрадно отдаться во власть воспоминаній, перенестись назадъ на десятки лѣтъ и вызвать къ жизни близкихъ къ сердцу лицъ, давно ушедшихъ изъ этого міра. Ихъ много, очень много, и ряды ихъ пополняются съ каждымъ годомъ. Какъ дороги эти видѣнія, какимъ тепломъ вѣетъ отъ нихъ! Да, чувство, вызываемое воспоминаніями, отрадно, но оно и болѣзненно въ то же время. Явственно видишь свои ошибки, свои вольныя и невольныя вины предъ иными изъ вызванныхъ тѣней, сознаешь теперь, что въ то время недостаточно цѣнилъ ихъ! Хотѣлось бы исправить упущенное, вернуть прошлое...

Такъ отчетливо встаетъ передо мной дорогой, милый обликъ товарища молодости, горячо любимаго мною Ѳеди

Соллогуба; вижу его, входящаго ко мнѣ, съ ласковой улыбкой и радостнымъ выраженіемъ красиваго лица, вносящаго въ нашъ дружескій кружокъ оживленіе, тонкое веселіе, вѣяніе той художественной атмосферы, которой онъ жилъ...

Бываютъ люди, со смертью которыхъ, если она захватила ихъ еще не въ старыхъ годахъ, нельзя помириться. Именно такимъ былъ Соллогубъ. Въ немъ было столько любви и пониманія жизни, столько доброты и кротости, такъ милъ онъ былъ знавшимъ его, что, казалось, у него нельзя отнять права на жизнь, пока онъ можетъ ею пользоваться, а между тѣмъ смерть унесла его изъ нашего міра, когда ему было всего сорокъ два года, и онъ только еще твердо ступилъ на надлежащій свой жизненный путь. Воспоминаніями о немъ мнѣ давно уже хотѣлось подѣлиться съ читателями.

Нашъ талантливый собиратель «хорошихъ людей», А. Ѳ. Кони, составившій всѣмъ извѣстное литературное собраніе выдающихся на томъ или другомъ общественномъ поприщѣ дѣятелей, въ очеркѣ, посвященномъ покойному И. Ѳ. Горбунову, отмѣтилъ короткость нашей памяти по отношенію къ сошедшимъ съ жизненнаго пути соотечественникамъ, заслужившимъ на самомъ дѣлѣ большаго вниманія, и не только со стороны ихъ современниковъ, но и потомства. Это замѣчаніе Анатолія Ѳедоровича какъ нельзя болѣе вѣрно, и оно, въ связи съ высказаннымъ мною тяготѣніемъ къ прошлому, побуждаетъ меня дать очеркъ личности графа Ѳедора Львовича Соллогуба,—человѣка выдающагося по талантливости. Къ нему высказанное А. Ѳ. Кони тѣмъ болѣе примѣнимо, что имя и творенія Ѳ. Л. и при жизни (онъ скончался въ 1890 году) были извѣстны лишь небольшому кружку лицъ, а между тѣмъ для той части нашего общества, которая интересуется искусствомъ и литературой, знакомство съ творчествомъ гр. Соллогуба не можетъ, думается мнѣ, не представить дѣйствительнаго интереса.

Графъ Ѳ. Л. Соллогубъ не былъ «общественнымъ дѣятелемъ», политика была совершенно чужда его натурѣ; онъ не отличался ни на гражданскомъ, ни на военномъ служебномъ поприщѣ, которыя никогда не привлекали его, хотя онъ одно время сталъ было въ ряды лицъ судебнаго вѣдомства. Онъ не былъ ученымъ спеціалистомъ, педагогомъ, техникомъ; сфера его была исключительно художественная; онъ былъ служителемъ чистаго искусства—художникомъ и поэтомъ.

Чуткая, воспріимчивая натура Ѳ. Л. отзывалась на все благородное, честное, справедливое; она не оставалась равнодушной къ житейскому злу и неправдѣ, возмущавшимъ его до глубины души, но любилъ онъ, и притомъ беззавѣтно, лишь «красоту» въ широкомъ, лучшемъ значеніи этого слова, и отдавался всецѣло культу ея. Онъ былъ преданъ искусству для искусства, но понималъ задачи его широко, видѣлъ въ немъ средство облагораживанія человѣка. Міровоззрѣніе свое онъ высказалъ въ небольшомъ стихотвореніи «Чѣмъ люди живы». Вотъ оно:

Люди живы красотою,
Въ Божьемъ мірѣ разлитою:
Струнъ природы хоромъ стройнымъ,
Солнца свѣтомъ—полднемъ знойнымъ,
Вешнихъ водъ веселымъ плескомъ,
Снѣга дѣвственнаго блескомъ,
Дѣвы ясными очами,
Звѣздъ мерцающихъ лучами,
Сердца сладкимъ замираньемъ,
Милыхъ устъ живымъ лобзаньемъ...

* * *

Люди живы красотою,
Человѣкомъ добытою:
Камня стройнымъ изваяньемъ,
Красокъ дружнымъ сочетаньемъ,

Мѣднымъ гласомъ трубъ могучихъ,
Гуслей рокотомъ пѣвучихъ,
Каждой пѣсни вѣщей силой,
Каждой сказки ложью милой
Да святою мощью слова
Вдохновеннаго, живого.

Въ этомъ стихотвореніи сказались направленіе, вкусъ и излюбленная дѣятельность Ѳедора Львовича, но въ немъ не виденъ авторъ, какъ человѣкъ. Такого автобіографическаго произведенія, стихотворнаго портрета своего, онъ не оставилъ намъ.

Какъ человѣкъ, Ѳ. Л. былъ тоже личностью далеко незаурядной и въ высшей степени симпатичной. Основной его чертой была душевная мягкость, доброта, поразительная незлобивость и любвеобильность. Онъ совсѣмъ не зналъ чувства вражды; къ каждому человѣку, встрѣчавшемуся съ нимъ на жизненномъ пути, онъ относился съ ласкою и довѣріемъ, и если человѣкъ тотъ обманывалъ Ѳ. Л., дѣлалъ ему зло, онъ безъ всякаго усилія прощалъ обиду, просто забывалъ ее, не разочаровывался въ своемъ довѣріи и расположеніи къ ближнему, и вновь готовъ былъ помочь и помогалъ, насколько могъ, всѣмъ, кто къ нему обращался. Свойствомъ его натуры, не измѣнявшимъ ему до самой смерти, была жизнерадостность, любовь къ жизни, выражавшаяся въ умѣньи наслаждаться природой, произведеніями искусства, обществомъ людей и, въ рѣдкихъ лишь случаяхъ покидавшемъ его, веселомъ расположеніи духа. Во всякое общество, въ которое онъ входилъ, онъ вносилъ бодрое, радостное настроеніе. Тонкій, безобидный юморъ, никого не задѣвавшая шутка, привѣтливость и отсутствіе всякой условности дѣлали его общество особенно цѣннымъ. Его любили дѣти (онъ имъ платилъ тѣмъ же), молодежь, люди зрѣлые, серьезные,—каждый чувствовалъ себя съ нимъ хорошо.

Соллогубъ былъ человѣкъ до извѣстной степени «не отъ міра сего», что выражалось у него въ полномъ отсут-

ствіи заботъ о себѣ, о личныхъ удобствахъ, въ совершенномъ безразличіи къ тому, что зовется почестями, положеніемъ, въ непониманіи даже различія людей по происхожденію, рангу и состоянію и равнодушномъ отношеніи къ деньгамъ, значеніе которыхъ такъ и осталось для него чуждымъ. Положимъ, нужды Ѳ. Л. никогда не испытывалъ, онъ былъ человѣкъ матеріально обезпеченный; но едва ли онъ зналъ надлежаще степень своей обезпеченности; самъ онъ дѣлами своими не завѣдывалъ и не имѣлъ въ рукахъ получавшіеся доходы. На личные необходимые расходы онъ бралъ небольшія суммы, которыми вполнѣ удовлетворялся, такъ какъ не обладалъ никакими прихотями. Не разъ ему приходилось въ періоды жизни, когда онъ оставался одинъ безъ семьи, раздавать обращавшимся къ нему лицамъ всѣ наличныя деньги и затѣмъ жить кое-какъ, даже закладывая свои вещи. Но такое положеніе нисколько не нарушало хорошаго настроенія Ѳ. Л...

Разсѣянность его тоже была значительна: часто онъ щеголялъ въ надѣтомъ по ошибкѣ чужомъ пальто, не замѣчая этого, носилъ въ карманѣ взятое, вмѣсто носового платка, полотенце и т. п. Непрактичность его въ житейскихъ дѣлахъ не имѣла границъ, что его нисколько не смущало, ибо для него этой стороны жизни, дѣловой, мелочной, какъ бы и не существовало. Многіе приписывали эту черту Ѳ. Л. легкомыслію, неряшеству, иные даже не вѣрили въ искренность ея и признавали «позой», но всѣ они жестоко ошибались: ни легкомыслія, ни тѣмъ болѣе позы тутъ не было. Соллогубъ былъ всегда правдивъ, искрененъ и непосредствененъ, а безсознательное презрѣніе къ заботѣ о мелочахъ, невниманіе къ своей одеждѣ, отвращеніе къ имущественнымъ дѣламъ—все это было органически присуще ему съ дѣтства. Это свойство Ѳ. Л. можно было не одобрять такъ же, какъ вытекавшее изъ него же нѣкоторое «богемство» его, но при жизни Ѳ. Л. эта беззаботность, нестѣсненіе себя свѣтскими обычаями, выступленіе изъ рамокъ шаблонной жизни—плѣняли въ немъ.

Я съ юношескаго возраста былъ друженъ и близокъ съ Соллогубомъ. Мы одновременно съ нимъ были въ университетѣ, а потомъ, хотя и разстались, и жизнь каждаго изъ насъ пошла по своей особой колеѣ, но встрѣчались мы часто, и не разъ Ѳ. Л. гостилъ у меня подолгу; послѣдній разъ я видѣлся съ нимъ за день до его смерти.

Я еще не сказалъ, какому отдѣлу искусства посвящалъ себя гр. Соллогубъ. Талантъ его раздваивался: онъ обладалъ поэтическимъ даромъ, и чувства и мысли свои излагалъ въ блестящей стихотворной формѣ, и рисовалъ. Живопись масляными красками мало сравнительно привлекала его,—спеціальностью его были рисунки карандашомъ, перомъ, сепіей, гуашью и акварелью.

Ѳ. Л. былъ скроменъ, не считалъ самъ своихъ дарованій выдающимися, а потому очень мало его произведеній, на томъ и на другомъ поприщѣ, стали достояніемъ публики. Въ печати появились два-три стихотворенія его, появились случайно; въ журналѣ «Артистъ» были помѣщены иллюстраціи его къ сказкѣ Пушкина «О золотомъ пѣтушкѣ»—и только.

Я лелѣю мысль со временемъ издать собраніе его стихотвореній съ приложеніемъ его же орнаментовъ и иллюстрацій, но эта задача нелегкая: Ѳ. Л. не сохранялъ всѣхъ своихъ произведеній, множество ихъ разсѣяно по бѣлу-свѣту, особенно рисунковъ. Да и стихотворенія, носившія личный характеръ, написанныя ad hoc (а ихъ очень много), передавались имъ зачастую лицу, къ которому относились, и... забывались. Но чтобы дать читателямъ понятіе о свойствѣ и силѣ поэтическаго дарованія покойнаго графа Соллогуба, я приведу теперь же нѣсколько его стихотвореній лирическаго характера (эпохи молодости):

I.

Когда свой взоръ, задумчивый и чистый,
Поднимешь ты къ далекимъ небесамъ,

И встрѣтишь свѣтъ созвѣздья серебристый,
Столь памятнаго намъ,

* * *

Ты помолись о томъ, кто молчаливо
Любилъ тебя болящею душой;
Кому была ты въ жизни сиротливой
Господнею росой...

II.

Насъ съ тобой связали грезы,
Лѣтней ночи сумракъ жаркій
Да зарницъ надъ рожью спѣлой
Полунощный отблескъ яркій.

* * *

Насъ связали грозъ раскаты,
Запахъ спѣющей малины
И, колеблемыя вѣтромъ,
Нити тонкой паутины.

III.

Я не сказалъ тебѣ, что я тебя люблю,
Но солнце на небѣ такъ ласково сіяло,
Такъ въ листьяхъ золотыхъ лучами трепетало...
Ты не могла не знать, что я тебя люблю!

* * *

Я о любви моей тебѣ не говорилъ,
Но звѣзды въ небесахъ такъ радостно горѣли,
Ихъ хоры стройные такія пѣсни пѣли,
Что я... я о любви моей не говорилъ.

IV.

«Остановки семь минутъ!»
Поѣздъ сталъ, кого-то ждутъ...
Въ ближней рощѣ соловей
Щелкнулъ разъ, потомъ сильнѣй
Раскатился звонкой трелью
И ласкающей свирѣлью
Тихо-тихо протянулъ...
Молча я на васъ взглянулъ
И смотрѣлъ вамъ прямо въ очи,
И всѣ чары вешней ночи
Въ этотъ тихій, поздній часъ
Совершались вокругъ насъ.
Но свистокъ, рожка сигналъ...
Поѣздъ нашъ загрохоталъ,
Соловей умолкъ съ испуга...
Я не знаю, но другъ друга,
Показалося мнѣ тутъ,
Мы любили... семь минутъ.

V.

Въ тѣ дни, когда въ душѣ звучала
Любви тревожная струна,
Предъ нею пѣснь моя молчала,
И въ звукъ не вылилась она.
Теперь не то. Струна порвалась,
И сердце смолкло навсегда...
Но въ немъ забытая осталась
Неспѣтыхъ пѣсенъ череда.

* * *

Опять онѣ на волю рвутся
Съ толпой непережитыхъ грезъ.
Къ тебѣ онѣ, о, другъ, несутся...

Въ нихъ много счастья, много слезъ...
О, будь же къ нимъ не безъ участья!
Онѣ навѣяны тобой,
Часами трепетнаго счастья,
Годами длящейся тоской.

VI.

Любовь моя цвѣткомъ весеннимъ
Внезапно пышно расцвѣла,
И, какъ цвѣтокъ, она была
Убита инеемъ осеннимъ.

* * *

Ты помнишь, въ небѣ журавли
Намъ громко пѣснь любви пропѣли,
Они съ полудня къ намъ летѣли
И радость вешнюю несли...

* * *

Когда на землю золотистый
Съ аллеи нашей палъ покровъ,
Опять раздался въ небѣ зовъ,
Прощальный окликъ голосистый.

* * *

Они на полдень плыли вновь
Въ холодномъ сумракѣ надъ нами.
За ихъ летучими стадами
Умчалась и твоя любовь.

VII.

Тебя забылъ вполнѣ я
И слышу, не блѣднѣя,
Знакомый намъ напѣвъ...

Напѣвъ, какъ солнце жгучій,
Какъ моря шумъ могучій,
Забылъ я, поумнѣвъ!
А помнишь какъ, бывало,
Ты мнѣ его пѣвала
Въ заката тихій часъ!
Казалось, эти звуки,
Какъ трепетныя руки,
Охватывали насъ
И мчали насъ куда-то,
Откуда нѣтъ возврата,
Куда дороги нѣтъ...
Давно все это было,
Да съ вешнимъ льдомъ уплыло
Тому ужъ много лѣтъ.

Соллогубъ не особенно цѣнилъ, къ сожалѣнію, поэтическое дарованіе свое и рѣдкую способность къ стройному стихосложенію. Почти всѣ извѣстныя мнѣ стихотворенія графа — импровизаціи, написанныя въ нѣсколько минутъ подъ наплывомъ того или другого чувства. Такое недовѣріе къ своимъ литературнымъ способностямъ имѣло результатомъ нѣсколько дилетантское отношеніе его къ собственной музѣ; онъ обращался къ ней какъ бы случайно, въ минуты неудержимо лирическаго настроенія, да при перепискѣ съ друзьями, высказывая мысли свои въ риѳмованной формѣ, набрасывая юмористическія посланія и обращенія къ нимъ.

Ѳ. Л. создалъ довольно много стихотворныхъ произведеній въ жанрѣ «Кузьмы Пруткова» съ добавленіемъ къ этому шуточно-сатирическому жанру нѣсколькихъ своихъ характерныхъ чертъ, общихъ у графа съ произведеніями такого же рода покойнаго философа Владимира Сергѣевича Соловьева, съ которымъ Соллогуба связывала искренняя дружба.

Объ этомъ отдѣлѣ творчества Соллогуба я буду говорить впослѣдствіи, теперь же, коснувшись вопроса о дилетантствѣ Ѳ. Л., я долженъ указать какъ на одну изъ причинъ, его вызвавшихъ, на проявлявшуюся по временамъ у графа апатичность, наступавшее при усиленной работѣ нравственное утомленіе, — противорѣчившія нормальной живости мысли его и настроенія и зависѣвшія отъ нѣкоторой его болѣзненности, и, наконецъ, на отсутствіе серьезнаго внѣшняго стимула, — Ѳ. Л. не искалъ извѣстности и обладалъ достаточными матеріальными средствами. Я увѣренъ, однако, судя по тому серьезному жизненному настроенію, которое опредѣлилось у Ѳ. Л. къ концу восьмидесятыхъ годовъ (прошлаго столѣтія), что онъ въ сферѣ поэтическаго творчества расширилъ бы свой кругозоръ и усилилъ дѣятельность, но смерть положила ей преждевременный конецъ.

Въ моемъ распоряженіи находится весьма цѣнный матеріалъ для надлежащей оцѣнки и пониманія многихъ чертъ характера Ѳ. Л.—рукопись его воспитателя Н. И. О—ва, подаренная имъ мнѣ уже послѣ смерти бывшаго его воспитанника. Рукопись эта содержитъ въ себѣ подробные годовые отчеты о ходѣ воспитанія и ученія Соллогуба за восемь лѣтъ, — съ 1858 года до поступленія его въ Московскій университетъ; въ ней тонкими штрихами съ послѣдовательностью, полнотой и видимой любовью къ воспитаннику отмѣчены всѣ выдающіяся черты характера его, всѣ болѣе или менѣе важныя событія, вліявшія на его развитіе. Въ этомъ замѣчательно объективно составленномъ документѣ вырисовывается въ миніатюрѣ тотъ же правдивый, талантливый, остроумный, нѣсколько неряшливый, разсѣянный, непрактичный Ѳедя Соллогубъ, не всегда проявлявшій твердую волю и настойчивость, слишкомъ поддававшійся иной разъ вліянію окружающей обстановки, — какимъ мы его знали и любили.

Отецъ Ѳедора Львовича, — братъ извѣстнаго въ свое время литератора графа В. А. Соллогуба, автора знамени-

таго нѣкогда «Тарантаса» и многочисленныхъ комедій,— скончался еще въ раннемъ его дѣтствѣ, и воспитаніемъ его завѣдывала его мать графиня Марія Ѳедоровна, рожденная Самарина (родная сестра Юрія Ѳедоровича Самарина), женщина выдающаяся по уму и высокимъ духовнымъ качествамъ, отдавшая всю любовь, на которую было способно ея сердце, единственному сыну, которому всецѣло посвятила себя. Записки Н. И. О—ва, учителя графа, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ заботливо, съ какой любовью, не переходившей, однако, никогда въ безразсудное баловство, велось воспитаніе и ученіе Ѳ. Л. Дѣло это было болѣе чѣмъ трудное, въ виду чрезвычайной болѣзненности мальчика, грозившей даже его жизни. Кромѣ обыкновенныхъ дѣтскихъ болѣзней, которымъ до чрезвычайности былъ подверженъ Ѳ. Л., онъ страдалъ серьезной нервной болѣзнью, выражавшейся въ прострацін, въ длившихся безконечно долго сильнѣйшихъ головныхъ боляхъ и страданіяхъ позвоночника. Не подлежитъ сомнѣнію, что лишь полный нѣжной любви разумный уходъ физическій и духовный, не ослабѣвавшая ни на минуту заботливость о немъ спасли Ѳ. Л., побѣдивъ прирожденную ему болѣзнь, давъ развиться его природному уму и другимъ качествамъ. Научное преподаваніе очень затруднялось болѣзнями мальчика, во время которыхъ нельзя было и думать объ ученіи. И физическое и умственное утомленіе были опасны для Ѳ. Л., что длилось до 15-лѣтняго возраста его, когда, наконецъ, здоровье его окрѣпло, а къ 17 годамъ стало вполнѣ нормальнымъ. Несмотря на эти затрудненія, графинѣ при содѣйствіи Н. И. О—ва, — человѣка прекрасныхъ нравственныхъ качествъ и хорошаго педагога, горячо полюбившаго къ тому же своего воспитанника,—удалось не только подготовить Ѳ. Л. къ университету, но дать ему гораздо болѣе солидныя и глубокія научныя познанія, чѣмъ получавшіяся учениками гимназій. Конечно, на развитіе нравственныхъ качествъ было обращено не меньше вниманія, чѣмъ на учебную сторону, и, наконецъ, не было

забыто и физическое развитіе. Художественная сторона тоже культивировалась: Ѳ. Л. бралъ уроки музыки и рисованія и въ этомъ искусствѣ съ первыхъ же шаговъ проявилъ выдающіяся способности. Ѳ. Л. хорошо зналъ изъ новыхъ языковъ нѣмецкій, французскій, англійскій и итальянскій, а впослѣдствіи познакомился еще съ нѣсколькими славянскими діалектами и, вообще, представлялъ изъ себя къ 18 годамъ блестяще образованнаго и развитого юношу.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что графиня М. Ѳ. Соллогубъ и наиболѣе близкіе родственники Ѳ. Л. желали въ то время, чтобы онъ избралъ себѣ жизненную дѣятельность наиболѣе серьезную, научную и готовился бы къ ней въ университетѣ. Но, хотя Ѳ. Л. легко и охотно усвоивалъ научные предметы, онъ, будучи въ университетѣ предоставленъ самому себѣ, не пошелъ по пути, которымъ надлежитъ идти будущему служителю науки; ни одна изъ спеціальныхъ дисциплинъ, преподающихся на юридическомъ факультетѣ, на который онъ поступилъ, не привлекала его настолько. Но зато вскорѣ же опредѣлилось его влеченіе къ искусству, порывы къ сближенію съ художественнымъ міромъ, въ той или другой формѣ, съ средой артистовъ. Съ этими порывами и наклонностями боролся самъ графъ, побуждаемый къ тому взглядами, воспринятыми съ дѣтства, и окружающіе его старшіе, — люди, хотя въ полной мѣрѣ признававшіе серьезное значеніе искусства, но не довѣрявшіе серьезности призванія Ѳ. Л., боявшіеся для него впаденія его на этомъ поприщѣ въ непродуктивный дилетантизмъ, потери навыка къ настоящему труду и пріобрѣтеніе привычки къ легкой, пустой жизни. Въ Ѳ. Л., какъ онъ самъ потомъ говорилъ, боролись тогда два теченія, одно «Самаринское», олицетворяемое братомъ его матери Юріемъ Ѳедоровичемъ, а другое — «Соллогубовское», представляемое дядей его Владиміромъ Александровичемъ Соллогубомъ. Первое указывало на строго научное или общественно-дѣловое поприще, а второе влекло

въ литературно-артистическій, художественный міръ. Борьба эта разрѣшилась не скоро: она длилась долгіе годы, вредя Ѳ. Л., такъ какъ онъ, благодаря нерѣшительности, не могъ пристать ни къ тому, ни къ другому берегу, и при этомъ неопредѣленномъ положеніи, дѣйствительно, не могъ надлежаще работать и воспринималъ привычки дилетантства. Но, какъ я уже говорилъ, природное влеченіе Ѳ. Л. къ искусству брало все время верхъ, и онъ все ближе и ближе подходилъ къ артистическому міру.

Соллогубъ, по окончаніи курса въ университетѣ, поступилъ на службу въ судебное вѣдомство и сравнительно скоро получилъ назначеніе товарищемъ прокурора въ одномъ изъ большихъ провинціальныхъ городовъ. Но судебно-уголовная дѣятельность была совершенно не по характеру Ѳ. Л., и, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, онъ оставилъ ее, уже почти окончательно рѣшивъ посвятить себя служенію искусству. Однако и въ этой сферѣ дѣло не обошлось безъ исканій и даже блужданій, отнявшихъ у графа непроизводительно много времени.

Ѳ. Л. притягивалъ къ себѣ театръ. Соединеніе на сценѣ пластики съ живымъ словомъ, красоты красокъ и формъ съ красотою мысли, художественное олицетвореніе на сценѣ жизни во всемъ ея разнообразіи представлялось Ѳ. Л. высшимъ проявленіемъ художества. Онъ сталъ испытывать свои силы на сценѣ въ качествѣ актера. Удивительно, что именно эта сторона театральнаго дѣла привлекла Ѳ. Л., ибо онъ не обладалъ въ ней рѣшительно никакими способностями. А между тѣмъ онъ не мало работалъ надъ тѣмъ, чтобы создать изъ себя хорошаго актера, перечелъ, кажется, весь существующій драматическій репертуаръ, обдумывалъ, изучалъ и проходилъ съ кѣмъ-либо классическія роли, участвовалъ въ качествѣ исполнителя въ спектакляхъ любительскихъ и полупрофессіональныхъ труппъ и лишь послѣ долгихъ стараній убѣдился, наконецъ, что онъ не рожденъ для сцены. Художественная натура Ѳ. Л. сказалась, впрочемъ, и на этомъ ошибочно избранномъ

имъ пути, — костюмы его и гримъ бывали всегда прекрасны.

Въ этотъ періодъ увлеченія сценой Ѳ. Л. близко сошелся съ любителемъ драматическаго искусства, прекраснымъ пѣвцомъ, человѣкомъ тоже, несомнѣнно, талантливымъ, Константиномъ Степановичемъ Шиловскимъ (Соллогубъ съ Шиловскимъ, увлекавшимся еще болѣе Ѳ. Л. «богемой», учинили разъ путешествіе по Италіи пѣшкомъ съ гитарами, при чемъ Шиловскій вызывалъ фуроръ мѣстныхъ жителей своимъ пѣніемъ) и вращался среди артистовъ — сценическихъ дѣятелей. Заинтересовавшись этимъ міромъ, Ѳ. Л. задался цѣлью изучить его основательно и съ положительной, и съ отрицательной сторонъ, не пренебрегая и такими артистическими предпріятіями, какъ циркъ, оперетка и т. п. Въ это время Ѳ. Л. перезнакомился и часто видался со многими артистами указаннаго направленія, посѣщая вмѣстѣ съ ними скромные рестораны и кабачки (надо при этомъ замѣтить, что самъ Ѳ. Л. совсѣмъ не пилъ вина, не игралъ въ карты и другія азартныя игры, а изъ спортивныхъ удовольствій признавалъ лишь охоту). Ѳ. Л. имѣлъ въ виду написать драму изъ міра артистовъ приведенной категоріи (на него произвелъ впечатлѣніе романъ братьевъ Гонкуровъ «Les frères Zemnangau»); онъ составилъ планъ ея и приступилъ къ работѣ, но сдѣланное не удовлетворило его, и онъ сжегъ написанное, что учинялъ вообще нерѣдко и во многихъ случаяхъ напрасно.

Торжествующая пошлость, фарисейство, филистерство съ его мелкими мѣщанскими интересами и пріемами какъ въ жизни, такъ особенно въ литературѣ, избитые пути, рутинные пріемы писательства, скрывающіе подъ пышной формой ничтожество мысли, вызывали всегда въ Ѳ. Л. сильное отрицательное чувство, побуждали его активно выступать противъ этихъ явленій и писаній, осмѣивая ихъ въ юмористическихъ и шуточныхъ произведеніяхъ. Напыщенный романтизмъ, слезливая сентиментальность, своего рода культъ «Гишпаніи», какъ мы въ наши молодые годы (ше-

стидесятые годы прошлаго столѣтія) прозвали любовь къ необходимымъ атрибутамъ отчаянной романтики — къ гитарѣ, плащу, шляпѣ съ перомъ, кастаньетамъ, толедскому клинку, таинственнымъ похожденіямъ,—еще существовали въ литературѣ, въ произведеніяхъ драматическихъ и стихотворныхъ по преимуществу, и вотъ такія-то вещи вызывали зачастую къ жизни какое-либо юмористическое произведеніе Ѳ. Л.

Вотъ нѣсколько подобныхъ стихотвореній, навѣянныхъ отчасти очень цѣнившимся Соллогубомъ «Кузьмою Прутковымъ»:

I.

Три испанца, или великій инквизиторъ.

Разъ въ Севильѣ на пригоркѣ
Собралися три испанца,
Три испанца благородныхъ.
Первый былъ Діего-Перецъ,
А второй донъ Пабло-Суза.
Если хочешь знать, кто третій
Былъ въ Севильѣ на пригоркѣ,
То послушай эту пѣсню,
И что хочешь знать — узнаешь...
И, пожалуй, даже больше...
Обозрѣвъ Севилью взглядомъ,
Говоритъ Діего-Перецъ:
«Я клянусь мечомъ и сердцемъ —
Нѣтъ красивѣе Севильи
Городовъ на этомъ свѣтѣ!»
Суза тутъ, взглянувъ на Дьего,
Возразилъ: «Клянуся честью
И клинкомъ моимъ толедскимъ,
Городовъ на этомъ свѣтѣ
Нѣтъ красивѣе Севильи!»
Посмотрѣвъ на нихъ съ улыбкой,

Вопросилъ ихъ третій мягко:
«Почему жъ вамъ такъ по сердцу
Наша милая Севилья?»
—«Мы не знаемъ, кабаллеро,
Да и знать того не хочемъ».
Улыбнулся незнакомецъ: «Радъ, —
Промолвилъ онъ, вставая, —
Видѣть въ васъ простое сердце
И разсудокъ не пытливый.
А затѣмъ идите съ миромъ
Отслужить молебенъ Богу
Въ благодарности сердечной:
Опросилъ васъ Торквемада,
Но костра вы миновали!»
И великій инквизиторъ
Удалился благодушно,
А донъ Дьего и донъ Пабло,
Помолчавъ между собою,
Возвратилися въ Севилью.

* * *

Такъ въ Испаніи счастливой
Было встарь не безопасно
Любоваться пейзажемъ
Двумъ восторженнымъ дворянамъ
И не безъ патріотизма
Говорить простыя рѣчи
О возвышеннѣйшихъ чувствахъ
При извѣстныхъ незнакомцахъ.

II.

Изъ письма гр. Соллогуба ко мнѣ по поводу посвященія ему много-шуточной драмы въ стихахъ на испанскія темы:

Донъ Коконъ! Привѣся шпаги,
Мы по Тульскимъ площадямъ

Будемъ, полные отваги,
Обижать прохожихъ дамъ.

Запахнувшись епанчами,
Звонко шпорами звеня,
Надъ загнутыми усами
Грозно шляпы накреня,

Мы пройдемъ по стогнамъ Тулы,
Нагоняя всюду страхъ,
Разворачивая скулы
Въ обывательскихъ щекахъ.

Это кто? Городовые?!
На погонахъ серебро?
Въ мигъ кинжалы роковые
Подъ девятое ребро!

Кто такой? Исправникъ здѣшній?!
Шпаги на вѣтеръ! И вотъ
Онъ хватается сердечный
За распоротый животъ.

А когда, разбивъ трактиры,
Насладившися борьбой,
Возвративъ ножнамъ рапиры,
Мы отправимся домой,

Видя грозныя фигуры,
Всякій скажетъ, кто не глупъ.
Это — цвѣтъ Прокуратуры,
Съ нимъ безстрашный Соллогубъ.

III.

Устойчивость.

Вотъ плачетъ мать, — ея дитятей
Ночной порою шайка татей,
Въ ужасный часъ, полуночной,
Уноситъ дерзностной рукой

Въ дремучій лѣсъ, а можетъ, далѣ..
Ихъ путь сосѣди не видали!
И только лишь одинъ компасъ
Глядитъ на сѣверъ въ страшный часъ.

* * *

Ярится вихрь, вскипаетъ море,
На пароходѣ стонъ и горе;
Въ молитвѣ всякъ, кто только можетъ.
Кто согрѣшилъ, тѣхъ совѣсть гложетъ;
Взываетъ въ рупоръ капитанъ:
«Гдѣ бомъ-брамсъ рея? Кабестанъ?»
И только лишь одинъ компасъ
Глядитъ на сѣверъ въ бури часъ.

* * *

Реветъ бѣлугой канонада,
Палитъ мортира, каронада,
Свиститъ картечь, какъ соловей.
Врагъ напираетъ все сильнѣй,
Отважнѣй каждый рвется къ бою,
Какъ бы съ двойною головою...
И только лишь одинъ компасъ
Глядитъ на сѣверъ въ битвы часъ.

* * *

Бушуетъ распря парламента,
Министра свергли. Президента
Никто не ставитъ и во грошъ,
Срываютъ съ «квины» макинтошъ!..
Никто не вѣритъ дипломатамъ,
Грозитъ фонарь аристократамъ!
А между тѣмъ спрошу я васъ:
Куда въ сей мигъ глядитъ компасъ?

IV.

Похищенiе.

(Мѣщанская баллада. Подражанiе Уланду.)
Thecla: «Ach»...
Wallenstein's Todt.

Альбертъ мнѣ шепнулъ: «Ты въ Агнесу влюбленъ.
Похитить ее помогу я!»
—«Ты правъ, — отвѣчалъ я, — я ею плѣненъ!»
И тотчасъ былъ нами паромъ снаряженъ,
И полночи ждалъ я тоскуя.

Въ полночную пору Агнесу фонъ Крахъ
Умчалъ я изъ отчаго дома.
Мы къ Рейну примчались, глядимъ впопыхахъ,
На брегѣ — ни друга Альберта, ни—ахъ!—
Нанятаго нами парома!

Кружилися вихри, свистя по волнѣ,
Мы ощупью плыли во мракѣ
Подъ грозною тучей, на утломъ челнѣ...
Агнеса въ изящномъ ночномъ неглиже,
Я — въ черномъ поношенномъ фракѣ.

Во фракѣ и въ ужасѣ вдругъ я вскочилъ,
Вглядѣлся, прислушался... Боже!
Дно лодки коварный червякъ проточилъ,
Мой лѣвый сапогъ уже Рейнъ омочилъ,
Ей правую туфельку тоже!

Умолкнулъ я, видя, что гибель близка,
Что мокрая смерть неминуча...
Вдругъ вижу — рѣдѣютъ во тьмѣ облака,
А индѣ свѣтлѣютъ уже небеса,
Проносится грозная туча!

«Агнеса! — воскликнулъ я. — Мы спасены!..»
Она мнѣ въ объятія пала...
Мы плыли, а въ небѣ ужъ кроткой луны,
На убыль идущая, въ полширины
Фигура стыдливо сіяла.

Я могъ бы привести еще много стихотвореній графа Соллогуба, написанныхъ въ такомъ жанрѣ, но намѣченные размѣры статьи и цѣль ея — нѣкоторое лишь ознакомленіе читателей съ произведеніями О. Л., не допускаютъ этого; однако не могу воздержаться отъ того, чтобы не цитировать хотя бы небольшой отрывокъ изъ неоконченной поэмы графа «Фаустъ и Мефистофель у предковъ», а именно изъ главы «Въ станѣ Ахейцевъ у Трои».

Агамемнонъ.

Ременно-обутыхъ, вожди, побѣдно вопящихъ Ахеянъ!
На думнообильный совѣтъ собралъ васъ я — царь Агамемнонъ.
Не ладится что-то у насъ, и дѣло изъ рукъ вонъ какъ плохо!
Упорно стоитъ Иліонъ. Троянцы дерутся упорно:
Что схватка, то Гекторъ прійдетъ и взлупитъ нашъ строй безпощадно...
Что ночь, то съ Пергама Парисъ надъ братомъ смѣется безстыдно.

Менелай.

Да, братъ Агамемнонъ, вожди, вамъ правду сказалъ многоумный!
Не дальше, какъ въ прошлую ночь, Парисъ, со стѣны меня видя,
Мнѣ съ хохотомъ бросилъ въ лицо довольно крылатое слово:
Безмозглою тыквой назвалъ и разные дѣлалъ намеки!

Аяксъ.

Безмозглою тыквой? Однако!..

Діомедъ.

За это отвѣтитъ нахалъ!

Агамемнонъ.

Но живъ и досель невредимъ златокудрая эта скотина.
Мы новое средство должны отыскать, чтобы взять крѣпкостѣнный,
Добычеобильный Пергамъ. Пусть всякъ свое выскажетъ мнѣнье!

Несторъ [1].

Бывало, въ мои времена не знали желѣза и мѣди,
А камнями били врага, богамъ помолясь покрѣпчае,
И били изрядно. Теперь порядки у насъ измѣнились:
Металломъ смѣнился кремень. Понятно, Зевесъ недоволенъ
И мститъ намъ съ высокихъ небесъ. Когда мы блестящія копья,

---

[1]) Примѣчаніе автора: Несторъ по старости лѣтъ въ началѣ рѣчи путаетъ, вообразивъ, что онъ нашъ лѣтописецъ Несторъ.

Звенящіе звонко мечи забросимъ въ зеленое море
Да камнемъ ударимъ врага, про дѣдовъ своихъ вспоминая,
Во прахѣ падетъ Иліонъ.

Терситъ.

И вышло, что старый дуракъ
Дурацкія молвитъ и рѣчи.

Агамемнонъ
(ударяя Терсита жезломъ).

Завистливый неучъ, молчи!
Что скажетъ Улиссъ многоумный?

Улиссъ.

Мнѣ старца не должно учить,
Но его предложеніе глупо.

Діомедъ.

По-моему, вотъ что, вожди,
Немедля намъ слѣдуетъ сдѣлать: огромный мы сдѣлаемъ лукъ,
Стрѣлою огромной снарядимъ, на грозный Пергамъ наведемъ
И трахъ... Тетива зареветъ, стрѣла мѣдно-жалая свистнетъ
И сразу пробьетъ Иліонъ широкой сквозною дырою.

(Всѣ молчатъ, сконфуженно краснѣя. Терситъ хихикаетъ. Его бьютъ...)

Полный ироніи и сарказма, блещущій живымъ юморомъ драматическій эскизъ «Недоразумѣніе» слишкомъ великъ для помѣщенія его здѣсь, такъ же, какъ написанная благозвучными стихами шутка въ драматической формѣ «И честь и месть». Это — совершенно невѣроятная по содержанію вещь въ наиболѣе «испанистомъ» жанрѣ, съ цѣлымъ рядомъ

поединковъ между дѣйствующими лицами, обладающими замѣчательно благородными, но столь же нелѣпыми чувствами и говорящими торжественно-напыщенно совершенный вздоръ, кончающаяся тѣмъ, что всѣ дѣйствующія лица лежатъ на сценѣ убитыми, а фонарщикъ (лицо безъ словъ), открывающій дѣйствіе піесы тѣмъ, что зажигаетъ фонарь, висящій на перетянутой черезъ улицу цѣпи городка С.-Мало (во Франціи, въ 1614 году), тушитъ фонарь.

Въ этой піесѣ «Второй неизвѣстный, 99 лѣтъ», повидимому, прадѣдъ троихъ изъ дѣйствующихъ лицъ, убивъ выстрѣломъ изъ пистолета, произведеннымъ изъ окна дома, другого «Неизвѣстнаго, ста лѣтъ», тоже прадѣда участвующихъ, въ окно же энергично вѣщаетъ своимъ потомкамъ, не вѣрящимъ въ родство съ нимъ:

Прошу умѣрить вашъ задоръ!
Молчать и слушать! Было время,
Когда меня душило бремя
Любви и мести. Въ адской мукѣ
Довѣрилъ я себя фелукѣ
И грозной прихоти валовъ.
Я кликнулъ кличъ... На этотъ зовъ
Собралась вольница лихая,
Толпа ласкаровъ удалая...
Кормою вспѣнилась волна,
Фелука, гибели полна,
Пошла гулять изъ края въ край...
Кто правилъ ею, знаешь, чай?

Пибракъ де-Петифуръ.

Я знаю... Ты... Маркó-Пиратъ!..

2-й неизвѣстный *(съ хохотомъ)*.

Ты въ цѣль попалъ удачно, братъ.
Да, такъ меня въ Алжирѣ спаги

Прозвали въ честь моей отваги.
Мои успѣхи съ этихъ поръ
Замѣтилъ грозный Охъ-фосфоръ,
Короны шведской адмиралъ.
Онъ сна отъ зависти не зналъ,
Гонялся онъ за мной повсюду
И, разстрѣлявъ снарядовъ груду,
Рѣшилъ идти на абордажъ.
Сцѣпились мы... Мой экипажъ
Онъ, какъ негодную посуду,
Весь перебилъ... Огонь повсюду,
И крикъ, и вопль, и плачъ, и стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ!..
Я сдался. Въ ту же ночь... о, горе!..
Я былъ обвѣнчанъ съ нимъ въ соборѣ.

Пибракъ *(послѣ паузы, недоумѣвая)*

Обвѣнчанъ?.. Съ кѣмъ?

2-й неизвѣстный *(уныло)*.

Съ проклятымъ шведомъ.
Я сталъ отцомъ... и вашимъ дѣдомъ.
Онъ былъ...

Пибракъ.

Коль бредишь ты, проснись!..

2-й неизвѣстный *(торжественно)*.

Онъ ваша бабушка, маркизъ!

Коротенькая одноактная піеса эта была поставлена въ публичномъ спектаклѣ «Общества любителей искусства и литературы» (на сценѣ дома б. Гинцбурга, на Тверской), Вели-

кимъ постомъ 1890 года, и въ исполненіи ея принимали участіе самъ Соллогубъ, К. С. Алексѣевъ (Станиславскій), покойный А. А. Федотовъ (состоявшій потомъ однимъ изъ видныхъ членовъ драматической труппы нашего Малаго театра, а въ то время еще только что кончившій курсъ университета молодой человѣкъ, служившій по административному вѣдомству), В. М. Лопатинъ и покойный Н. С. Третьяковъ. Второй разъ «Честь и месть» была разыграна въ частномъ домѣ, въ средѣ дружескаго кружка цѣнителей таланта Соллогуба, уже въ сравнительно недавнее время, и оба раза она увлекала зрителей веселостью и неподражаемымъ юморомъ, тонкими, эстетическими штрихами, наполняющими все ея содержаніе, благодаря чему она даже и не похожа на такъ называемые «фарсы». Разъ какъ я уже упомянулъ объ Обществѣ любителей искусства и литературы, изъ дѣятелей котораго составилась первоначальная труппа «Художественнаго театра», то отмѣчу, что Ѳ. Л. принималъ горячее участіе въ судьбахъ его, будучи въ немъ носителемъ истинно-художественнаго элемента.

Однимъ изъ сравнительно крупныхъ твореній Ѳ. Л. надо признать, къ сожалѣнію не вполнѣ доконченную имъ поэму, носящую внѣшній характеръ шуточной, но на самомъ дѣлѣ значительную по талантливости, глубинѣ встрѣчающихся въ ней мыслей, сарказму и юмору. Поэма эта была посвящена покойному В. С. Соловьеву и названа графомъ «Соловьевъ въ Ѳиваидѣ». Поводомъ для написанія ея послужило путешествіе Владимира Сергѣевича на Востокъ и, между прочимъ, по Египту, гдѣ онъ, въ пустынѣ, встрѣтившись съ толпой мѣстныхъ номадовъ, чуть ли не намѣревавшихся ограбить его, произвелъ на нихъ своимъ видомъ и поведеніемъ такое сильное впечатлѣніе, что они его отпустили съ миромъ и даже почетомъ, признавъ въ немъ нѣчто сверхъ-естественное. Какъ утверждалъ самъ Владимиръ Сергѣевичъ, они приняли его за чорта. Ѳ. Л. замыслилъ изобразить въ поэмѣ соблазны, которыми будто діаволъ, — прирожденный врагъ В. С. Соловьева, — желалъ

его погубить въ пустынѣ, сведя со стези добродѣтели,— нѣчто подобное Флоберовской «La tentation de St. Antoine».

Два акта поэмы, имѣющей драматическую форму, были графомъ закончены. Въ первомъ сатана раскапываетъ въ Өиваидской пустынѣ засыпаннаго пескомъ сфинкса и оживляетъ его, поручивъ задать имѣющему скоро появиться Соловьеву нѣсколько загадокъ, а если онъ ихъ не разрѣшитъ, то

Затѣмъ облапить, въ грудь вкогтиться,
Его терзаніемъ и мукой насладиться
И дерзкаго, какъ хлѣбъ межъ жерновами,
Смолоть гранитными устами.

Первая загадка, предлагаемая сфинксомъ Соловьеву, такова:

Я полубогъ,—полускотина!
И ѣзжу на себѣ, и самъ себя вожу:
Наѣздникъ безъ коня, и конь безъ господина,
Противорѣчіе въ себѣ я нахожу.
Подъ бременемъ его я такъ изнемогаю,
Что сбросить самъ себя съ себя желаю.

Соловьевъ угадываетъ, что это кентавръ, а также разрѣшаетъ вторую, а потомъ и третью задачу, поставленную сфинксомъ такъ:

Сфинксъ.

Всю разницу межъ мною и тобою
Мнѣ вырази ты буквою двойною.

Соловьевъ.

О—Е!

Пространенъ ты,—престраненъ я.
Вѣрна ли отповѣдь моя?

Въ виду неудачи со сфинксомъ сатана рѣшается уловить въ свои сѣти Соловьева чрезъ «женщину» и обдумываетъ, на комъ именно изъ нихъ остановиться. Иродіаду онъ отвергаетъ какъ слишкомъ ничтожную съ ея танцами для Соловьева; Аспазія и подошла бы, но сатану смущаетъ ея репутація, «et puis ce malheureux précedent»... съ Сократомъ, «ça pourrait bien le mettre sur le qui vive!» Наконецъ сатана останавливается на царицѣ Савской, которую создаетъ волшебствомъ изъ воздуха, а затѣмъ, услышавъ желаніе царицы имѣть штатъ придворныхъ, возглашаетъ:

Любезнымъ даже чортъ быть можетъ иногда!
Скорѣе дюжинъ шесть придворныхъ намъ сюда!

(Машетъ хвостомъ; изъ взметеннаго песку выходитъ толпа придворныхъ. Межъ ними безшумно снуютъ нѣсколько синихъ духовъ).

Царица Савская желаетъ имѣть дворецъ:

Царица Савская.

. . . . Сдается, не пора ль
Заняться снова мнѣ постройкою дворца!
Я не привыкла жить подъ ризою Творца,
Какъ сводъ небесъ назвалъ... одинъ изъ іудеевъ,
Покойный Соломонъ, царь пѣсенъ и евреевъ.

(При этомъ имени въ толпѣ камеръ-юнкеровъ и пажей слышится многозначительное покашливаніе, и кое-кто вполголоса напѣваетъ: «Любила я твои глаза» и «Моего ль вы знали друга»).

Гофмаршалъ! Симъ юнцамъ прошу я для примѣра
Отсыпать лозановъ пятьсотъ на кавалера.

(По знаку гофмаршала синіе духи безшумно окружаютъ провинившихся).

Синіе духи.

Мы снаружи посинѣли,
Но подъ синія шинели
Загляните. И келейно
Вамъ покажемъ—какъ елейно
Сердце наше, господа.
Не угодно ли сюда?!

(Отходятъ съ молодыми придворными за кулисы. Молодые придворные, возвращаясь съ заплаканными глазами).

Молодые придворные (*скромно*):

Не безопасны отъ бѣды
И позлащенные зады.

Синіе духи (*внушительно*).

Ихъ твердить должны вы вѣчно,
Чтобы жить вполнѣ безпечно...

Послѣ сцены съ придворными и вольными каменщиками, которыхъ царица выгоняетъ за ихъ глупость, является зодчій Ватерпасъ, одѣтый въ костюмъ настоящаго времени; но царица не вѣритъ тому, что онъ нѣмецъ, и Ватерпасъ сознается, что онъ эллинъ, поэтъ и пѣвецъ Амфіонъ, и предлагаетъ силою вдохновенія и звуковъ воздвигнуть царицѣ храмъ. Царица соглашается. Амфіонъ поетъ, проводя по струнамъ барбитона, а во время его пѣнія невидимыми руками воздвигается великолѣпный храмъ въ греко - арійскомъ стилѣ. Царица падаетъ въ обморокъ, и тѣмъ кончается первое дѣйствіе.

Во второмъ актѣ царица Савская даетъ bal masqué всему міру. Глашатый, созывая гостей, между прочимъ, говоритъ:

Весь свѣтъ на праздникъ приглашенъ,
И въ немъ предстанетъ отраженъ
Весь міозданья безпорядокъ:
Входи, кто милъ, входи—кто гадокъ.

Въ числѣ гостей на балу появляются и ведутъ бесѣду Гете подъ руку съ Шиллеромъ, Гейне, потѣшающійся надъ ними, завидующій послѣднему Некрасовъ, Всеволодъ Крестовскій и другіе. Входитъ также «Восторженный поэтъ», декламируя:

Восторгъ и ропотъ,
И шумъ ручья,
И конскій топотъ.
Ахъ, попадья!
Оладьи съ макомъ
И миръ иной,
И рыба съ ракомъ...
Удѣлъ земной...

Въ числѣ другихъ появляются одинъ за другимъ человѣкъ сороковыхъ годовъ, человѣкъ шестидесятыхъ и человѣкъ семидесятыхъ годовъ; первый говоритъ:

Какъ все изящно здѣсь, красиво, эстетично,
Нелѣпо кое въ чемъ, зато какъ поэтично.
О, Боже! Гете самъ, сей старецъ величавый,
Aus seinem innren Ich вѣнецъ сплетшій славы.

Человѣкъ 60-хъ годовъ.

Смотрите, въ сердцѣ грязь, а золото на стѣнахъ!
Порокъ на тронѣ здѣсь, а доблесть на колѣнахъ.
Долой авторитетъ! Идемте же за вѣкомъ!
Что вижу! Гете здѣсь, средь царскихъ потаскушекъ!
Я въ честь ему иду сейчасъ вскрывать лягушекъ.

Человѣкъ 70 год.

«Наплевать на эти залы!
«Вишь карячатся, нахалы!
«Взять бы, да со всѣхъ концовъ
«И поджечь ихъ, подлецовъ!
«Мнѣ душно въ стѣнахъ этой клѣтки,
«Пойти послушать оперетки!»

Синіе духи.

«О братья! Близко намъ недоброе начало.
«Летимъ предупредить объ этомъ генерала!»

Послѣ сцены между представителями разныхъ поколѣній и актрисами и актерами влетаютъ «синіе духи» и приносятъ большой сундукъ. Старшій духъ поетъ, указывая младшему на сундукъ:

Старшій духъ.

«Ты знаешь край, гдѣ не растутъ лимоны,
«Гдѣ спитъ тюлень на льдинѣ голубой,
«Куда Макаръ дѣтей своей бурены
«Не загонялъ ни лѣтомъ, ни зимой?
«Туда, туда! На тройкѣ удалой
«Тащи его скорѣе, милый мой!
«Ты знаешь домъ? Онъ на утесѣ голомъ
«Стоитъ одинъ въ равнинѣ снѣговой,
«Онъ окруженъ дубовымъ частоколомъ
«И желтою кирпичною стѣной.
«Туда, туда! На тройкѣ удалой
«Тащи его скорѣе, милый мой!»

Голосъ человѣка 70 годовъ изъ сундука.

«Позвольте, наконецъ,—вѣдь это произволъ!»

Старшій духъ.

«Чѣмъ думалъ удивить. Танци его. Пошелъ!»

Голосъ человѣка 70-хъ годовъ.

«Но гдѣ же законныя на это основанья?»

Старшій духъ *(величественно)*.

«Законовъ больше нѣтъ: есть только примѣчанья!»

На сценѣ появляются спириты, скептикъ и, наконецъ, входятъ Соловьевъ подъ руку съ Козьмой Прутковымъ, который напутствуетъ перваго такими словами *(держа Соловьева за пуговицу сюртука)*:

«Прощайте, юноша. Обдумывайте смѣло
«Все то, что высказалъ въ короткихъ я словахъ.
«Въ васъ много d'inachevé, въ васъ многое назрѣло,
(Тонко улыбаясь.)
«Но кто же ѣстъ фасоль, пока она въ грядахъ?»

Тѣмъ временемъ сатана для новыхъ искушеній Соловьева приводитъ подъ видомъ замаскированныхъ дамъ семь смертныхъ грѣховъ. Они стараются увлечь Соловьева, но тотъ, занятый философскимъ мышленіемъ, не замѣчаетъ ихъ и даже наступаетъ на ногу подошедшей къ нему «Voluptas». На этомъ кончается второй актъ. Третій, въ которомъ Соловьевъ долженъ былъ встрѣтиться съ царицей Савской, остался недописаннымъ гр. Соллогубомъ.

Какъ я уже упоминалъ, Ѳ. Л. любилъ дѣтей и часто баловалъ ихъ, рисуя имъ картинки и набрасывая для нихъ стихи. Мнѣ памятны нѣкоторые рисунки животныхъ, сдѣланные имъ для дѣтей, съ соотвѣтствующими объяснитель-

ными надписями въ стихахъ. Такъ, подъ рисункомъ кенгуру, у котораго на брюшкѣ изображенъ застегивающійся на нѣсколько пуговицъ карманъ, изъ котораго выглядываетъ голова звѣрка-сосуна, значилось:

«Природы странную игру
«Звѣрокъ являетъ кенгуру:
«Ему при полной наготѣ
«Кармашекъ данъ на животѣ».

Подъ изображеніемъ обезьяны стояла такая надпись:

«Вотъ это дикій обезьянъ,
«А по фамиліи Мандрило:
«Имѣетъ кое-гдѣ изъянъ
«И отвратительное рыло».

Тигръ.

«Вотъ тигръ, по прозвищу «Бенгальскій»,
«Ибо имѣетъ правъ канальскій,
«Который въ немъ огнемъ горитъ.
«Онъ очень золъ... когда сердитъ».

Слонъ.

«Вотъ слонъ, какъ вылитый стоитъ,
«Не ладко скроенъ, крѣпко сшитъ.
«Имѣетъ хоботъ очень длинный,
«Изящный умъ и цвѣтъ мышиный».

Ѳ. Л. былъ написанъ цѣлый рядъ стихотворныхъ посланій къ друзьямъ мужскаго и женскаго пола и просто шуточныхъ стиховъ-импровизацій; изъ нихъ многіе, несмотря на шуточный тонъ, заслуживаютъ вниманія и по мысли, и по изложенію. Вотъ например:

Пѣсня про глупаго Князя.

Проснись, дурень,
Проснись, бабень,
Полно тебѣ спати.
    «Что орете,
    «Чего врете!
    «Эку рань вставати!»
Вставай, дурень,
Вставай, бабень,
Ворогъ за рѣкою,
Степью рыщетъ,
Броду ищетъ,
Тутъ не до спокою.
    «Эко дѣло!
    «Не поспѣла
    «Еще переправа.
    «Въ рѣчкѣ омутъ:
    «Всѣ потонутъ,
    «Наше дѣло право».
Эхъ, ты, дурень,
Эхъ, ты, бабень!
Ворогъ ужъ подъ валомъ
Прячься, дурень,
Прячся, бабень,
По своимъ подваламъ!
    «Ровъ глубокій,
    «Валъ высокій,
    «Тынъ по валу строенъ.
    «Тынъ здоровый,
    «Весь вязовый...
    «Я за нимъ спокоенъ».
Взяли дурня,
Взяли бабня,
Спутали арканомъ.
Свели дурня,

Свели бабия
Къ дальнимъ басурманамъ.

Пляшетъ дурень,
Пляшетъ бабень
Подъ вражью подъ дудку...
Пѣсня наша,
Милость ваша,
Гривну за погудку!

Или, набросанная графомъ въ 1880 году въ Баденъ-Баденѣ

Родина.

«Чужая сторонушка нахваломъ живетъ
а наша хайкою стоитъ».

Трубки пѣнковой хрипѣнье,
Бисерный чубукъ,
Самовара паръ и пѣнье,
Тарантаса стукъ.
Зовъ выжлятника съ опушки,
Волкъ, бѣлякъ да лось,
Щи лѣнивыя, ватрушки,
Смѣлое «авось»...
Уготованная къ дракѣ
У начальства длань...
Буеракъ на буеракѣ,
Площадная брань...
Это ты, о, дорогая,
(Ничего, не трусь!)
Несуразная, кривая,
Но святая Русь.

Притча, написанная, насколько помню, для шуточнаго учебника покойнаго профессора, князя С. Н. Трубецкаго, съ которымъ Ѳ. Л. связывала тѣсная дружба.

Классицизмъ и реализмъ.

«Не всегда треножникъ».
Кузьма Прутковъ.

Однажды малое дитя
Играло въ мячъ изъ гуттаперчи,
Мудрецъ же спрашивалъ себя:
«Какое племя жило въ Керчи
«И кто лѣпилъ тамъ столь прекрасно
«Боговъ изъ глины темно-красной?»

* * *

«Вотъ, напримѣръ, — такъ думалъ онъ,—
«Какъ эстетично былъ задуманъ
«Богъ пѣснопѣнья Аполлонъ,
«Что подарилъ мнѣ докторъ Шлиманъ.
«Онъ самъ его своей рукой
«Изъялъ изъ урны гробовой».

* * *

Божокъ на столикѣ стоялъ,
Сіяя эллинской красою,
Мячъ эластически леталъ,
Метаемъ дѣтскою рукою...
Дитя въ восторгѣ утопало,
Мудрецъ бѣды не ждалъ ни мало.

* * *

Но Ленца физики законы
Шлютъ мячъ на столъ, — и тарарахъ!
Любимецъ музъ, дитя Латоны
Лежитъ поверженный во прахъ.
Ученый мужъ въ тоскѣ мятется,
Дитя топочетъ и смѣется.

* * *

Чтобъ не попасть ему впросакъ
Въ вопросахъ тонкихъ обученья,
Пусть твердо помнитъ классикъ всякъ,
Что есть законы тяготѣнья,
И что раскопки антрацита
Идутъ безъ помощи Тацита.

Графъ Соллогубъ былъ человѣкъ не крѣпкаго здоровья, что часто вынуждало его искать внѣ Россіи болѣе мягкаго климата или посѣщать спеціальные курорты. Онъ долго жилъ въ Римѣ и вообще въ Италіи, гдѣ серьезно работалъ, какъ художникъ; впрочемъ, рисованію (отчасти и живописи) Ѳ. Л. вообще посвящалъ много времени и труда; тутъ онъ былъ не дилетантъ, не ученикъ, а мастеръ. Цѣлый рядъ его рисунковъ заслуживалъ бы первой преміи на художественной выставкѣ; Ѳ. Л. особенно отличался умѣніемъ иллюстрировать; въ этомъ отношеніи надо отмѣтить, что ему принадлежитъ у насъ инціатива привившагося теперь особаго жанра рисунковъ-иллюстрацій акварелью къ сказкамъ, соединяющаго въ себѣ, при общей красивости, тонкость и извѣстную реальность, но въ дѣтскомъ, наивномъ ея пониманіи, соотвѣтствующемъ содержанію и формѣ сказочно-фантастической литературы, съ облагороженной манерою нашихъ прежнихъ лубочныхъ сказочныхъ мастеровъ. Изданы были изъ этихъ вещей Соллогуба лишь указанныя мною выше иллюстраціи къ сказкѣ Пушкина и къ стихамъ графа А. Толстого «Снѣсь». Но въ семейномъ архивѣ и у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, у С. Н. Глѣбовой, близкаго Ѳ. Л. покойнаго артиста-художника А. П. Ленскаго и другихъ, находятся еще подобные рисунки и иллюстраціи, въ томъ числѣ шуточныя къ стихотворенію «Великодушіе смягчаетъ всѣ сердца» графа Алексѣя Толстого и къ «Пророку» В. С. Соловьева:

«Угнетаемый насиліемъ
«Черни дикой и тупой

«Онъ питался сухожиліемъ
«И яичной скорлупой...» и т. д.

Много было дано эскизовъ гр. Соллогубомъ для декорацій частныхъ, а подъ конецъ его жизни и московскихъ Императорскихъ театровъ; въ особенности много сдѣлано рисунковъ костюмовъ для историческихъ и бытовыхъ пьесъ изъ прошлыхъ вѣковъ, а также фантастическихъ. Изъ нихъ особенно интересны рисунки Ѳ. Л., сдѣланные для постановки на сценѣ Малаго театра: «Макбета», «Зимней сказки» и «Звѣзды Севильи», поднесь хранящіеся въ архивѣ театра. Кромѣ талантливости, рисунки эти и все, что творилъ въ такомъ же направленіи Ѳ. Л., цѣнно исторической вѣрностью задуманной темѣ. Подлежавшая изображенію эпоха,— въ костюмахъ, вооруженіи, зданіяхъ, орнаментахъ, во всей обстановкѣ, давалась Ѳ. Л. строго вѣрной былой дѣйствительности. Графъ обладалъ въ этомъ отношеніи выдающейся эрудиціей.

Въ послѣдніе годы жизни Ѳ. Л. занялъ, по предложенію дирекціи, особую должность при московскихъ казенныхъ театрахъ, не существовавшую, насколько мнѣ извѣстно, ни до него, ни послѣ, — должность начальника художественной части. На его обязанности лежала забота о томъ, чтобы новыя постановки на обѣихъ нашихъ казенныхъ сценахъ отвѣчали художественной правдѣ декораціями, костюмами, всѣми аксессуарами, соотвѣтствовали бы изображаемой эпохѣ и содѣйствовали, совмѣстно и въ полномъ единеніи съ остальными факторами сценическаго представленія, задуманному авторомъ данной пьесы впечатлѣнію.

Эта должность была вполнѣ по силамъ Ѳ. Л. и онъ взялся горячо и основательно за любимое дѣло. Къ тому же времени относится наступленіе въ жизни Ѳ. Л. той зрѣлой эпохи, о которой я говорилъ раньше, когда разнообразныя «исканія» и увлеченія, отдалявшія его отъ надлежащаго пути, прекратились, и Ѳ. Л., сознавъ свои силы и

дѣйствительныя способности, вѣрно оцѣнилъ ихъ и, успокоенный и удовлетворенный, приступилъ къ серьезной творческой работѣ (и по отдѣлу словесности). Но именно въ это время, когда имъ обдумывались и создавались планы будущихъ работъ, послѣдовала его кончина. Она явилась неожиданно, ибо хотя здоровьве Ѳ. Л. было не крѣпкое, но ни что серьезное, казалось, въ то время не угрожало ему; схваченная имъ въ Карлсбадѣ, гдѣ онъ лечился отъ припадковъ болѣзни печени, простуда вызвала плевритъ, съ которымъ Ѳ. Л. не сумѣлъ справиться и запустилъ его, благодаря своей непрактичности въ личныхъ дѣлахъ и отсутствію заботы о себѣ (онъ былъ въ Карлсбадѣ одинъ). Этотъ плевритъ, привезенный имъ въ Россію, (въ Карлсбадѣ, захворавъ плевритомъ, Ѳ. Л. долго не шелъ къ доктору, боясь, что тотъ его уложитъ въ постель и не пуститъ въ Россію, куда онъ торопился), осложнившись экссудатомъ, быстро окончился смертью. Ѳ. Л. едва ли сознавалъ серьезность своего положенія и близость кончины. Онъ былъ очень слабъ, когда я его видѣлъ въ послѣдній разъ, но обрадовался моему пріѣзду (онъ хворалъ и умеръ въ своемъ имѣніи), не отпускалъ меня отъ своей постели, держа за руку, и хотя совсѣмъ слабымъ голосомъ, говорилъ о своихъ планахъ и надеждахъ. А черезъ день его уже не стало.

Блестящему поэтическому дарованію Ѳ. Л. не было суждено развиться, а также и художественному его творчеству былъ поставленъ судьбой предѣлъ въ тотъ моментъ, когда оно только что стало серьезнымъ и производительнымъ.

Ѳ. Л., какъ и всякій одаренный, живой и жизнерадостный человѣкъ, не могъ, конечно, не поддаваться, — особенно въ юные годы, — увлеченіямъ и не впадать въ ошибки. Но если онъ и причинялъ когда-либо боль близкимъ ему людямъ, — то невольно и эта боль отзывалась и на немъ самомъ: жизнь Ѳ. Л. прошла не безъ страданій. Умышленное зло было ему недоступно, а душевной кро-

тостью своей и добротой онъ, конечно, искупилъ грѣхи свои передъ людьми. Ихъ было всего больше предъ самимъ собой, предъ своимъ дарованіемъ; но и тутъ судьба, словно нарочно, сбивала его съ пути серьезнаго творчества, которому всецѣло ему слѣдовало бы отдаться.

Въ личныхъ воспоминаніяхъ моихъ о Ѳ. Л. нѣтъ ни одной тѣни. Удивительнымъ жизненнымъ тепломъ, молодой радостью жизни вѣетъ отъ этихъ воспоминаній. Оно и понятно: въ Соллогубѣ было нѣчто непередаваемо милое, обаятельное, пробуждавшее къ нему чувство любви. И не я одинъ чувствовалъ къ нему горячую привязанность, а много, очень много людей, и ни разу я не слышалъ злобнаго порицающаго отзыва о немъ... До сихъ поръ мысль о томъ, что Соллогуба нѣтъ въ живыхъ, возбуждаетъ острую боль и горькое чувство обиды.

Въ Спасскомъ.

Первыя мои дѣтскія воспоминанія, яркія, но отрывочныя, не связанныя въ цѣлое, рисующіяся мнѣ отдѣльными, внезапно обрывающимися, картинами и эпизодами — всѣ деревенскія. Часть дѣтства моего прошла въ Москвѣ, но вполнѣ «дома» я чувствовалъ себя лишь въ деревнѣ, городъ оставался все-таки чужимъ; дня зимой не проходило, чтобы я не мечталъ о деревнѣ, о нашей чудной усадьбѣ, гдѣ жизнь казалась воплощеніемъ земного счастія. Впрочемъ было нѣчто и въ городѣ, что манило къ себѣ властно и радостно волновало, — это театръ. Въ счастливый день, когда меня брали въ театръ, я съ утра выпрашивалъ билетъ на взятую ложу и близость его уже была мнѣ пріятна. А какое счастье было войти въ театральный коридоръ, ощутить запахъ духовъ, которыми курили въ театрѣ, а потомъ, добравшись до ложи, увидѣть Князя Пожарскаго, торжественно въѣзжающаго въ Москву, — занавѣсъ, на которомъ я изучилъ лица и фигуры всѣхъ изображенныхъ на немъ москвичей, — и наконецъ услышать возбуждающіе звуки настраиванія музыкантами своихъ инструментовъ!..

Прошло болѣе полвѣка; съ тѣхъ поръ все измѣнилось во мнѣ и вокругъ меня, но любовь къ нашей деревенской природѣ и къ театру осталась во мнѣ съ прежней силой...

Помню раннее утро, весною, въ Москвѣ. Меня будитъ няня Параша и отворяетъ форточку, откуда до моей кровати доносится свѣжій воздухъ и слышатся звуки пастушьяго рожка. Въ то время коровы москвичей съ весны гонялись

за городъ и пастухъ, заходя во дворы домовъ, давалъ о себѣ знать звуками рожка.

Сейчасъ ѣдемъ въ Спасское..

Я сижу въ большой дорожной каретѣ съ мамашей, сестрой, Камиль Ивановной и Парашей, на козлахъ Василій, а въ колясочкѣ, придѣланной къ задку кареты, помѣстились двѣ горничныя, — молодыя, веселыя, — онѣ вѣчно смѣются! Впереди насъ ѣдетъ четвероместный тарантасъ; тамъ старшіе братья, Авдотья Ивановна — горничная мамаши, и дворецкій Дмитрій Федоровичъ съ большой сумкой черезъ плечо, въ которой хранятся подорожная и деньги,— много мѣдныхъ денегъ и серебра для разсчета со станціонными смотрителями и для начаевъ ямщикамъ. Ѣдемъ тоскливо долго по тряскимъ улицамъ Москвы; но вотъ, наконецъ, застава, шлагбаумъ, и мы за городомъ. Тутъ совсѣмъ другой, свѣжій, упоительный воздухъ, уже самъ по себѣ бодрящій и веселящій, тутъ ужъ есть трава, деревья, чувствуется деревня.

До Рязани ѣдемъ четверней, такъ какъ дорога хорошая шоссейная и переѣзды между станціями короткіе. Станціонныя зданія — красныя съ бѣлымъ, красивыя, съ садиками. При спускахъ съ горы экипажъ нашъ тормозятъ, и мы выходимъ и спускаемся внизъ пѣшкомъ, я, конечно, бѣгомъ. Ѣдемъ быстро, — на станціяхъ вездѣ есть лошади. Въ Бронницахъ обѣдаемъ въ мѣстной гостиницѣ, въ которую входимъ по высокой деревянной лѣстницѣ, очень вонючей и грязной; за обѣдомъ котлеты съ черезчуръ сладкимъ горошкомъ. Все это весело, но вотъ и нѣчто страшное: переѣзжаемъ Оку. Сразу на мосткахъ вода, да и вообще ея что-то очень много вездѣ, и звукъ экипажа, и топотъ лошадей по мосту грозятъ чѣмъ-то плохимъ. Вѣтеръ тоже совсѣмъ особый, рѣзкій. Я для вѣрности закрываю глаза и прячусь за Парашу. Такъ много покойнѣе.

Въ Рязани, кажется, ночуемъ въ гостиницѣ Варварина. Все, что помню о Рязани — это грязную площадь и на ней каменные торговые ряды.

Теперь ѣдемъ по грунтовой дорогѣ. Это гораздо веселѣе. Тутъ ужъ отъ города и слѣда не осталось. Но ѣдемъ шестерикомъ, съ форейторомъ-мальчикомъ, звонко покрикивающимъ на лошадей. Всѣ ямщики веселые, красивые, на всѣхъ низкія шляпы съ бляхой, на которой изображенъ орелъ, а у кого и съ перьями и лентами. Одинъ ямщикъ великолѣпно поетъ, за что получаетъ данный мнѣ мамашей двугривенный. Въ селахъ я бросаю бѣгущимъ у дверокъ кареты крестьянскимъ дѣтямъ пряники (жамки) и вколотыя въ бумажку булавки. Въ нашей каретѣ есть всевозможныя приспособленія: наверху въ сѣткѣ качаются шляпы и легкія вещи, а съ боковъ открываются шкапчики съ полками, гдѣ множество пріятныхъ мелочей, — питье, лакомства; все это быстро достается, когда нужно, Парашей.

Сладко подъ раскачиванье кареты дремлется и даже спится, завалившись за спину Параши.

На ночь останавливаемся на какой-то станціи. Внутри душно и стоитъ непріятный запахъ; говорятъ, диванъ въ станціонной комнатѣ полонъ клоповъ; мамаша остается въ каретѣ, а намъ на полу кладутся набиваемые тутъ же сѣномъ большіе мѣшки, вѣрнѣе чехлы, взятые для этого съ собой; но еще до спанья мы ужинаемъ; откуда-то явившійся нашъ поваренокъ Ваня готовитъ великолѣпную яичницу, а изъ дорожнаго ларца, обитаго снаружи какой-то щетинистой кожей, вынимается столовая и чайная посуда, ложки, ножи и вилки, чай, сахаръ, лимонъ, достается взятая съ собой холодная, завернутая въ синюю сахарную бумагу, курица. Все это замѣчательно вкусно.

Утромъ меня будятъ что-то ужъ очень рано; солнце, кажется, еще не вставало, все кругомъ какое-то сѣрое, и Параша, наскоро убирая мое ложе, ворчитъ и видимо сердита. На воздухѣ свѣжо; сѣвъ въ карету, я немедленно засыпаю, а когда просыпаюсь, — то уже свѣтло, солнечно, даже жарко; пыль врывается къ намъ въ окна и подолгу остается въ каретѣ, при чемъ сестра и Камиль Ивановна, гувернант-

ка сестры, дама съ громаднымъ носомъ, смѣшно отъ нея отмахиваются и даже чихаютъ.

На большой дорогѣ, по обѣимъ ея сторонамъ, на валахъ стоятъ ветлы, то большія, еще крѣпкія, то низкія, обломанныя, совсѣмъ даже исковерканныя. Считаю верстовые столбы, теперь, съ тѣхъ поръ какъ мы съѣхали съ шоссе, уже не такіе чистенькіе и прямые, но всѣ выкрашенные въ три цвѣта.

Гроза. Сначала отдаленные раскаты грома, а вотъ теперь, тотчасъ послѣ бѣлаго блеска молніи, страшный ударъ; мамаша и Параша крестятся и спѣшатъ закрыть окошки; одно не поднимается, приходится останавливаться и звать Василія. Ударъ грома еще сильнѣе, и тутъ сразу все зашумѣло, по верху кареты такъ забарабанило, что я, не боявшійся пока, совсѣмъ струсилъ; дождь бьетъ въ окно съ такой силой, что брызги мочатъ насъ и въ каретѣ, мамаша велитъ остановиться: въ грозу опасно ѣхать. Изъ-за дождя ничего не видно и не слышно.

Удары грома стали тише. Ѣдемъ дальше.

Грязь. Идетъ дождикъ. Селами совсѣмъ плохо ѣхать отъ грязи. Мамаша боится, что мы застрянемъ, ямщики и форейторы все время кричатъ, помогая лошадямъ. Окна кареты закрыты и въ ней душно и скучно; оконныя стекла забрызганы грязью и по нимъ стекаютъ мутные ручейки отъ дождя. Карета ползетъ на косогорѣ въ бокъ; мамаша держится за ленту отъ окна и очень боится.

Въѣзжаемъ на гать. Это подъ Ряжскомъ. Нескончаемая, ужасная гать! Двигаемся только шагомъ, карета раскачивается во всѣ стороны и задѣваетъ землю подножками, колеи глубокія какъ рвы. А то была бревенчатая мостовая— та еще хуже! Высокій мостъ, — говорятъ опасный, въѣзжаемъ на него, словно на гору. Проѣхали! Но страхъ не проходитъ; темнѣетъ, а гать все тянется. Еще мостъ!

Няня разсказываетъ, что въ этой рѣчкѣ, весной, въ распутицу утонулъ князь Голицынъ. Мамаша все чаще крестится. Съѣхали съ гати, но совсѣмъ темно и страшно.

Говорятъ, здѣсь «пошаливаютъ», недавно срѣзали чемоданъ, привязанный къ задку тарантаса.

Оврагъ. Говоримъ Василью въ переднее окошко, чтобы онъ подогналъ ямщика...

Крикъ... Карета сразу останавливается. Василій прыгаетъ съ козелъ; кажется, и Камиль Ивановна крестится. Разбойники? Нѣтъ, упала лошадь подъ форейторомъ... Мамаша плачетъ. Мальчикъ разбился? Слава Богу, нѣтъ, и лошадь цѣла.

Наконецъ Ряжскъ. Тутъ опять ночевка.

Гдѣ-то долго сидимъ на станціи: нѣтъ лошадей. Василій и Дмитрій Федоровичъ торгуются съ «вольными». Тронулись, но вотъ опять остановка: шина на колесѣ лопнула, да и дышло, говорятъ ямщики, надломилось. А тарантасъ съ братьями укатилъ впередъ. Счастливые! Колесо снимаютъ при помощи козелъ съ рычагомъ, которымъ поднимаютъ карету, когда смазываютъ колеса саломъ. Кузнецъ гонитъ колесо по улицѣ легко одной рукой, словно серсо. Дышло перевязали веревками, ямщики увѣряютъ, что дойдетъ, что такъ оно даже крѣпче.

Конечно дойдетъ, только бы ѣхать скорѣе!

Тронулись... Станція «Челнавскіе дворики». Какъ хорошо! Вѣдь Челновая — это наша собственная рѣка, она у насъ въ саду течетъ. Тутъ и почтовыя лошади лучше, тоже въ родѣ своихъ, — Комсинскія!

Въѣзжаемъ въ Тамбовъ. Длинная улица съ садиками. Остановились въ маленькомъ бѣломъ домѣ (онъ нашъ). Насъ встрѣчаетъ Егоръ Фроловичъ — управляющій. Зачѣмъ-то пьемъ чай. Только проволочка!

Поѣхали. Остановка... Ахъ, это Петръ Яковлевичъ на какихъ-то особыхъ длинныхъ бѣговыхъ дрожкахъ. Онъ пріѣхалъ къ намъ навстрѣчу, что бы показать купленную имъ небольшую усадебку какъ разъ на большой дорогѣ; Петру Яковлевичу, я, конечно, радъ, но все-таки надо спѣшить.

Вотъ, наконецъ, Перкино... Всего девять верстъ осталось!

Мѣнять лошадей? Нашъ ямщикъ, говоритъ: «И такъ довезу», но Перкинскіе не хотятъ допустить.

Перепрягли. Дорога гладкая, летимъ чуть ли не все время вскачь. Мамаша то-и-дѣло кричитъ въ окошко: «тише, тише»!.. Но это не помогаетъ, удержать насъ нельзя. Всѣ мы стремимся впередъ, у всѣхъ загорѣлось сердце; мамаша ворчитъ, а сама радостно улыбается, Василій съ козелъ оборачивается ко мнѣ и весело подмигиваетъ, ямщики лихо посвистываютъ...

Налѣво видны крыши, — это хуторъ. Вотъ кирпичный мостикъ черезъ рытвину, — это нашъ мостъ, папаша строилъ. Вотъ Семикино—а вотъ и Спасское!

Широкая, длинная улица, по обѣимъ сторонамъ большія крѣпкія избы; мужики, бабы и ребятишки всѣ останавливаются и низко, въ поясъ, кланяются... Вотъ церковь. Мамаша и Параша крестятся,—у церкви похоронены свои; за церковью кирпичная ограда Софьина сада, направо скотный дворъ, налѣво конный дворъ, больница!.. Въѣзжаемъ во дворъ, мимо конторы и кустовъ цвѣтущей сирени. Лужайка, окаймленная бѣлыми столбиками, а вотъ и домъ!

На крыльцѣ наши, а у крыльца дворовые, особенно много женщинъ. Меня вынимаютъ и цѣлуютъ какія-то старухи, я ихъ тоже цѣлую.

«Ишъ, какъ выросъ, молодцомъ сталъ!»

Вотъ Мавра Андреевна, Елизавета Артемьевна, Варвара, Груша (я ей привезъ снятую съ конфетки вѣтку красной смородины въ родѣ брошки), Сидоръ, Леонтій Ивановичъ, а вотъ и мой Григорій Ефимовичъ! Всѣ они, — кто цѣлуетъ ручку, кто такъ цѣлуетъ, всѣмъ весело... А мнѣ-то! Господи! Я ихъ всѣхъ такъ люблю...

Вырвался и, сломя голову, бѣгу коридоромъ, черезъ гостиную и цвѣточный балконъ, въ садъ и къ дѣтскимъ куртинамъ, въ «свой садъ», а потомъ на рѣку... Она тутъ же въ саду; вотъ бесѣдка, гротъ, купальня, вотъ обѣ шлюпки у пристани... а тамъ ужъ ничего больше не помню про этотъ день.

Просыпаюсь, и сперва не сознаю гдѣ я. Въ небольшой комнатѣ темновато, но вотъ понемногу вспоминаю все и узнаю свою комнату съ маленькимъ собственнымъ шкапчикомъ. Параша, услышавъ, что я вожусь, раскрыла ставни и подняла кверху нижнюю раму окна, подставивъ подъ нея рамку съ сѣткой изъ марли отъ комаровъ и мухъ, и ко мнѣ въ комнату врывается вся прелесть весенняго деревенскаго утра: дивный, пахнущій цвѣтами, воздухъ быстро наполняетъ комнату, о сѣтку окна бьется, сіяющая подъ лучами солнца, бѣлая бабочка, видна качающаяся отъ вѣтерка вѣтка стоящаго на цвѣточномъ балконѣ у самаго окна какого-то растенія, и слышится совсѣмъ близко чириканье воробьевъ, щебетанье других птицъ, громкое перекликанье иволгъ и курлыканье горленки.

Лѣто проносится быстро, быстро, ничѣмъ его не удержишь. А какъ бы хотѣлось! Цѣлый день, за исключеніемъ недолгаго, но удивительно скучнаго, ученья съ Егоромъ Яковлевичемъ, сплошное наслажденье. Хлопоты въ своемъ саду, при помощи садовыхъ мальчиковъ,—большихъ моихъ друзей, по разбивкѣ грядъ и клумбъ, и посадкѣ овощей и цвѣтовъ, купанье въ рѣкѣ, до того увлекательное, что изъ воды меня прямо насильно вытаскиваютъ, ловля съ доски, съ которой черпаютъ изъ рѣки воду, раковъ, а на мельницѣ рыбы на удочку, охота за бабочками, лѣсъ, а въ немъ ягоды, грибы, орѣхи; катанье на лодкѣ, поѣздки въ боръ, чай въ «котлѣ»... Всего не перескажешь.

У насъ двѣ шлюпки, одна большая на четырехъ гребцовъ. Бѣгу къ ней, ужъ все готово: лодка стоитъ у самой пристани бокомъ, гребцы—портные Акимъ и Яковъ Спиридоновичъ, маляръ Константинъ и еще кто-то изъ молодыхъ дворовыхъ, въ красныхъ кумачевыхъ рубашкахъ, плисовыхъ шароварахъ и высокихъ поярковыхъ шляпахъ съ павлиньими перьями,—сидятъ съ веслами на своихъ мѣстахъ, а мельникъ Аѳанасій на рулѣ. Дно лодки покрыто ковромъ.

Идутъ и старшіе и меня пускаютъ на носъ лодки.

Какъ красива наша Челновая! Плывемъ вдоль сада, мимо купальни, плота, садка, кузницы, выше которой видны

флигель и другія постройки; а съ той стороны луга, съ которыхъ до насъ долетаетъароматъ травы и цвѣтовъ. Теперь ужъ слѣва, послѣ огородовъ дворовыхъ, подошелъ къ рѣкѣ молодой лѣсъ; вотъ заливы «Долгій» и «Широкій», густо поросшіе у береговъ камышомъ и кугой съ держащимися на водѣ водяными лиліями и купавками; заливы окаймлены съ обѣихъ сторонъ ольхами и дубами; пристаемъ къ низкому берегу и спускаемся съ лодки по сходнѣ.

Тропинка идетъ по березняку, но вотъ и боръ, гдѣ ужъ однѣ сосны, да такія высокія, что вершину разглядишь только совсѣмъ запрокинувъ голову; на иныхъ вершинахъ сидятъ въ гнѣздахъ цапли: идти тутъ очень пріятно и мягко, земля, покрытая мхомъ, да кое-гдѣ кустиками костеники, черники и брусники, сплошь засыпана старыми пожелтѣвшими сосновыми иглами; по всему бору стоитъ крѣпкій запахъ сосны. «Котелъ», до котораго мы добрались,—это неглубокая, но просторная котловина, очищенная отъ иглъ, сучьевъ и травы; тутъ сосны особенно могучи и стоятъ рѣже; на одномъ изъ подъемовъ котла разложены ковры и подушки, а невдалекѣ у края, наши люди хлопочутъ около кипящаго самовара и телѣги, изъ которой вынимаютъ корзины съ пустой посудой и разными припасами. Но сколько тутъ комаровъ,—нельзя отбиться отъ нихъ! Намъ, дѣтямъ, разрѣшаютъ развести костеръ; быстро натаскиваемъ сухихъ сучьевъ и вѣтокъ, костеръ уже пылаетъ, а мы въ него кидаемъ, для того, чтобы онъ больше дымилъ, свѣжіе сосновые сучки: дымъ помогаетъ отъ комаровъ. Въ бору еще тѣмъ хорошо, что на землѣ валяется пропасть сухихъ сосновыхъ шишекъ, которыми чудесно кидаться другъ въ друга. А рядомъ съ котломъ,—только выйти на опушку,—«Кузнецова поляна» съ чудеснымъ видомъ на луга, Челновую и Арбатскій лѣсъ. Возвращаемся по рѣкѣ домой уже совсѣмъ вечеромъ; чувствуется сырость; съ береговъ поднимается туманъ, онъ стелется также по лугу въ низкихъ мѣстахъ; подъѣзжаемъ къ пристани, когда уже совсѣмъ темно и мамаша дома уже безпокоится...

Эти обрывки воспоминаній ранняго дѣтства относятся еще ко времени крѣпостного права, мрачную сторону котораго я не могъ, конечно, ощущать. Зависѣло это, быть-можетъ, и отъ того, что нашимъ людямъ, какъ крестьянамъ, такъ и дворовымъ, жилось недурно, и наиболѣе тяжелое въ крѣпостничествѣ миновало ихъ, благодаря тому, что отецъ мой былъ человѣкъ гуманный, и самъ мечталъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, подготовляя у себя наступленіе уже ожидавшейся реформы. Отецъ не дожилъ до 19 февраля, но во многомъ, благодаря ему, реформа ввелась у насъ безъ какихъ-либо осложненій или даже недоразумѣній. Вскорѣ же послѣ 19 февраля крестьяне по нашему предложенію вышли на обязательный выкупъ, оставшись довольны отведенной надѣльной землей, а дворовые получили и раздѣлили между собой небольшой участокъ земли у села, на которомъ иные изъ нихъ построились и поселились. Но громадное большинство осталось въ первые годы на нашей усадьбѣ, въ тѣхъ же помѣщеніяхъ, гдѣ они жили и раньше. Старики и старухи такъ тамъ и дожили свой вѣкъ, а болѣе молодые разошлись постепенно по разнымъ угламъ Россіи.

Благодаря давно установившимся хорошимъ, довѣрчивымъ отношеніямъ съ крестьянами и тому, что старики дворовые всѣ, а изъ молодыхъ многіе остались у насъ на усадьбѣ, при чемъ первоначально штатъ служащихъ не былъ сокращенъ, внѣшняя картина помѣщичьей усадебной жизни даже не измѣнилась. Эта усадебная жизнь въ крупномъ помѣстьѣ, какимъ было до раздѣла и дробленія наше Спасское, представляла оригинальную картину. Усадьба жила самостоятельно, почти не нуждаясь въ городѣ и доставляя собственникамъ ея все нужное для обихода семьи. Она была крупно населена: два флигеля, контора и при ней квартира управляющаго, больница, аптека, людская съ жилыми помѣщеніями, столярная съ токарней, слесарная, кузница, оранжереи съ теплицей, скотный дворъ, конный дворъ и масса холостыхъ построекъ, какъ-то сараи, кладовыя. Почти на самой усадьбѣ, сейчасъ за садомъ, стояла большая мельница,

окруженная своими постройками, жилыми и нежилыми. И все это было полно. Мастерскія обслуживались своими людьми, многіе изъ которыхъ обучались еще мальчиками въ Москвѣ, и были, какъ, напримѣръ, токарь Ивушка и садовникъ Іонъ Павловичъ, не только мастерами своего дѣла, но прямо талантливыми людьми. У насъ остались еще свои поваръ, портной, сапожникъ,—онъ же шорникъ, хлѣбникъ, маляръ, печникъ, фельдшеръ, школьный учитель и настройщикъ древній старикъ Захаръ Конычъ, игравшій нѣкогда на флейтѣ въ существовавшемъ при прадѣдѣ домашнемъ оркестрѣ. Всѣ они, а также мельникъ съ засыпками, кучера съ конюхами, писарь въ конторѣ, староста, дворецкій, объѣздчики, простые рабочіе были свои, бывшіе дворовые.

Огородъ и садъ съ оранжереями и грунтовыми сараями давали настолько овощей и плодовъ, сохранявшихся въ сыромъ, консервированномъ и сушеномъ видѣ, что ихъ хватало на цѣлый годъ. Молочные продукты, мука, крупа, яйца, дичь, живность, а частью и мясо, всевозможныя соленья, моченья, заготовки, варенья, сиропы, разнообразныя лакомства, шипучки, квасъ, медъ,—все это было свое, непокупное. При поломкѣ мебели, экипажей, сельскохозяйственныхъ орудій обходились тоже своими мастерами, и лишь такіе предметы, какъ книги, журналы, газеты, освѣтительные матеріалы, вина, колоніальные и галантерейные товары и предметы роскоши и моды приходили къ намъ извнѣ, изъ Москвы.

Разъ или два въ году, обычно зимой, пріѣзжалъ одинъ и тотъ же торговецъ, кажется, Гусевъ, съ цѣлымъ обозомъ самыхъ разнообразныхъ товаровъ,—своего рода амбулаторный «Мюръ и Мерилизъ», ежегодно объѣзжавшій усадьбы помѣщиковъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ. У него было рѣшительно все нужное въ деревнѣ, удаленной отъ города, начиная съ дорогихъ матерій, суконъ, мѣховъ и кончая ванилью, макаронами, духами, почтовой и писчей бумагой. Покупали у него сперва господа рублей на 600 и больше, а потомъ наступалъ чередъ дворни и прислуги, для которыхъ у Гусева тоже былъ не малый запасъ товара. Былъ еще торговецъ,

именовавшійся «Четвергомъ», потому что онъ наѣзжалъ въ Спасское еженедѣльно по четвергамъ, останавливавшійся и раскладывавшій свой скромный мелочной товаръ въ одномъ изъ незанятыхъ помѣщеній въ концѣ усадьбы. Заѣзжали и заходили случайные торговцы и книгоноши, венгерцы и даже странствующіе артисты, но эти уже рѣдко.

Изъ нихъ помню одного почтеннаго на видъ крестьянина безъ какихъ-либо внѣшнихъ признаковъ городского обихода, представлявшаго съ удивительнымъ совершенствомъ, при помощи самодѣльныхъ дудочекъ и другихъ инструментовъ, пѣніе и крики всѣхъ птицъ, населяющихъ лѣтомъ центральную полосу Россіи, и показывавшаго очень недурно тоже имъ самимъ надуманные фокусы. Лѣтомъ очень часто на усадьбѣ появлялись медвѣди съ ихъ вожаками, иногда русскими, чаще же татарами, и давалось обычное въ тѣ годы представленіе, при которомъ медвѣдь показывалъ, «какъ мужикъ идетъ на барщину», «какъ ребята горохъ воруютъ», «какъ бабы отказываются отъ работы изъ-за головной боли», кувыркался, иногда боролся съ вожакомъ, плясалъ при непремѣнномъ участіи, щипавшей его деревяннымъ клювомъ, «козы» и съ удовольствіемъ пилъ водку, которую ему изъ стакана вплескивали въ открытую пасть. Плясъ медвѣдя и «козы» шелъ подъ пѣніе вожаковъ и аккомпанементъ барабана. Татары пѣли всегда одну и ту же пѣснь на мотивъ: «Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ», но съ особыми своими куплетами и чудны́ми удареніями. Припоминаю такой достаточно странный куплетъ:

«Мнѣ не можно къ обѣднѣ ходить,
Мнѣ не можно Богу молиться
Ай жги, гибери, гибери...»

Еще чаще заходили юродивые самыхъ разнообразныхъ типовъ; одинъ изъ нихъ, появлявшійся ежегодно лѣтомъ, служилъ на крыльцѣ нашего дома очень своеобразную обѣдню, какъ онъ это называлъ, отдаленно напоминавшую временами церковныя молитвы и пѣснопѣнія. Начиналась

его «служба» буквально такъ: «Ай люлю, славъ-ти божу». Помню фразу, возглашавшуюся имъ съ особымъ азартомъ: «Вершитель бо — содержитель нашъ»; а кончалъ онъ свое пѣніе такимъ, много разъ повторяемымъ, выкрикомъ: «Многно ли мно лѣта! Многно ли мно лѣта!»

Мимо нашей усадьбы (она стояла на большой дорогѣ), это было во время Крымской кампаніи, шли и имѣли у насъ дневку ополченцы, направлявшіеся въ Севастополь. Въ памяти моей до сихъ поръ сохранились отрывки текста и мотивовъ исполнявшихся ими пѣсенъ. Одна начиналась такъ:

«Бьютъ походъ, трубятъ тревогу,
Къ Севастополю идемъ.
Помолясь усердно Богу,
Англичанина побьемъ,
И французу на придачу
Таску славную дадимъ»...

Вотъ отрывокъ другой пѣсни:

«Течетъ Дунай быстра рѣчка,
Она не водою.
Рай, рай, рай-рай-рай,
Она не водою»...

Буфетчикъ у насъ тогда былъ дворовый Ананій, и мнѣ казалось, что ратники поютъ тутъ о немъ, такъ какъ выходило, что течетъ рѣчка «Ананій водою».

Въ то время семья наша проводила въ Спасскомъ только лѣто, а на зиму мы переѣзжали въ Москву, но съ 1861 года и вплоть до осени 1865 года часть семьи, а въ томъ числѣ и я, оставались въ деревнѣ и зимою. Я не былъ въ гимназіи и подготовлялся къ университету дома подъ руководствомъ гувернера-нѣмца Herr Strege, Эрнеста Эрнестовича. Это былъ рѣдкій во многихъ отношеніяхъ человѣкъ: глубоко образованный, филологъ по спеціальности, онъ обладалъ

серьезными познаніями и по другимъ отдѣламъ науки, являя изъ себя ученаго энциклопедиста, слабаго лишь въ математикѣ. При этомъ онъ былъ идеалистъ чистѣйшей воды, добродушный, безкорыстный, живой и жизнерадостный. Не разъ мнѣ приходилось, неумышленно, конечно, доводить его до полнаго отчаянія, даже горькихъ слезъ, какою-нибудь нелѣпой шалостью, всего же чаще обнаруженнымъ мною плохимъ знаніемъ уже пройденнаго съ нимъ предмета. Эрнестъ Эрнестовичъ былъ неутомимъ въ работѣ и вѣчно сидѣлъ за книгами, на выписку которыхъ тратилъ большую часть получаемаго жалованья. Помню, что въ числѣ многихъ сентенцій, начертанныхъ имъ крупнѣйшими буквами на полулистахъ картонной бумаги, развѣшенныхъ по стѣнамъ его комнаты, между фотографіями и картинами, была одна такого содержанія: Lange Weil und Müssiggang,—ist des Teüfels Ruhebank.

Изучивъ основательно русскій языкъ, на которомъ онъ, однако, говорилъ съ жестокимъ акцентомъ и неправильно, (онъ часто повторялъ, говоря по-русски, «будемъ посмотрумъ») онъ очень увлекся русской литературой и перевелъ на нѣмецкій языкъ всего Тургенева, много изъ Григоровича, Гончарова, Гоголя, а впослѣдствіи Толстого. Переводы его вышли въ свое время въ Германіи. Штренге писалъ по-нѣмецки новеллы и драматическія произведенія или юмористическія, или ультра-чувствительныя. Двѣ или три изъ его пьесъ мы даже разыграли въ Спасскомъ на домашней сценѣ. Писалъ онъ тоже стихи, а въ дни именинъ и по другимъ торжественнымъ случаямъ подносилъ знакомымъ дамамъ акростихи, или элегантныя изданія нѣмецкихъ поэтовъ съ собственнымъ стихотворнымъ обращеніемъ къ одаряемой. Онъ былъ чрезвычайно чувствителенъ и влюбчивъ и не могъ видѣть ни одной дамы моложе пятидесяти лѣтъ безъ того, чтобы немедленно же не отдать ей свое сердце, совершенно безразлично относясь къ тому, красива или дурна эта дама. Влюбленность свою онъ выражалъ, впрочемъ, только тѣмъ, что писалъ «ей» стихи не только по-нѣмецки, но даже по-фран-

цузски, какъ онъ добросовѣстно думалъ, но въ чемъ усомнился бы всякій, основательно знающій этотъ языкъ. Родомъ Эрнестъ Эрнестовичъ былъ изъ Эйзенаха и терпѣть не могъ пруссаковъ и Бисмарка, нѣсколько помирившись съ ними, какъ впрочемъ рѣшительно всѣ нѣмцы, послѣ франко-прусской войны и возникновенія могущественной Германской имперіи. Гораздо позднѣе, когда я жилъ въ Тулѣ, занимая должность прокурора, Штренге провелъ у меня двѣ зимы, давая въ это время уроки нѣмецкаго языка и латыни сыновьямъ Льва Николаевича Толстого, для чего два раза въ недѣлю ѣздилъ въ недалекую Ясную Поляну на посылавшихся за нимъ лошадяхъ. Помню, что Левъ Николаевичъ очень доброжелательно относился къ нему. Скончался Штренге уже въ дряхломъ возрастѣ въ Германіи, куда онъ переселился по приглашенію родственниковъ, но гдѣ не нашелъ ожидавшагося имъ благополучія. Онъ, долго живя въ Россіи, слишкомъ втянулся въ нашу жизнь, и въ Германіи почувствовалъ себя чужимъ и заскучалъ; въ письмахъ ко мнѣ онъ постоянно жаловался на скудость, филистерство и убійственную мелочность нѣмецкой жизни, вѣрнѣе жизни того круга, въ который попалъ, и собирался вернуться въ Россію. Но болѣзнь и старческая слабость помѣшали ему въ этомъ.

Благодаря долгому и близкому общенію съ хорошо образованнымъ германцемъ, не чуждымъ писательству, изъ меня получился ко времени поступленія въ университетъ совершенный нѣмецъ, знавшій наизусть множество стиховъ Гейне, увлекавшійся Гёте, Шиллеромъ, Уландомъ, гораздо болѣе вообще знакомый съ нѣмецкой литературой, чѣмъ съ русской. Въ усвоеніи «русскаго» и другихъ наукъ, которымъ былъ чуждъ Штренге, мнѣ помогалъ нашъ деревенскій священникъ, человѣкъ еще молодой и достаточно развитой, а также нѣсколько учителей Тамбовской гимназіи, къ которымъ я ѣздилъ (за 50 верстъ) отъ времени до времени для повѣрки пройденнаго мною дома.

Въ тѣ же годы я часто встрѣчался съ двумя иностранцами, заслуживающими упоминанія. Одинъ изъ нихъ, дат-

чанинъ Вильгельмъ Францевичъ Стрибольтъ, былъ учителемъ рисованія и чистописанія въ городскомъ училищѣ въ Моршанскѣ, отстоящемъ отъ Спасскаго въ 30 верстахъ, и часть лѣта проводилъ всегда у насъ, пріѣзжая и зимой по праздникамъ. Какъ Стрибольтъ попалъ изъ Даніи въ Моршанскъ, не знаю, но сношенія его съ нашей семьей начались по поводу уроковъ рисованія, которые онъ давалъ лѣтомъ братьямъ. Онъ тоже хотя и бѣгло, но плохо говорилъ по-русски и еще больше чѣмъ Штренге былъ идеалистомъ, человѣкомъ въ высшей степени сантиментальнымъ и влюбчивымъ. Наружностью Вильгельмъ Францевичъ обладалъ неподходящей для влюбленнаго романтика: онъ былъ высокъ ростомъ, худъ, лысъ, имѣлъ оловяннаго вида глаза, синеватаго цвѣта большой носъ, усы и бороду брилъ, оставляя бакенбарды, казавшіяся неумѣстными и словно приклееными къ его худому лицу; передъ тѣмъ какъ заговорить, онъ долго жевалъ губами. Стрибольтъ былъ холостъ и въ глубинѣ сердца всю жизнь хранилъ, подобно извѣстному по Кузьмѣ Пруткову рыцарю Гринвальусу, возвышенную любовь къ одной дамѣ, да и въ остальныхъ своихъ, даже временныхъ, увлеченіяхъ придерживался чувству, именуемому платоническимъ. Трудно было, взглянувъ на Стрибольта, повѣрить, что онъ былъ носителемъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ, — такимъ онъ казался сухимъ, строгимъ, холоднымъ,— но онъ и не расточалъ своихъ нѣжныхъ чувствъ и проявлялъ ихъ или въ уединенной бесѣдѣ съ дамой сердца, гдѣ-либо въ саду, при свѣтѣ луны, или при самыхъ близкихъ людяхъ и когда брался за гитару, при чемъ пѣлъ подъ ея аккомпанементъ датскіе романсы и пѣсни до того печальные и столь унылымъ голосомъ, что самъ не выдерживалъ своего пѣнія и плакалъ. Бо́льшей аккуратности, умѣренности (онъ совсѣмъ не пилъ вина, а если и ѣлъ, то очень мало), чистоплотности и любви къ порядку, чѣмъ было у Стрибольта, нельзя себѣ представить. Эти его свойства особенно рѣзко бросались въ глаза въ Моршанскѣ, городѣ, въ которомъ на улицахъ и площадяхъ

всегда царила грязь, весною и осенью даже проѣхать было трудно, а разъ пѣшеходъ, возвращаясь изъ трактира, упалъ въ лужу и, будучи не въ силахъ выбраться изъ нея, утонулъ, захлебнувшись грязью, и гдѣ жители не безъ ироніи относились къ потребности въ чистотѣ и къ антипатіи къ животнымъ въ родѣ клоповъ и тараканковъ, да и вообще являли изъ себя полную противоположность перечисленнымъ свойствамъ Вильгельма Францевича. Однако онъ не унывалъ въ Моршанскѣ и даже превратился со временемъ въ мѣстнаго общественнаго дѣятеля, ставъ директоромъ-распорядителемъ Моршанскаго клуба. Онъ завелъ тамъ, не безъ борьбы, конечно, порядокъ, чистоту и благочиніе. Ему удалось даже довести клубъ до совершенства: тамъ одно время былъ свой хорошій оркестръ, создавшійся изъ обломковъ домашняго оркестра разорившагося помѣщика Ліона, устраивались спектакли и балы, а драки и скандалы учинялись лишь изрѣдка. Получая крошечное жалованье, Стриболтъ сумѣлъ скопить капиталъ въ 400, кажется, рублей и на эти деньги осуществилъ годами лелѣянную мечту, совершивъ заграничное путешествіе, при чемъ объѣхалъ всю Европу, не истративъ даже всего этого капитала. Подъ конецъ жизни Стриболтъ расцвѣлъ въ матеріальномъ отношеніи, получивъ хорошо оплачиваемое мѣсто кассира на дошедшей и до Моршанска желѣзной дорогѣ.

Полной противоположностью Стриболта былъ нѣмецъ, родомъ изъ Берлина, Федоръ Богдановичъ Гравертъ, человѣкъ выдающейся талантливости, къ несчастью не сумѣвшій въ свое время остановиться на одной какой-нибудь спеціальности, а потому разбросавшійся и не пошедшій дальше дилетантства. Онъ былъ, какъ говорятъ нѣмцы, ein Tausendkünstler, музыкантъ-композиторъ, живописецъ, садовникъ, механикъ, столяръ, игрушечныхъ дѣлъ мастеръ, часовщикъ, при этомъ отличный стрѣлокъ, наѣздникъ и т. д. Въ Россію Гравертъ пріѣхалъ въ качествѣ учителя музыки, и сношенія нашей семьи съ нимъ возникли на этой именно почвѣ. Онъ тогда жилъ въ сосѣднемъ съ нами большомъ имѣніи

княгини Т. П. Голицыной, рожденной Любомирской, знаменитой въ свое время красавицы, описанной Вигелемъ въ его воспоминаніяхъ, но ѣздилъ постоянно къ намъ, и даже одно или два лѣта провелъ въ Спасскомъ. Позднѣе онъ поселился опять въ Сосновкѣ, но уже не у Голицыныхъ, а на усадьбѣ П. Д. Прокунина, собственника купороснаго завода, расположеннаго при томъ же селѣ. Федоръ Богдановичъ, будучи учителемъ музыки на фортепіано, игралъ, однако, кажется на всѣхъ существующихъ музыкальныхъ инструментахъ; имъ было сочинено и, если не ошибаюсь, издано нѣсколько легкихъ фортепіанныхъ вещей въ родѣ вальсовъ и маршевъ, а кромѣ того, была написана и оркестрована большая опера на сюжетъ только что появившагося тогда въ печати «Князя Серебрянаго» графа Толстого. Партитура этой, несомнѣнно, интересной въ музыкальномъ отношеніи оперы хранится и теперь въ семьѣ родственниковъ супруги Граверта, русской по происхожденію. Поставить свою оперу на сценѣ Ф. Б. не удалось; ее было необходимо переработать, особливо въ отношеніи оркестровки, т. к. въ ней оказалось не мало крупныхъ промаховъ и ошибокъ техническаго характера, зависѣвшихъ отъ недостаточной подготовки автора къ музыкальному творчеству; но въ произведеніи этомъ есть прекрасныя мелодичныя мѣста и сказалась выдающаяся талантливость Граверта. Талантливость эта проявлялась рѣшительно во всемъ; не было, казалось, вещи, которой не могъ бы сдѣлать Гравертъ; онъ не только писалъ масляными красками очень недурныя картины, но самъ дѣлалъ къ нимъ изящныя и оригинальныя рамы, изобрѣлъ особый способъ отдѣлки художественной мебели, и сооружалъ собственноручно великолѣпныя механическія и другія игрушки. При этомъ Ф. Б. обладалъ веселымъ, общительнымъ характеромъ и умѣлъ довольствоваться условіями жизни, въ которыя его поставила судьба. Большую часть жизни онъ провелъ въ деревнѣ, въ Сосновкѣ, въ гостепріимномъ домѣ П. Д. Прокунина, на сестрѣ котораго былъ женатъ, и благодаря этому совершенно обру-

сѣлъ, не чувствуя ни малѣйшаго тяготѣнія къ нѣмецкой родинѣ.

На нашей усадьбѣ жилъ еще человѣкъ оригинальнаго склада — докторъ Петръ Яковлевичъ Майоръ, нѣмецъ, но лишь по происхожденію; онъ окончилъ курсъ медицинскаго факультета въ Московскомъ университетѣ въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, вскорѣ по выходѣ изъ университета, онъ пріѣхалъ, по приглашенію отца, въ Спасское въ качествѣ домашняго врача, да такъ и прожилъ всю свою жизнь до глубокой старости въ нашей семьѣ, оставаясь въ деревнѣ даже въ тѣ годы, когда мы на зиму переѣзжали въ Москву. Подъ конецъ жизни Майоръ перебрался въ Тамбовъ, гдѣ и скончался въ семидесятыхъ годахъ.

Вообще у насъ въ Спасскомъ не только лѣтомъ, когда и главный домъ, и флигеля наполнялись пріѣзжими, но и зимой живало подолгу много гостей, — родственниковъ, друзей, сосѣдей и просто знакомыхъ, людей иногда безпріютныхъ, нуждавшихся иной разъ во временномъ убѣжищѣ. Между ними бывали нерѣдко лица въ высшей степени интересные, талантливые, благодаря чему деревенская жизнь наша проходила оживленно, весело и разнообразно. Въ Спасскомъ была большая, особенно по отдѣлу французской литературы, библіотека, получались газеты, нѣсколько русскихъ журналовъ, über Land und Meer и Revue des deus mondes, выписывались выходившія въ свѣтъ новыя книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, а также музыкальныя новинки для фортепіано. Въ одной изъ большихъ комнатъ дома существовала возведенная домашними средствами сцена, и въ теченіе года на ней давалось нѣсколько спектаклей, при чемъ нерѣдко ставились пьесы, написанныя кѣмъ-либо изъ постоянныхъ или временныхъ обитателей Спасскаго. Одна пьеса, — въ жанрѣ легкой комедіи, написанная проводившимъ у насъ ту зиму Ипполитомъ Николаевичемъ Павловымъ, заслуживала появленія ея на сценахъ столичныхъ театровъ, но она осталась неизвѣстной публикѣ, и

рукопись ея, кажется, погибла. Павловъ—это сынъ нѣкогда извѣстной писательницы, бывшій одно время издателемъ «Русскихъ Вѣдомостей», выдающійся педагогъ и превосходный переводчикъ «Фауста» Гете, къ сожалѣнію, не докончившій этого перевода.

Развлеченій зимнихъ и лѣтнихъ было въ прежней деревенской, помѣщичьей жизни много, и они, чередуясь съ занятіями и работами, совершенно наполняли время; обитатели нашей усадьбы понятія не имѣли о скукѣ или апатіи, хотя, случалось, за цѣлый годъ не выѣзжали изъ деревни дальше сосѣдей, или изрѣдка уѣзднаго или губернскаго города. Зимой и лѣтомъ мужская половина спасскаго общества съ увлеченіемъ предавалась охотѣ, очень прибыльной въ то время, благодаря обилію всевозможной дичи, по которой мы охотились облавами, съ легавыми собаками, съ гончими (охота съ борзыми не была у насъ въ ходу), — въ лѣсахъ, лугахъ, болотахъ, на озерахъ, по разливамъ Цны и Челновой, и даже въ поляхъ (осенью по дрофамъ). Дѣтская половина общества, да и молодежь юношескаго возраста, зимою забавлялась катаньемъ въ салазкахъ съ высокой ледяной горы на рѣку, катаньемъ на конькахъ, на каруселн, устраивавшейся на льду рѣки, а у старшихъ было свое: катанье на тройкахъ въ перегонки, посѣщеніе сосѣдей (ближайшіе сосѣди жили верстахъ въ 20, а дальніе, хотя они все-таки считались сосѣдями, верстъ за 60), на Рождество ряжеными; устраивались праздниками даже танцы подъ фортепіано, импровизировались спектакли, музыкально-литературные вечера и всевозможные «jeux d' esprit»; карточная игра у насъ не была въ ходу, но иногда играли въ преферансъ и ералашъ.

Особенно хорошо жилось лѣтомъ мнѣ и товарищу моему Васѣ Прокунину, воспитывавшемуся у насъ тѣмъ же Herr Strenge до четырнадцатилѣтняго возраста. Ученье съ іюня почти совсѣмъ прекращалось, и намъ давали сравнительно большую свободу. И какъ хорошо дѣлали, что намъ ее давали! Какъ мы ею наслаждались и цѣнили ее!

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что это было самое счастливое (сознательно-счастливое!) время нашей жизни.

Наскоро проглотивъ утренній чай, при которомъ мы должны были обязательно присутствовать, мы отправлялись съ Васей или на мельницу, или просто на рѣку ловить рыбу, или раковъ, а позднѣе, послѣ завтрака, къ которому мы являлись аккуратно, въ лѣсъ пѣшкомъ или на лодкѣ-челночкѣ. Помню, что на мельницѣ насъ особенно привлекалъ теплякъ, который мы непремѣнно посѣщали. Уже слѣзать въ него съ плотины было пріятно: приходилось идти, балансируя и придерживаясь одной рукой за наружную бревенчатую стѣну мельницы, такъ какъ, круто спускавшаяся къ двери тепляка, сходня не имѣла перилъ, а подъ нею виднѣлись быстро несущаяся, какъ бы кипящая, вода и торчащія изъ нея полусгнившія черныя сваи. Какъ только, бывало, войдешь въ теплякъ, то царствовавшій тамъ полумракъ, разсѣваемый зеленоватымъ освѣщеніемъ снизу, совершенно особенный воздухъ — теплый, сырой и спертый, запахъ рѣки, подгнивающаго дерева и вара, громадное черное колесо, блестѣвшее брызгами, медленно, торжественно съ глухимъ шумомъ вертѣвшееся подъ напоромъ воды, быстрымъ потокомъ стремившейся изъ-подъ него, водяная пыль, обдававшая входившаго, непрестанный гулъ и мѣрное постукиванье, слышавшіеся изъ-за стѣны, чувствовавшееся во всемъ зданіи содроганье и толчки, — все это создавало таинственную, располагавшую къ волшебному, обстановку, невольно дѣйствовавшую на насъ, и мы, бывало, подолгу молча просиживали у колеса, загипнотизированные его правильнымъ движеніемъ.

Но всего лучше были прогулки по рѣкѣ. Гребя въ два весла, мы быстро плыли въ челночкѣ и въѣзжали въ луга, кое-гдѣ скрытые отъ глазъ прибрежною порослью, настолько высокой, что намъ было видно «только небо да камышъ», и, наконецъ, въ лѣсъ, въ чудный дубовый лѣсъ, росшій по обѣ стороны рѣки.

Какъ хороши были впадавшія въ Цну маленькія рѣчки, теченіе которыхъ терялось въ лѣсу, образовывавшемъ при устьѣ ихъ тѣнистыя аллеи, шедшія надъ ними въ глубь!

Иногда лѣсъ съ какой-либо стороны отступалъ отъ берега, обнаруживая лужайку, спускавшуюся къ самой водѣ пологимъ песчанымъ скатомъ, на которомъ валялась кверху дномъ вытащенная лодка, а на берегу висѣли, просыхая, на воткнутыхъ въ землю кольяхъ, рыбачьи сѣти; а то неожиданно показывалась одинокая лѣсная сторожка, стога сѣна около нея, нѣсколько коровъ, забравшихся у берега въ воду... Часто встрѣчавшіеся заливы, въ глубинѣ которыхъ виднѣлись засѣвшія на водѣ массами бѣлыя лиліи и желтыя кувшинки съ широкими блестящими листьями, манили заѣхать въ нихъ и пристать къ зеленому берегу. Все кругомъ было полно свѣта и сіянья: рѣка блестѣла подъ яркими лучами солнца, отражая въ тѣнистыхъ мѣстахъ прибрежныя деревья и голубое небо, изрѣдка подергиваясь подъ налетѣвшимъ порывомъ вѣтра мелкою рябью. Сіялъ и лѣсъ и камышъ, воздухъ трепеталъ тепломъ, и всюду кипѣла веселая жизнь: надъ самой водой летали темно-синія тонкокрылыя стрекозы, садясь на торчавшіе кое-гдѣ, гнувшіеся отъ теченія, стебли куги, вдоль берега, совсѣмъ низко, носились другъ за другомъ, улетая впередъ отъ лодки, лазоревыя зимородки, десятки рѣчныхъ ласточекъ срывались порой съ возвышеннаго песчанаго берега, въ которомъ можно было различить круглыя отверстія изъ гнѣздъ-пещеръ, неуклюже перелетала рѣку, спугнутая нами, длинноногая цапля; въ лѣсу слышалось чириканье пташекъ, а съ высокаго дуба слеталъ, неспѣша, орелъ и плавно, могучими взмахами крыльевъ, поднимался въ вышину; близко налетали стайками бѣлые рыбники (чайки), бросавшіеся за добычей въ самую воду... А въ затонахъ рѣки слышались громкіе всплески крупной рыбы, и можно было замѣтить расходившіеся по водѣ круги и метавшуюся по поверхности, даже выбрасывавшуюся въ ужасѣ на берегъ, мелкую рыбешку...

Но насъ, подростковъ, брали старшіе и на большія экскурсіи, длившіяся цѣлый день. Такая прогулка предпринималась обычно по той же Цнѣ, въ которую наша Челновая впадала въ верстѣ отъ усадьбы. Все наше очень большое общество усаживалось въ лодку съ палубой, служившую весною, «въ полую воду», поромомъ, съ шестью и даже съ восемью гребцами. Ѣздили иногда и въ лодкѣ меньшихъ размѣровъ съ парусомъ, и обычно доѣзжали до «Мамонтовской мельницы» верстахъ въ десяти отъ Спасскаго. Въ Мамонтовѣ, имѣніи, принадлежавшемъ тогда герцогамъ Лейхтенбергскимъ, а еще раньше графу Кутайсову, которому оно было пожаловано Императоромъ Павломъ, имѣлось при сельской церкви, считавшееся окрестнымъ населеніемъ чудотворнымъ, изображеніе святителя Николая, — небольшая деревянная статуя, облеченная въ серебряную ризу, по преданію, принесенная теченіемъ рѣки къ тому мѣсту берега, гдѣ и была воздвигнута церковь. Но еще не доѣзжая Мамонтова, мы высаживались гдѣ-либо у красивой лѣсной поляны, выгружали взятую съ собою провизію и посуду, и общими усиліями готовили обѣдъ, а возвращались домой уже всегда въ темноту при обязательномъ хоровомъ пѣніи.

Позднѣе, когда я былъ студентомъ, у насъ въ Спасскомъ жилось лѣтомъ все также весело, шумно и многолюдно. Постояно устраивались всевозможныя parties de plaisir и прогулки, чему помогала красивая мѣстность, окружавшая Спасское; бывало, недолгія лѣтнія ночи, — теплыя, благоуханныя, ласковыя въ безвѣтренной ихъ тиши, просиживали мы до утра въ саду надъ рѣкой, да по аллеямъ, разбившись на группы и парочки, присаживавшіяся гдѣ-нибудь на скамейкѣ. Не обходилось, конечно, безъ влюбленности, въ большинствѣ наивно-юношеской, мечтательно-невинной, длившейся обычно недолго, но завязывались и серьезные романы, кончавшіеся впослѣдствіи бракомъ. Жилось въ тѣ годы удивительно хорошо, просто, привольно и беззаботно. Тогдашняя молодежь откровенно веселилась, безъ

всякаго ломанья и позы; о какой-либо разочарованности, о скукѣ жизни мы и не слыхали. Помню, съ какимъ увлеченіемъ всѣ мы, уже юноши, предавались на лужайкѣ передъ домомъ такимъ играмъ, какъ горѣлки, бары, съ какимъ дѣйствительнымъ весельемъ «господская» молодежь обоего пола принимала участіе по воскресеньямъ въ играхъ дворовыхъ. Сколько разъ я, играя въ «городки», возилъ на себѣ, проигравъ партію, Мишку—буфетнаго мальчика, Ваську—кузнеца. Процвѣтали, но уже только между господами, бильярдная игра и въ особенности кегли.

Музыка въ обиходѣ жизни обитателей Спасскаго имѣла немалое значеніе; лѣтомъ она проявлялась всего болѣе въ хоровомъ пѣніи народныхъ пѣсенъ, а зимой преобладала игра на фортепіано, дуэты со скрипкой, тріо съ ней и фисгармоніей и пѣніе по нотамъ. Скрипичную партію исполнялъ, принятый къ намъ въ домъ, въ качествѣ слуги брата Владиміра, бывшій дворовый человѣкъ тамбовскаго помѣщика, очень богатаго, но потомъ разорившагося, Ліона, Иванъ Іоновичъ, еще совсѣмъ молодой, исполнявшій у Ліона обязанности «первой скрипки» содержавшагося имъ до наступленія матеріальнаго краха прекраснаго домашняго оркестра. Иванъ Іоновичъ—выдающійся талантливостью и музыкальностью человѣкъ, прямо виртуозъ на скрипкѣ, очутился, когда Ліонъ былъ вынужденъ распустить свой оркестръ, буквально «на большой дорогѣ», безъ единой копейки, съ одной скрипкой въ плохомъ футлярѣ и нѣкоторымъ количествомъ канифоли. Въ такомъ видѣ, путешествуя пѣшкомъ, съ узелкомъ въ одной рукѣ и скрипкою въ другой, онъ, проходя мимо Спасскаго, расположеннаго на большой дорогѣ, зашелъ на усадьбу и съ радостью согласился остаться у насъ на положеніи «двороваго человѣка», исполняя до нѣкоторой степени обязанности камердинера, а главнымъ образомъ придворнаго музыканта. По прошествіи двухъ лѣтъ Иванъ Іоновичъ, собравъ за это время небольшую сумму денегъ, полученную отчасти съ концерта, устроенаго при нашемъ содѣйствіи и участіи въ

Моршанскѣ, а также игрою на скрипкѣ въ частныхъ домахъ и собраніяхъ въ Тамбовѣ, куда онъ отпускался временами, и, скопивъ жалованье, поселился въ Моршанскѣ, составивъ, главнымъ образомъ изъ бывшихъ товарищей по службѣ у Ліона, очень недурный оркестръ, и сталъ во главѣ его.

Помню, какъ разъ—это было глубокою осенью— у насъ прогостилъ нѣсколько дней, совершенно неожиданно, превосходнѣйшій музыкантъ-пѣвецъ Безобразовъ, до тѣхъ поръ намъ незнакомый. Онъ ѣхалъ изъ Тамбова, кажется, въ свое имѣніе, но въ Спасскомъ, посреди села, сломался его экипажъ—дорожная карета. Остановившись первоначально на селѣ, Безобразовъ узналъ, что мѣстные помѣщики проживаютъ у себя, и отправился на нашу усадьбу пѣшкомъ, а увидавъ въ окошко во флигелѣ, гдѣ жилъ въ то время братъ, игравшаго на скрипкѣ Ивана Іоновича, обрадовался проявленію въ глуши любимаго имъ искусства, и уже смѣло вошелъ къ брату и передалъ ему о своемъ злоключеніи. Конечно, неожиданнаго гостя немедленно перевели изъ села къ намъ въ домъ, а починку кареты поручили своему кузнецу, и Безобразовъ, хотя экипажъ его былъ исправленъ очень быстро, пробылъ въ Спасскомъ съ недѣлю, принимая съ увлеченіемъ участіе въ нашихъ музыкальныхъ исполненіяхъ. Разстались мы съ нимъ великими друзьями, но потомъ уже не встрѣчались больше.

Осень, особенно поздняя, дождливая, холодная, съ обязательнымъ бездорожьемъ, непролазною грязью, въ которой увязали экипажи, лошади и даже люди, а позднѣе замерзавшей и дѣлавшей тѣмъ всякую ѣзду прямо неосуществимой, съ вѣчно темно-свинцовымъ тяжелымъ небомъ, жестокими вѣтрами, оголявшими до послѣдняго листа деревья сада, печально качавшія корявыми черными сучьями,— была единственнымъ временемъ, приносившимъ намъ нѣсколько пониженное настроеніе. Иной разъ въ теченіе ряда дней нельзя было выйти изъ дома, и тутъ ужъ всѣ члены Спасскаго общества обращались къ библіотекѣ и читали

«запоемъ». Но стоило выпасть снѣгу, и меланхолическое настроеніе исчезало. Помню, что этотъ первый снѣгъ появлялся всегда сюрпризомъ, выпавъ за ночь, и, бывало, какъ только увидимъ утромъ въ окно бѣлую пелену его и на лужайкѣ сада, и на дальнихъ лугахъ, и красиво одѣвшіеся имъ кусты и деревья, — какъ тотчасъ же радостное и энергичное настроеніе охватывало каждаго изъ насъ. Впечатлѣніе, производимое на деревенскаго жителя первымъ снѣгомъ, прекрасно описано въ одномъ изъ стихотвореній А. Жемчужникова (1880 года). Обязательное сидѣніе дома прекращалось, и съ перваго же зимняго дня застоявшіяся тройки, запряженныя въ пошевни, а то просто въ дровни, быстро мчали насъ, бывало, по первопутку въ луга, лѣсъ и къ сосѣдямъ.

Изъ сосѣдей упомяну о семьѣ Прокунинныхъ. Семья эта состояла изъ Павла Діомидовича и Юліи Павловны, рожденной княжны Голицыной, и четырехъ сыновей, изъ которыхъ старшій, Вася, былъ въ дѣтствѣ моимъ ближайшимъ товарищемъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ у насъ въ Москвѣ и Спасскомъ.

Павелъ Демидовичъ былъ сынъ купца, владѣвшаго, расположеннымъ при сосѣднемъ большомъ селѣ Сосновкѣ, купоросным заводомъ. Большая часть крестьянскаго населенія села составляла собственность князей Голицыныхъ, проживавшихъ тутъ же на своей усадьбѣ. Павелъ Діомидовичъ, умный, энергичный человѣкъ, былъ въ молодости очень красивъ и обаятеленъ, а потому неудивительно, что когда онъ, по окончаніи курса въ Московской коммерческой академіи (что и теперь на Остоженкѣ), вернулся домой и поселился на заводѣ, вступивъ въ управленіе имъ, причемъ ему приходилось по дѣламъ, да и просто по сосѣдству, бывать у князей Голицыныхъ, на ихъ роскошной усадьбѣ, что одна изъ княженъ, милая, сердечная дѣвушка, всей своей послѣдовавшей жизнью доказавшая безпредѣльную доброту свою и вообще высокія нравственныя качества, замѣтивъ явную влюбленность въ нее молодого заводчика, тоже

не осталась къ нему равнодушной. Между ними возникъ романъ, обставленный всей прелестью старинныхъ классическихъ романовъ,—таинственностью, рѣдкими свиданіями, робостью обѣихъ сторонъ передъ старшими и даже другъ передъ другомъ, запретностью ихъ чувства въ виду неравенства положенія молодыхъ людей, въ тѣ времена составлявшаго почти непреодолимое препятствіе къ благополучному окончанію романа. Но чувство искренней любви — большая сила, что и сказалось въ данномъ случаѣ. Въ концѣ-концовъ, романъ завершился счастливо; послѣ долгихъ, конечно, отказовъ, запретовъ и колебаній, старуха княгиня согласилась на бракъ ея дочери съ купцомъ, и романъ окончился отпраздновавшейся на заводской усадьбѣ веселой свадьбой.

Кажется, на согласіе княгини выдать дочь замужъ за купца повліялъ совѣтъ моего отца не мѣшать счастью молодыхъ людей, въ виду несомнѣнности и серьезности взаимнаго ихъ чувства. Понятно, что поэтому отецъ былъ на свадьбѣ въ качествѣ особенно почетнаго гостя. Это обстоятельство поставило было его на нѣкоторое время въ очень стѣснительное положеніе. Свадьба происходила лѣтомъ, днемъ, и настолько торжественно, что былъ выписанъ изъ губернскаго города оркестръ музыки. Этому оркестру старикомъ Прокунинымъ, отцомъ новобрачнаго, было приказано, въ знакъ особаго вниманія къ отцу, повсюду за нимъ слѣдовать и по возможности непрестанно услаждать его слухъ музыкой. Отецъ, не зная о такомъ распоряженіи, послѣ обѣда отправился, закуривъ сигару, въ садъ и предполагая, что онъ одинъ, сталъ поправлять туалетъ, снявъ для того сюртукъ. Но въ этотъ именно моментъ раздался громкій аккордъ мѣдныхъ инструментовъ оркестра, заигравшаго торжественный маршъ, и пораженный отецъ увидалъ, что онъ буквально окруженъ незамѣтно послѣдовавшими за нимъ музыкантами и многочисленными любителями музыки изъ заводской рабочей молодежи. Отецъ, желая на нѣкоторое время уединиться, поспѣшно ушелъ въ другое мѣсто, но оркестръ, къ величайшему удивленію и недоумѣ-

нію отца, слѣдовалъ за нимъ по пятамъ и въ концѣ-концовъ вынудилъ его вернуться въ домъ и просить избавить его отъ неотвязчивыхъ музыкантовъ.

Товарищъ мой и однолѣтка, Вася Прокунинъ, въ дѣтствѣ былъ живымъ, веселымъ, добродушнымъ, очень талантливымъ, особенно въ отношеніи музыки, мальчикомъ и всѣ эти качества сохранилъ до старости. Его уже нѣтъ больше въ живыхъ, и тѣмъ увѣреннѣе скажу, вспоминая друга дѣтства, что рѣдко кто въ наше время сумѣлъ такъ сохранить до конца жизни нравственную чистоту и довѣрчиво-дѣтскую, незапятнанную душу. Мальчикомъ пяти лѣтъ Вася, играя на фортепіано, участвовалъ въ концертѣ, устроенномъ въ Моршанскѣ въ пользу раненыхъ въ Севастопольскую кампанію вышеупомянутымъ мною Гравертомъ. Расположеніе къ музыкѣ Васи повело къ тому, что это искусство стало впослѣдствіи главнымъ дѣломъ его жизни. Послѣ него осталось нѣсколько очень мелодичныхъ и задушевныхъ романсовъ.

Я былъ близокъ и со слѣдовавшимъ по возрасту за Васей братомъ его Пашей, хотя онъ росъ и воспитывался внѣ нашей семьи. (Передъ поступленіемъ единовременно со мною въ Московскій университетъ оба брата въ теченіе двухъ лѣтъ пробыли въ Московскомъ, славившемся въ то время, пансіонѣ Циммермана, бывшемъ Эннеса). Паша Прокунинъ, давно тоже скончавшійся, былъ человѣкъ иного склада и духовнаго облика; онъ былъ въ общемъ хорошій человѣкъ, но не обладалъ идеальной духовной красотой, составлявшей выдающуюся черту его старшаго брата. Онъ былъ уменъ, энергиченъ, смѣлъ и въ то же время добродушенъ, но слабъ характеромъ; онъ не всегда умѣлъ справляться со своими страстями и слабостями. Жизнь его, въ полную противоположность, тихо, мирно, въ исключительно семейной обстановкѣ, протекшей жизни старшаго его брата, была полна приключеній и не была счастливой. По окончаніи курса на естественномъ факультетѣ Московскаго университета, гдѣ онъ спеціально и съ выдающимся успѣхомъ изучалъ химію,

онъ счелъ себя обязаннымъ отказаться отъ дальнѣйшихъ теоретическихъ научныхъ работъ по химіи, хотя ему было предложено остаться при университетѣ; онъ считалъ своимъ долгомъ поселиться въ Сосновкѣ, на купоросномъ заводѣ отца и работать при немъ. Къ этому времени дѣла старика Прокунина оказались въ плохомъ состояніи, и заводъ пришелъ въ упадокъ, на что первоначально повліялъ застой въ дѣлахъ, вызванный отозвавшейся и на нашей хлопчато-бумажной промышленности войною Американскихъ Сѣверныхъ Штатовъ съ Южными; производство купороса добычей его изъ руды замѣнилось болѣе выгоднымъ химическимъ способомъ; заводское дѣло было обременено долгами, и казалось, ему не было спасенія. Отецъ Паши состоялъ въ это время мировымъ судьею и отдавалъ все свое время исполненію пришедшихся ему по сердцу судейскихъ обязанностей. Паша возмечталъ спасти отъ окончательной гибели промышленное дѣло, возникшее еще при Петрѣ, примѣнивъ къ купоросному производству свои познанія по химіи и свою молодую энергію и дѣловитость, и сталъ самостоятельно управлять заводомъ, а также и коммерческою стороной дѣла. Взятая имъ на себя задача была не легка: оборотный капиталъ отсутствовалъ, кредитъ былъ подорванъ, администрація завода не сочувствовала и не довѣряла радикальнымъ реформамъ, вводившимся молодымъ Прокунинымъ. Тѣмъ не менѣе онъ энергично приступилъ къ работѣ и въ началѣ, казалось, что его ожидаетъ успѣхъ; онъ завелъ нѣсколько новыхъ производствъ, завязалъ непосредственныя сношенія съ фабриками, потреблявшими вырабатываемые на его заводѣ продукты и года три-четыре велъ заводское дѣло, казалось, съ успѣхомъ. Но успѣхъ этотъ былъ показной, на самомъ дѣлѣ заводъ работалъ въ убытокъ, что объяснялось тѣмъ, что дѣло свыше мѣры было обременено долгами и проценты не только поглощали весь чистый доходъ, но требовали для уплаты ихъ новыхъ займовъ. Паша, надѣясь вначалѣ на успѣхъ, запутывался все больше и больше, подъ конецъ уже сознавая, что скоро наступитъ крахъ, но не рѣшался

откровенно это признать и ликвидировать, пока не поздно, дѣло.

Наконецъ крахъ наступилъ. Паша привелъ въ возможный порядокъ заводскіе документы, книги, счета, передалъ приказчику оставшіяся въ кассѣ деньги и все заводское имущество, а самъ, будучи не въ силахъ присутствовать при крушеніи дѣла, въ которое онъ долго вѣрилъ и вложилъ всѣ свои способности и всю энергію, чувствуя въ то же время виновность свою передъ лицами, довѣрявшими ему и открывшими ему кредитъ, не оправданный имъ, — уѣхалъ съ завода... и исчезъ. Никто рѣшительно не зналъ, что съ нимъ сталось и куда онъ скрылся. Это не было бѣгство злостнаго банкрота. Прокунинъ не взялъ съ собой ни денегъ, ни иныхъ цѣнностей и оставилъ заводъ такимъ же неимущимъ, какимъ онъ приступилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ къ управленію имъ. Самое цѣнное, взятое имъ съ собою, были золотые часы, давнишній подарокъ ему кого-то изъ родственниковъ. Продавъ часы и золотую цѣпочку, онъ на эти небольшія деньги отправился, скрывъ ото всѣхъ свой маршрутъ, въ восточную Сибирь. Прокунинъ заранѣе обдумалъ планъ будущихъ своихъ дѣйствій. Дальній востокъ, съ его почти не эксплуатируемыми еще естественными богатствами, при громадномъ спросѣ на культурныхъ людей, обладающихъ тѣми или другими техническими познаніями, казался ему мѣстностью, гдѣ онъ сможетъ съ успѣхомъ приложить свои познанія, теоретическія и практическія, и добиться, въ сравнительно скорое время, крупнаго успѣха, другими словами, заработать себѣ состояніе и тогда вернуться домой, выплативъ оставшіеся не отданными долги, выкупить и блестяще поставить бывшій свой заводъ,—словомъ, осуществить таки мечту молодости, ради которой онъ оставилъ университетъ и научныя занятія при немъ.

Но первоначально никто даже изъ самыхъ близкихъ Прокунину людей не зналъ, куда онъ направился, и только много позднѣе братья Паши получили о немъ вѣсти, подъ условіемъ безусловной тайны. Прокунинъ отправился на

Амуръ, что въ тѣ годы было не легкимъ путешествіемъ, какимъ оно является теперь; о желѣзной дорогѣ тогда и помина не было, да и денегъ у Прокунина было совсѣмъ мало. Но все таки онъ добрался до Благовѣщенска, а вскорѣ отправился и дальше. Какъ разъ въ это время на рѣкѣ Желтугѣ, близъ нашей границы, но уже на территоріи Китая, были обнаружены розсыпи золота, богатые золотоносные пески, не разрабатывавшіеся китайцами. На Желтугу отправились въ большомъ количествѣ золотоискатели, въ большинствѣ люди съ прошлымъ, авантюристы, разнаго рода неудачники, и началась безпорядочная, неорганизованная промывка и добыча золота. Его дѣйствительно оказалось много и количество тайныхъ добычниковъ все возростало. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на Желтугѣ возросталъ и безпорядокъ, и воцарилась полная анархія; множились преступленія, грабежи и убійства учащались и оставались безнаказанными; единственнымъ средствомъ противодѣйствія нападеніямъ являлась личная самооборона; всѣ рѣшительно обитатели Желтуги были вооружены револьверами; ни китайскихъ, ни русскихъ представителей власти на Желтугѣ не было. И вотъ Прокунинъ пробрался также на Желтугу.

Наиболѣе развитые и благоразумные изъ числа золотоискателей—а всѣхъ было болѣе тысячи — убѣдились, что такъ дальше существовать нельзя, а необходимо завести извѣстный порядокъ, обезпечить и охранять жизнь и имущество собравшихся на Желтугѣ людей. Была собрана общая сходка, и ей предложенъ выработанный нѣсколькими золотоискателями проектъ статута общественной организаціи. Проектъ былъ сходкой принятъ и такимъ образомъ образовалось нѣчто въ родѣ международной республики (въ числѣ желтугинцевъ были не одни русскіе, но люди разныхъ національностей, а въ томъ числѣ китайцы и японцы). Статутъ предусматривалъ должности предсѣдателя сообщества, членовъ судебно-административнаго совѣта при немъ и довольно многочисленныхъ низшихъ исполнительныхъ агентовъ, несшихъ полицейскія обязанности; былъ вве-

денъ личный налогъ и выработанъ очень краткій уголовный кодексъ, назначавшій за сколько-нибудь крупное преступленіе смертную казнь. Наиболѣе интересные вопросы должны были рѣшаться общимъ собраніемъ всѣхъ желтугинцевъ. Предсѣдателю этой своеобразной республики ввѣрялась почти диктаторская власть.

На эту отвѣтственную, страшную должность былъ избранъ Прокунинъ. Со свойственной ему энергіей онъ принялся за введеніе и поддержаніе порядка во ввѣренной ему безшабашной, разнокалиберной толпѣ. Задача была тяжелая, и ради дисциплинированія свободныхъ гражданъ, считавшихъ себя свободными отъ всего, что такъ или иначе связываетъ и останавливаетъ людей, ради внушенія имъ хотя минимальнаго уваженія къ собственности и жизни товарищей, Прокунину пришлось утвердить и исполнить нѣсколько смертныхъ казней; приходилось терроризировать толпу, безъ чего не представлялось возможнымъ остановить ежедневно повторявшіеся случаи убійствъ съ цѣлью грабежа, а также въ дракахъ, вызывавшихся жестокимъ пьянствомъ, сильно распространившимся, благодаря открывшимся многочисленнымъ корчмамъ, содержатели которыхъ, тоже рискуя жизнью и деньгами, соблазнялись легкостью перехода къ нимъ намытаго золота. А добывалось его въ то время очень много. И жестокія мѣры, принятыя республиканскимъ правительствомъ, возымѣли на время дѣйствіе: преступленія значительно сократились.

Наступившее было сравнительное спокойствіе и благополучіе золотопромышленной колоніи продолжалось недолго. Слухи о существованіи ея дошли, наконецъ, до свѣдѣнія китайскихъ властей; на Желтугу явились китайскіе чиновники и потребовали выдачи имъ намытаго золота и удаленія всего общества съ самовольно занятаго имъ участка земли. Желтугинцы не подчинились, конечно, предъявленнымъ имъ требованіямъ и прогнали китайцевъ. Вскорѣ чиновники вернулись, уже въ сопровожденіи военной стражи; стража оказалась, однако, плохо вооруженной и еще менѣе

воинственной, и ея атака лагеря золотопромышленниковъ была ими съ оружіемъ въ рукахъ, подъ предводительствомъ Прокунина, побѣдоносно отбита. Но Желтугинцы убѣдились вскорѣ, что ихъ уже не оставятъ въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что и съ русской границы до нихъ дошли вѣсти, что готовится противъ нихъ экспедиція, и когда, наконецъ, подошло уже настоящее китайское войско, золотопромышленники бросили Желтугу и разъѣхались и разошлись въ разныя стороны, захвативъ, хотя это не всѣмъ удалось, намытое ими золото. Въ числѣ потерявшихъ все, что ими было выработано (на очень крупную сумму), оказался и Прокунинъ. Вскорѣ послѣ отраженія перваго нападенія китайцевъ, въ части золотопромышленниковъ, обозленной противъ Прокунина введенными имъ строгостями, вспыхнулъ бунтъ, и они въ значительномъ числѣ не только отказались отъ признанія его власти и низложили его, но рѣшили убить. Прокунину съ нѣсколькими приверженцами удалось было бѣжать, но наиболѣе раздраженные противъ нихъ нагнали-таки бѣглецовъ, избили, несмотря на сопротивленіе и, ограбивъ, оставили ихъ — а было ихъ всѣхъ не больше шести-семи человѣкъ — въ очень плохомъ состояніи, почти раздѣтыми, въ пустынной мѣстности, безъ съѣстныхъ припасовъ. Менѣе пострадавшіе изъ бѣглецовъ добыли нѣсколько хлѣба, соли и пшена, и общество это двинулось въ обратный путь, тайгой, направляясь на Благовѣщенскъ, при чемъ имъ вначалѣ приходилось двигаться съ предосторожностями, укрываясь, чтобы не попасться въ руки враждебныхъ имъ бывшихъ товарищей. Прокунина они первоначально несли на носилкахъ, такъ какъ онъ больше другихъ пострадалъ въ рукопашномъ бою съ преслѣдовавшими его золотопромышленниками. Предстоялъ долгій и несказанно тяжелый путь пѣшкомъ, по безлюдной мѣстности, безъ признаковъ какой-либо дороги, руководствуясь компасомъ, а потомъ теченіемъ Амура. Уже наступила осень, а вскорѣ дали себя почувствовать первые заморозки. Путники шли болѣе мѣсяца; провизія ихъ вся вышла, достать хлѣба и пшена

удавалось рѣдко, дичь попадалась не часто, кое-кто изъ сообщества отсталъ, а остальные шли голодные, изнуренные, больные, уже безъ саногъ, которые обтрепались, и обвязывая ноги тряпками, вырванными изъ собственной одежды. Прокунинъ обморозилъ себѣ руки и ноги, но ни онъ, ни немногіе уже сопровождавшіе его товарищи, не поддались искушенію бросить все и лечь гдѣ-нибудь, выкопавъ себѣ логово въ землѣ, что они дѣлали иногда въ сильную стужу, остановясь въ тайгѣ на ночлегъ, но съ тѣмъ, чтобы уже и не встать, и шли, хотя медленно, но неуклонно впередъ. И, наконецъ, они добрели до населенныхъ мѣстъ, а вскорѣ затѣмъ и до Благовѣщенска.

Прокунинъ добрался до Благовѣщенска еле живой, и въ буквальномъ смыслѣ слова свалился съ ногъ на улицѣ. Нашлись добросердечные люди, взявшіе его къ себѣ на попеченіе, узнавъ кто онъ и какимъ образомъ очутился почти раздѣтый, безъ единой копейки денегъ, больной, распухшій, обросшій какъ звѣрь волосами, въ Благовѣщенскѣ. Мѣсяца черезъ два Прокунинъ поправился и, оставивъ какъ неисполнимую мысль о быстромъ, сразу, пріобрѣтеніи денежнаго капитала путемъ личнаго золотоискательства, поселился въ Благовѣщенскѣ и принялся за работу культурнаго, образованнаго человѣка. Въ тѣ годы наличность на Дальнемъ Востокѣ человѣка талантливаго, съ высшимъ образованіемъ, было явленіемъ рѣдкимъ, и такому лицу открывалось широкое и выгодное матеріально поприще дѣятельности. Прокунинъ воспользовался этимъ, и выступая главнымъ образомъ адвокатомъ, а также бухгалтеромъ, банковымъ дѣятелемъ, быстро пріобрѣлъ большую разнообразную практику и расположеніе горожанъ, а года черезъ два уже имѣлъ свой домъ и началъ откладывать деньги, продолжая лелѣять мечту о возвращеніи на родину человѣкомъ богатымъ и о выполненіи тамъ оставшихся за нимъ въ долгу обязательствъ.

Ему дѣйствительно пришлось возвратиться на родину, даже гораздо раньше, чѣмъ онъ думалъ, но при совершенно другихъ условіяхъ. Послѣ исчезновенія его съ завода,

когда выяснилось, что оставшихся въ кассѣ денегъ и другого имущества не можетъ хватить на покрытіе долговъ Прокунина, по жалобѣ кого-то изъ кредиторовъ началось дѣло о его несостоятельности, при чемъ, въ виду того, что онъ выѣхалъ неизвѣстно куда, противъ него было возбуждено уголовное преслѣдованіе по обвиненію его въ злостномъ банкротствѣ и появились въ газетахъ обычныя въ такихъ случаяхъ публикаціи о сыскѣ. Одна такая публикація попала случайно въ руки недоброжелателя Прокунина, и тотъ, не предупредивъ его, послалъ въ разыскивавшій его судъ извѣщеніе о томъ, что Прокунинъ проживаетъ въ Благовѣщенскѣ. Въ результатѣ получилось требованіе суда о заключеніи Прокунина подъ стражу и о высылкѣ его на родину этапнымъ порядкомъ. Этотъ новый, совершенно неожиданный ударъ судьбы (Прокунинъ не зналъ, что признанъ злостнымъ несостоятельнымъ должникомъ), глубоко потрясъ его и отнялъ, не покидавшую его до тѣхъ поръ, бодрость духа и вѣру въ побѣду. Энергія его, если не исчезла, то значительно пошатнулась; онъ сразу физически и духовно ослабѣлъ. Но все-таки ему удалось избавиться отъ путешествія черезъ всю Сибирь и половину Европейской Россіи по этапу; ему было разрѣшено, по внесеніи залога, явиться въ судъ не подъ карауломъ. Пришлось наскоро ликвидировать бывшія въ ходу дѣла, продать наспѣхъ, при невыгодныхъ условіяхъ, домъ и прочее имущество и ѣхать «домой», но не торжественно, тріумфаторомъ, а напротивъ, побѣжденнымъ, виноватымъ, уклоняясь отъ встрѣчи съ прежними друзьями, не оглашая по возможности своего пріѣзда.

Въ судѣ Прокунинъ безъ труда доказалъ, что бѣгства съ сокрытіемъ имущества съ его стороны не было и что вообще несостоятельность не имѣла характера «злостности», а была «несчастная», и уголовное дѣло о немъ было прекращено безъ всякихъ для него послѣдствій.

Въ этотъ его вынужденный пріѣздъ въ Европейскую Россію, оказавшійся и послѣднимъ, я видѣлся съ Пашей впервые послѣ многолѣтней разлуки. Встрѣча эта не была легка

намъ обоимъ. Помнится, что, когда я, зайдя въ маленькій номеръ гостиницы, гдѣ онъ остановился, увидалъ его, сильно постарѣвшаго и измѣнившагося, на видъ больного и жалкаго, виновато улыбавшагося, мнѣ стало невыразимо тяжело на душѣ; мы обнялись и долго сидѣли другъ противъ друга молча; подступившія да и не удержавшіяся слезы не давали намъ возможности говорить. Обоимъ намъ вспомнилось наше счастливое дѣтство, въ продолженіе котораго мы постоянно встрѣчались и цѣлые мѣсяцы проводили вмѣстѣ, вспомнились веселые, беззаботные годы студенчества, мечты о предстоящей дѣятельности, мечты Паши, которые раздѣляли и мы, его ближайшіе друзья..... Такъ мы въ это наше первое свиданіе ни о чемъ почти не поговорили, и скоро разошлись. О своихъ похожденіяхъ Паша разсказалъ мнѣ потомъ.

Пробылъ онъ въ Россіи около года и уѣхалъ затѣмъ опять въ Сибирь, но уѣхалъ безъ опредѣленныхъ плановъ, безъ мечтаній, относясь пассивно къ настоящему и недовѣрчиво къ будущему, уѣхалъ потому, что на родинѣ ему было тяжело оставаться. Прошло затѣмъ немного лѣтъ, и мы узнали, что Паша скончался на чужбинѣ скоропостижно.

Болѣе близкими сосѣдями нашими были небогатыя помѣщицы Огаревы, съ которыми мы видались лишь изрѣдка лѣтомъ, да князь Чолокаевъ, породнившійся впослѣдствіи съ нами, другихъ же помѣщичьихъ усадебъ около Спасскаго не было. Но «сосѣдство» не имѣло точно установленныхъ границъ и опредѣлялось не столько территоріальной, сколько дружеской близостью. Въ такихъ близкихъ сосѣдскихъ отношеніяхъ состояла съ нами издавна многочисленная семья Сабуровыхъ. Дружба съ ними была одинакова въ двухъ поколѣніяхъ — между стариками и молодежью. Члены семьи Сабуровыхъ были люди одаренные, талантливые; барышни отличались музыкальностью, прирожденной граціозностью, поэтичностью всего своего облика, а молодые люди, въ то время еще учившіеся въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, веселостью, жизнерадостностью, умомъ; всѣ они

подавали блестящія надежды — и не только подавали, но и въ большинствѣ сдержали ихъ.

Бывало лѣтомъ все наше общество въ нѣсколькихъ экипажахъ отправлялось на своихъ лошадяхъ, съ подставами, въ отстоявшую отъ насъ въ 70 верстахъ Александровку — имѣніе Сабуровыхъ—и жили тамъ, веселясь съ утра до вечера, недѣлю и больше, а затѣмъ Сабуровы пріѣзжали къ намъ въ Спасское; и такіе длительные визиты осуществлялись ежегодно, а въ иное лѣто и по нѣсколько разъ. Дома на нашихъ усадьбахъ были большіе, и, обычно пустовавшія диванная, угловая, боскетная комнаты населялись дорогими гостями, пріѣзжавшими со своими «людьми» и горничными. Но и прислуги въ ту эпоху въ большихъ помѣщичьихъ усадьбахъ было и такъ очень много, а въ кладовыхъ, въ большихъ сундукахъ, хранились, кажется, въ неограниченномъ количествѣ, подушки, матрацы, пуховики и столовое, и постельное бѣлье.

Сколько милыхъ, благодарныхъ воспоминаній соединено у меня съ мыслью о семьѣ Сабуровыхъ, какъ много иные изъ нихъ дали мнѣ лично въ дѣтствѣ и потомъ, уже юношѣ, радостей! И ничего грубаго нѣтъ въ этихъ воспоминаніяхъ, ничего тяжелаго. Напротивъ, и въ то еще крѣпостное, затѣмъ близкое ему время, Сабуровы отличались гуманностью, не всегда встрѣчавшейся въ тогдашней помѣщичьей средѣ, культурностью и начитанностью.

Если я упоминаю здѣсь о близости нашей съ Сабуровыми, близости общей, присущей не отдѣльнымъ членамъ семей между собой, а всему комплекту въ цѣломъ, съ чадами и домочадцами, смотрѣвшими на себя взаимно какъ на родственниковъ, то дѣлаю это потому, что мнѣ кажется, что явленіе, о которомъ я говорю, тогда (пятидесятые годы и начало шестидесятыхъ прошлаго вѣка) заурядное, уже не существуетъ теперь, по крайней мѣрѣ въ такой опредѣленной формѣ. Прежнія, давнишнія связи въ большинствѣ случаевъ порвались, а новыя не завязываются съ такой силой. Да оно и понятно: наша теперешняя жизнь настолько

осложнилась, такое разнообразіе и движеніе проявились въ ней, такъ различны стали пути, по которымъ идутъ члены семей, жившихъ прежде въ старыхъ своихъ гнѣздахъ, «рядомъ», однообразно, какъ бы по одному заранѣе установленному шаблону, что прежней родственной близости между семьями уже не можетъ быть.

Останавливаясь мысленно на извѣстныхъ мнѣ событіяхъ жизни семьи Сабуровыхъ, я припоминаю разсказъ одного изъ членовъ ея, нынѣ уже скончавшагося, о томъ, какъ онъ выручилъ одного своего родственника, попавшаго въ очень трудное положеніе. Это случилось лѣтомъ 1870 года. Родственнику Сабурова, находившемуся на военной службѣ, пришлось внезапно выѣхать временно за границу по неотложному дѣлу, что онъ и сдѣлалъ, взявъ у пріятеля его заграничный паспортъ, такъ какъ добывать себѣ отпускъ ему было некогда. Кажется, въ Гамбургѣ, гдѣ онъ остановился, уже на обратномъ пути въ Россію, еще существовала рулетка; онъ попыталъ на ней счастье и очень быстро, какъ-то даже не сообразивъ этого, проигралъ всѣ оставшіяся у него деньги. Положеніе его оказалось прямо критическимъ; надо было торопиться домой, чтобы не потерять службы и даже не попасть подъ судъ, а между тѣмъ не было ни копейки денегъ и въ гостиницѣ ему сказали, что съ часа на часъ ждутъ объявленія войны съ Франціей, полной мобилизаціи и передвиженія войскъ, а въ связи съ этимъ прекращенія пассажирскаго движенія по желѣзнымъ дорогамъ. Занявъ у швейцара гостиницы, гдѣ онъ остановился, небольшую сумму денегъ, онъ послалъ одному изъ братьевъ Сабуровыхъ телеграмму о своемъ тяжеломъ положеніи, прося помощи. Въ это время дѣйствительно послѣдовало объявленіе Франко-Прусской войны, банки отказали Сабурову въ немедленномъ переводѣ денегъ въ Германію, и онъ, желая во что бы то ни стало выручить друга и родственника, выхлопотавъ себѣ въ одинъ день, благодаря протекціи тогдашняго канцлера Горчакова, заграничный паспортъ и рекомендательное письмо

Горчакова къ германскимъ властямъ, выѣхалъ тотчасъ за границу. Кажется, до Галле онъ доѣхалъ, хотя съ остановками и промедленіями, однако благополучно, но тутъ пассажирскій поѣздъ былъ остановленъ и послѣдовало объявленіе, что пассажирское движеніе прекращено и дальше, на юго-западъ, пойдутъ только воинскіе поѣзда. Сабуровъ рѣшилъ однако попытаться пробраться дальше, и, будучи человѣкомъ смѣлымъ, незамѣтно забрался въ багажный вагонъ отходившаго въ томъ направленіи, которое ему было нужно, воинскаго поѣзда и запрятался за ящиками и прочимъ багажомъ. Онъ проѣхалъ безпрепятственно цѣлый рядъ станцій, но на одной изъ нихъ въ его вагонъ вошли солдаты для выгрузки части багажа и конечно увидали невѣдомаго штатскаго. Поднялся страшный переполохъ. Сабурова немедленно привели сперва къ командиру слѣдовавшаго съ поѣздомъ полка, а потомъ къ бывшему на станціи генералу, при чемъ, конечно, всѣ, и солдаты, и низшіе, и высшіе офицеры, и генералъ не сомнѣвались въ томъ, что захваченный въ вагонѣ иностранецъ, плохо говорившій по-нѣмецки, но отлично владѣвшій французскимъ языкомъ,—шпіонъ.

Сабуровъ передалъ допрашивавшимъ его генералу и ареопагу офицеровъ дѣйствительную исторію и мотивы своего путешествія и, хотя его разсказъ показался малоправдоподобнымъ, но искренность тона Сабурова, его спокойствіе и внѣшняя порядочность склоняли военныхъ въ его пользу. Сабурову предложили показать его паспортъ съ визой прусскаго консульства и упомянутое имъ въ объясненіяхъ письмо канцлера; онъ растегнулъ пальто и только тутъ вспомнилъ, что паспортъ и письмо находятся въ его чемоданѣ, забытомъ имъ на вокзалѣ въ Галле.

На этотъ разъ Сабуровъ дрогнулъ и смутился, и отношеніе къ нему нѣмцевъ, узнавшихъ, что паспорта съ нимъ нѣтъ, радикально измѣнилось. Его велѣли отвести подъ стражей въ особую комнату и объявили, что тотчасъ же соберется военно-полевой судъ, дабы разсмотрѣть его инцидентъ;

сопровождавшій его до мѣста заключенія офицеръ прямо сказалъ, что ему не миновать сегодня же висѣлицы. Сабуровъ не палъ однако духомъ, добился доставленія ему клочка бумаги и наскоро написалъ карандашомъ предсѣдательствовавшему на собраніи офицеровъ генералу записку, въ которой просилъ его телеграфировать въ Галле о немедленной присылкѣ забытаго имъ чемодана и просилъ имѣть въ виду, что онъ русскій подданный, ротмистръ въ отставкѣ, не безъизвѣстный въ русскихъ правительственныхъ сферахъ. Записка возымѣла дѣйствіе: чемоданъ былъ вытребованъ телеграммой и къ вечеру уже доставленъ на станцію, гдѣ разыгрывалась эта несомнѣнно серьезная драма. По вскрытіи чемодана въ немъ были найдены паспортъ Сабурова, визированный всего четыре дня тому назадъ въ Петербургѣ, и письмо князя Горчакова на бланкѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Это письмо устранило всякія сомнѣнія. Сабуровъ былъ не только тотчасъ же освобожденъ изъ-подъ стражи, но офицеры полка, съ которымъ онъ ѣхалъ въ багажномъ вагонѣ поѣзда, временно задержаннаго на станціи по распоряженію завѣдывавшаго передвиженіемъ войскъ начальника, пригласили его на ужинъ въ свой вагонъ, и тамъ пили за здоровье русскаго ротмистра, а онъ, счастливо спасшійся отъ смертельной опасности, пилъ за нѣмецкую армію и командовавшаго на станціи генерала. Любезность военныхъ дошла послѣ ужина до того, что они въ своемъ поѣздѣ доставили Сабурова въ бывшій имъ по пути городъ, гдѣ сидѣлъ застрявшій родственникъ. Благодаря рѣшительности и смѣлости Сабурова, родственникъ этотъ не пострадалъ; недозволенная отлучка его за границу осталась не гласной.

Еще нѣсколько раньше, кажется въ 1866 году, мнѣ пришлось перенести съ тѣмъ же Сабуровымъ приключеніе, лишь случайно окончившееся для насъ благополучно. Рождественскіе праздники въ томъ году я проводилъ въ Спасскомъ, а оттуда проѣхалъ къ Сабурову, жившему въ родовомъ имѣніи. Тутъ мы съ нимъ рѣшили предпринять болѣе

отдаленное путешествіе, а именно навѣстить моего брата въ недавно пріобрѣтенномъ имъ имѣніи въ Воронежской губерніи. Отправились мы на «вольныхъ», сдаточныхъ (желѣзная дорога только что дошла тогда отъ Рязани до Козлова), проселками, въ открытыхъ саняхъ, одѣтые, какъ оно полагается при зимнихъ путешествіяхъ на лошадяхъ, тепло — въ полушубкахъ, а сверху тулупахъ, и въ валенкахъ. Первый день ѣхать было чудесно; морозило, но какъ разъ въ пору, санный путь былъ сносенъ, и лошади, хотя запряженныя цугомъ, бѣжали хорошо; досадны были лишь сворачиванія съ дороги въ глубокій снѣгъ при встрѣчахъ съ обозами и выжиданія ихъ прохода. Ночью мы остановились въ какомъ-то селѣ, а на утро, какъ только разсвѣло, двинулись дальше; предстоялъ переѣздъ верстъ въ тридцать пять по степной мѣстности. Морозъ сталъ крѣпнуть, а вскорѣ подулъ вѣтеръ и поднялся поземокъ, сдувавшій верхній слой недавно выпавшаго снѣга, словно струйками переваливавшій черезъ дорогу, и заметая слѣдъ, собиравшійся въ кучки у соломенныхъ вѣхъ, «курясь» по всему полю. Къ удивленію нашему, стало снѣжить — явленіе очень рѣдкое въ сильный морозъ; небо потемнѣло отъ нагнанныхъ вѣтромъ тяжелыхъ, быстро и низко двигавшихся тучъ. Пока снѣгъ падалъ не сплошною массой, а рѣдкими, крутившимися въ воздухѣ, снѣжинками, онъ не смущалъ насъ; но когда мы миновали послѣдній, какъ сказалъ ямщикъ, передъ степью лѣсокъ и очутились въ открытомъ полѣ, картина и наше настроеніе быстро измѣнились. Темныя тучи совсѣмъ осѣли на насъ, и сверху повалилъ крупный, сплошной стѣной несшійся, снѣгъ. Минутъ черезъ пять намъ уже ничего не стало видно кромѣ свѣтло-сѣрой движущейся сѣтки, окружавшей насъ со всѣхъ сторонъ; даже спина ямщика исчезла за снѣжной пеленой. Вѣтеръ все усиливался и билъ насъ снѣгомъ и въ лицо, и въ спину, казалось, со всѣхъ сторонъ. Мы попали въ сильнѣйшую пургу.

Ямщикъ, посовѣтовавшись съ нами, хотѣлъ повернуть назадъ и попробовать добраться если не до села, гдѣ мы ночевали, то хоть до оставшагося за нами лѣсочка, и тамъ, въ сравнительномъ затишьи, отстояться. Но намъ не удалось найти рощу; очень скоро мы убѣдились, что съѣхали съ дороги и плетемся по полю на угадъ, такъ какъ оріентироваться и даже сообразить въ какомъ направленіи мы двигаемся не представлялось возможнымъ. Да и двигались мы еле-еле; лошади увязали мѣстами въ очень глубокомъ снѣгу; передняя лошадь, не зная какого направленія держаться и не чувствуя поводьевъ, постоянно останавливалась, осѣдала на коренника и, наконецъ, совсѣмъ стала. Мы рѣшили пообождать; повернули сани спиной къ вѣтру и взяли ямщика, сильно зазябшаго въ плохомъ тулупѣ и дырявыхъ валенкахъ, въ сани, посадили между насъ и прикрыли бывшею съ нами мѣховою полостью.

Простоявъ часъ времени на мѣстѣ, рѣшили мы тронуться на удачу, въ надеждѣ попасть на какое-нибудь жилье. Сдвинуть сани оказалось дѣломъ нелегкимъ; пришлось отгребать снѣгъ руками. Мятель не унималась, а морозъ, казалось, все крѣпчалъ. Мы то двигались порывами куда-то, опять останавливались, разъ вмѣстѣ съ санями слетѣли въ глубокую рытвину и насилу вытащили сани и кое-какъ привели въ порядокъ сбрую. Ямщикъ, несмотря на полость, все больше и больше зазябалъ и уже не былъ въ состояніи править, да и Сабуровъ почувствовалъ, что ноги у него застываютъ, а вѣтеръ все глубже и глубже проникаетъ къ нему за шубу. Холодъ, благодаря теплой одеждѣ, не добрался еще до меня, но и на меня нападала слабость и безнадежная, казалось, тоска, вызываемая жестокимъ однообразіемъ окружавшей насъ обстановки, этой бѣлой мятущейся вокругъ насъ пеленой, регулярно повторявшимися сильными порывами вѣтра, безысходностью нашего положенія и щемящимъ страхомъ за спутниковъ. Временами и они, и я засыпали, вѣрнѣе, впадали въ дремоту—забытье.

Наступила ночь, о чемъ мы догадались, потому что стало еще темнѣе; мятель не ослабѣвала. Сабуровъ и ямщикъ дремали; я временами подгонялъ лошадей, въ большинствѣ стоявшихъ неподвижно; дѣлалось все тяжелѣе и страшнѣе. Не знаю, сколько еще часовъ прошло, когда до слуха моего долетѣлъ звукъ, не похожій на однообразный гулъ вѣтра. Звукъ повторился нѣсколько разъ гдѣ-то неподалеку, и я узналъ лай собаки. Мы были около жилья. Очнулись отъ дремоты и мои товарищи по бѣдствію, и мы погнали еле переступавшихъ измученныхъ лошадей по направленію обѣщавшаго спасеніе звука. Вскорѣ передняя лошадь уткнулась въ какое-то препятствіе; это оказалась каменная огорожа двора, до вершины занесенная снѣгомъ; вдоль этой стѣнки мы и двинулись; она казалась безконечной, такъ долго пришлось пробиваться сквозь сугробы снѣга, прежде чѣмъ мы попали во входное отверстіе — въ ворота. Наконецъ мы въѣхали во дворъ помѣщичьей усадьбы и очутились передъ крыльцомъ большого каменнаго барскаго дома. Долго пришлось намъ стучаться въ дверь, но, наконецъ, она отворилась, да и изъ флигеля прибѣжало нѣсколько людей; лошадей нашихъ и сани отвели на конный дворъ, ямщика взяли въ людскую, а насъ слуга провелъ въ расположенную въ нижнемъ этажѣ большую комнату со сводами, съ длинными диванами вдоль стѣнъ. Въ комнатѣ было тепло, даже жарко; мы съ чувствомъ невыразимаго облегченія скинули давившую насъ тяжелую мѣховую одежду и почувствовали непреодолимую слабость, не дававшую намъ даже ощутить радость по поводу избавленія отъ кошмара, въ которомъ мы пробыли почти сутки. Было часовъ пять утра, когда мы вошли въ домъ. Слуга принесъ намъ подушки, холодную закуску, вина, но мы не были въ состояніи ѣсть и тотчасъ же, улегшись на диванахъ, заснули.

На слѣдующее утро мы узнали, что находимся въ усадьбѣ отставного генерала, фамилію котораго я забылъ, что нашъ хозяинъ нездоровъ и извиняется, что не можетъ насъ принять, но что двѣ его внучки просятъ насъ пожаловать къ

нимъ наверхъ. Приведя свой туалетъ въ сколько-нибудь приличный видъ, напившись чаю и узнавъ съ удовольствіемъ, что нашъ ямщикъ отдѣлался, противъ ожиданія, благополучно и лишь слегка, даже не поморозилъ, а зазнобилъ ухо и кисть лѣвой руки, мы прошли въ верхніе аппартаменты дома, въ гостиную со старинной некрасивой, но крѣпкой мебелью, и поблагодарили двухъ миловидныхъ барышень за гостепріимство, разсказавъ, кто мы такіе и какъ попали къ нимъ въ гости. О вчерашней тревогѣ, конечно, было забыто, и мы очень весело провели утро съ генеральскими внучками и, уѣзжая послѣ завтрака, такъ какъ мятель, наконецъ, прекратилась, очень сожалѣли, что не было никакого основанія, чтобы еще побыть на спасшей насъ усадьбѣ.

Въ тѣ годы путешествія по Россіи были вообще дѣломъ нелегкимъ, особенно зимою, да еще людямъ семейнымъ, съ дѣтьми. Желѣзныхъ дорогъ почти еще не было, онѣ только прокладывались, и въ ходу были зимою возки, учрежденія спасительныя въ стужу, но мучительныя, почти не переносныя. Узкіе, низкіе, съ крошечнымъ, не оттаивавшимъ окошкомъ, они были валки, нерѣдко падали на бокъ, при чемъ на сѣдока наваливался сосѣдъ, падали подушки, кое-какія взятыя съ собою мелкія вещи, и въ такомъ положеніи, отчаянно барахтаясь, путаясь въ шубахъ и задыхаясь, приходилось дожидаться, пока ямщикъ, или ѣхавшій на козлахъ слуга, не откроетъ снаружи узкую дверку и кое-какъ выберешься изъ возка. А на ухабахъ, въ которые, перекачиваясь съ бока на бокъ, нырялъ возокъ, многихъ даже тошнило; человѣку высокаго роста постоянно приходилось стукаться головой о верхъ возка. Да и въ саняхъ, хотя, конечно, ѣхать было легче, сѣдокамъ доставалось не мало и отъ ухабовъ, и отъ раскатовъ, и выбитой обозами правильными порогами-ступеньками дороги. Давили къ тому же сильно нахлобученная шапка, полушубокъ и шуба, туго перевязанная по таліи и у воротника длиннѣйшимъ шерстянымъ кушакомъ; поднятый воротникъ шубы смерзался, и у лица къ нему примерзали отъ застывшаго дыханія усы и борода... Помню какъ

разъ, когда я ѣхалъ зимой съ двумя товарищами въ деревню изъ Москвы на вольныхъ, на предпослѣдней станціи намъ пришлось кое-какъ умѣститься на простыхъ крестьянскихъ розвальняхъ, запряженныхъ однако лихой тройкой лошадей, быстро мчавшей насъ, я вывалился на поворотѣ изъ саней, а ямщикъ и заснувшіе товарищи этого не замѣтили, и мнѣ долго потомъ пришлось дожидаться ихъ возвращенія, сидя на снѣгу у дороги, такъ какъ идти закутанному, словно запеленутому въ шубѣ, было немыслимо.

Осенью и въ грязь, и въ морозъ, но еще безъ снѣга, тоже тяжела бывала путина даже намъ, молодымъ людямъ; но лѣтнюю ѣзду мы любили. Я говорю про студенческіе годы (шестидесятые года), когда бывало, выдержавъ переходные на слѣдующій курсъ экзамены, мы (я и кто-нибудь изъ товарищей), веселые, радостные, предвкушая почти трехмѣсячную деревенскую свободу и всю прелесть лѣта у себя на любимой съ дѣтства усадьбѣ, мы отправлялись домой, съ Рязани на почтовыхъ, въ перекладной. Сидѣнье въ телѣжкахъ мы устраивали, подложивъ чемоданъ и какой-нибудь узелъ, и ѣхали безъ малѣйшаго отдыха и даже чаепитья и днемъ, и ночью, быстро въ полной мѣрѣ, благодаря обильнымъ начаямъ ямщикамъ, часто знакомымъ и гнавшимъ, нерѣдко попадавшіяся тогда, хорошія тройки, во всю прыть. Конечно, тутъ ужъ не обращалось ни малѣйшаго вниманія на толчки, косогоры, рытвины, спуски, никуда негодные мосты и тому подобные пустяки. Несешься, бывало, по гладкой дорогѣ, и это быстрое движеніе въ открытомъ экипажѣ, подъ звонъ колокольчика и рокотъ бубенчиковъ, часто мелькающіе верстовые столбы, обгоняемыя кибитки съ опущеннымъ верхомъ и видными внутри красными подушками, лежащей фигурой купца и удивленно на насъ смотрящими женскими лицами въ темныхъ платкахъ, радостно волнуютъ, и невольно улыбаешься въ отвѣтъ весело оглядывающемуся и подмигивающему ямщику. А сколько приходилось вылетать изъ телѣги, а то свалиться и съ ней, да еще въ грязь!.. Но въ пору молодости все это лишь веселило.

Вотъ обратныя путешествія въ Москву, осенью, бывали далеко не такъ пріятны: и дорога становилась уже скверной, и погода давала себя знать, иной разъ обдавая цѣлый день дождемъ, или обдувая холоднымъ вѣтромъ, а главное, настроеніе уже бывало не весеннее. Но, добравшись до Москвы, очутившись на знакомыхъ улицахъ, вспомнивъ о товарищахъ, которыхъ не видалъ во все лѣто, объ университетѣ, о театрѣ, грѣшнымъ дѣломъ и о «Русскомъ трактирѣ», около университета, мы бывало веселѣли и, помню, первый свой визитъ совершали въ особенно пріятныя послѣ долгой, утомительной путины, славившіяся тогда Ламакинскія (на Садовой) бани.

Говоря о деревенскихъ сосѣдяхъ, я забылъ упомянуть еще объ одной семьѣ М-хъ, теперь уже не существующей. Всѣ отпрыски ея, насколько мнѣ извѣстно, безпощадно преслѣдуемые какимъ-то злымъ рокомъ, окончили свое существованіе болѣе или менѣе трагично и печально: одинъ изъ нихъ застрѣлился, другой, «опустившись», умеръ въ совершенной нищетѣ, чуть не въ «ночлежкѣ»; былъ между ними и сумасшедшій, окончившій жизнь въ больницѣ; всѣ они разорились, и богатое помѣстье съ хорошей усадьбой, вскорѣ послѣ 19 февраля, перешло въ другія руки. Отецъ этой семьи былъ друженъ съ моими родителями и въ дѣтствѣ мы часто видались. Но и тогда уже что-то темное связывалось съ родомъ М-хъ: кто-то изъ старшаго поколѣнія, подъ давленіемъ семейныхъ несогласій, лишилъ себя жизни— что въ ту эпоху было явленіемъ неслыханнымъ, о которомъ говорили съ ужасомъ и лишь шопотомъ. Одинъ изъ М-хъ, родственникъ пріятеля отца, въ крѣпостное время слылъ за помѣщика жестокаго, дурно обращавшагося съ людьми; онъ не только наказывалъ ихъ розгами, что тогда было общепринятымъ мѣропріятіемъ, но сѣкъ безпощадно и даже истязалъ. Надъ нимъ, по жалобѣ крѣпостныхъ, подтвердившейся разслѣдованіемъ, даже была назначена опека. Помѣщица-вдова, изъ того же рода М-хъ, «истеричка» какъ бы сказали теперь, обычно добродушная, даже крайне чувствитель-

ная и сантиментальная, воспитанница Смольнаго монастыря, временами, раздраженная чѣмъ-либо, иногда совершеннымъ пустякомъ, превращалась въ фурію, собственноручно била горничныхъ, какъ дѣвочекъ, такъ и постарше, туфлей по щекамъ и драла за волосы, стригла провинившихся дѣвокъ подъ гребенку, запирала въ коморкѣ на чердакѣ, подъ самой крышей, гдѣ дурно дѣлалось отъ духоты и спертаго воздуха, на сутки и больше, а потомъ, придя въ себя, сокрушалась по поводу сдѣланнаго, но вскорѣ опять неистовствовала.

Надо сказать, что хотя въ подготовительную къ «эмансипаціи», какъ тогда говорили, пору, такія проявленія самодурства и грубости стали рѣже, но наказаніе розгами практиковалось почти во всѣхъ экономіяхъ, да розга примѣнялась и управленіемъ государственными крестьянами. Какъ извѣстно, сѣченіе долго держалось и въ освобожденномъ крестьянствѣ въ практикѣ волостныхъ судовъ. При очень долго жившемъ прадѣдѣ моемъ, да и въ началѣ управленія отца, розга примѣнялась и въ Спасскомъ, но затѣмъ, еще задолго до освобожденія крестьянъ, отецъ отмѣнилъ эту мѣру; знаю однако, что когда семья наша не жила въ Спасскомъ, перебираясь на зиму въ Москву, управляющій, дворовый человѣкъ, бывшій камердинеръ отца, потихоньку отъ родителей примѣнялъ таки къ провинившимся крестьянамъ и дворовымъ розгу. Ужъ очень это было легкій, простой и, казалось, такой убѣдительный способъ репрессіи, къ тому же ставшій издавна обычаемъ.

Въ числѣ гостей, бывавшихъ въ моемъ дѣтствѣ у насъ въ Спасскомъ, помню поляка Пильсутскаго, жившаго, кажется, послѣ революціи 1837 года, въ ссылкѣ въ Тамбовѣ, очень дружившаго съ родителями. Это былъ мощный, красивый въ своихъ сѣдинахъ, старикъ, съ длинными усами и эспаньолкой. Къ нему у насъ относились съ особенной лаской и вниманіемъ, жалѣя въ немъ человѣка, пострадавшаго за чувство любви къ родинѣ и принужденнаго жить на чужбинѣ между совершенно посторонними ему людьми. Пильсутскій былъ очень ласковъ со мною и разъ подарилъ на

память широкій кожаный поясъ, застегивавшійся большой серебряной пряжкой съ выгравированнымъ на ней польскимъ гербомъ — одноглавымъ орломъ. Пріѣзжалъ также изрѣдка изъ Тамбова мѣстный помѣщикъ, фамилію котораго я забылъ, большой чудакъ, слывшій въ обществѣ опаснымъ и членомъ какой-то масонской ложи. Онъ дѣйствительно любилъ пугать общество крайне рѣзкими сужденіями, громогласно доказывалъ, что Бога нѣтъ и что нелѣпо и вредно держать посты и ходить въ церковь. Голосъ у него былъ грубый, манеры угловатыя, волосы онъ стригъ подъ гребенку, верхнюю губу брилъ, а бороду нѣтъ, носилъ очки въ тяжелой оправѣ и вообще плохо и чудно къ тому же одѣвался; онъ въ карманахъ носилъ всегда склянки съ терпентиномъ, разбавленнымъ водкой, и довольно часто глоталъ этотъ странный напитокъ. Его у насъ не любили и не уважали, но принимали все-таки. Въ сущности, онъ былъ совершенно безвредный болтунъ, умышленно чудачившій, но совершенно далекій отъ масонства.

Много разныхъ людей гащивало въ Спасскомъ подолгу, а иные просто жили зимою и лѣтомъ «на нашихъ хлѣбахъ», въ домѣ или во флигелѣ — бездомныя старушки, выбитыя чѣмъ-либо изъ жизненной колеи лица, видавшія лучшіе дни, а то люди, искавшіе временнаго пріюта и отдыха. Тогда оно такъ водилось и, думается, что это была хорошая черта прежняго уклада, далеко не во всемъ симпатичнаго.

Разъ какъ я упомянулъ о полякѣ Пильсутскомъ, замѣчу, что тогдашнее общество въ Тамбовѣ, гдѣ помимо ихъ желанія проживало довольно много поляковъ, кажется даже сосланныхъ за послѣднее возстаніе, относилось къ нимъ очень доброжелательно и старалось помочь получше устроить подневольную жизнь. Черта эта знаменательна, если принять во вниманіе тогдашнюю общую «политическую» робость, даже страхъ и трепетъ передъ начальствомъ, а также и то, что тогдашніе обитатели глухихъ провинціальныхъ городовъ, хотя бы и губернскихъ, не выдавались культурностью и возвышенными чувствами. Но жилось въ такихъ

городахъ, какъ Тамбовъ, гораздо веселѣе и оживленнѣе, чѣмъ теперь. Я говорю про мѣстное «общество», состоявшее изъ дворянъ-помѣщиковъ, немногихъ представителей высшей власти въ городѣ и военныхъ изъ кавалеристовъ. «Третьяго элемента» тогда еще не существовало, «безпочвенныхъ интеллигентовъ», кромѣ домашнихъ учителей, въ провинціи не водилось, среднее и мелкое чиновничество въ общество не допускалось, такъ же, какъ представители коммерціи, державшіеся и сами особнякомъ въ своемъ кругу. Интересы «общества» были не изъ высокихъ, и члены его именно *жили* хорошо, не задаваясь разрѣшеніемъ «проклятыхъ» вопросовъ, не интересуясь отвлеченными идеями или общеполитическими проблемами. Помѣщичій классъ тогда еще былъ, или казался, зажиточнымъ, и въ Тамбовѣ жили широко. Я знаю это не по разсказамъ только, мнѣ самому приходилось быть свидѣтелемъ (но не участникомъ, по молодости лѣтъ) этой веселой жизни, когда шампанское «лилось рѣкой», а о пивѣ никто даже и не думалъ, на одинъ вечеръ выписывался лучшій московскій цыганскій хоръ, на почтовыхъ тройкахъ доставлялись зимою изъ Москвы живые цвѣты, разстегаи изъ трактира Гурина и всевозможные «деликатесы», а въ банкъ и штоссъ проигрывались въ одинъ вечеръ десятки тысячъ. Губернія славилась лошадьми, особенно рысаками (заводовъ Воейкова, Жихарева и другихъ), игроками въ карты и на бильярдѣ, силачами, легко гнувшими руками мѣдный пятакъ и подкову, борзыми собаками и любителями-знатоками ружейной охоты... Были и знаменитые «питухи», выпивавшіе, напримѣръ, почти залпомъ полную миску только что сваренной крѣпкой жженки...

Губернаторомъ въ тѣ годы былъ въ Тамбовѣ Карлъ Карловичъ Данзасъ, человѣкъ образованный, изящной культуры начала девятнадцатаго вѣка, современникъ Пушкина, младшій братъ друга и секунданта Александра Сергѣевича, человѣкъ, стоявшій по развитію много выше провинціальнаго общества, но ужившійся все-таки съ нимъ и тоже жившій весело.

Левъ Николаевичъ Толстой.

Наибольшее значеніе въ жизни моей—я не говорю о семьѣ и о людяхъ и событіяхъ, вліявшихъ на меня въ дѣтствѣ, юношествѣ и первой молодости—имѣло состоявшееся въ 1878 году знакомство мое съ Львомъ Николаевичемъ, превратившееся затѣмъ въ дружескую близость; я съ своей стороны чувствовалъ къ нему не только дѣйствительно глубокое уваженіе, но горячую привязанность и любовь.

Хотя внѣшне, да и въ болѣе важномъ,—въ отношеніи уклада и условій жизни, жизнь моя не измѣнилась послѣ знакомства съ Львомъ Николаевичемъ, и я остался въ средѣ судебнаго вѣдомства, а позднѣе взялъ на себя преподаваніе въ университетѣ науки «уголовнаго процесса»; хотя я не вышелъ изъ обычныхъ рамокъ и обстановки общественнаго и домашняго обихода жизни горожанина нашего времени, обладающаго нѣкоторымъ достаткомъ, съ привычками такъ называемаго «культурнаго человѣка», остался «другомъ театра», къ которому былъ близокъ съ юныхъ лѣтъ, но въ образѣ мыслей, въ вопросахъ вѣры, во взглядахъ на жизнь, на отношенія къ людямъ, я почти незамѣтно для себя подчинился во многомъ вліянію Льва Николаевича. Я позволилъ себѣ написать эти строки совершенно интимнаго характера, касающіяся исключительно меня, только потому, чтобы читателю было ясно мое отношеніе къ памяти Льва Николаевича; не хочу его скрывать, но въ то же время мнѣ желалось бы убѣдить тѣхъ, кого заинтересуютъ мои воспо-

минанія о Львѣ Николаевичѣ, въ томъ, что онѣ пишутся безпристрастно, внѣ ослѣпленія личностью великаго писателя, а съ полной объективностью.

Ничего безусловно не будетъ мною прибавлено къ тому, что я лично видѣлъ и слышалъ отъ Льва Николаевича, къ тому, за достовѣрность чего я могу вполнѣ поручиться. Воспоминанія мои будутъ страдать противоположнымъ недостаткомъ — неполнотою, тѣмъ, что я не сумѣю использовать весь матеріалъ, который былъ въ свое время въ моемъ распоряженіи. И это потому, что, я, къ сожалѣнію, не записывалъ никогда впечатлѣній дня, какъ бы сильны они ни были, не велъ не только дневника, но никакихъ записокъ или замѣтокъ и, благодаря этому, очень многое изъ сношеній моихъ съ Львомъ Николаевичемъ утратилось мною. Левъ Николаевичъ писалъ мнѣ довольно часто, но далеко не всѣ письма его сохранились у меня; къ тому же письма эти, несомнѣнно, интересныя въ цѣломъ, въ отдѣльности не представляются таковыми, такъ какъ носятъ исключительно характеръ дѣловой, касаясь хлопотъ Льва Николаевича за кого-либо или за что-нибудь. Отсутствіе записей о длительныхъ иногда бесѣдахъ моихъ съ Львомъ Николаевичемъ, касавшихся всѣхъ вопросовъ, волновавшихъ его, лишающее меня возможности передать теперь въ надлежащемъ изложеніи мысли, имъ высказывавшіяся, я готовъ поставить себѣ въ вину; но оно произошло не отъ недостаточнаго вниманія или недостаточной оцѣнки высказавшагося Львомъ Николаевичемъ, а отъ моего чувства любви къ Льву Николаевичу, какъ къ человѣку, которое мѣшало мнѣ пользоваться близостью къ нему для того, чтобы брать отъ него что-либо не какъ отъ друга, а какъ отъ выдающагося мыслителя, знаменитаго писателя. Я увѣренъ въ томъ, что чувство, мѣшавшее мнѣ, не разумно, очень эгоистично и въ корнѣ невѣрно, но я его въ то время не анализировалъ, а было оно во мнѣ искренно и сильно.

Конечно, еще до личнаго знакомства съ Львомъ Николаевичемъ, я зналъ его какъ писателя; еще въ дѣтскомъ возра-

стѣ, я прочелъ его «Дѣтство и отрочество» и совершенно увлекся этимъ очаровательнымъ разсказомъ, доступнымъ пониманію и ребенка. Хорошо помню, что я плакалъ, читая предсмертное письмо матери къ отцу, плакалъ при описаніи отношенія дѣтей къ гувернеру, нѣмцу и давалъ себѣ, какъ и герой разсказа, слово «исправиться». Помню, но болѣе смутно, «Севастопольскіе разсказы», но зато въ моей памяти отчетливо сохранился портретъ Толстого въ формѣ артиллерійскаго офицера въ издававшемся тогда Василіемъ Тиммомъ «Художественномъ листкѣ». Затѣмъ послѣдовало впечатлѣніе отъ «Казаковъ», еще большее отъ прочитаннаго во время студенчества романа «Война и миръ» и, наконецъ, «Анны Карениной».

Весною 1878 года я былъ переведенъ изъ Полоцка въ Тулу прокуроромъ Окружного Суда и вскорѣ былъ вынужденъ вслѣдствіе серьезной болѣзни взять длительный отпускъ, который и провелъ въ деревнѣ, въ Моршанскомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи. Возвращаясь въ Тулу уже осенью, въ поѣздѣ Ряжско-Вяземской желѣзной дороги, я былъ разбуженъ рано утромъ на станціи «Клекотки» вошедшими въ вагонъ, въ которомъ я сидѣлъ, пассажирами. Оказалось, что это были близкіе мнѣ Петръ Ѳедоровичъ и Александра Павловна Самарины и съ ними Левъ Николаевичъ. Онъ прогостилъ нѣсколько дней у Самариныхъ въ ихъ Епифанскомъ имѣніи «Молоденкахъ» и возвращался въ Ясную Поляну, а Самарины ѣхали въ Тулу, гдѣ въ то время Петръ Ѳедоровичъ состоялъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Самарины тотчасъ же познакомили меня съ Львомъ Николаевичемъ, который къ величайшей моей радости, тутъ же, въ вагонѣ, разговорился со мной и пригласилъ побывать у него въ Ясной Полянѣ, отстоящей отъ Тулы въ 12 или 13 верстахъ по Кіевскому шоссе.

Вскорѣ я воспользовался зовомъ Льва Николаевича и къ обѣденному часу явился въ Ясную Поляну, быстро доѣхавъ туда на отличной тройкѣ «Лабазовскихъ» лошадей (Лабазовъ содержалъ ямскихъ лошадей въ Тулѣ) по Кіев-

скому шоссе, все протяженіе котораго, отъ Тулы до поворота на Толстовскую усадьбу, я до сихъ поръ помню до мельчайшихъ подробностей, — такъ часто потомъ мнѣ приходилось дѣлать этотъ переѣздъ. Дорога въ Ясную Поляну связана для меня съ воспоминаніями о Львѣ Николаевичѣ и потому еще, что много разъ приходилось по ней проѣзжать, а иногда идти пѣшкомъ, съ самимъ Львомъ Николаевичемъ и съ кѣмъ-либо изъ его семьи, или близкихъ ему людей. Дорога, т.-е. окрестности ея, мало измѣнились съ 1878 года; возникъ было и задымилъ, приблизительно вполпути отъ Тулы, около самаго шоссе, чугуно-литейный заводъ какой-то бельгійско-русской компаніи, но вскорѣ онъ погибъ, вслѣдствіе недостатка средствъ и невыгодности всего дѣла, и на дорогѣ остался лишь замолкшій, черный, мрачный, странныхъ очертаній, остовъ его главнаго корпуса, весь изъ желѣза, съ гигантскою трубой и нѣсколькими домиками, съ забитыми досками окнами. На правой сторонѣ, въ казенной засѣкѣ, по спуску къ оврагу, по которому протекаетъ быстрая «Воронка», гдѣ мнѣ не разъ приходилось, отойдя всего шаговъ сто отъ дороги, стоять весной на вальдшнепной тягѣ, выстроился понемногу рядъ лѣтнихъ дачъ Тульскихъ обитателей, и уже близко около усадьбы, на грунтовой дорогѣ, по съѣздѣ съ шоссе, развалился старинный, каменный, пограничный между Тульскимъ и Крапивенскимъ уѣздами, столбъ, а въ остальномъ дорога въ Ясную производитъ и теперь все такое же впечатлѣніе.

Въ первый же пріѣздъ я познакомился съ графиней Софьей Андреевной и всей семьей Льва Николаевича, тогда еще обрѣтавшейся въ весьма молодомъ возрастѣ. Старшій сынъ Льва Николаевича, Сергѣй Львовичъ, готовился къ поступленію въ университетъ, а при старшихъ дочеряхъ — Татьянѣ и Марьѣ Львовнахъ, находилась гувернантка, если не ошибаюсь, англичанка, та самая, кажется, которая, покинувъ впослѣдствіи семью Толстыхъ, описала въ изданной ею книжкѣ Ясно-Полянскую жизнь въ очень отрицательномъ тонѣ и съ добавленіемъ злостно

измышленныхъ ею обстоятельствъ, касающихся самого Льва Николаевича. При мальчикахъ находился постоянный учитель, да еще наѣзжали учителя изъ Тулы. Софья Андреевна и дѣти, съ которыми я въ сущности знакомился по мѣрѣ того, какъ они подрастали, приняли меня ласково, и съ первыхъ же дней знакомства у меня составились до сихъ поръ длящіяся дружескія отношенія со всей семьей Льва Николаевича.

Зимой 1878—1879 года небольшой кружокъ моихъ сослуживцевъ и друзей выписалъ въ Тулу нѣсколькихъ крестьянъ «Псковичей»—спеціалистовъ загонщиковъ, въ зимнее время, волковъ и лисицъ, родомъ изъ какого-то села Псковской губерніи, всѣ почти жители котораго охотники и избрали себѣ такой, очень для нихъ выгодный, зимній отхожій промыселъ. Охотясь въ окрестностяхъ Тулы, въ казенной засѣкѣ и частныхъ лѣсахъ, мы иногда заѣзжали въ Ясную Поляну, и Левъ Николаевичъ отправлялся на охоту съ нами. Помню, что именно во время охоты съ Псковичами и дорогою изъ засѣки домой, — я ѣхалъ въ саняхъ вдвоемъ съ Львомъ Николаевичемъ, — произошелъ у меня первый разговоръ съ Львомъ Николаевичемъ на серьезныя темы, разговоръ, быстро ставшій интимнымъ и какъ бы сблизившій насъ. Въ описываемое время Левъ Николаевичъ еще не выработалъ въ себѣ того душевнаго состоянія и той вѣры, которая вскорѣ однако наступила для него и уже не покидала до кончины, лишь развиваясь и все болѣе опредѣляясь; мнѣ думается, что онъ еще не приступалъ въ эту пору къ написанію «Въ чемъ моя вѣра», но мысленно работалъ надъ этимъ вопросомъ и весь былъ поглощенъ имъ. Левъ Николаевичъ заинтересовался узнать — вѣрую ли я въ Бога такъ, какъ этому учитъ православная церковь, интересуютъ ли меня религіозные вопросы, или я — подобно многимъ лицамъ изъ интеллигенціи — равнодушенъ къ этой сторонѣ жизни. Я высказалъ Льву Николаевичу мои религіозныя вѣрованія и отношеніе къ церкви, а затѣмъ онъ самъ заговорилъ о своихъ исканіяхъ, сомнѣніяхъ и колебаніяхъ на этомъ пути,

о томъ, что онъ еще недавно, — послѣ долгаго безразличія къ вопросамъ вѣры, — пытался найти душевное удовлетвореніе и успокоеніе, слѣдуя ученію и правиламъ церкви; онъ въ теченіе долгаго времени не только посѣщалъ православныя церковныя службы, но строго держалъ посты, старался постигнуть значеніе затворнической жизни, для чего былъ въ Оптиной пустыни и еще въ какомъ-то монастырѣ, искалъ разрѣшенія смущавшихъ его вопросовъ въ чтеніи священнаго писанія и твореній отцовъ церкви и выдающихся православныхъ богослововъ, обращался за разъясненіями къ Тульскому архіерею Никандру, но не нашелъ того, чего жаждала его душа, не нашелъ истины; вѣра его не только не окрѣпла, но совсѣмъ померкла. Теперь же, говорилъ Левъ Николаевичъ, онъ ищетъ и находитъ въ Евангеліи смыслъ жизни и свое духовное спасеніе. То, о чемъ говорилъ мнѣ Левъ Николаевичъ, пока мы ѣхали съ нимъ на одной лошадкѣ, запряженной въ сани-розвальни, было затѣмъ написано имъ, — это «Въ чемъ моя вѣра».

Въ разсказанномъ мнѣ Львомъ Николаевичемъ углубленіи его въ культъ православной церкви для ближайшаго, собственнымъ опытомъ, на дѣлѣ, изученія его, сказалась присущая ему характерная черта, противоположная тому, что зовется диллетантизмомъ, верхоглядствомъ. Левъ Николаевичъ, заинтересовавшись какимъ-либо вопросомъ, найдя вообще нужнымъ почему-либо ознакомиться съ нимъ, изучалъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, систематически, не жалѣя труда и времени, не щадя себя въ тѣхъ случаяхъ, когда такое изученіе было почему-либо не легко для него. Такъ, заинтересовавшись вопросомъ о вегетаріанствѣ, считая теоретически правильнымъ воздержаніе отъ употребленія въ пищу «убоины», онъ не только ознакомился съ существующей по этому предмету литературой и самъ доискивался и находилъ подтвержденіе своего взгляда въ Библіи и въ другихъ книгахъ, но счелъ необходимымъ побывать на бойнѣ, чтобы посмотрѣть, какъ производится массовое убійство быковъ, коровъ и телятъ, идущихъ затѣмъ въ пищу

горожанамъ, но уже неузнаваемыми, потерявшими отталкивающій видъ кроваваго теплаго мяса. Мы отправились на Тульскую бойню вмѣстѣ съ Львомъ Николаевичемъ, но, признаюсь, я не выдержалъ отвратительнаго зрѣлища, представившагося намъ, и бѣжалъ, а Левъ Николаевичъ остался, какъ ему ни было это противно, до конца денной убойной операціи.

И такъ онъ поступалъ всегда: знакомясь съ бытомъ арестантовъ и характеромъ отдѣльныхъ лицъ изъ нихъ, онъ подолгу пребывалъ въ тюрьмахъ и исправительныхъ отдѣленіяхъ, бесѣдуя съ «преступниками» всѣхъ категорій въ Крапивнѣ, Тулѣ и Москвѣ. Въ то время, когда имъ подготовлялось и писалось «Воскресенье», Левъ Николаевичъ посѣщалъ засѣданія суда, и разъ, по его просьбѣ, я провелъ его въ Тульскій судъ, гдѣ разсматривалось съ присяжными засѣдателями дѣло по обвиненію одного молодого Тульскаго мѣщанина въ покушеніи на убійство молоденькой проститутки. Въ качествѣ свидѣтелей по этому дѣлу были вызваны и давали показанія сама потерпѣвшая, товарки ея и хозяйка того дома, гдѣ знакомый «гость» ударилъ ножомъ въ бокъ несчастную дѣвушку. Присяжные признали мѣщанина виновнымъ, но лишь въ нанесеніи раны, хотя потерпѣвшая настаивала на томъ, что подсудимый хотѣлъ ее лишить жизни. По окончаніи засѣданія Левъ Николаевичъ подошелъ къ потерпѣвшей и сталъ ей говорить о томъ, что лучше бы она сдѣлала, если бы простила своего обидчика, особенно теперь, когда онъ приговоренъ къ тюрьмѣ, что злоба къ нему лишь тяжесть для нея самой. Но хорошія слова незнакомаго страннаго старика не произвели на дѣвицу надлежащаго впечатлѣнія; она, кажется, даже обидѣлась, принявъ ихъ за насмѣшку, и отвѣтила Льву Николаевичу грубо, рѣзко и именно со злобнымъ тупымъ выраженіемъ.

Помню, что одно посѣщеніе Львомъ Николаевичемъ Крапивенской уѣздной тюрьмы, безъ взятія на то особаго разрѣшенія, дойдя до свѣдѣнія губернской администраціи, вызвало предложеніе смотрителю тюрьмы — старичку, не

дерзнувшему не впустить Толстого въ охраняемый имъ замокъ, выдти въ отставку. Предложеніе это не было однако приведено въ исполненіе, благодаря просьбамъ о помилованіи Льва Николаевича и Софьи Андреевны, обращеннымъ къ тогдашнему Тульскому губернатору Н. А. Зиновьеву, относившемуся съ большимъ уваженіемъ къ Льву Николаевичу, котораго онъ иногда посѣщалъ, но не въ качествѣ представителя наблюдающей власти, а въ качествѣ знакомаго.

Знаю также и то, что вопреки высказывавшимся устно и печатно утвержденіямъ, что Левъ Николаевичъ, взявъ на себя толкованіе Евангелія, не потрудился даже надлежаще изучить его, — едва ли кто-либо изъ ученыхъ богослововъ работалъ такъ, какъ Левъ Николаевичъ надъ всестороннимъ ознакомленіемъ съ Евангеліемъ и его литературой, древней и новой. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже то, что Левъ Николаевичъ въ возрастѣ свыше 50 лѣтъ, для болѣе вѣрнаго проникновенія въ смыслъ евангельскаго текста, изучилъ греческій и древне-еврейскій языки, и то, что, независимо отъ пользованія Л. Н. спеціальными сочиненіями, доставлявшимися ему знакомыми изъ различныхъ книгохранилищъ, въ Ясно-Полянской библіотекѣ имѣется налицо большое количество научныхъ трудовъ, посвященныхъ Евангелію.

Въ теченіе всего тридцатитрехлѣтняго существованія нашихъ хорошихъ отношеній, я въ лѣтнее время бывалъ особенно часто въ Ясной Полянѣ, что длилось до переѣзда моего изъ Тулы въ Москву въ 1897 году. Въ эти лѣтнія посѣщенія мы всегда, если только этому не препятствовало невозможное состояніе погоды, совершали съ Львомъ Николаевичемъ продолжительныя прогулки, иногда вдвоемъ, иногда съ членами Толстовской семьи, съ Кузминскими (сенаторъ А. М. Кузминскій, женатый на родной сестрѣ графини Толстой, рожденной Берсъ — Татьянѣ Андреевнѣ, въ теченіе долгаго срока проводилъ вакантное время, а семья его и все лѣто, въ Ясной Полянѣ,

въ отдѣльномъ, стоящемъ въ саду, флигелѣ) или съ кѣмъ-либо изъ пріѣзжихъ посѣтителей, рѣдко въ лѣтнюю пору отсутствовавшихъ въ Ясной. Ходили мы обычно пѣшкомъ въ послѣобѣденное время, но иногда все общество направлялось куда-либо въ помѣстительныхъ дрогахъ; случалось ѣздить съ Львомъ Николаевичемъ и верхомъ.

Эти прогулки, особенно, долженъ сознаться, предпринимавшіяся нами вдвоемъ, были для меня полны значенія и радости. Прогулки весьма разнообразились: въ первые годы нашего знакомства мы съ Львомъ Николаевичемъ охотились, а именно ранней весною ходили на «тягу» по вальдшнепамъ, становясь иногда очень близко отъ усадьбы за яблоннымъ садомъ, въ «заказѣ», гдѣ-нибудь на дорогѣ, между старымъ и болѣе молодымъ лѣсомъ, или дальше въ томъ же направленіи, перейдя оврагъ; осенью мы ходили иногда съ собакою, но чаще одни, въ засѣку по тѣмъ же вальдшнепамъ. Охота наша была не изъ особенно прибыльныхъ, но все-таки иногда мы возвращались съ дичью. Левъ Николаевичъ не казался въ это время страстнымъ охотникомъ, хотя и тогда, и позднѣе онъ любилъ поговорить объ охотѣ и разсказывалъ о бывавшихъ съ нимъ на охотѣ случаяхъ; охотничьи принадлежности не хранились имъ бережно, собака не содержалась въ дисциплинѣ и подчинялась больше всѣхъ Михайлѣ Васильевичу, служителю Толстыхъ— большому охотнику; вообще было замѣтно, что охота попотеряла для Льва Николаевича въ значительной степени свое обаяніе. Такъ оно и было въ дѣйствительности, и вскорѣ какъ-то, когда я пріѣхалъ въ Ясную съ ружьемъ, позвалъ было Льва Николаевича пройтись по засѣкѣ и пострѣлять вальдшнеповъ (это было осенью), онъ пошелъ со мной, но безъ ружья, а затѣмъ предложилъ мнѣ, если я хочу охотиться, брать съ собой Михаила Васильевича, а съ нимъ ходить вооруженнымъ только тростью. Этотъ отказъ Льва Николаевича отъ долго имъ любимой охоты не былъ для него тяжелъ и «навязанъ» себѣ разсужденіями; ему просто стало непріятно убивать живыя существа — птицъ и зайцевъ,

и это ощущеніе лишь совпало со взглядомъ его на вегетаріанство.

Около этого же времени Левъ Николаевичъ пересталъ курить. Но это рѣшеніе было имъ принято не вслѣдствіе физическаго отвращенія къ табаку; напротивъ, оставленіе куренія давалось ему не легко, привычка эта значительно укоренилась въ немъ; но Левъ Николаевичъ убѣдился въ томъ, что куреніе табаку есть одурманиваніе себя до нѣкоторой степени, приведеніе себя въ ненормальное состояніе, нѣсколько приближающееся къ легкому опьянѣнію, ослабляющее силу сопротивленія человѣка дурнымъ побужденіямъ. Левъ Николаевичъ убѣждался въ вѣрности своего заключенія по извѣстнымъ ему случаямъ, когда до совершенія дурного поступка или даже преступленія, и послѣ него, люди непремѣнно хватались за папиросы; съ папиросой во рту казалось не такъ стыдно сдѣлать или сказать что-либо предосудительное. По этой же причинѣ Левъ Николаевичъ отказался отъ вина, и хотя, будучи вообще человѣкомъ очень терпимымъ, снисходительнымъ къ слабостямъ другихъ, онъ не протестовалъ противъ того, чтобы у него въ домѣ, когда оставался обѣдать кто-либо посторонній, ради него за столъ подавалась бутылка вина, но ему это было непріятно, какъ и многое другое въ обиходѣ семейно-домашней жизни, но съ чѣмъ онъ мирился, дабы не стѣснять и не раздражать другихъ; нормально поэтому ни водки, ни вина у Толстыхъ не подавали. Гораздо позднѣе, послѣ поѣздки въ Крымъ и ряда тяжелыхъ болѣзней, перенесенныхъ до этого и въ Крыму (сердечный припадокъ, воспаленіе легкихъ, тифъ), Левъ Николаевичъ, по настоянію семейныхъ, выпивалъ за обѣдомъ, въ видѣ лѣкарства, одну рюмку слабаго винограднаго вина.

Но былъ случай, когда Левъ Николаевичъ, лично только-что переставшій пить вино,—это было, кажется, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, — самъ угостилъ цѣлое общество случайно оказавшимся у него игристымъ Донскимъ виномъ. Ранней весной этого года Левъ Николаевичъ, оставивъ семейство въ Москвѣ, куда они тогда переѣхали въ видахъ

воспитанія дѣтей, перебрался въ Ясную Поляну и жилъ тамъ одинъ, безъ прислуги, кромѣ находившейся при усадьбѣ простой стряпухи, въ двухъ комнатахъ со сводами нижняго этажа дома, входъ въ которыя былъ со двора «съ задняго крыльца». Я, имѣя разрѣшенія Толстыхъ во всякое время охотиться въ ихъ мѣстахъ, отправился въ Ясную съ довольно многолюднымъ обществомъ, въ которомъ было нѣсколько дамъ, частью знакомыхъ Льву Николаевичу, и даже офицеръ-артиллеристъ. Мы не знали о пребываніи Льва Николаевича въ Ясной Полянѣ и, пріѣхавъ въ нѣсколькихъ колясках на усадьбу, оставили ихъ во дворѣ, а сами двинулись подъ моимъ водительствомъ въ лѣсъ, на хорошо знакомыя мнѣ мѣста, гдѣ обычно «тянули» вальдшнепы. Отстоявъ тягу, т.-е. вечернюю зарю, въ теченіе которой длится летъ вальдшнеповъ, дающую въ хорошую погоду чудную весеннюю картину, полную разнообразныхъ звуковъ пробуждающейся послѣ зимы природы, мы вернулись къ нашимъ экипажамъ, но тутъ намъ стряпуха объявила, что Левъ Николаевичъ дома и проситъ насъ къ себѣ. Не безъ совершеннаго смущенія и волненія общество наше, большинство котораго не было лично знакомо съ Толстымъ, вошло въ низкую комнату (знакомую большой публикѣ по извѣстной картинѣ Рѣпина, на которой Левъ Николаевичъ изображенъ пишущимъ за столомъ), гдѣ пребывалъ Левъ Николаевичъ. Я представилъ незнакомыхъ еще ему гостей и извинился за столь многочисленное и неожиданное вторженіе на его усадьбу. Левъ Николаевичъ немедленно успокоилъ смущеніе непрошенныхъ гостей, сказавъ, что очень радъ нашему пріѣзду, тѣмъ болѣе, что все это время былъ въ Ясной Полянѣ совсѣмъ одинъ, и угостилъ насъ чаемъ, кое-какъ собраннымъ имъ лично при содѣйствіи стряпухи. Левъ Николаевичъ былъ настроенъ очень весело, оживленно бесѣдовалъ съ нами и, наконецъ, вспомнивъ, что у него имѣются двѣ бутылки Цымлянскаго, присланныя ему недавно въ даръ кѣмъ-то съ Дона, разыскалъ ихъ и угостилъ насъ этимъ напиткомъ, разливъ его въ довольно разнообразную

посуду, такъ какъ стакановъ налицо было не больше двухъ или трехъ.

Это неожиданное посѣщеніе Ясной Поляны оживленнымъ молодымъ обществомъ оставило хорошее воспоминаніе не только у насъ, но и у Льва Николаевича, который впослѣдствіи разсказывалъ, весело смѣясь и смѣша слушателей, какъ къ нему нагрянула компанія совершенно невѣдомыхъ людей — «дамы, офицеры, священники, дѣти и съ ними ихъ начальникъ Николай Васильевичъ», голодные, озябшіе, ничего не застрѣлившіе на тягѣ, и какъ онъ ихъ отпаивалъ чаемъ и Донскимъ виномъ. Компанія дѣйствительно, какъ это всегда бываетъ, когда охота превращается въ увеселительную прогулку съ дамами, не добыла ни одного вальдшнепа, но священниковъ и дѣтей — долженъ сознаться, — къ сожалѣнію, съ нами не было. Я увѣренъ, что участники описанной экскурсіи до сихъ поръ охотно вспоминаютъ объ этомъ визитѣ ихъ Льву Николаевичу.

Что въ прогулкахъ съ Львомъ Николаевичемъ было особенно пріятно, — это проявлявшаяся на каждомъ шагу любовь его и тонкое пониманіе, ощущеніе красотъ природы. И зимой, и лѣтомъ онъ находилъ и давалъ почувствовать своему собесѣднику эту красоту, и это его отношеніе къ природѣ передавалось и его спутнику. Левъ Николаевичъ любилъ движеніе; поѣздки въ экипажѣ были ему не по душѣ, онъ предпочиталъ верховую ѣзду, не оставлявшуюся имъ до конца жизни. А ѣздилъ Левъ Николаевичъ превосходно; онъ чувствовалъ себя на лошади какъ дома; это замѣчалось тотчасъ-же какъ только взглянешь на его красивую, свободную посадку на лошади. Такъ же любилъ онъ и хожденіе пѣшкомъ и, какъ извѣстно, совершилъ нѣсколько длительныхъ пѣшеходныхъ путешествій (между прочимъ, въ Оптину пустынь), и охотно про нихъ вспоминалъ и разсказывалъ. Левъ Николаевичъ выучился ѣздить на велосипедѣ и нѣсколько разъ доѣзжалъ на немъ изъ Ясной Поляны до Тулы; онъ ощущалъ непосредственную потребность въ движеніи и физическомъ трудѣ. Работа, — будь то съ то-

поромъ, лопатой, или косой, — доставляла ему физическое и духовное удовлетвореніе. Его физическія силы и крѣпкіе мускулы, весь его здоровый организмъ, требовали приложенія этихъ силъ къ физической работѣ, такъ же, какъ духовная организація не могла обойтись безъ работы мысли, и даже именно писательства,—литературной работы. Какъ-то на вопросъ мой, совсѣмъ ли оставилъ Левъ Николаевичъ художественное творчество, онъ отвѣтилъ, что нѣтъ, что чувствуетъ, что еще будетъ писать въ этомъ направленіи, что, быть - можетъ, это и лишнее, но что его временами неудержимо влечетъ къ такой литературной работѣ, и добавилъ, улыбаясь: «qui a bu — boira».

Нѣсколько разъ, во время лѣтнихъ прогулокъ нашихъ, мы вдвоемъ съ Львомъ Николаевичемъ или съ мальчиками купались въ протекающей недалеко отъ усадьбы Воронкѣ, а иной разъ уходили очень далеко отъ дома, при чемъ утомлялся всегда я, а Левъ Николаевичъ почти до конца жизни, во всякомъ случаѣ до бывшихъ у него серьезныхъ заболѣваній, повидимому, не зналъ даже, что такое усталость. Часто, встрѣчаясь на дорогѣ и проходя деревней, Левъ Николаевичъ останавливался и разговаривалъ съ крестьянами, относившимися къ нему просто, безъ подобострастія, но съ несомнѣнно искреннимъ уваженіемъ; иные изъ нихъ были его ученики по школѣ, въ которой онъ самъ занимался прежде. Раза два мы встрѣчались съ таборомъ цыганъ, располагавшихся между шоссе и усадьбой, въ ложбинкѣ около моста, и разбивавшихъ тамъ около отпряженныхъ телѣгъ палатки, при чемъ лошади паслись тутъ же на заросшей травой старой большой дорогѣ. Если съ нами былъ кто-нибудь изъ Ясно-Полянской молодежи, то цыгане пѣли и плясали, доставляя тѣмъ видимо удовольствіе и Льву Николаевичу, благодушно бесѣдовавшему съ ними.

Одна прогулка осталась у меня особенно въ памяти: мы пошли съ Львомъ Николаевичемъ вдвоемъ прямо засѣкой, безъ дороги, въ С . . . . ., въ старую усадьбу, на которой въ это лѣто жилъ Тульскій губернаторъ Зиновьевъ съ семьей;

Софья Андреевна и старшія дочери Льва Николаевича должны были пріѣхать туда же кружнымъ путемъ, по шоссе. Идти лѣсомъ дубовымъ, но перемежавшимся осинникомъ и березникомъ, со встрѣчавшимися по опушкамъ иными древесными породами, съ густою зарослью орѣшника и другихъ кустовъ, сквозь чащу которыхъ приходилось пробиваться, — было сплошнымъ наслажденіемъ, длившимся долго, такъ какъ до С... было не близко, а мы къ тому же нѣсколько разъ сбивались съ прямого тракта. Левъ Николаевичъ разсказывалъ, когда мы шли орѣшникомъ, о томъ, что дѣлается съ мѣстными крестьянками въ пору сбора орѣховъ, когда онѣ цѣлымъ поселеніемъ съ мѣшками, съ подводой и котомками съ хлѣбомъ, солью и огурцами, забираются въ лѣсъ на нѣсколько дней. Это нашествіе бабъ на лѣсъ производило на Льва Николаевича впечатлѣніе какого-то инстинктивнаго, животнаго движенія, неразсудочной потребности, страсти нарвать побольше орѣховъ. Всѣ другіе интересы для крестьянокъ исчезали, и онѣ, охваченныя орѣховой лихорадкой, слабыя, здоровыя, старыя, молодыя, съ грудными дѣтьми, жили въ лѣсу совсѣмъ первобытной жизнью въ теченіе нѣсколькихъ дней, болѣя, ссорясь, любя, рожая тутъ же, и приходили въ себя лишь по возвращеніи къ себѣ въ село.

Почти стемнѣло, когда намъ стала видна, стоявшая недалеко отъ засѣки, С... усадьба. Левъ Николаевичъ вспомнилъ, что онъ нѣсколько десятковъ лѣтъ не былъ на ней, тогда какъ прежде, въ дни ранней молодости, еще холостымъ человѣкомъ, часто бывалъ на ней, у прежнихъ собственниковъ этого имѣнія. Онъ изъ Ясной Поляны любилъ ходить въ С... именно лѣсомъ, тѣмъ самымъ путемъ, которымъ мы шли, нѣсколько имъ теперь, по прошествіи столь долгаго времени, забытымъ. На усадьбѣ жила семья помѣщиковъ N..., и одна изъ дочерей дома нравилась Льву Николаевичу. Онъ одно время увлекался ею, но затѣмъ убѣдился, что чувство его не столько искренно, сколько подогрѣто, и пересталъ бывать у N...

С... усадьба напоминала великорусскія помѣщичьи усадьбы средней руки: деревянный одноэтажный домъ съ мезониномъ; съ одной стороны крыльцо, поддерживаемое колонками, а съ другой — терраса, выходящая въ цвѣтникъ и садъ, — все было трогательно знакомо. Мы пробыли у Зиновьевыхъ недолго. Оживленіе Льва Николаевича прошло, и мы вскорѣ отправились обратно въ Ясную Поляну, но уже въ долгушѣ вмѣстѣ съ Софьей Андреевной и дочерьми Льва Николаевича.

Левъ Николаевичъ, послѣ того, какъ онъ перешелъ на вегетаріанскую пищу, продолжалъ обѣдать, сидя со всѣми за столомъ, но изъ общихъ блюдъ бралъ только мучныя и зелень, ограничиваясь обычно кашей въ разныхъ видахъ, постной похлебкой и хлѣбомъ, предпочитая вообще самую простую, грубую пищу, хотя она не всегда хорошо переносилась имъ и съ годами все чаще и чаще вызывала желудочныя заболѣванія и желчныя колики. Въ послѣдніе годы жизни Льву Николаевичу пришлось поневолѣ, не измѣняя въ общемъ вегетаріанскому режиму, питаться легче усвоиваемыми пищевыми продуктами. Вообще, Левъ Николаевичъ, живя въ семьѣ, не отстранялъ себя отъ ея жизни, и хотя значительную часть дня, — какъ въ Ясной Полянѣ, такъ и въ Москвѣ, — проводилъ въ своей комнатѣ, но обычно, по крайней мѣрѣ въ Ясной Полянѣ, послѣобѣденное время и вечеръ проводилъ со всѣми, принимая участіе въ общей бесѣдѣ, или играя въ шахматы, читая громко, или слушая чье-либо чтеніе. — Левъ Николаевичъ всегда любилъ музыку, особенно простую, народную пѣсню, творенія Гайдна, Моцарта, и мнѣ не разъ приходилось, — это относится къ восьмидесятымъ годамъ, — играть съ нимъ въ четыре руки (я въ лѣвой рукѣ). Левъ Николаевичъ охотно слушалъ бренчанье на гитарѣ, игру на фортепіано и хоровое пѣніе Ясно-Полянской молодежи, а иногда, — что тоже было уже давно, — принималъ непосредственное участіе въ играхъ дѣтей и юнцовъ, требовавшихъ движенія, въ родѣ «жмурокъ», какого-то «гуся» и т. п.

Обычно Левъ Николаевичъ бывалъ веселъ и привѣтливъ, и даже въ иное время, когда многочисленное собраніе «гостей» и до извѣстной степени «свѣтское» теченіе жизни у него въ семьѣ бывало ему непріятно, противорѣча его взгляду на необходимость упрощенія жизни, изгнанія изъ нея роскоши, свѣтскихъ условностей, длящагося ничегонедѣланья, онъ старался не показывать этого и во всякомъ случаѣ не подчеркивать, чтобы не огорчать и не раздражать напрасно тѣхъ, съ которыми онъ жилъ и къ кому относился съ любовью, признавая за ними право мыслить и поступать иначе, чѣмъ онъ. Такое отношеніе Льва Николаевича къ окружающимъ его и вообще къ условіямъ жизни его, съ тѣхъ поръ, какъ взгляды его и убѣжденія во многомъ разошлись съ общепринятыми въ томъ кругу, къ которому онъ принадлежалъ, отнюдь не было послѣдствіемъ слабой воли, безхарактерности. Левъ Николаевичъ, на сколько я понялъ его, — все, что я теперь говорю, это лишь мои личные выводы и заключенія, а Левъ Николаевичъ мнѣ ничего объ этой сторонѣ своей жизни *прямо* не говорилъ, — не признавалъ себя въ правѣ ни мѣшать окружающимъ жить, какъ они хотятъ и могутъ, или насильственно заставить ихъ измѣнить образъ жизни, ни покинуть ихъ, и тѣмъ причинить близкимъ ему людямъ тяжкое, непереносное горе и обиду.

Съ теченіемъ времени эта появлявшаяся иногда въ домашней жизни Льва Николаевича двойственность становилась тяжелѣе для него, но я хорошо помню, что въ восьмидесятыхъ годахъ и началѣ девяностыхъ, въ Ясной Полянѣ, гдѣ домашняя обстановка и жизнь были проще, Левъ Николаевичъ очень снисходительно относился къ затѣявавшимся своею молодежью развлеченіямъ и увеселеніямъ, даже не деревенскаго характера. Такъ, въ одну изъ зимъ, проводившихся всей Толстовской семьей въ Ясной Полянѣ молодежь, конечно, съ соизволенія Софьи Андреевны, устроила костюмированный вечеръ, на которомъ присутствовали молодые люди, гостившіе у Толстыхъ, и нѣсколько знакомыхъ изъ Тулы. Л. Н. не только вышелъ къ гостямъ, но смотрѣлъ

на танцы и любезно разговаривалъ съ пріѣзжими. Помню, что погода въ этотъ вечеръ была не располагавшая къ выѣздамъ, — шелъ снѣгъ, при сильномъ холодномъ вѣтрѣ, но приглашенныя Тульскія дамы на этотъ разъ пренебрегли опасностью переѣзда въ 12 верстъ по очень плохой дорогѣ, да еще въ мятель. Дамамъ пришлось однако ѣхать въ возкахъ, а одинъ изъ нихъ уже при въѣздѣ на бугоръ, у самой усадьбы, гдѣ дорога идетъ слегка косогоромъ, свалился на бокъ, но вскорѣ же былъ поднятъ ямщикомъ и оказавшимся у возка, словно вынырнувшимъ изъ крутившейся пелены снѣга, самимъ хозяиномъ дома, Л. Н., неожиданное, сперва даже испугавшее дамъ, появленіе котораго въ такой непріятный моментъ, помирило съ паденіемъ. Въ этомъ же, кажется, году, а можетъ-быть, нѣсколько позднѣе, Толстые устроили у себя въ Ясной домашній спектакль, заинтересовавшій и Л. Н., и поставили только что написанную имъ комедію «Плоды просвѣщенія». На спектаклѣ присутствовали, кромѣ своихъ, также Тульскіе гости.

Въ теченіе первыхъ лѣтъ нашего знакомства Л. Н. иногда, вечерами, любилъ сыграть роббера три въ «винтъ», конечно, безплатно и лишь съ короткими знакомыми. Не припомню сейчасъ, хорошо или дурно игралъ Л. Н., хотя не разъ участвовалъ лично въ игрѣ съ нимъ; позднѣе я уже не видалъ Л. Н. за картами, а въ то время онъ говорилъ, что такая шуточная игра служитъ отдохновеніемъ. Пока я жилъ въ Тулѣ, а Толстые въ Ясной Полянѣ, Л. Н., бывая въ Тулѣ, куда онъ чаще всего пріѣзжалъ, и зимой, верхомъ, а иногда приходилъ даже пѣшкомъ, заходилъ обыкновенно къ намъ и, оставивъ на конюшнѣ лошадь, отправлялся въ въ городъ по дѣламъ,—въ большинствѣ случаевъ хлопотать за кого-нибудь попавшаго въ бѣду, или устраивая какое-нибудь нужное ему дѣло. Оставаясь у насъ обѣдать, иногда неожиданно, Л. Н. не причинялъ тѣмъ хозяйственныхъ заботъ, такъ какъ вегетаріанская пища его была очень проста. Нерѣдко, если я бывалъ свободенъ, мы отправлялись по городу вмѣстѣ и заходили къ служившему въ началѣ вось-

мидесятыхъ годовъ въ Тулѣ вице губернаторомъ князю Л. Д. Урусову, у котораго тоже Л. Н. останавливался. Иногда Л. Н. привозилъ съ собой то лицо, за которое онъ хлопоталъ, часто по судебному, уголовному или гражданскому, дѣлу— въ родѣ вознагражденія за увѣчье, и тогда мы шли въ судъ, или же я приглашалъ къ себѣ кого-либо изъ мѣстныхъ повѣренныхъ, всегда охотно бравшихъ на себя, притомъ безплатно, веденіе дѣлъ лицъ, рекомендованныхъ Л. Н. Помню, что я отъ имени Л. Н. всего чаще обращался къ присяжному повѣренному Гольденблату.

Въ иные пріѣзды Л. Н. мы съ нимъ отправлялись въ исправительный пріютъ для несовершеннолѣтнихъ, открытый мѣстнымъ обществомъ, по моей иниціативѣ, при матеріальномъ содѣйствіи Тульскаго купца, нынѣ умершаго, А. С. Баташова. Не сочувствуя суду и всякой судебной дѣятельности вообще, Л. Н. относился поэтому и къ исправительному пріюту, принимавшему сбившихся съ нормальнаго пути мальчиковъ по судебнымъ приговорамъ, скептически, съ сомнѣніемъ въ пользѣ такого *принудительнаго* воспитанія. Но приходя въ пріютъ и заставая дѣтей и подростковъ за работою,—зимой сапожной или столярной, а лѣтомъ огородной, а то на дворѣ за играми въ городки и т. п., при чемъ мальчики являли достаточно веселый и довольный видъ и охотно болтали, отвѣчая на вопросы, Л. Н. уступалъ впечатлѣнію и соглашался со мною, что такой результатъ судебнаго дѣла—допустимъ.

Разъ, идя съ Л. Н. въ пріютъ пѣшкомъ, мы встрѣтились съ Баташовымъ, о которомъ я только-что говорилъ, домъ котораго стоялъ рядомъ съ пріютомъ. Баташовъ, бывшій въ не совсѣмъ трезвомъ состояніи, что съ нимъ, къ сожалѣнію, случалось не рѣдко, протянулъ по направленію Л. Н. руку, и, торжественно произнося: «Вотъ идетъ человѣкъ»! поклонился до земли. Л. Н. тогда же разсказалъ, что какъ-то встрѣтивъ на шоссе, когда онъ ѣхалъ на велосипедѣ, Баташова, онъ услыхалъ отъ него несравненно менѣе любезное привѣтствіе. Баташовъ этотъ былъ въ глубинѣ души хорошій и

добрый человѣкъ, но при нѣкоторой умственной ненормальности, отсутствіи развитія, преувеличенномъ самолюбіи и тщеславіи и большомъ расположеніи къ самодурству и чудачеству, поддерживаемому въ немъ неумѣреннымъ употребленіемъ спиртныхъ напитковъ, былъ способенъ на совершенно дикіе поступки, и не разъ, находясь именно подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, направлялся къ Л. Н., не чувствовавшему ни малѣйшей охоты вступать съ нимъ въ сношенія. Баташова, дѣлавшаго въ сущности, благодаря довольно крупному состоянію, много добра въ Тулѣ, знали всѣ въ городѣ; онъ любилъ отличаться всевозможными способами: грудь его была увѣшана массою медалей и значковъ самаго разнообразнаго характера; имъ было издано нѣсколько брошюръ, прославлявшихъ его дѣянія, къ которымъ относилось и то, что онъ вывелъ «по системѣ Дарвина» курицу, пѣвшую пѣтухомъ, и утку, которая была въ то же время и селезнемъ. Разъ онъ, вслѣдствіе какого-то столкновенія съ городскою управой, пробылъ нѣкоторое время въ стоявшей во дворѣ его дома собачьей конурѣ, при чемъ отчаянно лаялъ оттуда на входившихъ; въ другой разъ купилъ гдѣ-то верблюда и повелъ его съ собой по улицамъ Тулы, а затѣмъ тутъ же подарилъ встрѣтившейся ему крестьянкѣ и т. д. Въ немъ, повидимому, сказались *въ преувеличенномъ видѣ* инстинкты и нравы предковъ его, Тульскихъ обывателей купеческаго и мѣщанскаго званія, великолѣпно описанныхъ Глѣбомъ Успенскимъ.

Раза два-три—но оно было очень давно—я видѣлъ Л. Н. въ сюртукѣ, вообще же онъ, какъ хорошо извѣстно, одѣвался просто, а именно, носилъ блузу изъ шерстяной матеріи темнаго цвѣта, а лѣтомъ бѣлую полотняную, подпоясываясь простымъ поясомъ или ремнемъ, а въ холодное время носилъ еще шерстяную вязаную фуфайку, а на плечи накидывалъ теплый платокъ или пледъ. Но одежда эта, хотя и старая, и даже, случалось, заплатанная, бывала всегда чиста, и вся обстановка Л. Н., его комната, совершенно простая, производила впечатлѣніе большой чистоплотности и порядка.

Довольно распространенное сказаніе о томъ, что Л. Н. очень нечистоплотенъ,—безусловная выдумка, какъ и многое другое, что распространялось устно, а иногда даже печатно, про него. Л. Н., несомнѣнно, любилъ чистоту, но онъ говаривалъ,—да и поступалъ въ согласіи со своими словами,—что въ этомъ отношеніи не надо идти слишкомъ далеко, ибо, въ концѣ-концовъ, чистоплотность превратится въ роскошь, въ мраморныя ванны, умываніе надушеной водой, мыло, стоющее три рубля за кусокъ, и т. п., что едва ли сколько-нибудь полезно. Избѣгая роскоши, избалованности и, на сколько возможно, оплачиваемыхъ деньгами услугъ, Л. Н. обходился лично безъ помощи служителя и обыкновенно самъ убиралъ свою комнату, а когда живалъ одинъ, безъ семьи, въ Ясной Полянѣ, то и въ еще большей степени. Такое отношеніе Л. Н. къ прислугѣ было тоже не только результатомъ рѣшенія этого вопроса съ принципіальной точки зрѣнія, а получилось всего болѣе потому, что Л. Н. просто *непріятно* было это убираніе за нимъ, постоянныя услуги посторонняго человѣка, была непріятна какая-то собственная безпомощность и зависимость отъ другого, и, наконецъ, ему было неловко за служителя.

Л. Н. относился всегда съ большой любовью къ своей семьѣ, хотя во взглядахъ на многое въ жизни радикально расходился и съ Софьей Андреевной, да и съ младшими членами семьи, во всякомъ случаѣ — съ нѣкоторыми изъ нихъ. Сколько разъ, разговаривая съ Л. Н. о его дѣтяхъ, я убѣждался въ очень тепломъ чувствѣ его къ нимъ. Особенную нѣжность Л. Н., на сколько я могъ замѣтить, — питалъ къ младшему сыну Ванѣ, умершему въ семилѣтнемъ, помнится, возрастѣ отъ менингита. Ваня, умный, милый, ласковый ребенокъ, тоже былъ очень привязанъ къ отцу; они любили совершать совмѣстныя прогулки лѣтомъ, и оба — старикъ и маленькій — гуляя, съ одинаковымъ, казалось, интересомъ и взаимнымъ пониманіемъ оживленно разговаривали. Неожиданная смерть Вани причинила большое горе Л. Н., и не меньшее, если не большее, Софьѣ Андреевнѣ, обожавшей своего мень-

шого сына. Смерть не пощадила также второй дочери Л. Н., прекрасно духовно одаренной Марьи Львовны, бывшей въ то время уже замужемъ за княземъ Оболенскимъ, къ которой отецъ былъ горячо привязанъ. Насколько я видѣлъ, Л. Н. относился вообще ласково и тепло къ родственникамъ своимъ и Софьи Андреевны, былъ дружески близокъ съ сестрою своей Марьей Николаевной, посѣщавшей Толстыхъ и въ Ясной Полянѣ, и въ Москвѣ, ѣздилъ довольно часто въ Пирогово (въ Крапивенскомъ же уѣздѣ) къ брату Сергѣю Николаевичу, и былъ искренно привѣтливъ съ племянницами Кузминскими, Оболенской, Нагорной и другими.

Л. Н., будучи сердечно привязанъ къ женѣ и дѣтямъ, относился любвеобильно къ людямъ близкимъ ему и помимо родства и семейныхъ узъ, и вообще ко всѣмъ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться, за очень рѣдкими исключеніями, вызывавшимися какимъ-либо поступкомъ или чертою въ томъ лицѣ, которые слишкомъ противорѣчили егоореннымъ убѣжденіямъ и чувствамъ. Но даже и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ Л. Н. ограничивался тѣмъ, что избѣгалъ встрѣчъ съ этими лицами и чувствовалъ къ нимъ скорѣе всего сожалѣніе. Я ни разу не слыхалъ отъ Л. Н. озлобленнаго, презрительнаго или унижающаго отзыва о комъ-либо; высказывая иногда кому-либо осужденіе, онъ спѣшилъ оговориться, что, быть-можетъ, онъ, Толстой, не правъ. Чувство, сказывавшееся въ отношеніи Л Н. къ людямъ, не имѣло ничего общаго съ тѣмъ, что зовется слащавостью, елейностью; въ немъ не проявлялось даже тѣни сантиментальности: Л. Н. на все въ жизни, а въ томъ числѣ и на людей въ разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ ихъ личности, смотрѣлъ реально, не украшалъ ихъ придуманными качествами и ясно видѣлъ всѣ ихъ слабости, недостатки и пороки. Чувство, о которомъ я говорю, не было и мягкосердечіемъ въ узкомъ значеніи слова; я бы скорѣе всего назвалъ его «человѣчностью»; оно было присуще, также какъ и жизнерадостность, самой природѣ Л. Н., и развивалось въ немъ, оставаясь органическимъ, путемъ мышленія. Чувство, на-

званное мною человѣчностью, горячее влеченіе придти на помощь человѣку, и близкому, и дальнему, помочь ему и въ маломъ, и въ большомъ, а въ идеалѣ въ главномъ, т.-е. въ пониманіи и вѣрномъ, обезпечивающемъ земное благополучіе, направленіи жизни, бывшее всегда въ душѣ Л. Н., — что совершенно явствуетъ изъ первыхъ же его произведеній,— росло съ годами и крѣпло, отражаясь даже на характерѣ Л. Н., смягчая то рѣзкое, что въ немъ было, умиротворяя его самого. Это поступательное движеніе души Л. Н. въ направленіи дѣятельной любви къ человѣку, примиренія съ нимъ и прощенія зла, наносимаго другимъ и себѣ лично, отражалось и на внѣшности Л. Н., особенно въ выраженіи его глазъ, которые въ послѣднія десятилѣтія жизни Л. Н., оставаясь проницательными, все больше и больше теряли выраженіе строгости, а полное мысли лицо его пріобрѣтало удивительную красоту, словно свѣтясь лаской и доброжелательностью.

Къ переданному мною пониманію характера Л. Н. я пришелъ не столько на основаніи его писаній, сколько главнымъ образомъ благодаря долголѣтнему общенію съ нимъ, разговорамъ съ нимъ и слушая его бесѣды съ другими. Личность Л. Н. настолько глубока, многогранна и духовно богата, такъ много въ ней заключено, что я вполнѣ допускаю возможность невѣрнаго съ моей стороны толкованія затронутой стороны личности Л. Н., но повторяю: для меня она была ясна.

Характерной чертой Л. Н. была искренность, откровенность и простота въ отношеніяхъ со всѣми; онъ не скрывалъ своихъ мыслей, хотя бы онѣ не только противорѣчили взглядамъ его собесѣдниковъ, но были имъ непріятны; въ послѣдніе годы Л. Н. старался при этомъ смягчить въ высказанномъ сужденіи или прямомъ отвѣтѣ на данный вопросъ то, что могло огорчить лицо, обратившееся къ нему; такимъ онъ былъ и въ перепискѣ, которую велъ со множествомъ лицъ, отвѣчая на большинство получаемыхъ писемъ. Взгляды свои и сужденія Л. Н. высказывалъ нерѣдко не только откровенно,

но и съ нѣкотораго рода рѣзкостью, особенно когда онъ оспаривалъ чье-либо мнѣніе и опровергалъ извѣстное положеніе. Энергично оспаривая все то, что, по мнѣнію его, въ жизни, вѣрованіяхъ и дѣятельности людей не только было не согласно съ убѣжденіями его, но представлялось ему вреднымъ, портящимъ жизнь людей лицемѣрнымъ обманомъ, Л. Н. бывалъ рѣзокъ и въ литературныхъ своихъ произведеніяхъ («Воскресеніе» и другія) и въ словесныхъ выступленіяхъ. Но это свойство Л. Н. съ годами теряло свою остроту; Л. Н. становилось непріятнымъ рѣзкостью, хотя бы совершенно правильнаго, сужденія больно задѣвать чувства кого-либо, оскорблять его искреннія вѣрованія, и Л. Н. становился въ этомъ отношеніи—въ отношеніи *формы, способа* выраженія мысли — все мягче и терпимѣе. Терпимость, и очень широкая, была, впрочемъ, всегда свойственна Л. Н.,—онъ никогда не былъ сектантомъ, изувѣромъ.

То же самое можно сказать про живость и даже горячность характера Л. Н.; и то и другое было присуще ему и тоже со временемъ умѣрялось подъ вліяніемъ душевнаго процесса, совершавшагося въ Л. Н. Мнѣ часто приходилось спорить съ Л. Н. по вопросамъ, касающимся суда, непротивленія злу, отрицанія Л. Н. общепринятаго значенія науки и другимъ; и въ началѣ нашихъ отношеній случалось, что мои возраженія, быть-можетъ, и тонъ ихъ, раздражали Л. Н., и споръ становился слишкомъ горячимъ для спора совершенно отвлеченнаго характера; Л. Н. иногда даже, хотя очень не надолго, сердился. Помню, что разъ—это было въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ—кажется, за обѣдомъ, мы заспорили съ Л. Н. о томъ, допустимо ли сожалѣніе и сочувствіе страданію человѣка, если оно вызвано ничтожнымъ или даже отрицательнымъ поводомъ; Л. Н. доказывалъ, что сожалѣть и сочувствовать всякому людскому огорченію нельзя, что въ этомъ отношеніи должна быть градація, а я утверждалъ, что всякое страданіе человѣка, разъ какъ оно искренно, заслуживаетъ сожалѣнія и, иллюстрируя свою мысль, говорилъ, что я искренно пожалѣлъ и постарался бы

утѣшить ребенка, разбившаго куклу, или взрослую даму, горько плачущую о томъ, что ея новую, съ трудомъ пріобрѣтенную, шляпку испортилъ дождь. Подъ конецъ спора Л. Н. сказалъ мнѣ—именно по поводу этой плачущей о гибели шляпы дамы—что-то непріятное, рѣзкое. Но послѣ обѣда Л. Н. подошелъ ко мнѣ и попросилъ не сердиться на него изъ-за его горячности и даже выразилъ согласіе пожалѣть изобрѣтенную мною даму.

Въ отношеніи горячности, а затѣмъ отходчивости Л. Н. я могу привести такой примѣръ: въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ мнѣ пришлось нѣсколько разъ побывать въ Ясной Полянѣ вмѣстѣ съ П. Ѳ. Самаринымъ, находившимся въ давнишнихъ дружескихъ отношеніяхъ съ Толстыми. Послѣ обѣда между Л. Н. и Самаринымъ обычно завязывался разговоръ на ту или другую серьезную тему, при чемъ разговоръ этотъ каждый разъ обязательно переходилъ въ споръ, что было неизбѣжно, такъ какъ Самаринъ радикально расходился съ Л. Н. во взглядахъ почти по всѣмъ вопросамъ принципіальной и реальной жизни, при чемъ Самаринъ, обладавшій тонкимъ умомъ и большою начитанностью, не уступалъ въ спорѣ Л. Н., и очень остроумно, мѣткими замѣчаніями, разбивалъ доводы его. Это раздражало Л. Н., онъ начиналъ горячиться, а за нимъ и Самаринъ, и, наконецъ, оба переходили, продолжая спорить, на французскій языкъ, которымъ отлично владѣли, говоря уже другъ другу непріятности. Я зналъ, что вступленіе въ дѣло французскаго языка означало, что надо прекратить споръ и пора уѣзжать, и распоряжался о подачѣ намъ экипажа. Я вмѣшивался въ словесное состязаніе, и мы съ Петромъ Ѳедоровичемъ уѣзжали, но обычно и онъ и хозяинъ продолжали говорить по-французски, чего никогда не бывало въ другихъ случаяхъ, и иногда разставались, холодно поклонившись другъ другу. Но на слѣдующій же день оба писали другъ другу очень искреннія и дружескія извинительныя письма уже по-русски, и инцидентъ совершенно исчерпывался до слѣдующаго раза.

Посѣщая Ясную Поляну, я встрѣчался тамъ съ очень многими лицами, совершенно различныхъ категорій, съ близкими друзьями Л. Н., просто знакомыми, съ послѣдователями — толстовцами, со знатными и незнатными иностранцами, и, наконецъ, съ людьми, являвшимися къ Л. Н. за совѣтомъ, какъ къ учителю жизни, за помощью, иногда просто денежной; въ Ясную Поляну пріѣзжали люди даже безъ опредѣленной цѣли, побуждаемые увлеченіемъ личностью Л. Н. или просто любопытствомъ, заходили, наконецъ, благо Ясная Поляна расположена всего въ верстѣ отъ кіевскаго шоссе, просто профессіональные нищіе и богомольцы. Всѣ рѣшительно принимались, но Софья Андреевна, отличавшаяся вообще выдающимся гостепріимствомъ, и старшія дѣти принимали однако возможныя мѣры, особенно во время припадковъ нездоровья или усталости Л. Н., къ тому, чтобы эти посѣтители не очень утомляли его и не мѣшали бы его работѣ или свободѣ, напримѣръ, во время прогулокъ. Просящимъ милостыню взамѣнъ куска хлѣба (его просто не могло хватить по количеству являвшихся нищихъ) выдавалась пятикопеечная монета, стопочка которыхъ обыкновенно лежала въ одной изъ комнатъ нижняго этажа, а съ иными «бродячими людьми», терпѣливо дожидавшимися выхода Л. Н. изъ дома, случалось, онъ велъ бесѣду и провожалъ ихъ, идя на прогулку, до шоссе. Въ семьѣ не любили заходившихъ въ Ясную Поляну «темныхъ», какъ ихъ прозвали въ шутку дѣти Л. Н., незнакомыхъ молодыхъ людей, разговорами своими отнимавшихъ у Л. Н. много времени и утомлявшихъ его; эти «темные» нерѣдко спорили съ Л. Н. или выпрашивали у него что-либо изъ его неизданныхъ сочиненій, которыя потомъ безъ разрѣшенія автора распространяли, и были достаточно навязчивы.

Вспоминаю такой случай: какъ-то давно, въ холодную дождливую погоду, я передъ вечеромъ отправился изъ Тулы на тройкѣ въ Ясную и, выѣхавъ за городъ, встрѣтилъ шедшую пѣшкомъ съ громаднымъ узломъ крестьянку; она взглянула на меня, и въ ея глазахъ была видна такая теплая, горячая мольба о помощи, что я остановилъ тройку и спросилъ

крестьянку, что съ ней, и о чемъ она проситъ. Женщина эта, совсѣмъ еще молодая, разсказала, что по вызову мужа, который устроился на какомъ-то заводѣ въ Екатеринославской губерніи, она изъ Самарской, кажется, губерніи поѣхала къ нему по желѣзной дорогѣ, но по ошибкѣ взяла билетъ не туда, куда слѣдовало и, проѣздивъ всѣ деньги, очутилась, наконецъ, въ Тулѣ, откуда рѣшилась итти пѣшкомъ, однако не знаетъ дороги, идя совсѣмъ одна, боится каждаго прохожаго, да и просто не въ силахъ итти. Крестьянка говорила несомнѣнно правду и была очень жалка. Я посадилъ ее съ собою въ коляску и привезъ въ Ясную Поляну, гдѣ, какъ я и ожидалъ, Толстые приняли въ ней участіе и, снабдивъ на другой день желѣзнодорожнымъ билетомъ до мѣста назначенія и небольшой суммой денегъ, проводили ее на ближайшую станцію Московско-Курской дороги.

Съ просьбами о помощи обращались къ Л. Н. мѣстные и дальніе крестьяне и крестьянки, попавшіе такъ или иначе въ бѣду: приговоренные въ тюрьму или къ другому наказанію, отыскивающіе свои права, кѣмъ-либо нарушенныя, мелкіе служащіе, потерявшіе почему-либо мѣсто, родственники приговоренныхъ судомъ, всего же чаще административно къ высылкѣ или тюрьмѣ за дѣянія, квалифицированныя «политическими», въ томъ числѣ и за храненіе или распространеніе недозволенныхъ къ печати сочиненій Л. Н., приходили молодые люди обоего пола, исключенные изъ гимназіи, семинаріи или высшаго учебнаго заведенія. Рѣшительно обо всѣхъ, если только разсказъ ихъ не былъ явно вымышленъ, Л. Н. принимался хлопотать: ѣхалъ, если нужно, въ Тулу и тамъ лично обращался къ нужному въ данномъ случаѣ человѣку или писалъ, прося разъясненія или помощи, многочисленнымъ знакомымъ своимъ въ Москвѣ и Петербургѣ, къ такимъ лицамъ, какъ покойный графъ А. В. Олсуфьевъ, А. Ѳ. Кони, а изъ болѣе молодыхъ къ М. А. Стаховичу, В. А. Маклакову. Часто, пока я жилъ въ Тулѣ, Л. Н. по такого рода дѣламъ обращался ко мнѣ словесно, а иногда записками; такого рода письма я получалъ отъ Л. Н.

и въ Москвѣ, когда я переѣхалъ туда. У меня сохранилось около шестидесяти подобныхъ писемъ и записокъ, находящихся въ настоящее время въ толстовскомъ музеѣ въ Москвѣ. По инымъ изъ этихъ просьбъ, оказывавшимися основательными, удавалось достигнуть положительныхъ результатовъ. За послѣдніе годы участились случаи осужденія въ тюрьму разныхъ лицъ за храненіе и распространеніе недозволенныхъ къ печати статей Л. Н. Эти случаи чрезвычайно огорчали и волновали Л. Н., и извѣстное его заявленіе о томъ, чтобы его самого приговорили въ тюрьму, такъ какъ онъ, а не молодые люди, повѣрившіе ему, единственный виновникъ появленія на свѣтъ преслѣдуемыхъ сочиненій,— было безусловно искреннимъ, вымученнымъ крикомъ глубоко страдавшей человѣколюбивой души его. Ему, конечно, было бы облегченіемъ наложенное на него въ видѣ наказанія лишеніе свободы; этимъ онъ какъ бы искупалъ невольную вину свою предъ людьми, пострадавшими за сочувствіе его взглядамъ [1]).

Нѣчто странное произошло съ однимъ ходатайствомъ Л. Н. Это было въ 1903 году. Крестьянинъ Крапивенскаго уѣзда Аѳанасій Аггеевъ, не старый, семейный, хорошій по отзывамъ односельцевъ и вообще знавшихъ его лицъ человѣкъ, служившій на линіи Московско-Курской желѣзной дороги ремонтнымъ рабочимъ, позволилъ себѣ, разговаривая съ нѣсколькими товарищами, въ спорѣ о значеніи образовъ, выразиться непочтительно объ иконѣ Божіей Матери, за что былъ приговоренъ, какъ за богохульство, Тульскимъ окружнымъ судомъ къ лишенію правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь. Еще до отправленія его въ ссылку Л. Н., къ которому приходила съ просьбою о помощи жена осужденнаго, имѣя къ тому же о немъ хорошія свѣдѣнія, обратился ко мнѣ и къ генералъ-адъютанту А. В. Олсуфьеву съ просьбой о содѣйствіи смягченію участи Аггеева, а если можно, и помилованію его. Поводомъ для послѣдняго служило искреннее рас-

---

[1]) Въ концѣ приложено касающееся даннаго вопроса письмо Л. Н.

каяніе и сожалѣніе Аггеева по поводу сказанныхъ имъ въ пылу спора рѣзкихъ словъ, оскорблявшихъ вѣрованія другихъ. Какъ разъ въ это время—это было весною—графъ Олсуфьевъ находился въ Москвѣ, въ виду прибытія въ Москву Государя на открытіе памятника императору Александру II. Мы свидѣлись съ Олсуфьевымъ; я, получивъ раньше копію приговора суда объ Аггеевѣ, разсказалъ ему подробно, въ чемъ дѣло, и передалъ прошеніе Аггеева на Высочайшее имя о помилованіи. Тутъ же я составилъ въ третьемъ лицѣ краткую записку съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла Аггеева и ссылкою на то, что онъ осужденъ по уложенію о наказаніяхъ изданія 1886 года, а между тѣмъ уже утверждено въ законодательномъ порядкѣ и обнародовано, хотя еще не введено въ дѣйствіе, новое уголовное уложеніе, которымъ преступленіе, въ коемъ признанъ виновнымъ Аггеевъ, карается въ меньшей степени. Олсуфьевъ рѣшилъ во время своего дежурства при Государѣ доложить ему прошеніе Аггеева и справку о наказаніи за богохульство по двумъ уголовнымъ кодексамъ съ добавленіемъ, что справка эта сдѣлана мною, предсѣдателемъ Московскаго окружнаго суда, а ходатайство за Аггеева возбуждено Л. Н. Толстымъ; я при этомъ снабдилъ его обоими уложеніями.

Дня черезъ два графъ Олсуфьевъ, заѣхавъ ко мнѣ, сообщилъ, что по докладу имъ прошенія и справки Государь объявилъ ему, что онъ изъявляетъ свое согласіе на помилованіе Аггеева. Олсуфьевъ передалъ лично, кому слѣдовало, для надлежащаго исполненія, о волѣ Государя вмѣстѣ съ прошеніемъ, а справку и книги возвратилъ мнѣ. Въ тотъ же день тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве, котораго я зналъ еще по службѣ его въ судебномъ вѣдомствѣ, встрѣтившись случайно со мною, поздравилъ меня и заочно графа Толстого со столь удачнымъ разрѣшеніемъ нашего ходатайства, и сказалъ, что уже имъ сдѣлано распоряженіе о пріостановленіи предполагавшейся ссылки Аггеева. — И несмотря на все это, какимъ-то для меня непонятнымъ образомъ, Аггеевъ былъ сосланъ въ Ачинскъ безъ какого-либо

смягченія его участи. Когда, узнавъ объ этомъ отъ Л. Н., я снесся съ Министерствомъ Юстиціи, то получилъ отвѣтъ, что прошеніе Аггеева по *докладу министра юстиціи* отклонено.

Какъ-то, пріѣхавъ въ Ясную Поляну, я узналъ, что тамъ находится достаточно странный человѣкъ, поражающій уже своей одеждой: на немъ была только рубашка и панталоны; въ этомъ состояло и вообще все его имущество. Мужъ этотъ утверждалъ, что человѣку надо всего только нѣсколько квадратныхъ аршинъ земли, достаточныхъ для того, чтобы посѣять на нихъ рожь и убравъ, питаться ею, при чемъ способъ употребленія ея въ пищу долженъ быть простѣйшій, а именно: надлежитъ рожь растереть въ муку и, размочивъ ее, ѣсть въ сыромъ видѣ. Лично онъ такъ и поступалъ. Человѣкъ этотъ очень смущалъ семью Толстыхъ, такъ какъ отправившись къ рѣкѣ, самъ сталъ мыть единственную свою рубашку, а пока она просыхала, гулялъ уже въ совершенно естественномъ видѣ по берегу, на каковую картину натолкнулась Софья Андреевна. Этотъ чудакъ, а быть-можетъ, фанатикъ идеи «опрощенія», какъ явился въ Ясную Поляну изъ пространства, туда же вскорѣ и исчезъ. Видалъ я также у Толстыхъ иностранцевъ, притомъ самыхъ разнообразныхъ; разъ даже встрѣтился въ Ясной съ настоящимъ португальцемъ, что случилось только разъ въ моей жизни. Неоднократно знакомился я у Толстыхъ съ американцами и между прочимъ съ одной дамой, которая, прочитавъ въ переводѣ одно изъ твореній Л. Н., такъ увлеклась имъ, что рѣшила прочесть все имъ написанное въ оригиналѣ, и затѣмъ побывать у него. Для этого она въ теченіе двухъ лѣтъ училась по-русски, и когда достаточно, по ея мнѣнію, освоилась съ нашимъ языкомъ, прочла все толстовское, что было издано, и дѣйствительно явилась въ Ясную Поляну, гдѣ, конечно, была принята очень ласково и прожила съ недѣлю. Познакомился я въ Ясной съ нѣсколькими очень милыми людьми, французами и англичанами, въ большинствѣ писателями. Но ни разу я не заставалъ у Толстыхъ нѣмца, и не знаю посѣщали ли они Л. Н.

Изъ послѣдователей взглядовъ Л. Н., усвоивавшихъ ихъ не всегда согласно съ тѣмъ, что имѣлъ въ виду Л. Н. и шедшихъ, случалось, дальше, чѣмъ онъ самъ, или принимавшихъ «ученіе» Л. Н. главнымъ образомъ съ внѣшней стороны, я встрѣчался со многими, но лишь кратковременно, и не могу поэтому высказать достаточно твердо и основательно мое сужденіе о нихъ. Между ними были, внѣ сомнѣнія, очень хорошіе люди, дѣйствительно и убѣжденно преобразившіе свою жизнь, а въ числѣ ихъ превосходнѣйшій человѣкъ, съ которымъ я сошелся ближе,—А. М. Булыгинъ. Это былъ владѣлецъ небольшого имѣнія, сосѣдъ Л. Н. по Ясной Полянѣ, если не ошибаюсь, бывшій офицеръ Преображенскаго полка; онъ, принявъ убѣжденно ученіе о непротивленіи злу, упростилъ, насколько возможно, жизнь свою и семьи, поселился, участвуя личнымъ трудомъ въ веденіи сельскаго хозяйства, окончательно въ своемъ имѣньицѣ и былъ бы совершенно благополученъ, если бы не отношеніе къ нему властей и суда; онъ рѣшительно отказывался отъ платежа какихъ-либо повинностей и податей, предоставляя чинамъ полиціи описывать и продавать его имущество, но заявляя, что это насиліе, открывалъ (если не ошибаюсь) нѣсколько разъ, безъ разрѣшенія подлежащаго начальства, сельскую школу и вообще велъ себя, хотя вполнѣ благодушно и мирно, такъ, что противъ него постоянно составлялись полиціей протоколы, и онъ подвергался суду мировыхъ судей и даже окружнаго суда, но за весьма незначительные проступки. Мнѣ разъ пришлось провести съ нимъ ночь въ Ясной Полянѣ, въ одной комнатѣ, за перегородкой. Поговоривъ съ Булыгинымъ, уже въ постели, черезъ перегородку, я потушилъ свѣчу и заснулъ проснувшись же ночью, былъ удивленъ, увидавъ на его половинѣ свѣтъ; оказалось, что Булыгинъ сидѣлъ и тачалъ себѣ сапоги. Онъ нѣсколько разъ бывалъ у меня въ Тулѣ, но въ настоящее время я не знаю—какая судьба постигла его съ семьею.

Одинъ изъ случайно мною встрѣченыхъ у Л. Н. крайнихъ, «сектантскихъ» послѣдователей Толстого, поразилъ меня

своей наружностью. Онъ былъ удивительно похожъ на Іоанна Крестителя, какимъ его изобразилъ на знаменитой своей картинѣ Ивановъ, но красивѣе. Прекрасные темные глаза, вьющіеся волосы, правильныя черты и вдохновенное выраженіе лица. Если не ошибаюсь, онъ въ то время, опростившись, собирался нести службу почтальона.

Изъ случайныхъ посѣтителей Ясной Поляны вспоминаю одну дѣвицу изъ купеческой семьи, получившую внезапно очень крупное состояніе по наслѣдству. Не зная, какъ лучше распорядиться свалившимся на нее богатствомъ, но желая дать ему хорошее, общеполезное назначеніе, она пріѣхала къ Л. Н., прося его указать, какъ ей распорядиться деньгами. Л. Н. сказалъ ей, что въ такихъ вопросахъ онъ несвѣдущъ и отказалъ ей въ опредѣленномъ совѣтѣ, одобривъ ея желаніе истратить деньги не на себя лично. Были лица —знаю это по отношенію къ одной дамѣ,—которыя пріѣзжали, чтобы «спасти» Толстого силою своего краснорѣчія, убѣдить отказаться отъ ереси, лишающей его въ будущемъ благодати. Случаевъ, чтобы кто-либо пріѣзжалъ въ Ясную Поляну съ тѣмъ, чтобы наговорить Л. Н. непріятностей и показать ему всю ту злобу, которую онъ въ нихъ возбудилъ, я лично не знаю, но подобныхъ, прямо бранныхъ, писемъ Л. Н. получалъ много. Между прочимъ при мнѣ разъ онъ получилъ посылку, зашитый въ коленкоръ ящичекъ, по вскрытіи котораго тамъ оказалась веревка, въ поясненіе каковаго дара въ приложенномъ письмѣ, за полною подписью, значилось, что эта веревка посылается для того, чтобы Л. Н. на ней повѣсился. Такъ какъ въ письмѣ былъ и адресъ написавшей его дамы, то Л. Н. отвѣтилъ ей и притомъ очень мягко.

Изъ числа друзей Л. Н. мнѣ пришлось близко познакомиться съ милѣйшей М. А. Шмидтъ, жившей на собственномъ, если не ошибаюсь, клочкѣ земли, недалеко отъ Ясной Поляны; по профессіи Марія Александровна была учительницей. Бывая постоянно въ Ясной, она переписывала все, что за послѣдніе годы творилось Л. Н., помогала одно время

Софьѣ Андреевнѣ и дочерямъ въ веденіи необъятной корреспонденціи Л. Н., исполняла порученія его по части помощи обращавшимся къ нему за таковой, да и по собственной инниціативѣ разыскивала и помогала (не деньгами, которыхъ у ней не было) нуждающимся въ помощѣ. М. А. была вѣрнымъ другомъ Л. Н. и чудеснымъ человѣкомъ съ душой, раскрытой на все доброе. Она скончалась уже послѣ Л. Н. и похороны ея, которыя, согласно твердо выраженной ею воли, не сопровождались церковными обрядами, вызвали возбужденіе судебнаго преслѣдованія противъ распоряжавшихся ими друзей Л. Н.—Павла Ивановича Бирюкова и И. И. Горбунова-Посадова.

Въ восьмидесятыхъ годахъ въ Ясную Поляну часто наѣзжалъ близкій Л. Н. петербуржецъ, литераторъ Н. Н. Страховъ, а также бывалъ художникъ-живописецъ Н. Н. Ге, картины котораго очень цѣнилъ Л. Н., да и къ нему относился какъ къ близкому человѣку; въ такія, и даже болѣе близкія отношенія ко всей семьѣ Толстыхъ сталъ сынъ Ге, въ значительной степени усвоившій себѣ взгляды Л. Н. и живущій понынѣ согласно съ ними. Искренняя дружба связывала Л. Н. съ Епифанскимъ помѣщикомъ И. И. Раевскимъ и его женой Еленой Павловной (родной сестрой А. П. Самариной), въ имѣніи которыхъ Л. Н. провелъ цѣлую зиму и часть лѣта 1890—1891 года, во время голода, организуя на присланныя ему средства снабженіе голодающаго населенія хлѣбомъ и устраивая столовыя для взрослыхъ и дѣтей. Въ этомъ дѣлѣ Л. Н. помогала дочь его, Татьяна Львовна, молодые Раевскіе, П. И. Бирюковъ, Р. А. Писаревъ, самостоятельно работавшій на томъ же поприщѣ, и очень много молодежи обоего пола. Называя друзей Л. Н., съ которыми и мнѣ приходилось встрѣчаться, я отмѣчу, во-первыхъ, П. И. Бирюкова, ближе другихъ, какъ мнѣ думается, усвоившаго взгляды Л. Н., И. И. Горбунова-Посадова, издававшаго и издающаго многія творенія Л. Н. и не миновавшаго поэтому осужденія его въ крѣпость, Р. А. Писарева, Дунаева, Буланже, В. Г. Черткова, М. А. Стаховича, М. С. Сухотина, женившагося на стар-

шей дочери Л. Н., Татьянѣ Львовнѣ, В. А. Маклакова, уже упомянутаго мною князя Л. Д. Урусова и много молодежи, а въ томъ числѣ бывшаго секретаря Л. Н. (въ послѣдніе годы его жизни) Гусева, Булгакова, Гольденвейзера, Цингера.

Л. Д. Урусовъ, занимавшій въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ должность Тульскаго вице-губернатора, сближался съ Л. Н. медленно, но зато постепенно весь отдаваясь ему духовно. Въ концѣ-концовъ, Урусовъ принялъ міровоззрѣніе и вѣру Л. Н. во всемъ ихъ объемѣ и нашелъ въ дѣйствительномъ исповѣданіи этой вѣры успокоеніе отъ мучившихъ его до тѣхъ поръ сомнѣній и недовольства теченіемъ его жизни. Я рѣдко видалъ человѣка, нашедшаго въ жизни такое полное удовлетвореніе, какъ оно стало съ Урусовымъ со времени сближенія его съ Л. Н. Внѣшне Урусовъ измѣнился мало, но въ главномъ—въ полной мѣрѣ; урегулировавъ свою жизнь и отношенія къ людямъ въ согласіи съ воззрѣніями, почерпнутыми у Л. Н., Урусовъ вышелъ въ отставку, но вскорѣ затѣмъ заболѣлъ и скончался. Л. Н. съ своей стороны очень полюбилъ Урусова, человѣка прекраснаго, съ простою, открытою ко всему доброму, душою

Съ В. Г. Чертковымъ, человѣкомъ наиболѣе близкимъ къ Л. Н., я познакомился лѣтомъ 1883 года въ имѣніи графини А. А. Барановой, Городищѣ, на свадьбѣ ея дочери Евгеніи Павловны съ Р. А. Писаревымъ. Въ числѣ гостей, пріѣхавшихъ въ Городище, находился и Чертковъ, хорошій знакомый Писарева. Онъ былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Кажется, незадолго передъ тѣмъ онъ оставилъ службу въ Кавалергардскомъ полку, гдѣ велъ, имѣя очень большія матеріальныя средства и принадлежа по происхожденію къ высшему Петербургскому обществу, разсѣянную жизнь свѣтскаго человѣка. Но такая жизнь вскорѣ перестала его удовлетворять; у него зародились запросы высшаго порядка, область духа стала его привлекать къ себѣ все болѣе и болѣе, въ той же мѣрѣ, насколько та жизнь, которую онъ велъ, представлялась ему мелкой и лишенной смысла. Чертковъ вышелъ въ отставку и сталъ искать удовлетворенія духовной

стороны своей жизни и иного ея порядка; но то, что ему представилось на первыхъ порахъ, — кажется, ученіе Пашкова и проповѣдь Редстока — не дали ему ключа къ отысканію смысла и цѣли жизни и того дѣла, которому стоило бы посвятить эту жизнь. Въ такомъ переходномъ душевномъ состояніи, вѣрнѣе состояніи исканія, находился Чертковъ, когда мы съ нимъ встрѣтились у Барановыхъ, при чемъ это исканіе носило очень энергичный, я сказалъ бы, даже страстный характеръ. Чертковъ говорилъ, что чувствуетъ, что дольше такъ жить не можетъ, что ему необходимо найти выходъ изъ той пустоты, въ которой онъ находится. Наканунѣ дня свадьбы, послѣ веселаго ужина, я и Чертковъ не легли спать, а отправились вдвоемъ въ садъ, и въ долгой бесѣдѣ онъ передалъ мнѣ все то, что его душевно мучило, и тѣ запросы, на которые онъ не находилъ отвѣта. Услыхавъ, что Чертковъ не знаетъ Л. Н. Толстого, я сталъ доказывать ему, что единственный, а притомъ радикальный исходъ, который я вижу для него, это сближеніе съ Л. Н., несомнѣнно способнымъ надлежаще направить его мятущіеся умъ и душу. Чертковъ послушался моего совѣта и вскорѣ же отправился въ Ясную Поляну, гдѣ во взглядахъ Л. Н. дѣйствительно нашелъ полное удовлетвореніе и приступилъ къ переустройству своей жизни согласно съ тѣмъ, что и какъ онъ усвоилъ изъ міровоззрѣнія Л. Н. Въ первое время послѣ того, какъ Чертковъ сталъ на указанную Л. Н. дорогу, онъ довольно часто писалъ мнѣ, передавая о томъ, какъ складывается его жизнь, что именно онъ предпринимаетъ, о своихъ удачахъ и неудачахъ и т. п. Чертковъ имѣлъ въ виду, насколько я помню (письма его у меня не сохранились), роздать свою землю въ Воронежской губерніи, гдѣ онъ поселился, за незначительное вознагражденіе крестьянамъ, устраивалъ кооперативныя учрежденія, но дѣло это давалось ему не легко, и я не знаю, насколько онъ его завершилъ. Позднѣе я видалъ Черткова въ Ясной Полянѣ; онъ на лѣто поселялся гдѣ-либо по сосѣдству и въ это время уже работалъ надъ изданіемъ полезныхъ народныхъ книгъ и брался за изданіе и распространеніе

сочиненій Л. Н. Чертковъ и внѣшне измѣнился, промѣнялъ элегантный костюмъ на совершенно простую одежду, подобную той, какую носилъ Л. Н. Вообще, Чертковъ съ этого времени сталъ какъ нельзя болѣе близокъ къ Л. Н. и всю свою жизнь отдалъ и направилъ на распространеніе и осуществленіе идей Толстого. Со свойственной ему энергіей и настойчивостью, онъ дѣлалъ взятое на себя «Толстовское дѣло», такъ какъ онъ его понималъ, думается, болѣе, чѣмъ кто-либо; и дѣйствительно, вся его жизнь была, да и теперь отдана Толстому. Извѣстно, что въ результатѣ этой дѣятельности Чертковъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ изъ Россіи и поселился въ Англіи, гдѣ занялся въ широкихъ размѣрахъ собираніемъ, систематизированіемъ, переводами, изданіемъ и распространеніемъ по всему міру сочиненій Л. Н. Когда послѣдовало разрѣшеніе Черткову вернуться въ Россію, онъ не прекратилъ начатаго въ Англіи дѣла, но и въ Россіи велъ его, насколько это было возможно по цензурнымъ и другимъ условіямъ. Близость его и значеніе для Л. Н. все увеличивались, но проживаніе въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Толстымъ было ему администраціей воспрещено. Какъ извѣстно, Л. Н. было еще при жизни поручено Черткову завѣдываніе, въ отношеніи редактированія, неизданными еще произведеніями его, корреспонденціей и частью дневниковъ; этимъ дѣломъ Чертковъ и занялся послѣ кончины Л. Н. совмѣстно съ получившей въ наслѣдство отъ отца право собственности на его творенія младшею дочерью Толстого, Александрой Львовной. За послѣдніе годы передъ кончиной Л. Н., въ теченіе долгаго времени, мнѣ не приходилось встрѣчаться съ Чертковымъ.

Большимъ другомъ Л. Н. несомнѣнно былъ М. А. Стаховичъ, бывшій и оставшійся такимъ же другомъ всей семьи Толстыхъ: Л. Н. очень любилъ его и всегда радовался его посѣщеніямъ, вносившимъ неизмѣнно оживленіе и бодрое, веселое настроеніе въ семейную жизнь Толстыхъ. Л. Н. любилъ Стаховича за его живой умъ, искренность, энергію, гуманность и сердечную привязанность къ его семьѣ. Я

познакомился со Стаховичемъ въ Ясной Полянѣ, гдѣ онъ часто бывалъ, когда еще былъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Тамъ же я встрѣчался съ В. А. Маклаковымъ, еще студентомъ, потомъ вольноопредѣляющимся, впослѣдствіи часто помогавшимъ Л. Н. въ его хлопотахъ за кого-либо по судебнымъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ.

Мнѣ пришлось дать толчокъ къ созданію Л. Н. трехъ его драматическихъ произведеній, а именно «Власти тьмы», «Плодовъ просвѣщенія» и «Живого трупа». Въ бытность мою прокуроромъ въ Тулѣ меня поразило своей обстановкой одно крестьянское дѣло о дѣтоубійствѣ, разсматривавшееся въ окружномъ судѣ. Это было дѣло объ убійствѣ новорожденнаго ребенка одной крестьянской дѣвушки отцомъ ребенка, состоявшимъ въ свойствѣ съ дѣвушкой, проживавшей въ одной семьѣ и домѣ съ нимъ. Особенность этого дѣла, кромѣ драматической обстановки самаго убійства, составляло поведеніе убійцы, который самъ, мучимый угрызеніемъ совѣсти, заявилъ публично объ учиненномъ имъ преступленіи, а впослѣдствіи жаждалъ суда и наказанія, которымъ, хотя онъ былъ приговоренъ на каторгу, онъ остался доволенъ, видя въ наказаніи искупленіе своего грѣха, находя въ немъ успокоеніе и возможность дальнѣйшей жизни. Я подробно ознакомилъ Л. Н. съ обстоятельствами дѣла, которое, какъ я и ожидалъ, весьма заинтересовало его; онъ видѣлся въ тюрьмѣ съ осужденнымъ и затѣмъ, вскорѣ же, написалъ первое свое драматическое произведеніе, въ которомъ нѣсколько измѣнилъ обстановку дѣла, прибавивъ обстоятельство отравленія перваго мужа Мареы Колосковой, но выпустивъ имѣвшую на самомъ дѣлѣ мѣсто, сцену покушенія на убійство «Никитою» (на самомъ дѣлѣ Ефремомъ Колосковымъ), его дочери, дѣвочки «Анютки» (на самомъ дѣлѣ Евфимьи) въ то время, когда онъ винился передъ народомъ въ убійствѣ, а дѣвочка, очень его любившая, съ плачемъ припала къ нему. Онъ было изо всѣхъ силъ ударилъ ее коломъ по головѣ, рѣшивъ, что Анютку лучше убить, пока она чиста и невинна, и такъ какъ безъ него ей плохо будетъ житься въ семьѣ.

Къ счастью, онъ не разсчиталъ удара, и колъ скользнулъ лишь по головѣ дѣвочки, при чемъ однако она упала замертво [1]).

Помню, что нѣсколько раньше или даже въ то время, какъ Л. Н. писалъ «Власть тьмы», онъ говорилъ, что встрѣтилъ на шоссе ѣхавшаго куда-то старичка-крестьянина, съ которымъ вступилъ въ бесѣду, при чемъ старикъ его очень плѣнилъ благодушіемъ и видимой кротостью; крестьянинъ между прочимъ разсказалъ, что нашелъ выгодную работу—отходника.

Мысль о написаніи комедіи «Плоды просвѣщенія» явилась у Л. Н. во время перваго по времени переѣзда семьи Толстыхъ въ Москву. Случилось это такъ: въ восьмидесятыхъ годахъ я, живя въ Тулѣ, пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Москву, гдѣ встрѣтился съ знакомымъ, обладавшимъ способностью вызывать такъ называемыя спиритическія явленія, и онъ сообщилъ мнѣ, что у жившаго тогда въ Москвѣ, въ своемъ домѣ на Смоленскомъ бульварѣ, Н. А. Львова (отца извѣстнаго члена Государственной Думы) предполагается спиритическій сеансъ. Зная отъ Л. Н., что ему очень хотѣлось бы когда-нибудь присутствовать на такомъ сеансѣ, чтобы воочію убѣдиться въ вымышленности всего, что тамъ бываетъ, я уговорилъ моего знакомаго согласиться на присутствіе на сеансѣ Л. Н.; такое же согласіе далъ Н. А. Львовъ, и я поспѣшилъ предупредить Л. Н., который очень обрадовался возможности провѣрить свое предположеніе и рѣшилъ быть на сеансѣ. При этомъ Л. Н. говорилъ, что удивляется тому, какъ люди могутъ вѣрить въ реальность спиритическихъ явленій; вѣдь это все равно, говорилъ онъ, что вѣрить въ то, что изъ моей трости, если я ее пососу, потечетъ молоко, чего никогда не было и быть не можетъ.

---

[1]) Для лицъ, интересующихся этой драмой, я приложилъ къ моимъ воспоминаніямъ, составленные по дѣлу обвинительный актъ и судебный приговоръ.

Сеансъ состоялся; на немъ, кромѣ хозяина дома, медіума-любителя и меня, присутствовали еще Н. Ѳ. Самаринъ и К. Ю. Миліоти. Но сеансъ не удался; мы сѣли, какъ оно полагается, за круглый столъ, въ темной комнатѣ, медіумъ задремалъ и тутъ начались стуки въ столъ и появились было фосфорическіе огоньки, но очень скоро всякія явленія прекратились; Самаринъ, ловя въ темнотѣ огоньки, столкнулся съ чьей-то рукой, а вскорѣ медіумъ проснулся, и дѣло этимъ и ограничилось. Львовъ, очень интересовавшійся спиритизмомъ, допускалъ реальность спиритическихъ явленій и показывалъ намъ фотографіи, снятыя съ явившейся во время сеанса фигуры и отпечатокъ въ гипсѣ или воскѣ кисти руки такой фигуры. На другой день послѣ сеанса Л. Н. подтвердилъ мнѣ свое мнѣніе о томъ, что въ спиритизмѣ все или самообманъ, которому подвергаются и медіумъ и участники сеанса, или просто обманъ, творимый профессіоналами.

Слѣдующую зиму Толстые проводили въ Ясной Полянѣ и, если не ошибаюсь, въ ноябрѣ старшія барышни объявили мнѣ, что по просьбѣ ихъ отецъ написалъ небольшую комедію на тему о спиритизмѣ, планъ которой онъ набросалъ, кажется, тотчасъ же послѣ неудачнаго сеанса у Львова и что онъ разрѣшаетъ имъ устроить въ Ясной, у нихъ въ домѣ, спектакль, поставивъ эту шуточную комедію. При этомъ барышни просили меня взять на себя режиссированіе пьесы, подборъ и доставленіе актеровъ и дать нужныя указанія для устройства сцены. Я, конечно, согласился, познакомился съ пьесой и предался вмѣстѣ съ Ясно-полянской молодежью усиленнымъ хлопотамъ, вызываемымъ всегда налаживаніемъ домашняго спектакля, въ данномъ случаѣ особенно труднаго, такъ какъ дѣло происходило въ деревнѣ, а главное потому, что въ пьесѣ множество дѣйствующихъ лицъ, которыхъ надо было разыскать въ Тулѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ. Сцена была воздвигнута и поставлены необходимыя декораціи при содѣйствіи машиниста-декоратора Тульскаго драматическаго общества «Ивана». Роль горничной «Тани» взяла на себя Татьяна Львовна, а кухарки — Марья Львовна Тол-

стыя, для третьяго мужика мы выписали изъ Москвы служившаго въ судебномъ вѣдомствѣ В. М. Лопатина, роль Звѣздинцева поручили С. А. Лопухину, жену его играла, кажется, одна изъ барышень Кузминскихъ, а «профессора» пришлось ужъ мнѣ взять на себя; въ спектаклѣ участвовали еще молодой Раевскій, братья Бергеры, докторъ Новиковъ, А. А. Цингеръ, мой племянникъ Давыдовъ, дѣвицы Мамонова, Сѣверцова, Рачинская и еще нѣсколько лицъ. «Сахатова», помнится, изображалъ Сергѣй Львовичъ Толстой, а «Гросмана» — Левъ Львовичъ. На первой же репетиціи, происходившей въ Тулѣ у меня, выяснилось, что мы въ лицѣ Лопатина и Марьи Львовны имѣемъ первоклассныхъ артистовъ. Слѣдующія репетиціи шли уже въ Ясной, и на нихъ присутствовалъ Л. Н. Его такъ плѣнила игра Лопатина, что онъ тутъ же, послѣ репетиціи, пополнилъ роль третьяго мужика, вписавъ эти дополненія въ тетрадку Лопатина, по которой тотъ училъ роль. Наконецъ состоялся спектакль, на которомъ было довольно много пріѣзжихъ гостей изъ Тулы, что, какъ впрочемъ и весь спектакль, причинило немало хлопотъ, всегда усиленно заботившейся о посѣтителяхъ Ясной Поляны, Софьѣ Андреевнѣ. Прошелъ онъ очень удачно и видимо доставилъ удовольствіе автору, много смѣявшемуся въ сценахъ съ мужиками, благодаря прекрасной игрѣ Лопатина. Отлично исполнили свои роли, кромѣ него, обѣ Толстыя, въ особенности Марья Львовна, Лопухинъ и Новиковъ, игравшій буфетчика «Якова». Исполненіе мною роли профессора, совершенно мнѣ несвойственной, было достаточно слабо, но Л. Н. очень похвалилъ, тѣмъ не менѣе, мою игру, добавивъ, что я доставилъ ему большое удовольствіе тѣмъ болѣе, что онъ совершенно не узналъ въ моемъ исполненіи своего текста, такъ много новаго я внесъ въ свою роль, что, якобы, было на пользу пьесѣ. Долженъ сознаться, что, увы, Л. Н. былъ правъ въ одномъ: я не зналъ роли, не успѣвъ выучить ее за хлопотами по режиссированію и возней съ аксессуарами и реквизитомъ, въ виду чего мнѣ пришлось, особенно въ монологѣ профессора, фантазировать.

Успѣхъ спектакля побудилъ меня попросить Л. Н. разрѣшить мнѣ поставить «Плоды просвѣщенія» въ Тулѣ, но уже публично и платно, въ пользу исправительнаго пріюта, о которомъ я уже говорилъ. Л. Н. согласился, но съ тѣмъ, чтобы я взялъ на себя хлопоты передъ драматической цензурой о разрѣшеніи «Плодовъ» къ представленію на сценѣ. Захвативъ новое произведеніе Л. Н. въ нѣсколькихъ экземплярахъ, я отправился въ Петербургъ и одинъ изъ экземпляровъ сдалъ въ отдѣленіе драматической цензуры, прося о возможно скоромъ разсмотрѣніи комедіи. Но въ цензурѣ меня не обнадежили въ этомъ отношеніи, именно въ виду того, что авторъ пьесы — Толстой. Чуть ли не въ первый вечеръ по пріѣздѣ я прочелъ «Плоды просвѣщенія» у покойнаго князя Вл. С. Оболенскаго въ присутствіи нѣсколькихъ его знакомыхъ. Князь Оболенскій, близкій мнѣ по родству и по дружбѣ съ университетской скамьи — человѣкъ прекрасныхъ нравственныхъ качествъ и выдающагося благородства, — занимавшій тогда, если не ошибаюсь, должность помощника гофмаршала Двора Его Императорскаго Величества, состоявшій адъютантомъ Александра III еще въ бытность его Наслѣдникомъ, попросилъ меня передать одинъ экземпляръ «Плодовъ» для представленія его Государю, такъ какъ онъ, узнавъ о существованіи новой пьесы Толстого, пожелалъ ее прочесть. Я, конечно, исполнилъ желаніе Его Величества, а затѣмъ узналъ отъ Оболенскаго, что Государь прочелъ съ удовольствіемъ остроумную комедію Л. Н. Тутъ же вскорѣ мнѣ пришлось прочесть «Плоды просвѣщенія» въ одномъ салонѣ въ присутствіи нѣсколькихъ высокопоставленныхъ лицъ, одобрившихъ произведеніе Л. Н., а когда я зашелъ въ цензуру, мнѣ, къ удивленію моему и радости, передали уже цензурованный экземпляръ пьесы, допущенной къ представленію, при чемъ въ текстѣ оказались зачеркнутыми красными чернилами лишь нѣсколько словъ, а въ томъ числѣ именованіе являющагося, якобы, на спиритическіе сеансы Звѣздинцева духа Николая «монахомъ».

Вернувшись въ Тулу, я немедленно занялся организацiей спектакля, заботясь главнымъ образомъ о наилучшемъ составѣ актеровъ и актрисъ и соотвѣтствующемъ распредѣленiи ролей. На обстановку также было обращено вниманiе и сдѣлано все возможное на временной сценѣ, возведенной въ залѣ дворянскаго собранiя. Звѣздинцева игралъ тотъ же Лопухинъ, кухарку — выдающаяся талантливостью актриса-любительница В. А. Борисова, горничную Таню — О. Д. Леонова, а Бетси — Т. Л. Толстая. Профессора на этотъ разъ изображалъ, притомъ очень хорошо, артиллерiйскiй офицеръ Нагель, страстный любитель сцены, постоянно участвовавшiй въ спектакляхъ мѣстнаго драматическаго общества, несмотря на то, что онъ, послѣ ампутацiи ноги, раздробленной у него ядромъ въ турецкую кампанiю, кажется, подъ Плевной, двигался при помощи искусственной. Перваго мужика отлично сыгралъ А. А. Ѳедотовъ, впослѣдствiи актеръ Малаго театра, а третьяго, конечно, опять Лопатинъ. Удивительно хороши были Коко Клингенъ и Петрищевъ, роли которыхъ исполняли М. С. Сухотинъ и М. А. Стаховичъ. Репетицiи происходили частью у меня, частью въ дворянскомъ собранiи, на сценѣ. Въ одну изъ этихъ репетицiй сторожъ собранiя доложилъ мнѣ, что какой-то мужикъ, повидимому трезвый, желаетъ непремѣнно видѣть меня и требуетъ, чтобы его пустили въ залу. «Мы его и гнали уже, да не идетъ», добавилъ сторожъ. Я побѣжалъ внизъ въ швейцарскую, догадавшись, кто этотъ трезвый мужикъ, и черезъ нѣсколько минутъ ввелъ въ залу, къ великой радости участвовавшихъ въ пьесѣ, Л. Н., принятаго за «мужика» сторожами въ виду его болѣе чѣмъ скромной верхней одежды. Спектакль удался въ полной мѣрѣ; достигнутъ былъ, какъ теперь говорятъ, успѣхъ художественный, и успѣхъ матерiальный, весьма поднявшiй слабую въ финансовомъ отношенiи сторону исправительнаго прiюта. На спектаклѣ въ числѣ зрителей присутствовала не только своя, Тульская, публика, но было много прiѣзжихъ, особенно москвичей.

Эта удача дала мнѣ мысль поставить въ Тулѣ «Власть тьмы». Скоро опредѣлилось, что главныя женскія роли согласны взять на себя дочери Л. Н., Акима — В. М. Лопатинъ, Митрича — старикъ А. А. Стаховичъ (отецъ Михаила Александровича), нынѣ уже покойный, великолѣпный актеръ-любитель и чтецъ, Никиту — А. А. Өедотовъ, старуху — В. А. Борисова. Декораціи и обстановку брался устроить, доставивъ ихъ изъ Москвы, мой старый пріятель, машинистъ Императорскихъ театровъ, К. Ө. Вальцъ; все, казалось, налаживалось великолѣпно, но вдругъ явилось совершенно неожиданное препятствіе: Тульскій губернскій предводитель дворянства письменно сообщилъ мнѣ, что не можетъ дать залы дворянскаго собранія для постановки такой ужасной и вредной пьесы, какъ «Власть тьмы», что съ точки зрѣнія достоинства дворянства такая профанація дворянскаго дома недопустима. Я пытался переубѣдить предводителя, совершенно искренно не понимая, въ чемъ заключается безнравственная сторона драмы, въ которой, казалось бы, наоборотъ, порокъ наказанъ, и почему именно «Власть тьмы» непереносна для дворянства и его дома, въ которомъ въ то время невозбранно устраивались общественные маскарады, посѣщаемые такой публикой, которую отнюдь нельзя было бы признать высоконравственной, и гдѣ веселіе принимало иногда такое направленіе, что веселившихся приходилось выводить,— но предводитель стоялъ твердо на своемъ. Быть-можетъ, мнѣ и удалось бы побѣдить нежеланіе его или найти другое помѣщеніе, но тутъ барышни Толстыя дали мнѣ знать, что Софьѣ Андреевнѣ было бы непріятно исполненіе ими въ публичномъ спектаклѣ такихъ ролей, какъ «Анисья» и «Акулина», я въ это время къ тому же заболѣлъ, — и дѣло спектакля разладилось.

Л. Н. дописывалъ послѣдній романъ свой «Воскресеніе» въ Москвѣ, но задумалъ, кажется, и началъ его еще въ Ясной. Тему этого романа далъ А. Ө. Кони, состоявшій съ Л. Н. въ дружескихъ отношеніяхъ. Описывая героя романа — Нехлюдова, Л. Н., какъ я думаю, руководствовался до из-

вѣстной степени личностями и теченіемъ жизни В. Г. Черткова и князя Хилкова, о судьбѣ котораго, достаточно тяжелой вслѣдствіе властныхъ воздѣйствій на него, вызванныхъ отказомъ его отъ крупнаго состоянія, оставленіемъ военной службы и «опрощеніемъ», Л. Н. очень печалился, стараясь помочь ему. Описывая судъ надъ «Масловой», Л. Н. просилъ,— пересылая мнѣ корректурныя гранки, получавшіяся имъ изъ редакціи «Нивы», издателю которой онъ продалъ въ пользу переселявшихся съ Кавказа въ Канаду духоборовъ, право на первое изданіе «Воскресенія», — исправлять допущенныя имъ въ описаніи судебнаго процесса ошибки. Мнѣ пришлось, тоже по просьбѣ Л. Н., написать имѣющійся въ романѣ отрывокъ кассаціонной жалобы, вопросы, резолюцію и т. п. Въ общемъ Л. Н. соглашался съ моими замѣчаніями, за исключеніемъ, впрочемъ, одного, очень существеннаго, пункта, а именно, я совѣтовалъ Л. Н., во избѣжаніе нѣкоторой, какъ мнѣ казалось, натянутости, не полной правдоподобности, вердикта присяжныхъ засѣдателей по дѣлу Масловой изложить ихъ рѣшеніе просто какъ обвинительное, отмѣтивъ его кратко: «Да, виновна, но заслуживаетъ снисхожденія»; мнѣ казалось, что обвинительный приговоръ не былъ бы невѣроятенъ, такъ какъ улики противъ Масловой были достаточныя, а прошлое ея, то прошлое, которое было извѣстно присяжнымъ, а не то дѣйствительное прошлое «Катюши», которое знали уже читатели, не говорило въ ея пользу. Но, повторяю, Л. Н. не согласился со мной и оставилъ наличность допущенной присяжными формальной ошибки.

И въ это время, да и раньше и позднѣе, мнѣ приходилось подолгу говорить съ Л. Н. объ уголовномъ судѣ и о допустимости его. Л. Н., какъ хорошо извѣстно, во многихъ писаніяхъ своихъ, и между прочимъ именно въ «Воскресеніи», высказывался очень рѣшительно противъ суда, доказывая отсутствіе права у одного человѣка судить другого и примѣнять къ нему насиліе да еще соединенное съ мучительствомъ въ видѣ лишенія свободы въ разныхъ формахъ, каторги и

даже смертной казни, ссылаясь также и на совершенную непрактичность судебныхъ мѣръ, которыя, какъ доказываетъ опытъ, не останавливаютъ и даже не уменьшаютъ преступности. Это положеніе Л. Н. развивалъ и въ разговорахъ со мною о судѣ. Соглашаясь съ Л. Н. въ отношеніи несостоятельности, со всѣхъ точекъ зрѣнія, дѣйствующей въ настоящее время системы наказанія, я, защищая идею суда, доказывалъ, что она не связана органически съ примѣняемыми теперь наказаніями и вообще послѣдствіями судебнаго приговора. Судъ уголовный, какъ способъ возможно справедливаго разрѣшенія столкновеній между отдѣльными лицами, или группой лицъ и человѣкомъ, существовалъ, какъ это видно изъ исторіи, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, и вызывался практической необходимостью, но организація суда и мѣры, принимаемыя судомъ по отношенію къ участникамъ столкновеній, постоянно мѣнялись и продолжаютъ мѣняться. Идея суда та же и теперь, но мы вмѣсто «поля», «испытанія водой и огнемъ», вмѣсто «дыбы» и другихъ пытокъ имѣемъ судъ присяжныхъ, экспертизу, перекрестный допросъ свидѣтелей, а вмѣсто отрубанія руки, правежа, колесованія, четвертованія, рванья ноздрей, иныя мѣры репрессіи до условнаго осужденія и отдачи въ исправительные пріюты включительно. Организованный судъ необходимъ, какъ пртиводѣйствіе ужасному явленію самосуда, суда Линча. Мнѣ не удавалось и не удалось окончательно переубѣдить Л. Н., но каждая наша бесѣда о судѣ, если только она не прерывалась какъ-нибудь случайно, кончалась тѣмъ, что Л. Н. признавалъ допустимость суда для гражданскихъ дѣлъ и даже для уголовныхъ, какъ исходъ изъ создавшагося вслѣдствіе какого-либо спора или столкновенія труднаго положенія, вызывающаго дальнѣйшія распри и недоразумѣнія. Судъ этотъ Л. Н. допускалъ въ видѣ выборнаго («старики», «лучшіе люди»), отнюдь не формальнаго, помогающаго лицамъ, обратившимся къ нему, разобраться во взаимномъ спорѣ, исправляющаго учиненное зло и вознаграждающаго потерпѣвшаго, или возстанавливающаго его

права, наконецъ высказывающаго истину въ каждомъ данномъ случаѣ, но отнюдь не примѣняющаго такія мѣры, какъ насильственное лишеніе свободы, ссылка и т. п.

Я часто спорилъ съ Л. Н. и по поводу его мыслей о непротивленіи злу, указывая на то, что прирожденное нравственное чувство побуждаетъ человѣка заступиться за ребенка, больного, вообще за беззащитное, слабое существо, если онъ видитъ учиняемое надъ ними насиліе. Л. Н., отвѣчая мнѣ, указывалъ, что онъ допускаетъ въ приведенномъ мною случаѣ защиту слабаго, но безъ насилія, или, въ крайнемъ случаѣ, въ наименьшей его степени, ибо, въ общемъ, насиліе вызываетъ лишь отрицательныя явленія. Защищая, напримѣръ, отъ побоевъ слабую женщину, я, быть-можетъ, убью насильника или причиню ему увѣчье, лишу его работоспособности и тѣмъ причиню большое зло многимъ лицамъ, которыхъ тотъ содержалъ.

Въ періодъ пребыванія Л. Н. въ Москвѣ, кажется, въ 1898 или 1899 году, я познакомилъ его съ обстоятельствами судебнаго дѣла, давшаго толчокъ къ созданію имъ послѣдняго большого драматическаго произведенія, къ сожалѣнію, не законченнаго авторомъ — «Живого трупа». Обстоятельства этого оригинальнаго дѣла достаточно извѣстны; вкратцѣ они таковы: супруги N, жившіе заработкомъ интеллигентныхъ людей, въ молодомъ еще возрастѣ разошлись, главнымъ образомъ благодаря склонности мужа къ злоупотребленію спиртными напитками, при чемъ сына мать оставила при себѣ, а мужъ, проживая безъ семьи, опускался все больше и больше и, наконецъ, потерявъ должность, дававшую ему средства существованія, очутился на «днѣ». Въ это время жену, нашедшую поддерживавшій существованіе ея и сына заработокъ, полюбилъ ея сослуживецъ и, считая ее вдовой, предложилъ выйти за него замужъ; она также раздѣляла чувства хорошаго человѣка, предложившаго стать его женой, но наличность мужа, хотя онъ и былъ «на днѣ», являлась препятствіемъ къ ихъ браку. Они разыскали несчастнаго N., онъ выразилъ полное согласіе на разводъ и подалъ, признавая

свою вину, прошеніе о расторженіи брака; но консисторія отказала въ разводѣ, и тогда г-жа N придумала такой способъ полученія нужнаго ей вдовьяго вида: мужъ написалъ ей письмо, въ которомъ увѣдомлялъ, что онъ, отчаявшись въ возможности исправить свою жизнь, рѣшилъ кончить ее самоубійствомъ; письмо это госпожа N передала полиціи, а вскорѣ на льду Москвы рѣки была найдена одежда, а въ ней паспортъ N, а затѣмъ изъ рѣки былъ извлеченъ чей-то трупъ, который былъ принятъ за тѣло N; женѣ его былъ выданъ вдовій видъ, и она вышла замужъ за своего сослуживца. Но въ концѣ-концовъ, благодаря какой-то оплошности N., истина обнаружилась, супруги были отданы подъ судъ Судебной Палаты съ участіемъ сословныхъ представителей по обвиненію ея въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1554ст. Уложенія о наказаніяхъ, а его въ пособничествѣ къ учиненію этого преступленія, и приговорены Палатой къ лишенію особенныхъ правъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь. Приговоръ этотъ былъ смягченъ по представленію Министра Юстиціи, вызванному ходатайствомъ А. Ѳ. Кони, содержаніемъ осужденныхъ въ тюрьмѣ въ теченіе года.

Передавая Л. Н. обстоятельства этого дѣла, съ которымъ я познакомился въ качествѣ предсѣдателя окружнаго суда, гдѣ г-жа N. подвергалась освидѣтельствованію состоянія ея психическаго здоровья, я имѣлъ въ виду, что его заинтересуетъ драматичность положенія несчастной г-жи N., получившаяся, благодаря искусственно созданнымъ людьми, усложняющимъ жизнь условіямъ, обрядамъ, формальностямъ, превратившимъ г-жу N.,—женщину несомнѣнно вполнѣ порядочную, выдающуюся даже многими качествами, въ «преступницу», и разбившимъ во второй разъ только что исправленную было ею жизнь. Въ дѣлѣ являлось также интереснымъ и то, что, повидимому, всѣ, въ немъ участвующія лица—хорошіе, добрые люди. Л. Н. дѣйствительно заинтересовался этимъ дѣломъ и тогда же, записавъ обстоятельства его, рѣшилъ использовать этотъ матеріалъ для литературнаго произведенія. Весьма вѣроятно, что въ это

именно время былъ Л. Н. набросанъ проектъ драмы, оставшейся, какъ я уже говорилъ, имъ незаконченной.

Произошло, кромѣ того, слѣдующее: въ Толстовскій домъ въ Хамовническомъ переулкѣ явился бѣдно одѣтый господинъ и настоятельно просилъ свиданія съ Л. Н. Его провели въ комнату Л. Н., гдѣ онъ объявилъ, что онъ есть тотъ трупъ, о которомъ Л. Н. написалъ драму. Л. Н. подробно разспросилъ его о всей его жизни, долго убѣждалъ перестать пить, обѣщалъ при этомъ условіи найти ему платныя занятія и при прощаніи взялъ съ него слово, что онъ броситъ вино. Кажется, въ тотъ же день Л. Н. зашелъ ко мнѣ и разсказалъ о неожиданномъ появленіи у него г-на N. и попросилъ меня, положившись на данное ему N. слово, устроить ему какое-нибудь скромное мѣсто. Мнѣ удалось удовлетворить желаніе Л. Н. Г-нъ N. получилъ назначеніе на должность, оплачиваемую небольшимъ жалованьемъ, и на этой должности пробылъ цѣлый рядъ лѣтъ до своей кончины, при чемъ исполнилъ свое обѣщаніе и дѣйствительно больше не пилъ.

Какъ-то разъ вечеромъ я засталъ у Толстыхъ (въ Москвѣ) Ѳ. И. Шаляпина, который спѣлъ нѣсколько романсовъ, но пѣніе его не особенно понравилось Л. Н.; онъ нашелъ его черезчуръ громкимъ и искусственнымъ, зато онъ одобрилъ игру балалаечниковъ въ оркестрѣ Андреева (играли они русскія пѣсни), который намъ съ нимъ пришлось послушать у Софьи Наколаевны Глѣбовой. Въ этомъ же году я познакомился у Л. Н. съ А. П. Чеховымъ, произведшимъ на меня удивительно пріятное впечатлѣніе. Я и въ Москвѣ видался часто съ Л. Н.; иногда вечеромъ мы вмѣстѣ гуляли, но вдвоемъ съ нимъ оставаться приходилось рѣже, и вообще мнѣ гораздо отраднѣе вспоминать и думать о Л. Н. въ обстановкѣ Ясной Поляны, особенно во время нашихъ лѣтнихъ прогулокъ.

Послѣ окончательнаго переѣзда Толстыхъ изъ Москвы въ Ясную Поляну я продолжалъ видаться съ Л. Н., ежегодно наѣзжая туда раза два, обычно лѣтомъ и осенью. Около этого времени у Л. Н. стали довольно часто повторяться болѣзненные припадки и, наконецъ, была рѣшена

поѣздка въ Крымъ, гдѣ Л. Н. съ Софьей Андреевной и младшей дочерью Александрой Львовной поселились на дачѣ Паниной, въ Корензѣ. Я видался съ Л. Н. и въ Крыму, и, хотя засталъ его слабымъ и тамъ немного гулялъ съ нимъ. Софья Андреевна жаловалась на то, что Л. Н. очень неостороженъ и, гуляя одинъ, уходитъ слишкомъ далеко, благодаря чему на обратномъ пути страшно утомляется. Воспаленіе легкихъ и тифъ были у Л. Н. уже послѣ моего посѣщенія Кореиза, и я его увидалъ по выздоровленіи отъ этихъ болѣзней опять въ Ясной Полянѣ, при чемъ Л. Н. достаточно оправился, много ходилъ, ѣздилъ верхомъ, работалъ ежедневно и былъ столь же свѣжъ и энергиченъ умственно, какъ и прежде. Софья Андреевна и дѣти уговорили Л. Н. согласиться на то, чтобы въ Ясной остался жить очень милый докторъ, славянинъ Душанъ Петровичъ Маковицкій, предложившій, побуждаемый чувствомъ глубокаго уваженія и преклоненія къ Л. Н., свои услуги въ качествѣ домашняго врача и друга. Отказать Маковицкому было трудно, настолько искренно и явно было чувство его расположенія и безкорыстной привязанности къ Л. Н., и онъ остался въ Ясной Полянѣ, а также сопровождалъ Л. Н. въ его поѣздкахъ (между прочимъ къ Черткову). Душанъ Петровичъ оставался при Л. Н. до кончины его.

Послѣдній разъ я видѣлся съ Л. Н. лѣтомъ 1910 года, мѣсяца за три до его ухода изъ Ясной и послѣдовавшей вскорѣ же кончины его. Л. Н. показался мнѣ нѣсколько постарѣвшимъ, болѣе слабымъ, хотя мы и въ этотъ мой пріѣздъ гуляли съ нимъ въ засѣкѣ, и я знаю, что онъ продолжалъ ходить и ѣздить довольно далеко верхомъ, обычно одинъ. Но умственной перемѣны я не замѣтилъ въ Л. Н.; усилилось лишь то, что замѣчалось въ немъ и прежде и о чемъ онъ самъ часто говорилъ,—ослабленіе памяти. Л. Н. говорилъ, что многое изъ пережитаго совершенно ясно и живо сохранилось въ его памяти, именно отдѣльные событія и факты, чередующіеся въ памяти какъ картины, но въ общемъ прошлое, и именно даже недавнее прошлое.

подернуты какъ бы туманомъ, Л. Н. добавилъ, что это состоянiе очень прiятно, оно какъ бы изолируетъ его отъ реальной жизни, еще больше миритъ со многимъ.

Л. Н. и прежде — даже много лѣтъ тому назадъ — говорилъ о томъ, что неизбѣжность смерти его не тревожитъ, тѣмъ болѣе, что для него уже нѣтъ ужаса ея; но мнѣ думается, что независимо отъ воли Л. Н. и вопреки его мышленiю, самъ организмъ его, физическое, полное жизненной силы и энергiи «я» протестовало противъ возможности и близости смерти, что разсужденiя Л. Н. и вѣра его не могли вполнѣ заглушить этого инстинктивнаго отвращенiя къ смерти. Но за послѣднiе годы, особенно же въ этотъ мой прiѣздъ, въ Л. Н. уже не чувствовалось этого невольнаго протеста противъ смерти, она казалась естественной и не пугала уже не только духовную сторону личности Л. Н., но и физическую, утомленную годами и перенесенными болѣзнями и волненiями. Л. Н. за эти послѣднiе годы поднялся духовно еще выше, отряхнулъ отъ себя все мелочное, что когда-либо было ему присуще, и жилъ исключительно въ мiрѣ отвлеченнаго добра и любви къ людямъ, исполняя безъ какихъ-либо отступленiй долгъ свой, какъ онъ его понялъ и почувствовалъ, передъ «Хозяиномъ жизни».

Думая теперь о томъ, что мнѣ приходилось слышать отъ Л. Н., какъ въ этотъ мой послѣднiй прiѣздъ въ Ясную Поляну, такъ и раньше, я лишь отрывочно вспоминаю отдѣльныя высказанныя имъ мысли и положенiя. Я не забылъ ихъ, онѣ въ свое время произвели на меня глубокое впечатлѣнiе, онѣ остались въ моей душѣ, но слились съ общимъ смысломъ того, что говорилъ Л. Н. Вспоминаю однако, что не разъ слышалъ отъ него такой совѣтъ—дѣлать для другого человѣка то, о чемъ онъ въ данное время проситъ, конечно, если просьба не отталкиваетъ меня, а самому не бѣгать за нахожденiемъ добраго дѣла, не искать того, кому нужна помощь, и къ каждому относиться мягко, любовно. Часто Л. Н. говорилъ тоже о необходимости отдѣлаться

отъ гипноза, захватывающаго насъ, гипноза обычаевъ, установившихся взглядовъ, часто затемняющихъ правду, скрывающихъ отъ насъ своею ложью, хотя бы и красивой, истинное положеніе дѣла. Говоря о наукѣ, Л. Н., какъ я понялъ, не отвергалъ ея значеніе, но считалъ, что она направлена не на главное въ жизни, оставляемое ею въ сторонѣ, которое благодаря этому пребываетъ въ забвеніи, считается ничтожнымъ, а между тѣмъ наука въ теперешнемъ ея направленіи, достигая очень многаго, не облегчаетъ жизни, не уясняетъ людямъ дѣйствительнаго ея значенія и не даетъ человѣчеству счастья, ибо все достигнутое черезъ науку, всѣ пріобрѣтенныя людьми познанія—историческія, географическія, біологическія, соціальныя, техническія, достигшія удивительнаго совершенства, не сдѣлали никого болѣе благополучнымъ и не открыли человѣку надлежащаго жизненнаго пути. Отвергать идею «науки» Л. Н. не могъ уже потому, что самъ весьма дорожилъ знаніемъ и работалъ именно научно, что доказывается хотя бы его библіотекой и содержаніемъ массы письменнаго матеріала, оставшагося послѣ него.

Л. Н. читалъ чрезвычайно много, всего болѣе книгъ серьезнаго содержанія, философскаго, религіознаго, историческаго характера, а также интересовался литературой по политической экономіи и соціологіи; какъ извѣстно, въ отношеніи землепользованія Л. Н. сочувствовалъ теоріи Генри Джорджа. Но Л. Н. читалъ и беллетристику, избѣгая впрочемъ стихотворныхъ произведеній, а также относясь совершенно отрицательно къ такимъ вещамъ, какъ «Кузьма Прутковъ», какъ остроумныя шутки графа Ѳ. Л. Соллогуба. Изъ новыхъ писателей-беллетристовъ Л. Н. одобрялъ во французской литературѣ Гюи-де-Мопасана, а въ русской—Чехова. Л. Н. часто перечитывалъ творенія Руссо, которыми всегда восхищался. Онъ отлично читалъ вслухъ и любилъ это, читая такія вещи, напримѣръ, какъ разсказы Слѣпцова (его онъ тоже признавалъ) съ неподражаемымъ юморомъ. Разъ Л. Н. очень одобрилъ собственное писаніе, совершенно

неожиданно для себя; вечеромъ въ Ясной Полянѣ кто-то изъ семьи сталъ читать вслухъ главу изъ «Война и миръ»; Л. Н., который въ это время оставался, будучи нездоровъ, въ своей комнатѣ, подошелъ къ двери залы, гдѣ, какъ всегда, происходило общее чтеніе и, остановившись, прислушался, а затѣмъ, войдя ко всѣмъ, спросилъ съ интересомъ, что они читали, что это что-то хорошо написанное. Непомѣрно развившееся въ послѣднее время въ количественномъ отношеніи писательство всякаго рода Л. Н. не одобрялъ, утверждая, что писать можно и слѣдуетъ только тогда, когда можешь сказать что-нибудь дѣйствительно существенное, полезное, когда чувствуется серьезная потребность высказать истину. Писательство, какъ ремесло, было не по душѣ Л. Н., и онъ его считалъ вреднымъ. Художественную сторону въ литературныхъ произведеніяхъ Л. Н. признавалъ и считалъ мѣриломъ дѣйствительной художественности, да и не литературной только, а также и въ живописи и въ ваяніи, это общедоступность произведенія. Дѣйствительно, геніальное произведеніе должно быть, говорилъ онъ, понятнымъ всему народу. Въ отношеніи литературнаго слога Л. Н. высказывался противъ допускаемой теперь часто искусственности его и неправильности нѣкоторыхъ, ставшихъ однако общеупотребительными, выраженій, какъ, напримѣръ, «одѣть» платье, а не надѣть, «прислуга» не какъ собирательное понятіе, а какъ опредѣленное лицо женскаго пола, находящееся въ услуженіи и т. п.

Къ собственнымъ твореніямъ первой половины своей литературной дѣятельности Л. Н. относился тоже до извѣстной степени отрицательно, не одобряя въ нихъ собственно то, что имъ описывалось нерѣдко недостойное описанія, пожалуй даже поддерживалась красивая ложь, скрывающая тяжелую истину, противъ чего онъ самъ потомъ выступалъ. Но я не могу не сказать здѣсь того, что я говорилъ и Л. Н., возражая этому его критическому замѣчанію, а именно, что оно невѣрно, ибо съ первыхъ же своихъ произведеній Толстой стремился лишь къ правдѣ и видѣлъ прикрывающую

ее часто мишурою ложь и обманъ. Любовъ къ истинѣ, любовь къ человѣку, углубленіе въ духовную сторону жизни сказываются во всѣхъ безъ исключенія произведеніяхъ Л. Н. и иныя изъ нихъ, хотя и облечены въ беллетристическую форму, столь сродную Л. Н., а, быть можетъ, именно поэтому, могутъ даже скорѣе повліять на читателя и указать ему надлежащій путь жизни, чѣмъ творенія второй половины писательства Л. Н., доступныя не всѣмъ, не проникающія такъ легко въ массу населенія. Л. Н., иногда, до нѣкоторой степени (далеко не вполнѣ) соглашался со мною, и на высказанное какъ-то мною желаніе, чтобы онъ продолжалъ свое творчество, какъ беллетристъ, отвѣтилъ, что онъ вѣроятно еще будетъ писать и въ этой формѣ, но что заставить себя писать именно такъ, а не иначе, онъ не можетъ и не долженъ. Писать можно только искренно и по отношенію къ формѣ и существу, и если онъ въ данное время не чувствуетъ потребности или наклонности къ созданію романа, повѣсти или драмы, такъ онъ и не долженъ приступать къ такой работѣ — она будетъ неудовлетворительна. Помню, что, говоря именно о формахъ литературнаго творчества, Толстой высказывался за драматическую, увлекающую его тѣмъ, что сценическое исполненіе драмы производитъ большее впечатлѣніе, чѣмъ простое чтеніе.

Въ настоящихъ воспоминаніяхъ о Л. Н. я совершенно не коснулся критической оцѣнки его произведеній и анализа Толстого, какъ писателя-беллетриста, драматурга и религіознаго мыслителя. Такая задача выходитъ изъ предѣловъ моей компетенціи, а затѣмъ, набрасывая по памяти очеркъ Л. Н., какъ человѣка, передавая нѣкоторыя подробности его жизни, я не задавался другой цѣлью, какъ дать, хотя бы незначительный, но достовѣрный матеріалъ будущему біографу Толстого. Но я счелъ правильнымъ приложить къ настоящему очерку сказанную мною въ засѣданіи Толстовскаго общества 7 ноября 1911 года, въ первую годовщину смерти Л. Н., рѣчь, посвященную памяти великаго писателя и мыслителя, въ которой я говорю о его творчествѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1-й.

3 письма Льва Николаевича къ Н. В. Давыдову.

I.

Ясная Поляна.

Милый Николай Васильевичъ!

Опять къ вамъ съ просьбой. Прилагаю обвинительный актъ, написанный противъ одного мнѣ близкаго человѣка, прилагаю и его письмо, чтобы вамъ дать понятіе о самомъ человѣкѣ. Что мнѣ дѣлать? Мой планъ двоякій: или самому поѣхать въ Петербургъ, вызваться быть защитникомъ его, или подать заявленіе, въ которомъ выразить, что книги получены имъ отъ меня, что если кто виноватъ, то я, и если кого судить, то именно меня; книги я получаю отъ издателей и, когда ихъ просятъ у меня, то даю тѣмъ, кто ихъ проситъ. Какъ поступить въ этомъ случаѣ? Научите меня или составьте, если можете, такое заявленіе или посовѣтуйте ѣхать самому въ Петербургъ и быть заступникомъ. Жду отвѣта. Обвинительный актъ и письмо пожалуйста верните. Любящій васъ Левъ Толстой. 1908 г. 11 апрѣля.

II.

Сейчасъ получилъ очень огорчившее меня извѣстіе, Николай Васильевичъ, о томъ, что Молочниковъ, о которомъ я писалъ вамъ, присужденъ къ заключенію въ крѣпость на годъ.

Не могу высказать, до какой степени это взволновало меня. Не могу понять того, что дѣлается въ головахъ и, главное, сердцахъ людей, занимающихся составленіемъ такихъ приговоровъ. Жалко, что вы отговорили меня отъ защиты. Я, разумѣется, не защищалъ бы, а постарался бы обратиться къ голосу совѣсти тѣхъ несчастныхъ людей, которые дѣлаютъ такія дѣла. Можно ли что-нибудь сдѣлать теперь? Очень, очень благодарю васъ за присланное. До свиданья. Левъ Толстой. 1908 г. 8 мая.

III.

Милостивый государь, господинъ редакторъ.

Посылаю вамъ прилагаемое письмо. Такихъ писемъ отъ людей, отрицательно относящихся къ моему предстоящему юбилею, я получилъ нѣсколько; это же письмо я очень прошу васъ напечатать, какъ желаетъ этого авторъ его. Я, съ своей стороны, тоже желалъ бы его напечатанія, такъ какъ, въ связи съ этимъ письмомъ, я имѣю сказать кое-что относительно этого моего предстоящаго юбилея.

Сказать я имѣю именно то, что готовящійся юбилей этотъ чрезвычайно тяжелъ для меня. Причинъ этому много. Одно изъ первыхъ то, что я никогда не смотрѣлъ на такого рода чествованія съ сочувствіемъ; мнѣ казалось, что выраженіе сочувствія и любви къ дѣятельности человѣка можетъ выразиться никакъ не внѣшнимъ образомъ, а близкимъ соединеніемъ чувствами и мыслями съ тѣмъ, къ кому относятся эти мысли и чувства.

Вспоминаю, какъ давно уже, лѣтъ около тридцати тому назадъ, во время чествованія Пушкина и поставленія ему памятника, милый Тургеневъ заѣхалъ ко мнѣ, прося меня ѣхать съ нимъ на этотъ праздникъ; какъ ни дорогъ и милъ мнѣ былъ тогда Тургеневъ, какъ я ни дорожилъ и высоко цѣнилъ (и цѣню) геній Пушкина, я отказался, зналъ, что огорчалъ Тургенева, но не могъ сдѣлать иначе, потому что и тогда

уже такого рода чествованія мнѣ представлялись чѣмъ-то неестественнымъ и—не скажу ложнымъ, но не отвѣчающимъ моимъ душевнымъ требованіямъ. Теперь же, когда это касается лично меня, я чувствую это еще въ гораздо большей степени. Но это послѣднее соображеніе. Другое, самое важное, это то, что выражено въ этомъ письмѣ и въ другихъ такого же рода письмахъ, именно то, что эти готовящіяся чествованія, даже при своемъ приготовленіи, вызываютъ въ большомъ количествѣ людей самыя недобрыя чувства ко мнѣ. Недобрыя чувства эти могли бы лежать безъ выраженія, но выбиваются и развиваются вслѣдствіе этого. Знаю, что эти недобрыя чувства вызваны мною самимъ: самъ я виноватъ въ нихъ, виноватъ тѣми неосторожными, рѣзкими словами, которыми я позволялъ себя осуждать вѣрованія другихъ людей. Я искренно раскаиваюсь въ этомъ, и очень радъ случаю высказать это. Но это не измѣняетъ самого дѣла. Въ мои годы, стоя одной ногой въ гробу, одно, что желательно, это быть въ любви съ людьми, насколько это возможно, и разстаться съ ними въ этихъ самыхъ чувствахъ. Письмо же это и подобныя ему, получаемыя мною, показываютъ именно, что приготовленія къ юбилею вызываютъ въ людяхъ—и совершенно справедливо—самыя обратныя любви чувства ко мнѣ. И это мнѣ очень тяжело. Если бы на одной чашкѣ вѣсовъ лежали самыя мнѣ пріятныя и лестныя одобренія людей, которыхъ я уважаю, и на другой—вызванная ненависть хотя бы одного человѣка, я думаю, что я бы не задумался отказаться отъ похвалъ, только бы не увеличивать нелюбовь этого одного человѣка. Теперь же я чувствую, что этотъ готовящійся юбилей вызываетъ недобрыя, нелюбовныя чувства ко мнѣ, которыя я заслужилъ, не одного, а многихъ и многихъ, очень многихъ. Это мнѣ мучительно тяжело, и поэтому я бы просилъ всѣхъ тѣхъ добрыхъ людей, любящихъ меня, сдѣлать все, что возможно, для того, чтобы уничтожить всякія попытки чествованія меня.

Не буду говорить о томъ, что я совершенно не признаю себя заслуживающимъ тѣхъ чествованій, которыя готовятся:

все это показалось бы какимъ-то фальшивымъ кокетствомъ. Но не могу не сказать того, что думаю, и былъ бы счастливъ, если бы люди оставили это дѣло и ничего не дѣлали бы въ этомъ направленіи.

Письмо это продиктовано Л. Н. Толстымъ и было передано имъ лично 25 марта 1908 г. въ Ясной Полянѣ Н. В. Давыдову для прочтенія его въ засѣданіи Московскаго комитета по устройству 80-тилѣтняго юбилея Толстого и для дальнѣйшаго поступленія съ нимъ по усмотрѣнію Н. В. Давыдова. Къ письму было приложено другое, адресованное Л. Н., въ которомъ высказывалось осужденіе ему, особенно по поводу готовившагося юбилея.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2-й.

Копія.

(Копія обв. акта и приговора по дѣлу Колосковыхъ.)

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ.

18 января 1880 года въ деревнѣ Сидоровкѣ, Чернскаго уѣзда въ домѣ крестьянина Ефрема Колоскова праздновалась свадьба падчерицы его Елены Егоровой съ крестьяниномъ Павломъ Андріановымъ (л. 2).

Въ то время, какъ Колоскову нужно было по обычаю передъ отправленіемъ невѣсты въ церковь благословить ее, онъ спрятался въ сараѣ и былъ разысканъ и приведенъ къ гостямъ сестрою его, Марьей Крючковой (л. II), когда Елену уже увезли въ церковь. Тогда Колосковъ, упавъ на колѣни, обратился къ гостямъ и бывшему на улицѣ народу со словами: «Простите меня, братцы, я грѣшникъ», а затѣмъ несвязно передалъ, что у него отъ падчерицы его Елены былъ ребенокъ, который зарытъ подъ плетнемъ, указалъ это мѣсто, началъ было его раскапывать, а потомъ, схвативъ лежавшій на землѣ колъ, ударилъ имъ со всего размаху по головѣ шестилѣтнюю дочь свою Евфимію, вертѣвшуюся около него въ то время съ плачемъ. Дѣвочка упала безъ чувствъ, но осталась жива и по освидѣтельствованію ея впослѣдствіи врачомъ оказалась здоровою (л. II, 12 и 15).

На указанномъ Колосковымъ мѣстѣ, а именно съ задней стороны его задворка, оказался дѣйствительно зарытымъ

неглубоко въ землѣ трупъ новорожденнаго младенца, положенный въ деревянный ящикъ; по осмотру трупа младенца врачомъ онъ оказался мужескаго пола, совершенно доношеннымъ и въ значительной степени разложенія; на лѣвой половинѣ лобной кости была усмотрѣна трещина. Производившій осмотръ и вскрытіе врачъ далъ заключеніе, что вслѣдствіе сильнаго разложенія трупа анатомическимъ путемъ невозможно опредѣлить причину смерти младенца, но что, судя по разсказу Колоскова и его семейныхъ, ребенокъ родился живымъ и умерщвленъ (л. 14 и 16).

Какъ при дознаніи, такъ и при слѣдствіи Ефремъ Колосковъ призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что года два тому назадъ онъ изнасиловалъ падчерицу свою Елену, послѣ чего продолжалъ съ нею имѣть любовныя сношенія, когда бывалъ пьянъ, при чемъ каждый разъ встрѣчалъ со стороны ея сопротивленіе, которое устранялъ насиліемъ и угрозами. Когда Елена забеременѣла и время ея родовъ стало приближаться, Колосковъ рѣшилъ, чтобы не опорочить дѣвушку, «покончить съ ребенкомъ», почему приказалъ женѣ своей (матери Елены) Мароѣ Іоновой спрятать ребенка тотчасъ по его рожденіи. 8 ноября 1879 г., когда онъ вернулся изъ лѣса, жена передала ему, что Елена родила ребенка, который ею, Мароою, спрятанъ въ погребѣ. Отправившись на погребъ, Колосковъ долго плакалъ, а потомъ придавилъ новорожденнаго доской и, прогнавъ зашедшую было туда жену, ушелъ; ночью онъ подходилъ къ погребу и еще слышалъ плачъ ребенка, къ утру же онъ оказался мертвымъ; вечеромъ Колосковъ зарылъ трупъ младенца у себя на задворкѣ и объ участи ребенка ничего не сказалъ Еленѣ, которая такъ и не знала, что съ нимъ сталось. Мароа Іонова хотѣла было заявить о происшедшемъ, но онъ заставилъ ее молчать, угрожая въ противномъ случаѣ «покончить» и съ нею. Черезъ нѣсколько времени къ Еленѣ присватался крестьянинъ Павелъ Андріановъ, и 18 января у Колосковыхъ въ домѣ праздновалась ихъ свадьба; когда наступило время отпускать Елену въ церковь, Колосковъ спрятался въ ригѣ, такъ

какъ «сердце его противилось благословлять къ вѣнцу невѣсту, съ которой онъ жилъ», но когда его въ ригѣ нашла сестра и привела на улицу, онъ во всемъ сознался бывшему тутъ народу и сталъ было откапывать трупъ ребенка Елены, но силъ не хватило. Въ это время шестилѣтняя дочь Колоскова Евфимья не отходила отъ него и все плакала; подумавъ, что для него все кончено и что дочь его останется одна и будетъ по немъ плакать, онъ, Колосковъ, схватилъ колъ и ударилъ имъ дочь по головѣ, чтобы сразу убить ее — «пусть лучше умретъ на моихъ глазахъ». Когда Евфимья упала, онъ кинулъ колъ и сказалъ: «Теперь берите меня» (л. 5).

Жена Колоскова, Марѳа Іонова, виновною въ участіи съ мужемъ въ убійствѣ ребенка, Елены Андріановой, себя не признала, объяснивъ, что она спрятала новорожденнаго на погребѣ по приказанію мужа, предполагая, что онъ его хочетъ куда-нибудь подкинуть; когда она зашла на погребъ и увидала, что ея мужъ наложилъ на младенца доску, она сняла ее, но Колосковъ тутъ же ее выгналъ и показательница до случая на свадьбѣ Елены не знала, что сталось съ младенцемъ. Объ отношеніяхъ мужа ея къ Еленѣ, основанныхъ на насиліи, и о беременности послѣдней она знала (л. 7. об.).

Заявленіе Марѳы Іоновой о томъ, что она не знала объ участи рожденнаго ея дочерью младенца и вообще не принимала участія въ лишеніи его жизни опровергается однако показаніями крестьянъ Александра Матвѣева и Анисима Григорьева Маликовыхъ (л. 12 об. и 13), удостовѣрившихъ, что Колосковъ, сознаваясь въ убійствѣ ребенка своей падчерицы, говорилъ, что рѣшилъ онъ это съ общаго согласія съ женой, которая отсовѣтала ему бросить ребенка въ рѣку, какъ онъ сперва хотѣлъ, изъ боязни, что тѣло найдутъ и обнаружатъ истину.

Елена Андріанова показала, что Колосковъ имѣлъ съ нею половыя сношенія насильно, а когда она, забеременѣвъ отъ него, родила, то ребенка у нея взяли, когда она лежала

еще въ безпамятствѣ; затѣмъ она ни отъ матери ни отъ вотчима не слыхала, что съ нимъ сдѣлали (л. 9.).

Изъ протокола осмотра судебнымъ слѣдователемъ 1) доски, которой былъ придавленъ ребенокъ Елены Андріановой и 2) кола, которымъ Евфимьѣ Колосковой былъ нанесенъ ударъ по головѣ, усматривается, что первая—березоваго дерева 11 вершковъ длины, 7 вершковъ ширины и 2 вершковъ толщины, а колъ—заостренный съ одного конца, длиною 2 аршина 6 вершковъ, а толщиною въ обыкновенную крестьянскую оглоблю (л. 15 об.).

Изъ отношенія Тульской Духовной Консисторіи отъ 11 марта 1880 года за № 1349 (л. 33) усматривается, что родство между отчимомъ и падчерицею состоитъ въ первой степени, то-есть равносильно родству отца съ дочерью.

На основаніи изложеннаго, крестьяне деревни Сидоровки, Чернскаго уѣзда, Ефремъ Петровъ Колосковъ, 37 лѣтъ, и жена его Марѳа Іонова, 50 лѣтъ, обвиняются: Колосковъ въ томъ, что: 1) съ 1877 года имѣлъ половыя сношенія съ падчерицею своею, Еленою Андріановою, состоящей съ нимъ въ первой степени родства, 2) 8 ноября 1879 года въ дер. Сидоровкѣ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ лишилъ жизни незаконнорожденнаго крестьянкою Еленою Андріановою младенца, наложивъ на него доску и, оставивъ его въ такомъ положеніи на ночь въ погребѣ своего дома, и 3) 18 января 1880 года въ дер. Сидоровкѣ, вознамѣрившись по внезапному побужденію и будучи въ раздраженіи, лишить жизни шестилѣтнюю дочь свою Евфимію, ударилъ ее съ этою цѣлью коломъ по головѣ, отъ каковаго удара Евфимья упала и была унесена, но однако осталась въ живыхъ, а Марѳа Іонова въ томъ, что зная о намѣреніи мужа своего лишить жизни незаконнорожденнаго младенца Елены Андріановой, скрыла отъ всѣхъ рожденіе этого младенца и тайно отнесла его по приказанію мужа на погребъ, гдѣ и оставила съ послѣднимъ, каковыя дѣянія предусмотрѣны относительно Колоскова 1593, 1454, 9 и 1455 ст. Уложен., а относительно Марѳы Іоновой 13 и 1445 ст. Улож.

А потому и согласно 201 ст. Уст. Угол. Суд., Колосковы предаются суду Тульскаго окружного суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Марта 24 дня 1880 года. Подписалъ прокуроръ Тульскаго окружнаго суда Давыдовъ. Утверждено Московскою Судебною Палатою 8 апрѣля 1880 года. Членъ Палаты (фамилія не разобрана.)

СПИСОКЪ

лицъ, подлежащихъ вызову къ судебному слѣдствію.

Обвиняемые:

1) крестьянинъ Ефремъ Петровъ Колосковъ,
2) крестьянка Марѳа Іонова Колоскова.

Свидѣтели:

1) кр. Елена Егорова Андріанова,
2) кр. Марья Петрова Крючкова,
3) кр. Василій Анисимовъ Маликовъ,
4) кр. Петръ Ивановъ Маликовъ,
5) сельскій староста кр. Аѳанасій Михайловъ Маликовъ,
6) кр. Александръ Матвѣевъ Маликовъ,
7) кр. Анисимъ Григорьевъ Маликовъ,
1) экспертъ, Чернскій уѣздный врачъ, Щегловъ.

Копія.

1880 года октября 21 дня, по указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Тульскій окружной судъ, по временному уголовному отдѣленію въ составѣ: предсѣдательствующій П. А. Васильевъ, членъ Н. П. Хрущовъ, почет. мировой судья Н. Н. Волковъ, товарищъ прокурора А. А. Мясново, и. д. секретаря И. В. Вишняковъ, съ участіемъ гг. присяжныхъ засѣдателей, выслушавъ дѣло о крестьянинѣ Ефремѣ Петровѣ и его женѣ Мароѣ Іоновой Колосковыхъ, обвиняемыхъ 1-й въ кровосмѣшеніи, покушеніи на убійство своей дочери и въ убійствѣ незаконнорожденнаго младенца, а Мароа въ сокрытіи слѣдовъ сего послѣдняго преступленія, опредѣлилъ: 1) подсудимаго крестьянина Чернскаго уѣзда, дер. Сидоровки, Ефрема Петрова Колоскова, 37 лѣтъ, лишить всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ, съ послѣдствіями по 25 ст. Ул.; 2) подсудимую крестьянку Чернскаго уѣзда, деревни Сидоровки, Мароу Іонову Колоскову, 50 лѣтъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на заводахъ, на восемь лѣтъ, съ послѣдствіями по 25 ст. Улож.; 3) подсудимаго Колоскова, по обвиненію въ покушеніи на убійство дочери своей, на основаніи 1 п. 771 ст. Улож. Уг. Суд., считать оправданнымъ по суду; 4) судебныя по сему дѣлу издержки отнести на счетъ имущества осужденныхъ на основаніяхъ, утвержденныхъ въ 991 и 992 ст. Уст. Уг. Суд., 5) по вступленіи приговора въ законную силу, колъ и обрубокъ доски, какъ не имѣющихъ цѣнность, уничтожить. Подписали Васильевъ, Хрущовъ, Волковъ, и. д. Секретаря Вишняковъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 3-й.

Рѣчь, сказанная 7-го ноября 1911 г. въ засѣданіи Толстовскаго общества.

Открывая первое публичное засѣданіе Московскаго Отдѣленія Общества Толстовскаго Музея, посвященное памяти Льва Николаевича Толстого, я беру на себя смѣлость сказать нѣсколько вступительныхъ словъ.

Московское Отдѣленіе Толстовскаго Общества признало необходимымъ посвятить рядъ публичныхъ засѣданій попыткѣ отвлеченнаго возсозданія духовной личности Л. Н. въ возможной полнотѣ. Мы будемъ стремиться къ тому, чтобы освѣтить творчество Л. Н. какъ писателя-художника, какъ мыслителя, какъ учителя и общественнаго дѣятеля и, наконецъ, къ тому, чтобы начертать образъ его, какъ человѣка, какъ учителя жизни уже не въ писаніяхъ, а въ самой жизни, въ его бесѣдахъ, въ его письмахъ; задача эта велика и отвѣтственна, но мы беремъ ее на себя, я готовъ сказать радостно, ибо смыслъ существованія нашего общества и главная его задача сводятся именно къ наиболѣе глубокому ознакомленію широкихъ слоевъ русскаго общества съ безсмертнымъ, многостороннимъ творчествомъ Л. Н. во всей его полнотѣ.

На этотъ разъ, въ первую годовщину смерти Л. Н., мы рѣшили ограничиться публичнымъ прочтеніемъ только что впервые изданнаго разсказа великаго писателя и сообщеніемъ, въ передачѣ члена Толстовскаго Общества,—близ-

каго Л. Н-чу человѣка, — В. А. Маклакова, очерка общественной дѣятельности Л. Н., отложивъ, по независящимъ обстоятельствамъ, до слѣдующаго публичнаго засѣданія предположенные первоначально на сегодня рефераты о Толстомъ, какъ литераторѣ. Часть нашего коммеморативнаго собранія мы посвящаемъ музыкѣ,—отдѣлу искусства, бывшему всегда близкимъ Л. Н.

Едва ли намъ даже въ теченіе годичнаго срока удастся выполнить указанную мною задачу настолько обширно, разнообразно, продуктивно и значительно творчество Толстого. Въ сущности вся сознательная, долголѣтняя, къ счастью, жизнь Л. Н. прошла въ работѣ какъ писателя-беллетриста и мыслителя. Это была именно работа, упорная работа геніальной мысли, направленная, несмотря на кажущееся разнообразіе исканій, вѣрованій и идеаловъ—къ одному, къ постиженію истины, къ опредѣленію дѣйствительнаго смысла жизни и установленію въ ней главнаго. Во всѣхъ беллетристическихъ произведеніяхъ Л. Н. мы встрѣчаемся съ нимъ не только какъ съ великимъ художникомъ слова, неподражаемымъ творцомъ картинъ міровою значенія и картинъ интимной жизни человѣка, духовной и внѣшней, но и съ глубокимъ мыслителемъ, ищущимъ съ несокрушимой энергіей, съ безпощадностью ко всему, что ему представлятеся ложью и обманомъ,—разрѣшенія главныхъ проблемъ жизни. И точно такъ же въ религіозно-философскихъ статьяхъ Л. Н. мы находимъ страницы, на которыхъ онъ является вдохновеннымъ художникомъ, иллюстрирующимъ высказываемыя имъ мысли столь же яркими картинами, какъ и въ его романахъ и повѣстяхъ. Оба направленія творчества Л. Н., художественное и философское, нерѣдко сливаясь, стремились къ одному, къ той наивысшаго порядка цѣли, о которой я говорилъ, при чемъ все безусловно творчество Л. Н., съ первыхъ же строкъ, появившихся въ печати, было и осталось проникнутымъ чувствомъ любви къ человѣку. И чувство это, воплощаясь въ чудные, живые образы, творимые Л. Н. въ его разсказахъ,

отражаясь въ высказываемомъ имъ пониманіи жизни, въ опредѣленіи того, «чѣмъ люди живы», въ самой его жизни, росло съ годами и въ немъ, и въ его произведеніяхъ, и помимо постигаемой умомъ убѣдительности его проповѣди, привлекало къ нему, къ этой проповѣди любви, прощенія, мира, сердца читателей всего земного шара, пробуждая въ нихъ присущія человѣку добрыя чувства, затемняемыя часто иной проповѣдью, — проповѣдью насилія, мщенія, кровавой расправы.

Мы не беремъ на себя сейчасъ приступить хотя бы лишь къ попыткѣ сравнительной оцѣнки тѣхъ двухъ направленій, о которыхъ я сейчасъ говорилъ. Эта оцѣнка—дѣло будущаго; мы, въ Толстовскомъ Обществѣ, признаемъ ее дѣломъ намъ предстоящимъ, но и сейчасъ мы скажемъ, что оба направленія составляютъ неоцѣнимый вкладъ въ сокровищницу человѣческаго знанія, хранящую для современности и будущихъ поколѣній все то добро, то приближеніе къ истинѣ, ту духовную красоту, которую дали намъ геніальные представители человѣчества. Это не наша личная оцѣнка и пониманіе значенія Толстого,—это оцѣнка его многогранной духовной личности, сдѣланная всѣмъ міромъ. Что утверждаемое мною не красивая фраза—тому свидѣтелемъ можетъ быть хотя бы устроенная нами въ короткій срокъ Толстовская выставка, на которой хранятся переводы произведеній Л. Н., критическіе отзывы о нихъ, біографическія свѣдѣнія о немъ, изданныя во всѣхъ почти сколько-нибудь культурныхъ странахъ, не исключая Китая. Имя Толстого знаютъ и благоговѣйно къ нему относятся представители наиболѣе просвѣщенныхъ группъ и простолюдины въ Россіи, и далеко за предѣлами ея. Значеніе творчества Толстого именно міровое.

Но не однимъ литературнымъ наслѣдіемъ, оставленнымъ намъ, великъ Толстой; онъ великъ въ своей жизни, завершившейся годъ тому назадъ при столь исключительныхъ, кажущихся легендарными, условіяхъ. Жизнь, тѣмъ дорогая и обаятельная, близкая намъ, что она не была жизнью

фанатика, мистика, анахорета, удалившагося отъ міра. Первые годы самостоятельной жизни Л. Н. проходили при тѣхъ же обычныхъ условіяхъ, въ которыхъ существуетъ большинство людей, ему были не чужды ошибки, слабости и увлеченія молодости, но съ тою особенностью, что въ душѣ его съ первыхъ же шаговъ зародился протестъ противъ зла и обмана жизни, сомнѣніе въ истинности общепринятаго порядка жизни и образовалось страстное стремленіе къ достиженію иныхъ путей, болѣе соотвѣтствующихъ той искрѣ Божіей, которая въ каждомъ человѣкѣ теплится въ большей или меньшей мѣрѣ. Это стремленіе, это исканіе вѣрнаго пути жизни росло въ Толстомъ съ каждымъ годомъ и въ теченіе долгаго времени какъ бы носило его по волнамъ безбрежнаго моря отвлеченнаго мышленія, но носило не какъ не управляемую никѣмъ ладью, лишенную руля. Въ безбрежномъ морѣ мышленія Л. Н. оставался кормчимъ, но искалъ пристани по разнымъ направленіямъ, и на Востокѣ, и на Западѣ, и на Сѣверѣ. И онъ нашелъ пристань, и съ тѣхъ поръ уже не покидалъ ее и, совершая послѣдній, столь простой и столь же величественный подвигъ свой, онъ, покинувъ стоявшую въ тихой пристани ладью, вступилъ на твердый берегъ, вступилъ безъ колебаній и страха.

33 года тому назадъ я встрѣтился съ Л. Н., и съ этихъ поръ непосредственныя отношенія мои къ нему и семьѣ его не прекращались, доставляя лично мнѣ великое счастье. Начало нашихъ отношеній совпало приблизительно съ тѣмъ временемъ, когда Л. Н. былъ законченъ его романъ «Анна Каренина» и имъ еще не была написана «Въ чемъ моя вѣра». Многое за долгій 32-хлѣтній періодъ измѣнилось внѣшне въ Л. Н.: онъ пересталъ курить, перешелъ къ вегетаріанской пищѣ, отказался отъ любимой имъ прежде охоты, но нравственный обликъ его въ существѣ своемъ не измѣнился, лишь совершенствуясь, становясь чище и все болѣе проникаясь любовью и добротою. Во всемъ—въ письмахъ, въ спорахъ, въ бесѣдахъ, сказывалась эта получавшая преобладаніе

черта. Она сказывалась и въ наружности Л. Н. По мѣрѣ того, какъ бѣлѣли его волоса и блѣднѣло его чело, лицо его становилось значительнѣе, поражая красотой не линій, а красотой выраженія, отражавшаго все лучшее, что заложено въ человѣкѣ, а въ проникновенныхъ лучистыхъ глазахъ Л. Н., нерѣдко, при душевномъ волненіи, покрывавшихся слезой, свѣтилась такая непосредственная доброта, столько дѣйствительной любви, что и въ душѣ собесѣдника Л. Н. пробуждались тѣ же чувства и сердце неудержимо рвалось къ нему...

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ЖЕМЧУЖНИКОВЪ.

25-го марта 1908 года скончался въ Тамбовѣ, на восемьдесятъ восьмомъ году жизни, Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ. Онъ угасъ, какъ и жилъ, тихо и мирно, согрѣтый любовью и лаской семьи — дочерей и внуковъ, окруженный всеобщимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ. Почилъ старѣйшій нашъ поэтъ-литераторъ, вдохновлявшійся въ теченіе всей долгой жизни своей чистыми, идеальными побужденіями, вскипавшій благороднымъ гнѣвомъ при проявленіи людской лжи, раболѣпства и насилія, бичевавшій насмѣшкой и презрѣніемъ все пошлое, мелкое, низкое.

Кончина Алексѣя Михайловича, въ виду его возраста, не поразила никого неожиданностью, не вызвала по той же причинѣ непримиримой горечи; но мысль, что нѣтъ больше между нами этого благороднаго, чистаго душой и сердцемъ старца, добраго, простого, блестящаго умомъ и живостью мыслей, старца прекраснаго и физически, въ ореолѣ сѣдыхъ волосъ, навѣваетъ тихую грусть и глубокое сожалѣніе.

Годы не сломили отзывчивости Алексѣя Михайловича, до послѣднихъ часовъ жизни онъ оставался человѣкомъ въ лучшемъ и наиболѣе полномъ значеніи слова, интересуясь всѣмъ отвлеченнымъ: общественными и политическими теченіями, литературой, музыкой...

Любовь къ природѣ, сказавшаяся столь сильно въ его произведеніяхъ, не покинула его и на склонѣ лѣтъ, доставляя ему тихую радость.

Уже въ 1857 году онъ писалъ:

Я музыкальнымъ чувствомъ обладаю,
Я для любви возвышенной рожденъ
И ни на что ее не промѣняю,—
Я въ стройныя созвучія влюбленъ.
Природа-музыка! Тебѣ внимаю...
Не умолкая пѣснь свою поетъ
Весь міръ про жизнь, которою онъ дышитъ,—
И тотъ блаженъ, кто слушаетъ и слышитъ!
О сколько онъ узнаетъ и пойметъ,
Развѣдавъ путь въ звучащій міръ гармоній,
Непонятыхъ поэмъ, невѣдомыхъ симфоній!..

То же чувство любви къ природѣ и жизнерадостность подсказали Алексѣю Михайловичу въ 1879 г. эти строки:

О жизнь! Я вновь ее люблю,
И ею вновь любимъ взаимно...
Природы другъ, я въ ней ловлю
Всѣ звуки жизненнаго гимна;

Я исцѣленъ отъ слѣпоты,
Красу весну я вижу снова
И подмѣчаю всѣ черты
Ея стремленія живого.
....

Или 1880 году.

....
Зима идетъ, морозомъ вѣя,
И я, какъ всѣ, ей тоже радъ;
И воробьи еще рѣзвѣе
Въ кустахъ, чирикая, шуршатъ.

* * *

Гостепріимный запахъ дыма
Изъ трубъ доносится ко мнѣ;
Роняя снѣгъ, проходятъ мимо
Подъ солнцемъ тучки въ вышинѣ.

* * *

Какъ тихо тамъ, въ дубовой рощѣ!
Какъ въ чистомъ воздухѣ свѣжо!
Что можетъ быть на свѣтѣ проще,
И какъ все это хорошо!

И это прелестное стихотвореніе, написанное въ 1889 г.:

Обитель мирная, пріютъ благословенный,
Обѣтованная мнѣ Господомъ земля!
Мнѣ краше и милѣй, о вы, во всей вселенной,—
Мой сельскій домъ, и садъ, и роща, и поля.

* * *

Здѣсь отъ житейскихъ бурь я въ старческіе годы
Себѣ убѣжище нашелъ. Такъ ветхій челнъ,
Въ затишьѣ пристани, во время непогоды,
Спокойно зыблется въ сосѣдствѣ шумныхъ волнъ

* * *

За все, что есть въ тебѣ, за все, что слышу, вижу,
За тихій твой просторъ, за красоту твою,
За то, что нѣтъ въ тебѣ того, что ненавижу,
Родимый уголъ мой, тебя я такъ люблю.

* * *

....
А ты природа-мать и свѣтлыхъ дней лучами,
И тьмой, и звѣздами, и красками зари,
И всѣми чудными твоими голосами
Со мной, пока живу; немолчно говори!

Алексѣй Михайловичъ воспѣвалъ не одну природу: въ стихотвореніяхъ его разсыпаны отголоски его честныхъ политическихъ убѣжденій, всего его міровоззрѣнія, которое носило исключительно черты гуманности, стремленія къ истинному прогрессу, свободѣ и справедливости. На міровоззрѣніяхъ А. М. отражалась и присущая ему душевная мягкость и глубокая религіозность.

Въ написанномъ въ 1859 году «Признаніи» А. М. говоритъ про себя:

Я грубой силы—врагъ заклятый,
Я не пойму ее никакъ,
Хоть всѣмъ намъ часто снится сжатый.
Висящій въ воздухѣ, кулакъ [1];
Поклонникъ знанья и свободы,
Я эти блага такъ цѣню,
Что даже въ старческіе годы,
Быть-можетъ, имъ не измѣню.
....

И Алексѣй Михайловичъ не обманулся, онъ остался до самой смерти такимъ же искреннимъ другомъ свободы, гуманности и независимости, какимъ онъ былъ и въ 1859 году, когда онъ вышелъ въ отставку, оставивъ службу въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ онъ въ то время занималъ должность помощника статсъ-секретаря.

Радостный свидѣтель освобожденія крестьянъ и послѣдовавшихъ затѣмъ другихъ «великихъ реформъ», врагъ сословности, бичевавшій въ стихахъ узкое пониманіе «дворянской чести», А. М. тяжело переживалъ годы реакціи и паденія общественности. Гражданскую скорбь свою онъ выразилъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

Они какъ звѣзды въ мутной мглѣ,
Иль будто въ сумракѣ видѣнья—
Тѣ годы мира на землѣ
И межъ людей благоволенья!..

* * *

Меня сподобила судьба
Тогда узрѣть въ моей отчизнѣ
Съ освобожденіемъ раба
Преображеніе всей жизни....

---

[1]) Примѣчаніе: въ тѣ годы еще не было ни бронированныхъ кораблей ни такихъ же кулаковъ.

Той свѣтлой жизни въ старомъ злѣ
Пришла пора исчезновенья...
Какъ звѣзды гаснутъ въ мутной мглѣ,
Какъ меркнутъ въ сумракѣ видѣнья.

* * *

Къ дѣламъ добра затерянъ слѣдъ;
Въ сердцахъ опять—вражда и злоба...
Чего жъ мнѣ ждать на склонѣ лѣтъ,
Уже вблизи, быть-можетъ, гроба?

* * *

О годы мира на землѣ
И межъ людей благоволенья!
На быстромъ времени крылѣ
Вы мчитесь къ пропасти забвенья.

Въ написанномъ въ 1894 году стихотвореніи — «Комедія ретроградныхъ публицистовъ и толпа», Алексѣй Михайловичъ влагаетъ въ уста героя комедіи «Назадъ!» такія рѣчи:

«Назадъ! Долой съ пути успѣха,
Съ пути гражданственныхъ началъ!
Въ нихъ благоденствію помѣха,
Въ нихъ гибнетъ русскій идеалъ .
За край родной стоитъ онъ грудью;
Онъ—патріотъ, и потому
Враждой пылаетъ къ правосудью,
Къ свободѣ, къ слову и къ уму...
«И смерть судамъ! И гибель школамъ!
Кричитъ онъ, злобою дыша;
И, словно нѣкимъ ореоломъ,
Нахальнымъ свѣтитъ произволомъ
Невѣжды рабская душа.
....

Въ 1897 году Алексѣй Михайловичъ, повѣдавъ въ стихотвореніи, озаглавленномъ «Завѣщаніе», о томъ, что онъ свято хранилъ и не запятналъ найденное имъ знамя съ девизомъ— «Духъ доблести храни», но хотя былъ глашатаемъ старыхъ забытыхъ истинъ, не побѣдилъ, — зоветъ себѣ на смѣну болѣе сильнаго поэта и кончаетъ такъ:

О какъ живуча въ насъ и какъ сильна та ложь,
Что духъ достоинства есть будто духъ крамольный.
Она—нашъ древній грѣхъ и вольный и невольный,
Она народный грѣхъ отъ черни до вельможъ.
Тамъ правды нѣтъ, гдѣ есть привычка рабской лести;
Тамъ искалѣченъ умъ, душа развращена...
Приди! Я жду тебя, пѣвецъ гражданской чести!
Ты нуженъ въ наши времена.

Алексѣй Михайловичъ много лѣтъ провелъ съ семьей за границей, но привлекательность культурной жизни и либеральныхъ государственныхъ учрежденій Западной Европы не охладили горячей его любви къ Россіи. Эта любовь къ Россіи была у А. М. патріотизмомъ въ дѣйствительномъ значеніи этого слова, а не узкимъ національизмомъ. Онъ ясно видѣлъ недостатки, грѣхи и слабыя стороны русской народности, культуры и нашего государственно-общественнаго устройства, но не переставалъ отъ этого любить родину свою, а лишь работалъ, какъ умѣлъ и могъ надъ врачеваніемъ усмотрѣнныхъ имъ язвъ.

Въ написанномъ въ 1871 году за границей стихотвореніи — «Осенніе журавли», встрѣчается такое мѣсто:

Я ту знаю страну, гдѣ ужъ солнце безъ силы;
Гдѣ ужъ савана ждетъ, холодѣя, земля
И гдѣ въ голыхъ лѣсахъ воетъ вѣтеръ унылый,—
То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумракъ, бѣдность, тоска, непогода и слякоть,
Видъ угрюмый людей, видъ печальный земли...
О, какъ больно душѣ, какъ мнѣ хочется плакать!
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!

Въ 1884 году въ стихотвореніи «На родинѣ» А. М. писалъ между прочимъ:

О этотъ видъ! О эти звуки!
О край родной, какъ ты мнѣ милъ!
Отъ долговременной разлуки
Какія радости и муки
Въ моей душѣ ты пробудилъ!..
Твоя природа такъ прелестна,
Она такъ скромно хороша!

Но намъ, сынамъ твоимъ, извѣстно
Какъ на твоемъ просторѣ тѣсно
И въ узахъ мучится душа...
О край ты мой! Что жъ это значитъ,
Что никакой другой народъ
Такъ не тоскуетъ и не плачетъ,
Такъ дара жизни не клянетъ?
Шумятъ лѣса свободнымъ шумомъ,
Играютъ птицы... О, зачѣмъ
Лишь воли нѣтъ народнымъ думамъ
И человѣкъ угрюмъ и нѣмъ?

Алексѣй Михайловичъ обладалъ въ значительной степени юморомъ и любилъ клеймить людскую пошлость, самодовольное мѣщанство, боязнь въ чемъ-либо отступить передъ рутиной, нахальное невѣжество и поклоненіе предъ ничтожествомъ—не злою сатирой, а осмѣяніемъ. Произведенія его въ этомъ направленіи хорошо извѣстны всей читающей руской публикѣ. Они печатались съ 1851 года главнымъ образомъ въ «Современникѣ», а иногда въ газетахъ «Искра». «Развлеченіе» и «Новое Время», подъ псевдонимомъ «Козьмы Пруткова»; въ 1884 году они появились въ печати въ видѣ полнаго собранія сочиненій Козьмы Пруткова.

«Козьма Прутковъ» — это псевдонимъ собирательный. Литературная личность, выступившая въ печати подъ этимъ именемъ, состояла на самомъ дѣлѣ изъ трехъ лицъ: графа Алексѣя Толстого, Алексѣя Жемчужникова и брата его Владимира. (Незначительное участіе принимали еще въ литературной дѣятельности «Пруткова»—Александръ Жемчужниковъ и П. П. Ершовъ.) Наибольшая часть твореній Козьмы Пруткова можетъ быть отнесена къ авторству Алексѣя Михайловича. Эти произведенія слѣдуетъ безъ сомнѣнія признать образцовыми въ жанрѣ юмористическомъ и шутливомъ. Нигдѣ въ нихъ авторъ не переходитъ грани между веселой шуткой и грубой литературной выходкой; прирожденный, — обладающій чувствомъ мѣры—здоровый юморъ сквозитъ въ каждой фразѣ «Пруткова»; имъ осмѣивается только то, что дѣйствительно достойно осмѣянія. Въ лицѣ

мнимаго автора («Козьмы Пруткова») собраны всѣ типичныя черты отрицательнаго свойства, присущія многочисленнымъ «среднимъ людямъ» изъ большой публики (представители бюрократіи и другихъ классовъ) 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, мнившей себя интеллигентной. И какой неподражаемою, заражающей веселостью вѣетъ отъ произведеній «К. Пруткова»! Въ этомъ сказалось личное свойство Алексѣя Михайловича Жемчужникова, бывшаго неизмѣнно, за исключеніемъ, конечно, періодовъ остраго горя, безъ котораго не обошлась его жизнь, жизнерадостнымъ, понимавшимъ веселость, любившимъ шутку и здоровый, безобидный смѣхъ.

Какъ видно изъ приложенной къ собранію стихотвореній Алексѣя Михайловича, краткой автобіографіи его, а еще больше изъ его произведеній, жизнь его прошла, за исключеніемъ долголѣтняго періода тяжелаго переживанія имъ семейнаго горя — утраты любимой жены, счастливо, и съ той поры, когда онъ оставилъ службу и вращеніе въ «большомъ свѣтѣ» (съ 1858 года), главнымъ образомъ въ семейномъ кругу, частью за границей, всего же больше въ столь имъ любимой деревенской тиши... За послѣдніе годы жизни А. М., нуждаясь иногда во врачебной помощи, а главнымъ образомъ для того, чтобы не разставаться съ дочерью О. А. Баратынской, жившей съ мужемъ и дѣтьми въ Тамбовѣ, проводилъ зимы въ этомъ городѣ. Тамъ пишущему эти строки неоднократно приходилось видаться съ Алексѣемъ Михайловичемъ,—послѣдній разъ осенью 1907 года.

Свиданія эти и долгіе разговоры съ А. М. оставляли всегда самое отрадное, радостное впечатлѣніе. Искренній интересъ ко всему незаурядному, ко всему, что волнуетъ общество, горячее сочувствіе добрымъ общественнымъ начинаніямъ, печаль по поводу извращеній и крайностей нашего политическаго движенія, по поводу развитія у насъ грубыхъ инстинктовъ, анархическихъ проявленій, общаго паденія нравственности, по поводу террора справа и слѣва и невѣрнаго, съ точки зрѣнія А. М., пониманія правитель-

ствомъ его задачъ, недовольство направленіемъ, принятымъ за послѣднее время нашей литературой, особливо беллетристикой, веселый смѣхъ по поводу уродливыхъ проявленій на этомъ поприщѣ,—все это не позволяло вѣрить, что собесѣдникомъ являлся человѣкъ, перешедшій уже восьмидесятилѣтній возрастъ. При малѣйшемъ оживленіи бесѣды глаза Алексѣя Михайловича загорались какъ у юноши, красивое лицо его свѣтилось умомъ, благодушіемъ и, отражая душевныя его свойства, благородствомъ. Оно свидѣтельствовало, какова была жизнь и дѣятельность Алексѣя Михайловича, дѣйствительно не уронившаго поднятаго имъ еще въ молодыхъ годахъ въ пыли знамени съ девизомъ: «Духъ доблести храни»!

Поразительная отзывчивость и любовь къ «человѣку» и справедливость сказались у А. М. еще въ молодыхъ годахъ. Въ 1857 году, во время полнаго процвѣтанія крѣпостного права, имъ было написано стихотвореніе «Нищая».

Съ ней встрѣтились мы средь открытаго поля,
Въ трескучій морозъ. Не лѣта
Ее истомили, но горькая доля,
Но голодъ, болѣзнь, нищета,
Ярмо крѣпостное, работа безъ прока
Въ ней юную силу сгубили до срока.

* * *

Лоскутья одеждъ на ней были надѣты,
Спеленутый грубымъ тряпьемъ
Ребенокъ, заботливо ею пригрѣтый,
У сердца покоился сномъ...
Но если не сжалятся добрые люди,
Проснувшись, найдетъ ли онъ пищи у груди?

* * *

Шептали мольбу ея блѣдныя губы,
Рука подаянья ждала...
Но плотно мы были укутаны въ шубы,
Насъ тройка лихая несла,
Снѣгъ мерзлый взметая какъ облако пыли...
Тогда въ монастырь мы къ вечернѣ спѣшили.

И эта человѣчность, это сочувствіе страданіямъ обездоленныхъ не покидали никогда Алексѣя Михайловича, такъ же какъ глубокая вѣра и религіозность, чуждая фанатизму и культу обрядности. Объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ отрывокъ изъ написаннаго имъ въ 1891 году стихотворенія — «Ранняя весна».

Благодарю мое задумчивое дѣтство,
И юность пылкую мою благодарю;
Я не растратилъ ихъ духовнаго наслѣдства
И прежнимъ пламенемъ еще порой горю.
Но я—отжившаго обломокъ поколѣнья...
О, прежде чѣмъ придутъ послѣднія мгновенья
Тотъ духъ Евангельскій пусть овладѣетъ мной,
Что вѣялъ благостно мнѣ раннею весной!
И мой къ могилѣ путь, среди житейскихъ терній,
Тогда бы озарилъ свѣтъ тихій, свѣтъ вечерній.

Алексѣй Михайловичъ любилъ и цѣнилъ жизнь, понимая и тонко чувствуя всѣ ея свѣтлыя стороны, радуясь тому, что въ ней прекрасно. И это радостное, покойное настроеніе не омрачалось мыслью о смерти. Напротивъ, чѣмъ ближе казалось ея наступленіе, тѣмъ болѣе примиряюще смотрѣлъ онъ на неизбѣжность конца и даже физически не мучился близостью его. Здоровая физически и психически личность Алексѣя Михайловича, благодаря правильно, въ здоровыхъ условіяхъ и безъ подпаденія тяжелымъ страстямъ проведенной, уравновѣшенной жизни, признавала синтезъ, заключающійся въ смерти. Такое настроеніе прекрасно выражено Алексѣемъ Михайловичемъ въ стихотвореніи «Старость» (1896 г.)...

Сколько мнѣ жить?.. Впереди неизвѣстность.
Жизненный пламень еще не потухъ,
Бодрую силу теряетъ тѣлесность,
Но пробудясь, окрыляется духъ.

* * *

Грустны и сладки предсмертные годы!
Это привычное мнѣ бытіе,

Эти картины родимой природы
Все это, словно, уже не мое.

* * *

Плоти не чувствую прежней обузы;
Жду перехода въ обитель тѣней;
Съ милой землей расторгаются узы;
Духъ возлетаетъ все выше надъ ней.

* * *

Чуждъ неспокойному страсти недугу,
Вѣдая тихую радость одну, —
Словно хожу по цвѣтистому лугу,
Но ни цвѣтовъ ни травы ужъ не мну...

Объ ожидаемой смерти, о разставаніи съ землей говорится и въ послѣднемъ, напечатанномъ въ сборникѣ «Пѣсни старости», стихотвореніи Алексѣя Михайловича (1898 г.).

О когда бъ мнѣ было можно
Упредить мой день послѣдній!
Чтобъ еще владѣя духомъ
Не больнымъ, не помраченнымъ,
Я успѣлъ пойти проститься
Съ милой матерью-землею!
Въ благодатную погоду
Выйду я на воздухъ сельскій;
И укрытый темнымъ лѣсомъ,
Иль среди полей пустынныхъ,
Такъ я съ ней прощаться стану:
Съ непокрытой головою
На Востокъ, на Югъ, на Западъ
И на Сѣверъ поклонюся,
И скажу: «Прости, міръ Божій!
Преклоню потомъ колѣни
И земли коснусь поклономъ;
И задумаюсь надъ нею;
И быть-можетъ, затоскуя,
Орошу ее слезами;
И скажу: «Прими отъ сына

Благодарность за хлѣбъ, за соль.
Долго ты его, родная,
Ублажала и кормила;
Жить онъ болѣе не въ силахъ;
Онъ теперь покоя проситъ;
Упокой его навѣки.

Алексѣй Михайловичъ Жемчужниковъ перешелъ въ вѣчный покой, родная земля приняла его въ свои нѣдра. Пусть же и оставшееся на землѣ русское общество приметъ въ свои нѣдра и сохранитъ навѣки благодарную память о поэтѣ-гражданинѣ, о благородномъ, добромъ, столь чистой души человѣкѣ, неподкупная лира котораго звучала лишь восхваляя истину, добро и красоту и осуждая все злое, низменное.

ОЧЕРКИ БЫЛОЙ ПОМѢЩИЧЬЕЙ ЖИЗНИ.

I.

Дома.

Я никогда не могъ и теперь не могу равнодушно слышать русскую пѣсню; ничто не можетъ сравниться для меня съ прелестью нашей родной пѣсни. Въ ней кроется для меня какое-то очарованіе, вызывающее радостное волненіе, близкое къ умиленію, хочется еще и еще слушать знакомые переливы, переносящіе мысленно къ самому, какъ кажется, дорогому, родному. Для меня это родное—деревня, но не теперешняя, особливо, Боже, упаси, подгородная, или какая-либо дачная мѣстность, а прежняя, сохранившаяся въ моей памяти, далекая деревня, гдѣ счастливо протекали мои дѣтскіе и юношескіе годы, былая деревня, которую читатели, сами въ ней не живавшіе, знаютъ по Тургеневу, деревня, быть-можетъ, нѣсколько идеализированная дымкой протекшихъ лѣтъ, но не вымышленная.

Это необозримая равнина, протекающая по ней тихая, свѣтлая своими водами, рѣка, окаймленная по заливамъ камышомъ и осокою; широкіе луга съ высокою травою или уже составленными копнами сѣна, на далекое пространство разносящаго благоуханіе свое; кое-гдѣ невысокіе холмы и поросшіе кустарникомъ овраги; на горизонтѣ синѣющіе, подернутые бѣлой дымкой, лѣса, а ближе широкій плесъ рѣчной запруды съ плотиной, на которой стоятъ въ тѣни старыхъ ветелъ отпряженные воза ржи, дожидаясь своей очереди «помолоться»; бойко шумящая поставами

мельница; растянувшееся на версту слишкомъ по широкой улицѣ, въ два порядка, село съ крѣпкими бревенчатыми избами, крытыми соломой, съ просторными задворками и гумнами, на которыхъ стоятъ многочисленныя кладушки хлѣба, съ огородами и конопляниками; за селомъ весело выглядящія поля ржи, овса и проса съ узкими полосами гречихи и льна; въ сторонѣ, у изгиба рѣки, бѣлая каменная церковь съ колокольней, а рядомъ съ ней помѣщичья усадьба, вся въ садахъ, съ круглымъ, обсаженнымъ цвѣтами, газономъ передъ балкономъ дома и расходящимися лучами отъ этого круга подстриженными липовыми аллеями. Вызванныя пѣснью, встаютъ въ воспоминаніи картины той деревенской жизни и такъ ярко!

Мнѣ чудится лѣтній, скорѣе еще весенній, вечеръ, въ воскресенье, у насъ, въ Спасскомъ, на усадьбѣ: солнце еще не зашло, но жара спала, на крыльцѣ полная тѣнь, и вся наша семья тутъ въ сборѣ, устроившись на домашняго издѣлія садовыхъ диванахъ и складныхъ стульяхъ, а то прямо на каменныхъ ступеняхъ; крыльцо парадное съ колоннами, поддерживающими верхній балконъ, выходитъ во дворъ съ куртинами сирени, шиповника и дикаго жасмина, съ зеленѣющей посрединѣ лужайкой, обнесенной выкрашенными въ бѣлую краску столбиками; флигеля, конюшни и сараи не видны за зеленью, но во дворѣ все полно жизни.

По ту сторону лужайки, за кустами сирени, слышны дѣтскіе голоса, смѣхъ и какое-то пощелкиваніе — тамъ идетъ игра въ «бабки»; изъ «того сада», примыкающаго къ церкви, показался нашъ «батюшка» въ широкополой низкой шляпѣ съ посохомъ и медленно идетъ къ намъ побесѣдовать и захватить газетъ и книгъ; нѣсколько молодыхъ женщинъ изъ дворни, поскрипывая пустыми ведрами, проходятъ по направленію къ скотному двору — вѣрный признакъ, что скоро на большой дорогѣ, за куртинами, поднимется облако пыли и раздастся щелканье кнута, крикъ пастуха, неистовый ревъ съ захлебываніемъ чѣмъ-нибудь огорчившейся коровы, мычаніе стада и покрывающій все

эти звуки могучій гулъ раздраженія быка; тамъ же за лужайкой плетется древняя старушка изъ бывшихъ дворовыхъ, одѣтая въ темное, съ бѣлымъ платкомъ на головѣ, и, поровнявшись съ барскимъ крыльцомъ, останавливается, обращается лицомъ къ нему и, неспѣша, низко кланяется, послѣ чего пробирается дальше, очевидно, куда-нибудь въ гости; проѣзжаютъ верхомъ къ конному двору два молодыхъ объѣздчика, а отъ конторы подходитъ къ крыльцу господскій староста о чемъ-либо доложить; староста — мужикъ красивый, на которомъ вся его одежда сидитъ элегантно и, несмотря на пребываніе его то въ пыли, то подъ дождемъ, чиста, говорящій увѣренно и убѣдительно, всегда спокойно и безъ лишнихъ жестовъ, внушающій безграничное довѣріе (а въ сущности радѣющій больше о своихъ интересахъ).

На крылечкѣ конторы тѣмъ временемъ собирается мужское общество изъ дворовой аристократіи: конторщикъ Василій Семеновичъ, человѣкъ болѣзненный и язвительный; помощникъ его Иванъ Спиридоновичъ, единственное лицо на дворнѣ, кромѣ фельдшера, носящій европейскій костюмъ и мнящій себя потому человѣкомъ выдающимся, напоминающій по типу прежнихъ волостныхъ писарей; учитель Ѳедоръ Макаровичъ, мужъ наружностью прямо поразительный и даже невѣроятный, наиболѣе подобный апокалиптическому звѣрю, весь заросшій волосами и бородой, съ бѣльмомъ на одномъ глазу и пастью вмѣсто рта, большой знатокъ церковнаго пѣнія и церковной службы; вернувшійся отъ господъ староста; старшій кучеръ Иванъ Александровичъ; у нихъ идетъ степенная бесѣда, но иногда раздается смѣхъ, вызванный какимъ-нибудь ѣдкимъ замѣчаніемъ или остротою Василія Семеновича. Справа слышно, какъ хлѣбникъ Семенъ громко выражаетъ свое неудовольствіе экономкѣ, только что отпустившей ему изъ кладовой въ деревянную чашку потребное количество муки, по его мнѣнію, недостаточное; у кухни сидятъ на обрубкахъ и болтаютъ, покуривая «цыгарки», охотникъ Яковъ Ивановичъ,

поваренокъ, портной Акимъ и еще кое-кто изъ живущихъ на усадьбѣ.

Но вотъ изъ-за кустовъ сирени, тамъ, гдѣ ребята играли въ бабки, показываются дворовыя дѣвушки, дочери и родственницы служащихъ при усадьбѣ или оставшихся доживать свой вѣкъ на старомъ пепелищѣ бывшихъ дворовыхъ; одѣты онѣ частью въ сарафаны, частью въ ситцевыя платья европейскаго покроя, большинство изъ нихъ статны и красивы. Потолкавшись на мѣстѣ, онѣ затѣваютъ игру въ «горѣлки», но настроеніе ихъ еще недостаточно приподнято и нѣтъ налицо мужской молодежи, необходимой для успѣха этой игры; «горѣлки» замираютъ. Дѣвушки становятся въ кругъ, взявшись за руки, образуется хороводъ, и вечерняя тишина сразу нарушается громкимъ, очень высокимъ сопрано запѣвалы, которую дружно, стройно подхватываетъ хоръ.

Не знаю, поются ли теперь въ народѣ, и такъ хорошо, какъ прежде, тѣ пѣсни, я ихъ больше не слыхалъ, а пѣсни удивительно красивыя: «чернецъ», «заинька», «у воротъ», «сынъ Ивановичъ Дунай», «посѣю ли я млада младенька» и другія. Хороводъ медленно кружится и все увеличивается, звуки пѣсни привлекаютъ новыхъ участницъ и участниковъ; изъ дома, съ дѣвичьяго крыльца, быстро пробѣжали къ хороводу молодыя горничныя, поддерживая рукою шуршащія юбки. Вокругъ хоровода собираются дворовые постарше, тутъ же, на завалинкѣ старой кладовой, усаживаются пожилыя женщины, а пѣсня смѣняется пѣснью и, наконецъ, запѣваются веселыя. Хороводъ пополнился нѣсколькими мужчинами, наша молодежь (изъ «господъ») тоже присоединяется къ нему, а когда запѣвало затягиваетъ «ужъ какъ селезень по рѣченкѣ сплавливаетъ, свои сизыя крылышки складываетъ», въ кругъ входитъ Яковъ Спиридоновичъ, бывшій дворовый, человѣкъ уже не молодой, совсѣмъ лысый и хромой, что ему однако не мѣшаетъ быть первымъ танцоромъ и весельчакомъ; онъ кланяется въ поясъ излюбленной имъ дѣвушкѣ, та отвѣчаетъ

такимъ же поклономъ и выступаетъ на середину хоровода, гдѣ они медленно двигаются, пока пѣсня не переходитъ изъ протяжной въ плясовую; тутъ они расходятся и подъ слова «ты не правду, дѣвка, баешь, не тѣ рѣчи говоришь, мое сердце крушишь», пускаются въ плясъ, при чемъ дѣвушка, скромно опустивъ голову на бокъ, изрѣдка помахивая платочкомъ, безъ рѣзкихъ движеній и скачковъ, граціозно, плавно двигается въ тактъ пѣсни, иногда подпираясь лѣвою рукою въ бокъ и изгибая станъ, а Яковъ Спиридоновичъ выдѣлываетъ передъ ней удивительные выкрутасы ногами, размахиваетъ руками и, приговаривая: «ходи руки, ходи ноги, ходи весь человѣкъ», молодцомъ отхватываетъ «присядку».

Выступаютъ затѣмъ иныя пары, но противъ Якова Спиридоновича никто не можетъ вытанцовать. Въ хороводѣ становится совсѣмъ весело; пѣснь однако обрывается, и молодежь принимается опять за горѣлки или «коршуна»; теперь игра ладится, устанавливается длинная вереница паръ, которыя, по очереди разлетаясь въ разныя стороны, стремительно бѣгутъ, сталкиваются такъ, что иногда сшибаютъ другъ друга съ ногъ, слышны веселыя восклицанія, визгъ, хохотъ...

А ужъ темнѣетъ, вѣтеръ замеръ, въ воздухѣ чувствуется свѣжесть и влажность отъ протекающей у самаго дома, по саду, рѣки, благоуханіе сирени проникаетъ всюду, на дворѣ становится все тише и тише; на застольной уже ужинаютъ; слышно, какъ въ кухнѣ хлѣбникъ Семенъ басомъ напѣваетъ церковные мотивы, несложные,—все больше «Господи, помилуй»; отъ конюшни доносится треньканье балалайки...

И мы на крыльцѣ, подъ впечатлѣніемъ тихаго вечера, примолкли и изрѣдка лишь перекидываемся двумя-тремя словами, наслаждаясь царящимъ вездѣ спокойствіемъ. Уже почти темно, комары во множествѣ налетѣли на крыльцо и изрядно кусаютъ насъ, несмотря на вѣтки сирени, которыми мы отгоняемъ ихъ; но комары на открытомъ воз-

духѣ, и пока мы не въ постели, намъ не страшны, и никто не думаетъ уходить. Со стороны рѣки поднимается сразу, какъ по командѣ, громкое лягушечье кваканье, съ трелями, выдѣляющимися иногда изъ общаго хора смѣлостью звука голосами; слѣва, со стороны луговъ, слышно дерганье перепеловъ и коростелей, и откуда-то издалека доносится гудѣніе бучени (выпь)...

Но тутъ раздается рѣзкій звукъ колокола, въ который у насъ звонятъ, созывая къ столу; пора чай пить. Мы однако только проходимъ черезъ домъ,—чай приготовленъ на садовомъ балконѣ, освѣщенномъ подвѣшенными къ потолку примитивными люстрами—бѣлыми бумажными фонарями, по три на деревянномъ кругу. И въ саду тоже восхитительно въ эту теплую влажную ночь; лягушечій концертъ раздается еще внятнѣе, къ нему присоединяется пѣніе соловьевъ, слышно, какъ на дворѣ ночной сторожъ стучитъ колотушкой въ чугунную доску, а воздухомъ не надышишься — онъ полонъ благоуханія, издаваемаго и цвѣтами, и молодою еще листвою, и самою землею.

Описанный вечеръ и вообще эпоха, о которой я вспомнилъ, относятся къ тому времени, когда деревня переживала переходъ отъ крѣпостного состоянія къ новому порядку вещей. Лично у насъ, въ Спасскомъ, жизнь на усадьбѣ на время осталась безъ всякой почти перемѣны: тотъ же свой садовникъ, перейдя лишь на болѣе крупное жалованье, завѣдывалъ оранжереями и цвѣтниками, таская попрежнему за вихры садовыхъ мальчиковъ, при чемъ нѣжнымъ голосомъ говорилъ провинившемуся: «Милый мой, развѣ это порядокъ? Развѣ такъ можно?»; тѣ же кучера съ конюхами дѣйствовали, или, вѣрнѣе, бездѣйствовали на конномъ дворѣ; вся домашняя прислуга осталась та же; часть дворовыхъ разошлась, а старики остались на мѣстѣ и даже построились на отведенной имъ землѣ, и Спасскіе крестьяне, издревле презиравшіе дворовыхъ, тотчасъ же прозвали вновь возникшій поселокъ, очень тощій и нехозяйственный на видъ, но съ архитектурными претензіями въ избахъ,

съ палисадниками и садочками, занавѣсками на окнахъ, даже сѣтками отъ комаровъ и мухъ,—«Горюнки, Тащиловка тожъ», намекая на то, что дворовые возвели хоромы, но безъ земли и умѣнья жить на свой счетъ, пригорюнились и утѣшаются тѣмъ лишь, что все свое обзаведеніе тащутъ съ барскаго двора.

Въ числѣ заслуженныхъ пенсіонеровъ изъ дворовыхъ, оставшихся доживать свой вѣкъ на усадьбѣ, состоялъ кучеръ Иванъ Александровичъ, въ былое время замѣчательный ѣздокъ и знатокъ въ лошадяхъ; онъ и въ описываемое время въ торжественныхъ случаяхъ исполнялъ кучерскія обязанности и водружался на козлы кареты, справляясь съ четверней лошадей, хотя ему было за семьдесятъ лѣтъ. Нрава Иванъ Александровичъ былъ суроваго и молчаливаго; онъ рѣдко обращался къ содѣйствію рѣчи, да и говоръ у него былъ сухой, отрывистый, въ родѣ лая; даже выпивши онъ не дѣлался болтливымъ и только бранился. Иванъ Александровичъ во всю свою жизнь съ большимъ презрѣніемъ относился къ женскому полу и въ свое время не женился; но, будучи уже старикомъ, не выдержалъ характера: у него возникъ романъ съ тоже уже пожилою бездѣтной вдовой, прачкой Ариной, кривой на одинъ глазъ и худой какъ щепка. Во вдовѣ этой, казалось, ничего не было плѣнительнаго, но Иванъ Александровичъ всѣмъ сердцемъ, до тѣхъ поръ не извѣдавшимъ чувства любви, отдался ей; послѣдствіемъ ихъ связи, къ удивленію всей дворни, было рожденіе дѣвочки, прелестной, какъ херувимъ, и потомъ мальчика, тоже красиваго и здороваго. Иванъ Александровичъ совсѣмъ ослабѣлъ, отступилъ отъ своихъ принциповъ и женился на кривой Аринѣ, а къ дѣтямъ такъ привязался, что почти не разставался съ ними, особенно съ сыномъ, который слѣдовалъ за нимъ повсюду по пятамъ и съ которымъ онъ даже велъ о чемъ-то бесѣды. Иванъ Александровичъ былъ очень маленькаго роста, имѣлъ громадные сѣрые усы завиткомъ, закрывавшіе все его строгое, правильное чертами, лицо; онъ носилъ и лѣтомъ и зимою

неизмѣнно одинъ и тотъ же синій суконный картузъ съ громаднымъ козырькомъ. Я десятки лѣтъ помню этотъ подавляющей величины картузъ на маленькой головѣ Ивана Александровича; онъ, повидимому, не имѣлъ износа, какъ, впрочемъ, и многое другое по части одежды у дворовыхъ изъ стариковъ, какъ и сами они; дойдя до извѣстнаго предѣла, они рѣшительно не мѣнялись болѣе и не старились; когда наступалъ ихъ часъ, они просто умирали, но постепеннаго ослабленія, разрушенія въ нихъ не замѣчалось.

Дворня наша держалась всегда отдѣльно отъ крестьянства, но было и исключеніе, а именно — большой мой пріятель Яковъ Ивановичъ, по прозванью «Шмель». Онъ былъ заурядный Спасскій крестьянинъ, имѣвшій на селѣ усадьбу и полевой надѣлъ; но крестьянство было ему не по душѣ, его тянуло къ господской усадьбѣ, при которой онъ такъ или иначе устраивался, отлынивая отъ сельскаго обихода и своей семьи, управлявшейся безъ него съ землею и вообще хозяйствомъ. Якова Ивановича не удовлетворяли обыденные сельскіе интересы, а къ тому же онъ обладалъ артистическими вкусами и наклонностями и ничего не любилъ такъ, какъ разговоры объ отвлеченныхъ предметахъ и вообще болтовню, при которой фантазія его не знала предѣловъ, и онъ безбожно вралъ, приписывая себѣ и своимъ друзьямъ героическія дѣянія, никогда на самомъ дѣлѣ не имѣвшія мѣста, и вообще хвастался вовсю, но безъ какой-либо личной цѣли; къ крестьянамъ, не имѣвшимъ отношенія до жизни господской усадьбы, Яковъ Ивановичъ относился съ искреннимъ презрѣніемъ, называя ихъ «куроцапами» и «хролками»; Яковъ Ивановичъ любилъ, конечно, выпить и не упускалъ въ этомъ отношеніи ни одного случая, но никогда не напивался до безчувствія. Наружностью онъ былъ не виденъ: малъ ростомъ, съ кривыми ножками, изъ лица коричневый, въ родѣ цыгана, съ черными прямыми волосами и такою же рѣдкою бородкой и усами и съ узкими карими глазами; одѣвался онъ въ казакинъ изъ простого крестьянскаго сукна,

по лѣтомъ носилъ не поярковую шляпу «гречникомъ», какъ всѣ Спасскіе крестьяне, а картузъ. Опредѣленной должности Яковъ Ивановичъ на усадьбѣ не имѣлъ, а служилъ «по особымъ порученіямъ»; на его обязанности почему-то лежала чистка трубъ въ печахъ, оклейка комнатъ обоями, малярныя работы и варка кваса и меда, въ чемъ онъ, подъ руководствомъ хлѣбника Семена, достигъ дѣйствительно совершенства; излюбленнымъ занятіемъ его, кромѣ торчанья на кухнѣ, была однако охота, и онъ считалъ и называлъ себя нашимъ «егеремъ».

Много я съ Яковомъ Ивановичемъ провелъ дней и ночей на охотѣ по разнообразной дичи, которою тогда изобиловалъ нашъ край; въ недалекія болота по красной дичи я обыкновенно ходилъ одинъ, но на утреннія зори по уткамъ мы всегда отправлялись вмѣстѣ. Прелестны бывали иногда эти экскурсіи!.. Какъ сейчасъ помню одну изъ нихъ: Яковъ Ивановичъ, возвратясь изъ экспедиціи, предпринятой для розыска новыхъ утиныхъ мѣстъ, доложилъ что на «Чепурочьемъ» озерѣ, лежащемъ по ту сторону рѣки, верстъ за восемь отъ насъ, въ герцогскомъ лѣсу, держится видимо-невидимо утокъ и что надо поспѣшить туда, а то какъ бы ихъ не «распудили». На другой же день я и кое-кто еще изъ нашей молодежи, Яковъ Ивановичъ и другой охотникъ изъ крестьянъ, засыпка Василій, отправились на «Чепурочье». Двинулись мы въ путь съ вечера, но еще засвѣтло, захвативъ съ собою на ужинъ пшена, ветчины, ржаного хлѣба и забравъ въ кошолкѣ нѣсколькихъ «криковыхъ» утокъ. Весь этотъ багажъ, а также ружейную амуницію, мы сложили въ челнокъ, набитый сѣномъ, и пристроили его, укрѣпивъ веревками, на колесняхъ, запряженныхъ одною лошадью; Яковъ Ивановичъ усѣлся въ качествѣ кучера въ импровизованный нами экипажъ, а остальные пошли пѣшкомъ, разсчитывая на пріятность вечерней, или, вѣрнѣе, ночной прогулки.

Когда мы подъѣхали къ лѣсу, то уже стемнѣло, и Яковъ Ивановичъ вылѣзъ изъ челнока и повелъ лошадь подъ уздцы;

оно было необходимо, потому что настоящей дороги въ лѣсу не было, и мы двигались по тропинкѣ, рискуя на каждомъ шагу задѣть лодкою за пень или колоду; сначала мы даже подумали, что и не доберемся, такая подъ деревьями наступила темнота, но вскорѣ на небо выплылъ мѣсяцъ и стало свѣтлѣе, благодаря чему мы, сбившись съ дороги не болѣе двухъ-трехъ разъ, добрались, наконецъ, благополучно до озера.

Съ трехъ сторонъ его окружалъ крупный дубовый лѣсъ, а съ четвертой къ нему примыкала полянка, на которой стояли кое-гдѣ отдѣльно могучіе дубы, росъ мѣстами кустарникъ и виднѣлось стога три сѣна. Мы выѣхали на поляну и остановились у озера; было такъ тихо, что казалось во всемъ лѣсу и далеко вокругъ даже нѣтъ ни одного живого существа, и что лѣсъ окаменѣлъ, и воды озера застыли; мѣсяцъ сильно освѣщалъ поляну бѣлымъ безтрепетнымъ, ровнымъ свѣтомъ, который сразу у опушки лѣса исчезалъ, не проникая въ чащу; вода въ заливѣ озера блестѣла и искрилась, отражая мѣсячные лучи, а на томъ берегу стоялъ, опять посеребренный мѣсяцемъ, высокій лѣсъ.

«Вотъ,—думалось,—здѣсь именно, на этой полянкѣ, должно-быть, собираются русалки, играютъ и пляшутъ и, заманивъ въ свой хороводъ довѣрчиваго прохожаго, защекочиваютъ и увлекаютъ въ озеро. На что лучше: вода близка, поляна гладка и безъ рытвинъ, мѣсяцъ свѣтитъ волшебно и холодно, жилья нѣтъ нигдѣ поблизости, и частый лѣсъ на далеко обложилъ кругомъ, стережетъ и оберегаетъ поляну».

На этотъ разъ мы русалокъ на полянѣ не застали, а по совершенно мокрой отъ росы травѣ подошли къ водѣ и спустили на нее лодку. Оставаться тутъ на берегу не хотѣлось, было очень сыро, даже холодновато и сильное лунное освѣщеніе, эта, казавшаяся совсѣмъ бѣлой, мокрая трава поляны были непріятны; лѣсъ, сохранившій подъ вѣтвями своихъ деревьевъ сухой и теплый денной воз-

духъ, манилъ насъ больше къ себѣ. Войдя въ чащу, мы вскорѣ натолкнулись на заброшенный пчельникъ; ульи, очевидно, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ были увезены, но плетневая изгородь держалась еще и лишь мѣстами погнулась и приникла къ землѣ, открывая свободный доступъ къ полусгнившему камышевому шалашу и къ чистому мѣстечку передъ нимъ, не заросшему еще кустарникомъ. Тутъ мы и расположились и заварили, при помощи Якова, къ ужину, пшенную кашу.

Яковъ Ивановичъ, помѣшивая кашу деревянною ложкой, разсказывалъ намъ нѣчто на первый взглядъ совершенно невѣроятное, какъ кто-то изъ его родственниковъ въ прошломъ году, отправившись въ казенный лѣсъ на охоту по уткамъ, нечаянно натолкнулся на медвѣдя и со страху застрѣлилъ его, выпаливъ въ него въ упоръ изъ ружья, заряженнаго утиною дробью, и какъ его за это затаскали по судамъ, да по начальствамъ, и будто родственникъ его, человѣкъ дотолѣ степенный, съ тѣхъ поръ отъ обиды и огорченія запилъ непробудную «горькую», и недавно въ пьяномъ видѣ, ни съ того ни съ сего, перебилъ у себя же въ избѣ всѣ стекла въ рамахъ и всю посуду, а женѣ, заступившейся за свое доброе, вывихнулъ руку, за что его опять собираются судить. Яковъ Ивановичъ убѣжденно оправдывалъ строгость въ данномъ случаѣ начальства.

— Для этого (т.-е. для страха и для препятствованія) и начальство поставлено! А то что же это будетъ: всякій, что вздумалъ, то и сдѣлалъ? Увидѣлъ медвѣдя и, не спросясь, сейчасъ бацъ, и убилъ!

Поведеніе родственника своего онъ зато очень не одобрялъ, особливо столь легкомысленное отношеніе къ собственному добру, — женѣ и прочей домашней утвари.

— Бабу свою надо беречь и блюсти вотъ какъ, а не то что... Для того она и дана мужу. Извѣстно баба какая, долго ли ее испортить, а потомъ и будешь всю жизнь каяться.

Наконецъ Яковъ Ивановичъ громко возвѣстилъ, что каша готова, и мы, сливъ жижу въ деревянную чашку, принялись за ужинъ, показавшійся намъ вкуснымъ на рѣдкость. До зари оставалось еще часа два, и я прилегъ на сѣно соснуть до охоты, а Яковъ Ивановичъ съ Васильемъ отправились на лодкѣ устраивать намъ шалаши, «пыловодные», какъ ихъ называлъ Яковъ Ивановичъ. Мѣста для нихъ были намѣчены еще раньше и теперь приходилось лишь сдѣлать закрышку или изъ камыша, или изъ ольховыхъ вѣтвей.

Когда все было готово, Яковъ Ивановичъ разбудилъ меня и сообщилъ, что Василій съ Васильемъ Павловичемъ уже сидятъ на мѣстахъ и что надо спѣшить. Мы вышли къ озеру, но я не узналъ волшебной полянки: мѣсяцъ скрылся, было темно и холодно, иногда налеталъ порывъ вѣтра, вызывавшій легкую дрожь; усталости я не чувствовалъ, но нервно зѣвалось.

Мы тронулись по озеру, при чемъ казалось трудно разобрать, куда ѣхать, но Яковъ Ивановичъ твердо правилъ лодкою, стоя на кормѣ, и мы быстро и безшумно двигались по водѣ, совсѣмъ черной; мѣстами надъ поверхностью ея вился — словно струйки дыма—паръ, еще не сгущаясь въ туманъ и не подымаясь кверху. Яковъ Ивановичъ устроилъ мнѣ камышевый шалашъ на крошечномъ полупловучемъ островкѣ и, высадивъ меня на немъ, уѣхалъ на свое мѣсто.

Забрезжилъ свѣтъ, — и тотчасъ же я услыхалъ рѣзкій свистъ, и что-то шлепнулось въ воду недалеко впереди меня. Я, конечно, понялъ, что это прилетѣла первая небольшая стайка утокъ, но не сразу разглядѣлъ ихъ на темномъ еще фонѣ воды; наконецъ я различилъ силуэты двухъ утиныхъ головъ, въ одну изъ нихъ я прицѣлился и выстрѣлилъ; нѣсколько утокъ взлетѣло, и мои криковыя, бывшія на привязи, испугавшись, принялись равномѣрно бросаться впередъ, очень раздражая этимъ глупымъ движеніемъ, и невозможностью остановить его; тутъ же послы-

шались выстрѣлы другихъ охотниковъ. Свѣтъ съ каждымъ мгновеніемъ усиливался, я разглядѣлъ убитую моимъ первымъ выстрѣломъ утку, а вскорѣ опять прилетѣла на сосѣдній плесъ стайка утокъ, за которыми я сперва послѣдилъ и свалилъ однимъ выстрѣломъ двухъ изъ нихъ, сплывшихся вмѣстѣ; Яковъ Ивановичъ на этотъ разъ не нахвасталъ, дичи дѣйствительно было очень много, и мы въ четыре ружья подняли великую пальбу на озерѣ, отдававшуюся громкимъ эхомъ.

Паръ, который передъ разсвѣтомъ вился мѣстами по водѣ, сгустился и поднялся выше; туманъ этотъ не мѣшалъ намъ стрѣлять на близкомъ разстояніи, но былъ настолько плотенъ, что недалекій берегъ закрылся, и небо для насъ не существовало; мы находились словно въ какомъ-то волшебномъ царствѣ, какъ бы подъ низкимъ свѣтло-сѣрымъ, почти бѣлымъ, сводомъ, не зная даже, ясный ли день наступилъ, или сѣрый, и это длилось долго, пока, наконецъ, горячіе лучи солнца и утренній вѣтеръ не разогнали туманъ.

Когда мы разсѣлись по шалашамъ, было совсѣмъ тихо, но вскорѣ нарушилъ ночную тишину вѣтеръ, легкими порывами еще въ полутьмѣ зашелестивъ камышомъ; вѣтеръ разбудилъ птицъ, сперва одна чирикнула раза два, за ней другая, а затѣмъ посвистываніе ихъ и перепархиваніе по камышу и въ лѣсу уже не прекращалось; еще очень рано послышался въ сторонѣ глухой гулъ и топотъ, — это проскакали верхами крестьянскіе мальчики, загоняя лошадей изъ ночного домой; иногда до слуха долеталъ отдаленный лай собакъ, поближе раза два-три раздавалось громыханіе телѣги, то замолкавшее, то усиливавшееся, въ зависимости отъ того, шла ли лошадь шагомъ или пускалась рысью; позднѣе звуки, доходившіе въ наше уединеніе, словно изъ другого міра, стали разнообразнѣе и чаще: неподалеку прогнали стадо коровъ; нѣсколько бабъ, болтая, подошли къ озеру за какимъ-либо дѣломъ—или нарѣзать серпами камышу, или мочить коноплю, и очень испуга-

лись выстрѣла кого-то изъ насъ... Туманъ ушелъ совсѣмъ кверху и растаялъ тамъ; уже раньше на сѣромъ сводѣ, замѣнявшемъ намъ небо, сбоку стало видно свѣтлое, даже сіяющее пятно, мѣстами уже сквозило голубое небо и, наконецъ, весь горизонтъ очистился, наступило и для насъ утро яснаго, жаркаго августовскаго дня.

Летъ утокъ прекращался, выстрѣлы наши становились рѣже, и я, наконецъ, далъ сигналъ къ окончанію охоты. Яковъ Ивановичъ выѣхалъ изъ своей засады и занялся при нашемъ содѣйствіи собираніемъ настрѣленной дичи, которой всего оказалось около 30 штукъ, а потомъ доставленіемъ насъ на берегъ.

Уложивъ все наше имущество и настрѣленную дичь въ лодку и укрѣпивъ ее опять на колесняхъ, мы запрягли лошадь, пріятно съ своей стороны проведшую ночь и утро на лѣсной полянкѣ, и отправились домой.

Было уже за полдень, когда мы добрались домой и, сдавъ дичь и наши доспѣхи Якову Ивановичу, отправились прямо, не заходя въ свой флигель, въ купальню, куда велѣли принесть переодѣться. Но, не доходя еще до купальни, мы узнали новость, изъ-за которой вся наша усталость и сонное состояніе прошли сразу и безслѣдно; оказалось, что въ Спасское только что пріѣхали сосѣди наши съ цѣлымъ обществомъ бывшихъ у нихъ гостей, тоже нашихъ хорошихъ знакомыхъ.

И тутъ у насъ на цѣлый рядъ дней пошло веселье, какое возможно лишь въ молодости да при тогдашней обстановкѣ, — веселье, о которомъ и теперь вспоминаешь съ счастливой улыбкой, какъ о хорошемъ времени. Да какъ же было и не веселиться! Многочисленная дружная семья, тѣсно сплоченное, давно знакомое молодое общество, радостно настроенное и беззаботное; чудные, еще лѣтніе дни, теплыя ночи, полные тѣни благоухающіе сады съ вѣковыми липовыми аллеями, сквозь которыя солнце совсѣмъ не проникало, и гдѣ на деревянной скамейкѣ было такъ хорошо сидѣть молча вдвоемъ, протекающая по саду глубокая

рѣка, окружающая усадьбу красивая мѣстность и прежній простой, но обильный и радушный, безхитростный укладъ деревенской помѣщичьей жизни!

II.

Привидѣніе.

Пообѣдавъ, какъ всегда, въ четыре часа, я пошелъ пѣшкомъ на вечернюю зорю по уткамъ къ «дальней плотинѣ»; пошелъ я нарочно пораньше, чтобы еще до начала перелета успѣть побродить съ «Милордкой» вдоль рѣки по круглымъ болотцамъ, поросшимъ осокою и другою болотною травой, и пострѣлять тамъ бекасовъ.

Пойнтеръ мой Милордъ, не особенно породистый, обладалъ однако порядочнымъ чутьемъ, выдержкой и лишь изрѣдка (послѣ третьяго подъ рядъ промаха) гонялъ, вообще, былъ собака учтивая, послушная и состоялъ со мною въ отмѣнной дружбѣ; нрава онъ былъ веселаго и общительнаго, весьма любя свою собачью компанію и разныя экскурсіи, несмотря на то, что ему нерѣдко за это доставалось; послѣ такого случая онъ нѣкоторое время сидѣлъ дома, являлъ видъ разочарованный, чесался и лизался адски и видимо пессимистически относился къ жизни и ея треволненіямъ, но вскорѣ забывалъ о полученной трепкѣ и вновь предавался живости своего нрава. За нимъ водилась еще такая скверная привычка: если я долго не шелъ съ нимъ на охоту, то онъ отправлялся въ болото безъ меня, иногда одинъ, но въ большинствѣ случаевъ подбивалъ и бралъ съ собою товарища или двухъ изъ молодыхъ легавыхъ собакъ, жившихъ на усадьбѣ, и училъ ихъ охотиться; какъ они тамъ дѣйствовали одни на болотѣ, я не знаю, но пропадали они подолгу и возвращались усталые, мокрые и грязные до невозможности. Милордка прекрасно сознавалъ, что онъ не имѣетъ права охотиться безъ меня, а тѣмъ болѣе сма-

нивать на этакое дѣло молодыхъ собакъ, почти щенятъ, которые, конечно, не могли устоять противъ его уговоровъ, а потому отправлялся въ экспедицію тайно, раннимъ утромъ, и старался возвратиться тоже незамѣтно и прокрасться на свое мѣсто въ переднюю флигеля, гдѣ я лѣтомъ жилъ, а тамъ лечь на свой коврикъ съ равнодушнымъ лицомъ, какъ будто ничего не бывало; но это ему почти никогда не удавалось, и онъ обыкновенно попадался кому-либо на глаза, когда весь мокрый, ежась и поджавъ хвостъ, пробирался къ себѣ; увидавъ, что онъ замѣченъ, Милордка подходилъ къ намъ и начиналъ «подличать»: смѣялся, фыркалъ, вытиралъ лапкою морду, ложился на спину, и отчасти достигалъ такимъ поведеніемъ прощенія; я его на короткое время лишь привязывалъ на цѣпочку, но словами стыдилъ и урезонивалъ много, при чемъ Милордка видимо страдалъ нравственно и раскаивался.

Въ тотъ вечеръ, про который я говорю, Милордъ былъ не въ ударѣ, чуялъ плохо, надувалъ, да и бекасы не допускали какъ слѣдуетъ до стойки и срывались Богъ знаетъ какъ далеко, а то неожиданно взлетали гдѣ-нибудь сбоку или сзади; я, конечно, пуделялъ, горячился, кричалъ не своимъ голосомъ на Милордку, этимъ еще больше спугивалъ бекасовъ, сердился на нихъ и стрѣлялъ еще хуже. Обойдя круглыя болотца, я сосчиталъ въ ягдташѣ всего-на-все четырехъ бекасовъ, но къ тому времени уже пріободрился и повеселѣлъ, такъ какъ послѣднихъ двухъ бекасовъ свалилъ очень эффектно «дуплетомъ». Солнце стало опускаться къ горизонту, двѣ-три утки уже «прошли» высоко, пора было становиться на мѣсто для перелета.

«Дальняя плотина», у которой я охотился, расположена въ лугахъ, въ которыя Цна выходитъ изъ лѣса, разливаясь въ очень широкій плесъ съ заливами и затонами, сильно поросшими камышомъ, оставляющимъ вполнѣ свободнымъ лишь стержень рѣки, да болѣе глубокія мѣста; въ сплошномъ камышѣ встрѣчались чистые плесы воды въ видѣ озерковъ и болотцевъ, да рыбаками были продѣланы

какъ бы каналы, ведшіе отъ одного озерка къ другому, по которымъ они быстро скользили въ своихъ легкихъ и валкихъ челнокахъ-душегубкахъ; вотъ въ этихъ озеркахъ и держались утки, одна часть днемъ, а другая, напротивъ, прилетая лишь на ночь изъ иныхъ мѣстъ.

Я подошелъ къ рыбачьему стану, гдѣ около землянки сушились, протянутыя на воткнутыхъ въ землю жердяхъ, сѣти, валялись нерета, въ нѣсколькихъ мѣстахъ пологаго берега была видна подсыхающая тина, выброшенная рыбаками изъ сѣтей, а у самой воды лежали вытащенныя на берегъ и опрокинутыя лодки, въ числѣ ихъ и моя, спустилъ ее безъ труда на воду, досталъ весло, прятавшееся въ недалекій ветловый кустъ, усадилъ Милордку на носъ лодки и, отпихнувшись отъ берега длиннымъ и тонкимъ весломъ, вылетѣлъ на середину рѣки. Проплывъ ею немного, я въѣхалъ въ одинъ изъ безчисленныхъ коридоровъ, проложенныхъ рыбаками въ сплошномъ камышѣ; тутъ ужъ гресть не приходилось, а нужно было отпихиваться весломъ, упираясь имъ въ сравнительно неглубокое дно, при чемъ лодка быстро двигалась впередъ, шурша по камышу. Проплывъ два или три чистыхъ плеса, на которыхъ массами засѣли кувшинки и бѣлыя водяныя лиліи съ ихъ широкими глянцовитыми листьями, красиво качаясь при движеніи воды, я выѣхалъ на заранѣе намѣченное мною озерко съ кустами куги и осоки и спрятался съ лодкою въ камышѣ, вогнавъ ее туда.

Устроившись въ лодкѣ поудобнѣе для стрѣльбы, я оглядѣлся: даль по линіи горизонта закрывалась камышомъ (дѣло было въ августѣ), который лишь съ одной стороны, къ востоку, нѣсколько рѣдѣлъ и уступалъ мѣсто невысокой осокѣ. Въ этомъ направленіи мнѣ былъ виденъ сосновый лѣсъ, близко подходившій къ разливамъ рѣки, да на западѣ виднѣлась, версты за двѣ по прямой линіи, наша усадьба, расположенная на холмѣ, отчетливо вырисовываясь на свѣтломъ фонѣ неба купою деревьевъ окружавшаго усадьбу сада; весь шатеръ неба открывался зато кру-

гомъ насколько хватало зрѣнія. Картина была оригинальная и красивая. Покойная, безъ малѣйшей зыби, вода озерка, стоявшій со всѣхъ сторонъ удивительно высокій и стройный камышъ, снизу желтый, съ темной полосой у самой рѣки, показывавшей, насколько вода убыла, а сверху еще зеленый, гибко волновавшійся пышными вершинами въ видѣ султановъ и шелестѣвшій при малѣйшемъ движеніи воздуха, сильный пряный запахъ водяныхъ цвѣтовъ и тины, блѣдное безоблачное небо, окрасившееся на западѣ, у горизонта, въ пунцовый цвѣтъ, а выше золотисто-красное и, наконецъ, розоватое, тишина, — все это было неописуемо прекрасно. Охватывало особое радостное чувство близости къ природѣ, непосредственнаго ея воздѣйствія; всякая мысль, касающаяся міра людей, оставшагося тамъ, за линіей камышей, исчезала, и я, бывало, весь отдавался созерцанію окружавшей меня своеобразной красоты.

Впрочемъ, такое покойное состояніе очень скоро нарушилось миріадами налетѣвшихъ со всѣхъ сторонъ комаровъ, набросившихся на меня и кусавшихъ безпощадно, не въ одиночку, а десятками за разъ, казалось сотнями; ихъ мало отгонялъ даже дымъ папиросы. Да и тишина при внимательномъ прислушиваніи оказалась неполною; самые разнообразные звуки оживляли картину: откуда-то, очень издалека, по рѣкѣ доносился густой колеблющійся гулъ церковнаго колокола, благовѣстившаго ко всенощной (всегда поздней у насъ въ рабочую пору), нѣсколько ближе слышались равномѣрные мягкіе удары, гдѣ-нибудь на рѣкѣ баба била на плоту валькомъ только что выполосканное бѣлье, временами до слуха долетало мычанье коровы, хлопанье пастушьяго кнута, оборвавшійся окрикъ, неотвязный скрипъ воза, а вблизи посвистывали кулички, чирикали пташки, и двѣ изъ нихъ, не замѣтивъ меня, опустились совсѣмъ рядомъ на погнутую лодкой камышинку; неподалеку, на лугу, кричалъ коростель. Вдругъ совсѣмъ близко крякнула утка и съ шумомъ вылетѣла позади меня изъ камыша; пока я схватилъ положенное на дно лодки ружье и вы-

стрѣлилъ, утка уже поднялась высоко и улетѣла а выстрѣлъ поразилъ меня самого раскатистымъ шумомъ, совсѣмъ несоотвѣтствовавшимъ всей обстановкѣ; сильно и скверно запахло пороховымъ дымомъ, который не сразу разсѣялся, а словно застрялъ въ камышѣ.

Долго, какъ мнѣ казалось, не было видно утокъ; не только солнце вполнѣ сѣло, но и заря стала потухать, и образовалось то особое вечернее освѣщеніе, хорошо знакомое охотникамъ, когда не отдаешь себѣ ясно отчета, очень ли свѣтло или уже темнѣетъ, когда отдѣльные предметы вполнѣ точно очерчиваются въ воздухѣ и даже словно издаютъ изъ себя лучи, а между тѣмъ на все ложится сѣрая тѣнь. Я началъ думать, что перелета не будетъ, особливо, когда со стороны луговъ, гдѣ днемъ паслось крестьянское стадо, поднялся, сплошною тучей, рой скворцовъ и, задавъ кругъ, улетѣлъ куда-то на ночлегъ; но тутъ, еще высоко и безшумно, прошла стайка утокъ—штукъ въ шесть, за ней другая, и вскорѣ стали пролетывать утки, то близко, то вдали отъ меня, иногда совсѣмъ надо мною и такъ неожиданно и быстро, что я слышалъ лишь особый свистъ крыльевъ, свойственный летящимъ уткамъ.

При видѣ появившейся со всѣхъ сторонъ дичи, я, не давъ еще ни одного выстрѣла, заволновался и настолько разгорячился, что пришлось снять и протерѣть очки—такъ они запотѣли; заволновался и Милордъ, онъ вскочилъ на ноги и, слѣдя за полетомъ утокъ, повизгивалъ. Два материка, замѣченные мною еще издали, стали спускаться прямо на меня, явно намѣреваясь сѣсть на мой плесъ; я поднялъ ружье, и въ тотъ моментъ, когда утки, налетѣвъ совсѣмъ близко, увидали меня, дрогнули и замерли на мгновеніе на мѣстѣ, собираясь повернуть, я выстрѣлилъ; одна изъ утокъ, какъ камень, упала въ воду, поднявъ брызги, раза два судорожно хлопнула крыльями и затѣмъ осталась недвижима; пока я заряжалъ ружье, мимо меня пролетѣло невѣроятно быстро нѣсколько чирятъ, а тамъ еще и еще; выстрѣлы мои слѣдовали за выстрѣлами, но стрѣлялъ я самымъ гнус-

нымъ образомъ, горячась и безъ всякой выдержки; оно и было отчего: утки летали непрестанно во всѣхъ направленіяхъ, чирята свистѣли, летя низомъ надъ самымъ камышомъ, а въ тѣ короткія мгновенья, когда глазъ не видѣлъ утокъ, слышенъ былъ всплескъ и покрякиванье садившейся или взлетавшей утки; да уже наступала ночь; стрѣлять на зарю еще было кое-какъ возможно, но опредѣлить вѣрно разстояніе при обманчивомъ полусвѣтѣ стало совсѣмъ трудно.

Наконецъ еще потемнѣло и, хотя утки еще летали, но я рѣшилъ прекратить охоту и принялся за розыскъ убитой дичи; дѣло это было нелегкое, въ темнотѣ листья лилій и кувшинокъ, торчавшіе изъ воды бокомъ, казались утками, приходилось заѣзжать въ камышъ, и я долго провозился на озеркѣ, прежде чѣмъ нашелъ трехъ утокъ; уложивъ ихъ въ ягдташъ, я поѣхалъ назадъ къ рыбачьему стану. Плыть было чудесно: сначала въ каналѣ по камышамъ было совсѣмъ темно, точно въ лѣсу, а когда я выѣхалъ на чистый плесъ, сразу посвѣтлѣло отъ воды, въ которой отсвѣчивали звѣзды, а разгоряченное лицо охватила ласкающая свѣжесть рѣчного простора; даль уже закрылась темнотою и въ двухъ-трехъ мѣстахъ мерцали, мигая, огоньки—костры въ ночномъ.

Приставъ къ берегу, я втащилъ лодку, повѣсилъ ружье черезъ плечо и быстро зашагалъ по направленію домой, пустивъ собаку впередъ. Я пошелъ не по дорогѣ, а напрямки, вдоль рѣки, по берегу которой мѣстами росли дубы и ивы; мѣсяцъ не свѣтилъ, но полной темноты все-таки не было, благодаря звѣздамъ; однако я раза два оступился и, наконецъ, чуть было не свалился въ рытвину. Я остановился, чтобы закурить и осмотрѣться; въ окружающей меня темнотѣ я чувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ, и это чувство въ связи съ безусловной тишиной, не нагоняя на меня страха, побуждало все-таки скорѣе идти домой къ свѣту и людямъ. Стало еще темнѣе отъ подкравшейся незамѣтно тучки, а налетѣвшій съ нею порывъ вѣтра и ка-

или дождя показались мнѣ очень непріятными, особливо когда я замѣтилъ, что сбился съ рыбачьей тропинки, которою было шелъ, и не могъ сообразить, гдѣ именно я стою.

Какъ разъ въ это время впереди меня послышались какіе-то странные звуки—точно плесканье воды и подавленное гоготанье; еще немного, и я явственно разслышалъ женскій стонъ или плачъ. Звуки эти меня очень смутили; я зналъ, что поблизости нѣтъ жилья, что я одинъ на берегу рѣки, гдѣ и дороги настоящей нѣтъ. Что же это за стоны и откуда эти странные звуки? Надъ моей головой, чуть не задѣвъ меня крыльями, пролетѣла, жалобно вскрикнувъ, ночная птица; сердце невольно замерло, и по спинѣ пробѣжалъ морозъ, предвѣстникъ страха, когда и Милордка почуялъ что-то недоброе и, пріостановившись, злобно зарычалъ; я погладилъ его и почувствовалъ, что онъ дрожитъ и ощетинился. Стоны однако прекратились, и я пріободрился, сказавъ себѣ, что стыдно бояться темноты и какихъ-то неопредѣленныхъ звуковъ. Милордка побѣжалъ было, но вскорѣ опять остановился и зарычалъ; когда я подошелъ къ нему и взглянулъ впередъ, то сразу понялъ, что дѣло неладно...

Дѣйствительно, то, что я увидалъ, было прямо страшно: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, немного лѣвѣе, выдѣлялась изъ темноты высокая человѣческая фигура, вся въ бѣломъ; она не касалась земли, а плавно раскачивалась въ воздухѣ, медленно и беззвучно, казалось, приближаясь ко мнѣ. Лица фигуры я разглядѣть не могъ, но ясно видѣлъ приподнятыя кверху руки ея.

— Кто тамъ?—крикнулъ я дрогнувшимъ голосомъ.

Отвѣта не было, но я вновь услыхалъ всплескъ воды и неумолкавшій затѣмъ тихій шопотъ, исходившій изъ самой фигуры. Сознаюсь, я совсѣмъ испугался и потерялъ голову; помню, однако, что я опять крикнулъ:

— Эй, отвѣчай, не то выстрѣлю!...

Фигура молчала, и я не выдержалъ, прицѣлился и спустилъ курокъ. Выстрѣлъ загремѣлъ, ружье, какъ мнѣ по-

казалось, отдало небывало сильно, и тутъ же я услышалъ страшный женскій крикъ; выстрѣлъ на мгновеніе ослѣпилъ меня, но когда я взглянулъ по направленію фигуры, то ея уже не было въ воздухѣ, а на землѣ лежало что-то бѣлое. Женскій крикъ, человѣческая фигура въ бѣломъ, сваленная моимъ выстрѣломъ и распростертая на землѣ... Господи, что я надѣлалъ!..

Ужасъ охватилъ меня... Страхъ передъ чѣмъ-то сверхъестественнымъ пропалъ и казался нелѣпымъ,—я понялъ, что убилъ или, по крайней мѣрѣ, ранилъ человѣка, вѣроятно, женщину. Я подбѣжалъ къ ней, бросился на землю, схватилъ ее... и вновь почувствовалъ прежній трепетъ предъ чѣмъ-то таинственнымъ, не реальнымъ; фигура, казалось, не имѣла ногъ и стала почти безформенна, мои руки коснулись чего-то твердаго, мокраго, холоднаго, но живого; да, я ощутилъ подъ моими руками рубашку или другую одежду, а подъ нею что-то движущееся.

Что же это, наконецъ, схожу я съ ума что ли! Я еще разъ заставилъ себя схватить лежавшее передо мною бѣлое существо и ощупалъ нѣчто корявое, отвратительное, больно меня укусившее за палецъ. Я вскочилъ, продолжая недоумѣвать, и увидѣлъ подбѣгавшихъ ко мнѣ двухъ раздѣтыхъ женщинъ, несшихъ въ рукахъ бѣлыя одѣянія. Я бы принялъ ихъ, пожалуй, тоже за сверхъестественныя явленія, но онѣ, увидавъ меня, подняли крикъ, и изъ устъ ихъ посыпалась на меня весьма энергичная брань, устранявшая всякую мысль о русалкахъ.

Наконецъ все разъяснилось: двѣ бабы (нашего же села) ловили съ вечера у этого мѣста рѣки бреднемъ раковъ и, наловивъ ихъ большое количество, вывалили изъ кошелокъ въ рубашку одной изъ нихъ, перевязавъ ее внизу веревкой, и этотъ импровизованный мѣшокъ привѣсили къ низкой вѣткѣ росшаго на берегу рѣки дуба, привязавъ за рукава, при чемъ мѣшокъ немного не достигалъ до земли и при порывахъ вѣтра раскачивался; съ одной изъ бабъ былъ ея десятилѣтній сынъ, несшій кошель для раковъ; кончивъ

ловлю уже при полной темнотѣ, бабы стали купаться и мыться передъ тѣмъ, какъ переодѣться въ сухое, а мальчику приказали сидѣть около мѣшка; но онъ ушелъ вдоль рѣки, и когда я приблизился къ дубу, то около него никого не было, и до моего слуха долетало лишь плесканье въ водѣ купавшихся бабъ, ихъ говоръ и смѣхъ, принятый мною за стоны, да особый тихій шумъ «перешоптывавшихся» въ мѣшкѣ раковъ. Выстрѣломъ я сломилъ сукъ, на которомъ висѣлъ мѣшокъ, онъ упалъ на землю, прорвался въ одномъ мѣстѣ и часть раковъ стала уже расползаться, при чемъ одинъ ракъ и схватилъ меня за палецъ. Бабы, услыхавъ выстрѣлъ, испугались за мальчика и бросились, какъ были, захвативъ свои рубашки, къ мѣсту, гдѣ оставили его. Онѣ было, озлобленныя, вцѣпились въ меня, но потомъ, узнавъ, застыдились своего довольно все-таки легкаго костюма, и съ визгомъ и смѣхомъ убѣжали къ рѣкѣ, за кусты. Я велъ съ ними переговоры въ темнотѣ, пообѣщалъ приличную мзду за прострѣленную рубашку, нѣсколькихъ раненыхъ раковъ и испытанный ими по моей винѣ страхъ и, наконецъ, отправился домой, найдя надлежащую тропинку.

Домой я пришелъ усталый, смущенный и не сразу разсказалъ о своемъ приключеніи. Это былъ единственный случай, когда я встрѣтился съ привидѣніемъ, оказавшимся не особенно страшнымъ, но все же, скажу, въ тотъ моментъ, когда я выстрѣлилъ въ бѣлую фигуру, я ощутилъ въ полной мѣрѣ ужасъ, вызываемый сверхъестественнымъ явленіемъ.

III.

Старый помѣщичій домъ.

За время моего студенчества, живя зимой въ Москвѣ, лѣто я всегда проводилъ въ деревнѣ, въ Спасскомъ, и въ теченіе охотничьяго сезона ужъ непремѣнно три или четыре раза наѣзжалъ въ В — но, большое село, близъ котораго имѣлось нѣсколько дупелиныхъ болотъ. Бывало, когда въ ближайшихъ своихъ мѣстахъ повыбьешь дичь, или, напротивъ, поберегаешь ее въ ожиданіи гостя-охотника, то отправляешься въ В—но. Болота тамъ были вѣрныя, и никогда не случалось, чтобы я возвращался безъ трофеевъ; хотя немного, а ужъ всегда тамъ найдешь и дупелей и бекасовъ, а позднѣе къ осени, во время пролета, и гаршнеповъ.

Какъ сейчасъ помню сѣренькій съ утра августовскій день, разгулявшійся потомъ, когда я отправился съ неразлучнымъ Милордомъ моимъ въ В—но; остановился я, какъ всегда, у тамошняго крестьянина Миная, получавшаго отъ меня небольшое жалованье въ качествѣ сторожа при болотахъ, охота въ которыхъ съ незапамятныхъ временъ была разрѣшена Д — вскою экономіей именно намъ. Я очень удачно охотился въ этотъ разъ и обошелъ всѣ болота, порядочно-таки уставъ и томясь подъ конецъ отъ жажды, вызванной, кромѣ усиленной ходьбы, какою-то соленою закуской, захваченною мною изъ Спасскаго на обѣдъ.

Было часа два пополудни, когда я, возвращаясь изъ болота, подходилъ съ Минаемъ къ его двору; насъ встрѣтила толпа мальчишекъ, съ любопытствомъ разглядывавшихъ мое охотничье снаряженіе, Милордку и, видную сквозь сѣтку ягдташа, дичь, длинные носы которой вызывали ихъ замѣчанія и смѣхъ. Я присѣлъ на завалинку избы Миная

и послалъ мальчика на постоялый дворъ за брагой, и велѣлъ передать кучеру Ивану, чтобы онъ закладывалъ; скоро мнѣ принесли жбанчикъ браги, холодной, вкусной (вѣроятно, только послѣ охоты), но лошадей не было видно, а вмѣсто нихъ внезапно предсталъ Иванъ въ значительно растрепанномъ видѣ.

Иванъ былъ изъ нашихъ дворовыхъ, и съ юношескаго возраста состоялъ при конюшнѣ; ѣздокъ онъ былъ неважный и весьма лѣнивъ, но честенъ и хорошо смотрѣлъ за лошадьми; онъ былъ уже не молодъ, человѣкъ степенный, серьезный, но достаточно склонный къ выпивкѣ. Иванъ вышелъ изъ-за угла избы въ сопровожденіи двухъ крестьянъ, которымъ онъ что-то энергично доказывалъ; однако тѣ, замѣтивъ меня, тотчасъ отступили и исчезли, а Иванъ, шедшій безъ картуза, въ разстегнутой поддевкѣ, при видѣ меня очень удивился, даже руками развелъ, но быстро подтянулся, попробовалъ даже снять съ головы, оставленный на самомъ дѣлѣ въ кабакѣ, картузъ и доложилъ мнѣ:

— Я, Николай Васильевичъ, къ вамъ съ жалобою. Вы его ужъ сами обсудите, а я не могу... Отказываюсь! Онъ мнѣ вѣдь что сказалъ? Ты, говоритъ, не кучеръ, ты для меня все одно что прохвостъ, и ты и баринъ твой! Почему онъ можетъ такъ говорить? Я къ вашей милости...

Иванъ стоялъ довольно твердо на ногахъ, но къ самостоятельному передвиженію, видимо, былъ мало способенъ. Я замѣтилъ ему, что онъ пьянъ.

— Это вѣрно, я выпилъ... я много выпилъ отъ разстройства. Я, Николай Васильевичъ, съ вашей матушкой покойной ѣзжалъ, въ Москву меня брали... А онъ, чего онъ весь-то стоитъ, со всѣми потрохами! И это при нихъ, при всѣхъ,—Иванъ показалъ рукою на село,—говоритъ: какой ты, говоритъ, кучеръ, ты для меня не лучше прохвоста, и съ бариномъ твоимъ... Я виноватъ, выпилъ... но я ѣхать теперь не могу, воля ваша, я очень ослабѣлъ... отъ обиды!

Иванъ горько заплакалъ. Ѣхать съ нимъ было сейчасъ дѣйствительно невозможно, и я сдалъ его Минаю, поручивъ

отнюдь не допуская до постоялаго двора или кабака, уложить спать гдѣ-либо въ сараѣ, а самъ пошелъ пѣшкомъ на господскую усадьбу, отстоявшую отъ села приблизительно въ верстѣ.

В — но принадлежало семьѣ Д — хъ, и вотъ что мнѣ было извѣстно о нихъ: первый изъ этого рода поселился здѣсь въ концѣ царствованія императора Павла I полковникъ Д — въ, которому В — но было пожаловано Павломъ Петровичемъ тотчасъ по восшествіи на престолъ, въ воздаяніе за вѣрную службу въ Гатчинскихъ войскахъ. Полковникъ чѣмъ-то разгнѣвалъ государя, былъ отставленъ и переселился на жительство въ новое помѣстье свое. Мы, живя сравнительно недалеко отъ В—на, знали до извѣстной степени семейную хронику Д—хъ, съ которыми мой дѣдъ даже дружилъ, а у меня сохранился къ тому же дневникъ дѣда, или, какъ онъ озаглавленъ: «Повседневныя записки», и изъ него я извлекъ разныя свѣдѣнія о старикахъ Д — хъ, да и такъ, отъ сосѣдей и дворовыхъ, приходилось слыхать разсказы о нихъ.

Полковникъ выстроилъ двухъэтажный деревянный домъ, многочисленныя службы и хозяйственныя зданія, водяную мельницу на рѣкѣ, разбилъ сады и возвелъ каменную церковь. Нрава полковникъ былъ суроваго и характеромъ обладалъ непреклоннымъ. Все въ В—нѣ творилось по его приказанью, какъ по щучьему велѣнью; но покорности такой и полнаго повиновенія достигъ онъ не сразу. Мѣстные крестьяне, дотолѣ свободные люди (государственные), не сразу поддались его волѣ, и дѣло доходило чуть ли не до бунта; полковникъ смирилъ однако своихъ новыхъ подданныхъ и пріучилъ ихъ къ безусловному послушанію; подручными и инструкторами въ этомъ дѣлѣ послужили полковнику дворовые и крестьяне его, переведенные имъ въ В — но изъ другого его имѣнія. Не мало народу было Д — мъ при этомъ сдано въ солдаты или даже по суду отправлено въ Сибирь, да и домашнія наказанія, практиковавшіяся имъ, были нешуточныя. Уже не говоря про сѣченіе

на конюшнѣ, которое примѣнялось заурядъ, великій страхъ внушало назначеніе на разные сроки въ тяжелыя работы, какъ-то: рытье глубокихъ канавъ вокругъ лѣсовъ, часто по поясъ въ водѣ, да въ мѣстности, изобиловавшей комарами, оводами и другой нудью, изводившей работавшихъ тамъ людей, рытье колодцевъ и прудовъ, насыпка плотинъ, уравниваніе дорогъ и т. п.

Хуже всякаго наказанія, прямо горемъ для крестьянской семьи, бывало, когда по приказанію полковника брали съ села дѣвушку, непремѣнно молодую и красивую, на дворню въ фабричный флигель, гдѣ ткались тонкія полотна, плелись кружева, работали тамбуромъ. Обыкновенно дѣвушка уже не возвращалась въ свою семью, а коротала вѣкъ свой на усадьбѣ въ дѣвичьемъ званіи, или со временемъ выдавалась замужъ за кого-либо изъ дворовыхъ; иныя изъ фабричныхъ дѣвушекъ поступали на положеніе наложницъ полковника, относясь къ этому, какъ къ исполненію порученной имъ должности, смотря по характеру, или добросовѣстно, а то и съ отлыниваніемъ, выражавшемся въ пріобрѣтеніи «милаго дружка» на сторонѣ, обнаруженіе чего влекло за собою для виновныхъ крупную кару. Полковникъ, заводя такія связи, нисколько не таился и не стѣснялся присутствіемъ боявшейся и, кажется, даже любившей его жены, а позднѣе сына. Дожилъ онъ до глубокой старости, не испытавъ серьезныхъ болѣзней, а отъ обычныхъ хворостей лѣчился горячей баней, растираніемъ домашняго приготовленія мазями и настойками, и кое-когда пуская себѣ кровь; умеръ онъ отъ апоплектическаго удара.

Сельское хозяйство, и свое и крестьянское, было полковникомъ поставлено умѣло, основательно и шло успѣшно; мука его славилась какъ выдающаяся, лошади и скотъ его были извѣстны во всей округѣ, крестьянскія постройки и весь крестьянскій сельско-хозяйственный инвентарь отличались крѣпостью и солидностью, а барская усадьба разрослась въ цѣлый городокъ; были заведены всѣ производ-

ства, необходимыя въ деревнѣ. Кузница, слесарная, столярная, плотничная, малярная мастерскія были доведены до возможнаго совершенства, благодаря выписывавшимся полковникомъ мастерамъ, обучавшимъ его людей, и отдачѣ своихъ крѣпостныхъ, мальчиками, въ ученіе. И не только о необходимомъ заботился Д—въ, онъ подумалъ и о развлеченіяхъ, о тогдашней эстетикѣ: возникъ оркестръ музыки изъ дворовыхъ, хоръ пѣсенниковъ — они же церковные пѣвчіе, на рѣку были спущены двѣ лодки—шести и двѣнадцативесельная, на конюшнѣ стояли породистые рысаки и была организована псовая охота.

Полковникъ былъ несомнѣнно человѣкъ выдающійся; хотя крѣпостной трудъ создавалъ особо-благопріятныя условія для процвѣтанія хозяйственныхъ учрежденій и всякаго мастерства, но безъ большого организаторскаго таланта невозможно было въ какія-нибудь двадцать пять лѣтъ создать изъ ничего перлъ въ смыслѣ помѣщичьей того времени усадьбы и вообще благоустроеннаго имѣнія. Даже крестьяне, побунтовавшіе вначалѣ, но усмиренные неуклонно твердымъ режимомъ полковника, потерявшіе постепенно свою иниціативу и волю, какъ общественную, такъ и частную, единичную, втянулись въ пассивную подневольную жизнь и оцѣнили ея блага, заботливость барина о ихъ матеріальномъ состояніи, и зажили сравнительно въ довольствѣ; тяжело до конца приходилось во всѣхъ отношеніяхъ лишь дворовымъ, вся работа которыхъ, всѣ способности, даже таланты, вся жизнь которыхъ отдавались на удовлетвореніе потребностей и главнымъ образомъ прихотей господъ, безъ какой-либо воздачи имъ, да еще съ требованіемъ отъ нихъ преданности, которая, казалось, могла вызываться развѣ лишь нѣкоторою близостью господъ къ дворовымъ, и которая, — какъ это ни удивительно — нерѣдко существовала на самомъ дѣлѣ, нисколько не мѣшая, впрочемъ, дворовымъ обманывать своихъ баръ и пользоваться для себя ввѣряемымъ имъ имуществомъ, попросту тащить господское добро.

У полковника былъ единственный законный сынъ, смолоду служившій очень недолго во флотѣ, вышедшій въ отставку по болѣзни и съ тѣхъ поръ жившій постоянно въ В — нѣ. Молодой Д — въ не походилъ на отца; это былъ человѣкъ съ благородными побужденіями, добрый, но безхарактерный до крайности; онъ уродился въ родную матушку свою, а къ тому же отецъ, деспотъ и въ семьѣ, задушилъ въ немъ съ дѣтства всякое проявленіе самостоятельности и независимой мысли, и запугалъ его на всю послѣдующую жизнь, да и позднѣе, проживая съ нимъ въ В — нѣ, не давалъ уже взрослому сыну воли и держалъ какъ малолѣтняго. Юношей онъ былъ мечтателенъ, скроменъ, и такимъ и остался, любилъ чтеніе и музыку, игралъ на флейтѣ, недурно рисовалъ и былъ, какъ гласило преданіе, красавецъ собою. Полковникъ женилъ сына, вскорѣ по выходѣ его въ отставку, по своему выбору, не спросивъ даже сына, нравится ли ему невѣста. Д — въ не рѣшился ослушаться отца и женился на избранной отцомъ дѣвицѣ, хотя она ему рѣшительно не нравилась и не доставила, какъ оказалось, ни счастія ни даже покоя; послѣ смерти отца онъ не пріобрѣлъ свободы и самостоятельности, жена стала его владыкой, и онъ, привыкнувъ повиноваться, не вышелъ изъ ея воли, страдая однако отъ лежавшаго на немъ гнета, уродовавшаго его жизнь и не дававшаго развиться его личнымъ вкусамъ и взглядамъ

Жена его была дама энергичная и по смерти полковника сама взялась за управленіе большими Д — ми имѣніями; крестьяне и дворовые попали изъ огня да въ полымя, и система наказаній и строгостей не ослабла отъ того, что власть перешла въ женскія руки. Строгость эта, часто даже жестокость, непризнаніе у крѣпостныхъ людей человѣческихъ чувствъ, непрощеніе ошибокъ и проступковъ ихъ были противны доброй и справедливой душѣ безхарактернаго собственника В — на, но измѣнить систему управленія и обращенія съ людьми онъ не могъ, всегда уступая женѣ и заведенному порядку; баловалъ и помогалъ онъ своимъ людямъ потихоньку, а то являлся просителемъ за нихъ, не

достигая, впрочемъ, этимъ ничего, кромѣ криковъ и ссоръ. Удивительнымъ казалось при этомъ, что крѣпостные, за рѣдкими исключеніями, не чувствовали благодарности и особой любви къ барину; они относились къ нему или безразлично, или съ насмѣшкой и даже нѣкоторымъ презрѣніемъ.

Владимиръ Петровичъ Д — въ былъ человѣкъ нравственный, воздержанной жизни и очень религіозенъ, но, несмотря на все это, впалъ въ тяжкій грѣхъ, — онъ, вопреки собственнымъ взглядамъ, нарушилъ обѣтъ супружеской вѣрности.

Романъ, вызвавшій паденіе его, случился уже послѣ смерти полковника, когда ему было за тридцать лѣтъ, и романъ этотъ осложнился еще сугубой драмой, чуть было не стоившей жизни Д — ву. Ему приглянулась, а тамъ и полюбилась, сперва незамѣтно для него самого, но такъ властно, что онъ не могъ справиться съ новымъ для него чувствомъ, дворовая дѣвушка, дочь главнаго садовника; она замѣтила расположеніе къ ней барина и сама влюбилась въ него. Не случись послѣдняго, скромный, несмѣлый даже съ своими людьми, Владимиръ Петровичъ не рѣшился бы высказать свои чувства; но тутъ за сближеніе взялась сама Аннушка, по разсказамъ, миловидная, умная дѣвушка; произошли случайныя, будто, встрѣчи въ саду, въ недалекомъ лѣсу, и въ концѣ-концовъ, между влюбленными возникла связь, радостная и мучительная въ то же время для Д—ва, впервые испытавшаго обаяніе близости и ласки любимой женщины, но внутренно жестоко казнившагося за учиненный имъ грѣхъ и за самое счастье, даваемое этимъ грѣхомъ, отъ котораго онъ однако не могъ и не хотѣлъ отказаться.

Грѣховности своего положенія Аннушка не чувствовала, но и ей счастье давалось не легко и было призрачно; около того времени, какъ на нее обратилъ вниманіе баринъ, она была почти просватана за Д — каго же дворового, столяра, къ которому относилась совершенно равно-

душно и забыла даже о немъ, пойдя съ восторгомъ навстрѣчу чувству Владимира Петровича. Но столяру она была мила, и когда онъ замѣтилъ, что Аннушка совсѣмъ не обращаетъ на него вниманія и даже стала относиться враждебно, то заподозрилъ нѣчто особенное, прослѣдилъ за ней, и вскорѣ же напалъ на слѣдъ романа своей невѣсты; встрѣтя ее одну, онъ высказалъ ей свои подозрѣнія и, угрожая разсказать про ея поведеніе самой барынѣ, велѣлъ бросить затѣянную глупость. Аннушка не испугалась угрозъ столяра, а объявила ему наотрѣзъ, что замужъ за него не пойдетъ, что онъ ей и прежде былъ постылъ, чтобы онъ и думать не смѣлъ наушничать барынѣ, что она вольна въ чувствѣ своемъ, не замужняя, и ему нѣтъ дѣла до ея поведенія. Столяръ однако не успокоился и сообщилъ о замѣченномъ матери Аннушки, напугавъ ту своимъ разсказомъ чуть не до болѣзни, особенно же намѣреніемъ доложить обо всемъ барынѣ; она, предвидя, не безъ основанія, отъ такой откровенности лишь зло и Аннушкѣ, и всей ихъ семьѣ, и самому столяру, уговорила его пока молчать, и даже мужу ничего не сказала.

Однако и другіе во дворнѣ стали замѣчать, что Аннушка перемѣнилась, что-то таитъ въ себѣ, отъ игръ и пріятельницъ отбивается, присмотрѣли за ней и безъ труда обнаружили въ чемъ дѣло. Кто позавидовалъ дочери садовника, а кто и вниманія на это не обратилъ, какъ на дѣло обычное, но надъ столяромъ стали подшучивать, дразня его невѣстой, поздравляя съ хорошимъ приданымъ, а, пожалуй, и прибавленіемъ семейства безъ хлопотъ и еще до свадьбы. Столяръ, безъ того кипѣвшій злобою и ревностью, совсѣмъ ошалѣлъ и, подкарауливъ разъ Д—ва въ саду, наговорилъ ему дерзостей и упрековъ за Аннушку, и въ качествѣ ея жениха потребовалъ, чтобы баринъ оставилъ ее въ покоѣ, пригрозивъ и ему доносомъ всемогущей барынѣ.

Всегда мягкій и боязливый, Владимиръ Петровичъ на этотъ разъ, подъ вліяніемъ сильнаго чувства къ Аннушкѣ

и тоже, вызванной словами столяра, ревности, не смутился; въ немъ къ тому же сказался при дерзкихъ словахъ столяра прирожденный «баринъ», и онъ такъ гаркнулъ на него: «Вонъ, холопъ»! — что голосъ его долетѣлъ до дома, а столяръ дрогнулъ отъ неожиданнаго отпора и отступилъ предъ Владиміромъ Петровичемъ, который блѣдный, страшный на видъ, не помня себя, наступалъ на него со сжатыми кулаками, повторяя, задыхаясь: «Какъ ты смѣешь, дрянь!...»

Богъ знаетъ, чѣмъ кончилась бы эта сцена, если бы въ это время не показалась, гулявшая съ дѣтьми въ саду, няня; при видѣ ея Владиміръ Петровичъ опомнился и ушелъ въ домъ, а столяръ убѣжалъ, незамѣченный никѣмъ.

Въ тотъ же вечеръ, когда Владиміръ Петровичъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ у открытаго окна, выходящаго въ садъ, и читалъ, въ саду раздался выстрѣлъ и самодѣльная пуля-свинчатка влѣпилась въ стѣну кабинета, пролетѣвъ около самой головы Д — ва.

На слѣдующій день Владиміръ Петровичъ пережилъ больше, чѣмъ за всю прошлую и послѣдующую жизнь, и вынесъ столько нравственныхъ мукъ, проявилъ столько несвойственной ему энергіи и настойчивости, что плохое здоровье его совсѣмъ надорвалось; онъ сразу осунулся и сталъ съ тѣхъ поръ нервно трястись головою и руками. Жена его еще наканунѣ съ вечера узнала все и потребовала отъ мужа передачи столяра Василія властямъ, какъ покусившагося на убійство, примѣрнаго наказанія и удаленія Аннушки и ея родителей, виновныхъ въ потворствѣ ей; но Владиміръ Петровичъ на этотъ разъ не послушался и, проведя ночь запершись у себѣ въ кабинетѣ, гдѣ онъ, повидимому, молился, на утро объявилъ хладнокровно и твердо, налетѣвшей на него какъ буря, супругѣ, что въ грѣхахъ своихъ онъ дастъ отчетъ Богу, въ винѣ своей проситъ у нея прощенія, но что домохозяинъ онъ, а не кто другой, и онъ власти своей никому не уступитъ, а позднѣе такъ крикнулъ на ставшаго было возражать его распоряженіямъ управителя, что всѣ въ домѣ притихли.

Владимиръ Петровичъ рѣшилъ дѣло это по собственному усмотрѣнію и привелъ рѣшеніе свое въ исполненіе: столяра онъ распорядился сдать въ солдаты, передъ отправленіемъ вызвавъ и поговоривъ съ нимъ съ глазу на глазъ, про выстрѣлъ объявилъ, что онъ самъ нечаянно, разряжая ружье, выпалилъ въ стѣну, Аннушкѣ со всей ея семьей далъ вольную, при чемъ садовника опредѣлилъ на мѣсто въ сосѣднее имѣніе къ знакомому помѣщику, а Аннушку навсегда отправилъ съ усадьбы неизвѣстно куда въ тотъ же день. Самъ Владимиръ Петровичъ съ тѣхъ поръ переселился окончательно въ кабинетъ и примыкавшую къ нему комнату, и выходилъ оттуда къ семьѣ лишь въ часы обѣда, ужина и вечерняго чая. Онъ предался еще болѣе религіозному чувству, не пропускалъ ни одной церковной службы, сталъ еще серьезнѣе, игру на флейтѣ оставилъ, много читалъ, записывалъ что-то, гулялъ одинъ въ полѣ, но въ хозяйство попрежнему вникалъ мало и лишь раза два въ годъ ѣздилъ на недѣлю по дѣламъ, какъ онъ говорилъ, въ губернскій городъ; супруга оставила его въ покоѣ, не скрывая, впрочемъ, презрѣнія своего къ нему. Прожилъ онъ недолго и скончался скоропостижно на прогулкѣ.

Вдова Владимира Петровича продолжала жить въ В—нѣ, но послѣ ея кончины усадьба опустѣла. Молодой Д—въ, которому досталось В—но, пріѣзжалъ въ имѣніе иногда лишь лѣтомъ, зиму проводя въ столицѣ, гдѣ онъ служилъ. Въ описываемое время В—но принадлежало уже внукамъ Владимира Петровича, которые рѣдко навѣщали свое имѣніе, и въ короткіе пріѣзды свои останавливались не въ большомъ домѣ, а во флигелѣ, гдѣ жилъ управляющій и находилась экономическая контора; домъ стоялъ нежилой и даже не ремонтировался серьезно, но внутреннее его устройство и убранство не было нарушено.

Я и прежде много разъ видалъ, проѣзжая мимо, В—ую усадьбу, но ни разу не бывалъ въ домѣ, хотя давно уже собирался осмотрѣть старое гнѣздо Д—выхъ. Теперь

какъ разъ представился къ тому удобный случай, ибо ѣхать домой раньше какъ часа черезъ три было невозможно.

Я двинулся къ усадьбѣ сжатымъ полемъ и сперва прошелъ къ бѣлой каменной церкви съ куполообразной желѣзной крышей, выкрашенной въ зеленую краску и довольно высокой остроконечной колокольней; за оградой церкви виднѣлись давнія могилы и деревянные кресты, въ большинствѣ утратившіе свою форму, похожіе на колья; въ серединѣ этого кладбища изъ-за кустовъ выглядывалъ каменный столбъ съ обвалившейся штукатуркой, покрытый деревянною на четыре ската крышею, желтовато-зеленой отъ наросшаго на ней моха; могилы и все пространство между ними заросли шальною травой, заглушаемой по угламъ, вдоль изгороди, и такъ кое-гдѣ, болѣе высокой и густой крапивой и бурьяномъ.

У самой церкви, за алтаремъ, простыя могильныя насыпи исчезли и замѣнились плитами и монументами, окруженными желѣзными рѣшетками; но и тутъ царило великое запустѣніе; разнообразные кусты, посаженные въ свое время съ декоративной цѣлью, разрослись какъ въ лѣсу, и проникали за частью сломанныя ограды могилъ, которыя они закрыли наполовину густой зеленью вѣтвей своихъ. На плитахъ и памятникахъ, тоже сильно пострадавшихъ отъ времени, можно было прочесть имена семьи Д — хъ съ обозначеніемъ чиселъ ихъ рожденія и смерти; въ одной оградѣ покоились полковникъ съ женою, а гранитная надмогильная плита Владимира Петровича помѣщалась отдѣльно; изъ самой могилы выросла березка и корнями своими немного приподняла уголъ плиты; дерзкая березка эта не нарушала однако нисколько той особенной обстановки, вѣрнѣе, того настроенія, которое свойственно испытывать въ мѣстахъ вѣчнаго успокоенія; напротивъ, она казалась совсѣмъ умѣстной на могилѣ добраго, романтичнаго Владимира Петровича.

Рядомъ съ его могилой изъ высокой травы поднимался болѣе скромный чугунный крестъ на бѣломъ камнѣ съ

высѣченнымъ на немъ неизвѣстнымъ мнѣ именемъ, а ближе къ церкви возвышался гранитный фигурный монументъ съ черной урной наверху, съ которой былъ, видимо, сбитъ бронзовый пламень, словомъ, то, что называется «мавзолей», чему однако неожиданно, но радикально противорѣчила сохранившаяся на одной сторонѣ памятника надпись:

Не мавзолеемъ, а слезой
Сынъ юный жертвуетъ тебѣ,
Чтобъ онъ остался сиротой,
Угодно было такъ судьбѣ.

Къ церковной оградѣ примыкалъ садъ, въ который черезъ канаву велъ наполовину провалившійся мостикъ; помимо этого, и калитка въ оградѣ оказалось запертой, и я прошелъ къ дому съ другой стороны, мимо усадьбы священника и флигеля управляющаго, стоявшаго внѣ господскаго двора; на крылечкѣ флигеля сидѣлъ старикъ, одѣтый въ сѣрое суконное укороченное пальто съ двумя рядами большихъ костяныхъ пуговицъ спереди: при моемъ приближеніи онъ почтительно всталъ, снялъ картузъ и поклонился. Старикъ былъ высокаго роста, благообразный, съ начинавшей сѣдѣть бородой и густыми съ просѣдью волосами, образовавшими на лбу его природный кокъ, который онъ часто поправлялъ рукою; по красивымъ, но усталымъ глазамъ его, было видно, что онъ очень старъ; держался онъ однако бодро и, разговаривая, непрестанно улыбался, хотя говорилъ совсѣмъ не веселыя вещи, — это былъ своего рода типъ. По наружности и манерамъ я немедленно призналъ въ старикѣ бывшаго двороваго и обратился къ нему, сказавъ кто я, съ вопросомъ, можно ли осмотрѣть господскій домъ и кого объ этомъ попросить. Старикъ оживился и словно обрадовался моему приходу.

— Я и родителей вашихъ хорошо зналъ, Николай Васильевичъ, и дѣдушку вашего. Василій Васильевичъ у насъ бывали, можно сказать, частенько. Давно ужъ это, васъ

на свѣтѣ еще не было. А насчетъ дома у насъ заказа нѣтъ. Милости просимъ, я васъ и проведу, ключи у меня сохраняются. Пожалуйте прямо на парадное крыльцо, я только схожу за ключами и отопру вамъ сейчасъ извнутри.

Оказалось, что старикъ дѣйствительно бывшій Д—кій дворовый, занимавшій до послѣдняго времени при экономіи должность помощника конторщика, а теперь, когда зрѣніе его ослабѣло, оставшійся на усадьбѣ въ качествѣ ключника и хранителя дома.

Большой барскій дворъ и садъ были обнесены невысокой кирпичной стѣной, а со стороны проѣзжей дороги вели въ него широкія ворота, отъ которыхъ остались только каменные столбы въ видѣ башенокъ; въ нихъ я и вошелъ. Какъ разъ напротивъ, въ глубинѣ двора, стоялъ домъ, противоположнымъ фасомъ выходя въ садъ, а по сторонамъ тянулись деревянныя нежилыя постройки, крытыя желѣзомъ. Дворъ густо заросъ придорожникомъ, по которому было протоптано нѣсколько тропинокъ; въ одномъ углу, около сложенныхъ къ самой оградѣ березовыхъ бревенъ и слегъ, возились два работника съ топорами; у отпряженной бочки, прилаженной къ колеснямъ, прохаживалась лошадь съ жеребенкомъ, пощипывая траву; тутъ же лежало на землѣ длинное корыто, около котораго пребывали гуси и утки; въ жидкой грязцѣ почивали безмятежно громадныя свиньи, около птичника на гладко убитой площадкѣ ходили куры съ цыплятами и индюшки, посрединѣ двора стоялъ, растопыривъ ноги и опустивъ голову къ землѣ, рыжій съ бѣлыми подпалинами теленокъ.

Самый домъ былъ великъ, но весьма невзраченъ; деревянный, въ два этажа, выстроенный въ видѣ ящика, съ невысокими, тоже деревянными колоннами у парадняго подъѣзда съ фронтономъ; выкрашенный когда-то въ сѣрую краску, а теперь сильно потемнѣвшій, съ красной крышей, онъ производилъ, несмотря на малую степень разрушенія, мрачное, тяжелое впечатлѣніе; унылою замкнутостью вѣяло отъ него—въ такомъ домѣ не хотѣлось бы жить. Ра-

мы были цѣлы, за исключенiемъ нѣсколькихъ оконъ въ верхнемъ этажѣ, наглухо забитыхъ ставнями; стекла въ окнахъ выцвѣли, многiя были съ заплатами, а окна верхняго этажа, меньшiя размѣромъ и пробитыя въ стѣнѣ безъ симметрiи и порядка, казались особенно противными.

Вскорѣ Иванъ Леонтьевичъ—такъ звали, какъ я узналъ отъ него, старика конторщика—отперъ мнѣ парадную дверь, и я вошелъ въ домъ. Онъ и внутри недурно сохранился; ветхость его сказывалась лишь въ томъ, что въ нѣкоторыхъ комнатахъ потолокъ провисъ и былъ подпертъ крѣпкими подставками, не подходившими къ чопорной обстановкѣ дома своимъ грубымъ неотесаннымъ видомъ, безцеремонностью, съ которой они проникли въ домъ, да кое-гдѣ сползали со стѣнъ обои и обваливалась штукатурка. Вся прежняя обстановка осталась въ сохранности, и это производило особенное и сильное впечатлѣнiе, какого не можетъ дать никакой сборный музей: ясно было, что домъ давнымъ-давно стоитъ пустой, а между тѣмъ оставшаяся въ парадныхъ комнатахъ на своихъ мѣстахъ меблировка, не убранныя обиходныя мелочи, забытый въ гостиной ридикюль, книги и бумаги со счетами, лежавшiя на столѣ въ кабинетѣ, коллекцiи тростей и трубокъ съ разнообразными чубуками, ноты на этажеркѣ около фортепiано,—все это давало иллюзiю жизни, переносило реально къ этой былой жизни дома, словно сразу на всемъ ходу оборвавшейся, застывшей, какъ въ сказкѣ о спящей красавицѣ, и безъ волненiя нельзя было осматривать это старое гнѣздо.

Изъ обширной передней, или, вѣрнѣе, сѣней, къ стѣнамъ которой были прислонены выкрашенные въ желтую краску и сильно загрязненные лари, высокiя двери вели въ залу; въ ней стояли деревянные стулья съ очень высокими спинками, громадный обѣденный столъ, нѣсколько маленькихъ столиковъ на четырехъ тоненькихъ ножкахъ, вставлявшихся одинъ подъ другой, большой буфетный шкапъ орѣховаго дерева съ украшенiями изъ кости и тремя конусообразными вершинами, китайскiй бильярдъ, ор-

ганъ и клавикорды. Полъ во всемъ домѣ былъ простой, не паркетный, и въ залѣ по стертой ногами краскѣ его ясно было видно, гдѣ больше ходили и останавливались; такія лысинки замѣчались около шкапа, къ которому вела словно дорожка изъ коридора, и около клавикордъ; органъ являлъ изъ себя видъ ящика палисандроваго дерева; мѣдная ручка съ обломанной деревянной держалкой была налицо, и я было двинулъ сю, но тотчасъ же искренно раскаялся: поднялась такая какофонія, такой фальшивый аккордъ съ завываніемъ пронесся по пустымъ комнатамъ, какой не сразу скомбинировалъ бы спеціалистъ музыкантъ, если бы онъ задался цѣлью внушить отвращеніе къ музыкѣ.

Клавесины заинтересовали меня больше; это былъ тоже ящикъ изъ неполированнаго орѣха, продолговатый, на четырехъ довольно тонкихъ прямыхъ ножкахъ; крышка ящика открывалась вполовину его ширины, откидываясь назадъ и оставляя по бокамъ закрытыми небольшія пространства, и обнаруживалась клавіатура, всего въ 5 октавъ съ пожелтѣвшими клавишами, съ которыхъ кое-гдѣ свалились костяныя пластинки. Я взялъ два-три аккорда и—о диво!—они прозвучали слабо, странно, ужасно жалостно, но почти не фальшиво; что-то наивное, дѣтское послышалось въ издаваемыхъ струнами звукахъ; пѣніе, длящаяся вибрація отсутствовали, это было бренчаніе, тонъ гуслей; иныя клавиши совсѣмъ молчали, другія только чуть звенѣли.

Звуки эти и самый видъ клавесинъ возбуждали грустное чувство, какъ бы сожалѣніе о чемъ-то невозвратно-ушедшемъ, объ отлетѣвшей въ вѣчность жизни цѣлаго поколѣнія, которую они на мгновеніе воскрешали.

Обстановка слѣдующей комнаты, большой гостиной, состояла изъ тяжелыхъ, неуклюжихъ краснаго дерева дивановъ съ деревянными высокими спинками и темнаго цвѣта обивкой сидѣній, такихъ же креселъ и стульевъ, и двухъ или трехъ круглыхъ столовъ; въ углахъ стояли тумбы краснаго дерева съ хрустальными гранеными, отдѣланными бронзою, канделябрами на нихъ, съ потолка спускалась

такая же небольшая люстра; въ простѣнкахъ имѣлись довольно высокія неширокія зеркала, составленныя изъ двухъ кусковъ, въ золоченыхъ рамахъ, съ подзеркальными столами изъ мраморной доски и позолоченными ножками, а по стѣнамъ висѣли портреты Д—хъ,—мужчины въ странныхъ мундирахъ, съ напудренными косичками, дамы съ прическами въ видѣ тюрбановъ и въ фантастическихъ костюмахъ; между ними висѣлъ портретъ Владимира Петровича. Онъ былъ изображенъ въ синемъ съ металлическими пуговицами фракѣ при жабо, съ дѣланной прической. Судя по портрету, онъ былъ дѣйствительно очень красивъ: правильный овалъ лица, безъ бороды и усовъ, открытый лобъ, прямой тонкій носъ, нѣсколько пухлыя губы, мягкая улыбка, круглый подбородокъ и чудные сѣрые глаза, обѣщавшіе, казалось, много; портретъ отца его не представлялъ ничего особеннаго, полковникъ казался на немъ самымъ зауряднымъ человѣкомъ; но зато жена Владимира Петровича, тоже красивая женщина, давала сильное и непріятное впечатлѣніе, благодаря выраженію неопредѣленнаго цвѣта большихъ глазъ и складу рта, обличавшему отсутствіе у нея доброты.

За большой гостиной слѣдовала малая или «боскетная», какъ ее торжественно назвалъ Иванъ Леонтьевичъ, въ которой стояла мягкая мебель, обитая полинявшей, но красивой матеріей съ рисункомъ цвѣтовъ; тутъ были кромѣ обыкновеннаго и углового дивановъ, козетки на двоихъ въ видѣ французской буквы S, полукруглые диванчики, кресла разнообразныхъ формъ, трельяжъ для плюща, дамскій рабочій столикъ съ откидывавшейся крышкой, низкія ширмочки, на консолѣ стояли бронзовые часы съ мраморными колонками, ломберные и круглые столы съ инкрустаціей и мозаиковыми рисунками, такія же этажерки, висѣли плохія картины масляными красками и хорошія гравюры, покрытыя, точно большими черными пятнами, сплошною массою забившихся за стекло рамокъ мелкихъ мошекъ, образовавшихъ такія же пятна и на потолкѣ и по угламъ комнатъ.

За боскетной или спальня съ монументальной, краснаго дерева, кроватью, трюмо и туалетнымъ столомъ съ зеркаломъ и шкапчиками по бокамъ, заключавшими въ себѣ бездну явныхъ и тайныхъ ящиковъ, «диванная», для пріѣзжихъ, «угловая» и другія комнаты; вдоль ихъ тянулся широкій, но довольно темный коридоръ, выводившій изъ залы на дѣвичье крыльцо, откуда подынималась узкая лѣстница на второй этажъ съ низкими жилыми комнатами,—обиталище дѣтей и ихъ воспитателей; тамъ въ безпорядкѣ стояла тоже кое-какая мебель: крашеныя деревянныя кровати съ пуховиками, дѣтскія кроватки со вставляющимися съ боковъ ихъ досками, имѣвшими предохранить дѣтей отъ паденія, комоды съ круглыми мѣдными кольцами-ручками на ящикахъ и съ откидными крышками въ видѣ бюро, простые шкапы, разноцвѣтныя ширмы и т. п.

Внизу, по другую сторону коридора, находились еще двѣ комнаты, выходившія окнами въ садъ, полутемныя, благодаря разросшимся около оконъ кустамъ сирени и бузины; это были апартаменты Владимира Петровича—кабинетъ и спальная. Кабинетъ представлялъ особый интересъ, благодаря стоявшимъ тамъ шкапамъ съ книгами, и тутъ же Иванъ Леонтьевичъ показалъ мнѣ мѣсто въ стѣнѣ, куда ударила пущенная изъ сада столяромъ пуля.

Разсматривая библіотеку, шкапы которой оказались незапертыми, я замѣтилъ и записалъ заглавія нѣкоторыхъ изданій. Это были: «Краткая исторія о философахъ и славныхъ женахъ, сочиненная господиномъ Бюри. Перевелъ съ французскаго языка коллежскій асессоръ Михайло Подеринъ. 1804 года». «Анекдоты русскіе. 1809 года. Петербургъ». Глава первая этой книги содержала въ себѣ: «благородство, величіе и безпримѣрную твердость духа генералъ-майора Кудрявцева при Пугачевѣ». «Новости г. Флоріана. Во градѣ святомъ Петра 1779 года». Сочиненіе это начиналось посвященіемъ «прекрасному полу», такого содержанія: «Государыни мои! Вотъ новыя новости г. Флоріана въ россійскомъ платьѣ. Повергаю ихъ къ стопамъ вашимъ,

зная, что вы всегда любили писателя, коего слогъ, подобно тихому пріятно по камушкамъ журчащему ручью, привлекаетъ къ себѣ всѣ чувствительныя сердца. Благосклонное принятіе ваше, сверша желанія мои, побудитъ меня и впредь упражняться въ переводѣ книгъ вамъ пріятныхъ. Но коль неспѣлый плодъ сей вамъ не понравится, то я... право, тужить не буду. Впрочемъ, имѣю честь быть вашъ всегдашній обожатель. Переводчикъ». «Генріетта де-Вольмаръ, или мать, ревнующая къ своей дочерѣ, истинная повѣсть, служащая послѣдованіемъ къ Новой Элоизѣ господина Ж.-Ж. Руссо. Переведено съ французскаго въ Бѣжецкомъ уѣздѣ. Москва, 1780 годъ». Имѣлись и позднѣйшія изданія, сочиненія духовнаго содержанія, журналы, напримѣръ, *Сынъ Отечества* тридцатыхъ годовъ, и очень много французскихъ книгъ (зато ни одной нѣмецкой или англійской), классики и энциклопедисты, историческія, а въ томъ числѣ нѣсколько монографій о Наполеонѣ, переводы на французскій языкъ Шекспира и другія.

Въ одной изъ вынутыхъ мною книгъ оказались выпавшіе изъ нея написанные листки прежней шероховатой пожелтѣвшей или синеватой бумаги; почеркъ былъ довольно разборчивъ, несмотря на сильно поблѣднѣвшія чернила; въ числѣ этихъ бумагъ былъ отрывокъ записки государю генералъ-лейтенанта Ермолова отъ 12 марта 1817 года, указывавшей на произвольныя и неправильныя дѣйствія министра полиціи, и «мысль унылаго дворянина» въ стихотворной формѣ; начиналось это дилетантское произведеніе, въ которомъ я сохранилъ его ороографію, такъ:

«Отъ Рюрика по днесь Дворянъ не утесняли
За то Россію всѣ владычицей щитали,
Коль грамотѣ кто зналъ,—доволенъ былъ и тѣмъ
Но правда и законъ былъ общей удѣлъ всѣмъ.
Геройство, подвигъ, трудъ трофеи созидали,
И въ общемъ щастьи всѣ свое всегда щитали,
Летать по небесамъ и въ глубь морей ходить,

Законъ у Римлянъ чтить, тѣла атомъ дѣлить,
Гдѣ Вѣна, Гдѣ Парижъ, хотя того не знали
Но быть опорой всѣ отечества желали...»

Далѣе излагается взглядъ автора-дворянина на то, что науки для сего сословія излишни и въ нихъ таится, при вводимой правительствомъ обязательности ихъ, гибель, что и ввергало откровеннаго автора въ уныніе. На этой бумажкѣ сбоку другимъ почеркомъ было написано: «глупецъ, самъ себѣ роющій яму»; я не усумнился, что приписка сдѣлана рукою Владимира Петровича.

Въ тѣхъ же бумагахъ я нашелъ рецептъ «элексира долгой жизни»; онъ состоялъ въ разныхъ доляхъ изъ слѣдующихъ специй: «чистаго сабура, цицварнаго корня, горной генціяны, корня или сокольяго перелета, шафрана, ревеня, лиственной губы, венеціанскаго теріака, сѣрнаго цвѣта, стираксы и сахара». Потомъ шло описаніе приготовленія элексира (на «французской водкѣ») и способовъ пріема при разныхъ болѣзняхъ и, смотря по комплекціи паціента; такъ, напримѣръ, «людямъ холоднокровнымъ и макротнымъ, флегматикамъ и меланхоликамъ», рекомендовалось ежедневное употребленіе настойки; было также объяснено дѣйствія лѣкарства и между прочимъ значилось, что оно: «укрѣпляетъ желудокъ и духъ жизненный, изостряетъ чувства, отъемлетъ дрожаніе силъ, утушаетъ удары падучей болѣзни, избавляетъ нуждъ кровопусканія, останавливаетъ біеніе нервовъ, сохраняетъ и очищаетъ желудокъ отъ всѣхъ клейкихъ матерій, прогоняетъ мигрену и паръ въ желудкѣ, предохраняетъ отъ ипохондріи, убиваетъ глисты, дѣлаетъ веселымъ, мягчитъ барабаны въ ушахъ» и т. д., и «всего удивительнѣе, что можно принять больше, нежели должно—и безъ вреда». Въ концѣ говорилось, что этотъ рецептъ найденъ въ бумагахъ умершаго ста четырехъ лѣтъ отъ роду «швецкаго доктора» и что «сіе таинственное лѣкарство сохранено было въ его фамиліи черезъ многія столѣтія».

Сосѣдняя комната служила спальней Владимиру Петровичу: въ ней стояла въ углу образница съ иконами и сохранились разныя вещи покойнаго Д—ва. На вопросъ мой о судьбѣ Аннушки, Иванъ Леонтьевичъ отвѣтилъ, что онъ и ее, и Владимира Петровича хорошо помнитъ и что своимъ, близкимъ людямъ, и тогда было извѣстно, куда она скрылась, а потомъ и вовсе незачѣмъ было таиться. Поселилась Анна Ивановна, покинувъ В—но, въ не очень далеко лежащемъ губернскомъ городѣ, купила себѣ на средства, скромно обезпечившаго ее, Владимира Петровича небольшой домикъ и приписалась къ мѣщанскому обществу; только разъ пріѣзжала она потомъ въ В—но, всего на нѣсколько часовъ,—въ день похоронъ Владимира Петровича. У нея было къ тому времени двое сыновей, которыхъ она, при помощи рекомендованнаго ей еще при жизни Д—мъ знакомаго, приготовила и отдала въ гимназію, а потомъ въ Московскій университетъ, гдѣ они кончили курсъ и «вышли въ люди»; одинъ теперь докторъ, а другой учителемъ въ гимназіи; оба живы; Анна Ивановна же недавно скончалась.

— Ну, а столяръ Василій Ефремовичъ съ военной службы къ намъ не вернулся и что съ нимъ сталось, доподлинно неизвѣстно,—добавилъ Иванъ Леонтьевичъ.

Поблагодаривъ старика, я вышелъ изъ дома черезъ открытую имъ для меня низкую дверку, ведшую изъ кабинета на садовый балконъ. Садъ напоминалъ прежніе помѣщичьи сады средней полосы Россіи: неизбѣжный круглый газонъ передъ балкономъ, высокія липовыя аллеи, окаймлявшія его, другія пониже, шедшія отъ центра, площадки, обсаженной елями,—подстриженныя, которыми садъ разбивался на «куртины», засаженныя въ большинствѣ яблонями, двѣ бесѣдки, изъ которыхъ одна, построенная на искусственномъ холмѣ, выходила на проѣзжую дорогу, кусты сирени, боярышника и другіе, а въ концѣ сада, у примыкавшей къ нему рощи, сосны и дубы.

Садъ теперь потерялъ свою шаблонность, свободно разросся, заглохъ, одичалъ и былъ великолѣпенъ; на дорож-

кахъ пошла трава, за исключеніемъ главныхъ липовыхъ аллей, въ которыхъ вѣчная тѣнь не давала ничему расти; подстригавшіяся прежде деревья давно уже освободились отъ этой культуры, хотя еще была замѣтна линія, съ которой они пошли расти на вольной волѣ; иныя деревья, постарше и изъ хрупкихъ породъ, захирѣли, вершины у нѣкоторыхъ посохли и обломились, кое-гдѣ крупныя вѣтви выдвигались изъ зелени, сухія, печальныя, безъ листвы, давая чувствовать, что за ними нѣтъ ухода; по лужайкамъ и газонамъ густо засѣла молодая древесная поросль, мѣстами въ травѣ виднѣлись уцѣлѣвшіе, но выродившіеся, «опростившіеся» потомки цвѣточныхъ насажденій, — нѣсколько кустовъ піоновъ, высокіе стебли синихъ Rittersporn, макъ и мелкіе-премелкіе Анютины глазки; обѣ бесѣдки загнили и еле держались, одна вся обвилась дикимъ виноградомъ, уцѣлѣлъ выложенный изъ кирпича гротъ... Все это замѣчательно гармонировало и съ домомъ, и, главное, съ впечатлѣніемъ, которое нельзя было не вынести изъ осмотра усадьбы въ связи съ воспоминаніями и разсказами старика-двороваго о бывшихъ собственникахъ В—на; именно такой садъ и долженъ былъ примыкать къ старому помѣщичьему дому.

Впечатлѣніе это портила только часть сада близъ дома, гдѣ находились яблонныя куртины; яблони поддерживались и подсаживались экономіей, и садъ «сдавался»; благодаря этому въ немъ проживали въ двухъ камышевыхъ шалашахъ караульщики, повидимому, не крестьяне, а неопредѣленнаго званія люди; одинъ былъ обутъ въ лапти, но носилъ выцвѣтшій пиджакъ, у другого на головѣ была городская фуражка, вообще наружностью они напоминали всего болѣе бродягъ съ большой дороги; по куртинамъ въ травѣ были проложены тропинки, валялись бумажки и соръ; около шалашей, на площадкѣ, подъ соломеннымъ навѣсомъ, стояли, вбитые въ землю скамейки и столъ, за которымъ сидѣли, распивая чай, садовщики; тутъ же лежали на соломѣ въ кучкахъ яблоки, въ иныхъ кучкахъ совсѣмъ

маленькія, сморщенныя и полугнилыя, издавая сильный запахъ, смѣшанный съ запахомъ сырой соломы; у одного шалаша на короткой веревкѣ, сдавливавшей ей горло, была привязана мохнатая собака, бросавшаяся съ замѣчательной злобой на каждаго посѣтителя и хрипло лаявшая, а немного въ сторонѣ дымился костеръ съ подвѣшеннымъ надъ нимъ котелкомъ; сторожа, охрипшіе, какъ и ихъ собака, перебранивались. Я обидѣлся въ душѣ на нихъ и на предоставленіе такого милаго поэтичнаго уголка, какъ этотъ запущенный садъ, въ распоряженіе невѣдомыхъ злодѣевъ, и поспѣшилъ уйти.

Да и было пора, я незамѣтно пробылъ очень долго на старой усадьбѣ, уже вечерѣло; Иванъ давно проспался и, мучимый угрызеніями совѣсти, а также, надо думать, физическимъ недомоганіемъ, заложилъ уже лошадей, и ждалъ меня у избы Миная, сидя на козлахъ, мрачный и суровый. Простившись съ Минаемъ и пришедшимъ меня проводить Иваномъ Леонтьевичемъ, я усѣлся въ тележку съ Милордомъ, сперва спавшимъ въ избѣ Миная, а затѣмъ поднявшимъ тамъ неистовый вой, и тронулся домой.

Погода была дивная, лошади, хорошо отдохнувъ и чуя, что мы отправляемся къ себѣ, бѣжали быстро, дорога была ровная, а когда мы въѣхали въ расположенный недалеко отъ В—на сосновый лѣсъ, то стало удивительно хорошо; мы двигались просѣкой, по обѣимъ сторонамъ которой стояли высокія прямыя сосны, сливавшіяся въ глубинѣ въ таинственную сѣрую стѣну, въ воздухѣ чувствовался запахъ хвои, приходилось часто переѣзжать ручьи чистой родниковой воды, струившіеся черезъ просѣку и кое-гдѣ застаивавшіеся въ рытвинахъ. У опушки лѣса, окаймляя ее словно бордюромъ, росли молодые хвойные деревца и кусты; внизу, на зеленомъ коврѣ травы, эффектно выдѣлялись, подобныя экзотическимъ цвѣтамъ, ярко-пунцовыя, желтыя и бѣлыя шапки мухоморовъ, такъ и манившія остановиться и сорвать ихъ, а желтѣвшая песками, видная далеко впередъ, дорога весело блестѣла, освѣщен-

ная лучами опускавшагося сзади насъ солнца; въ лѣсу было тихо, и благодушное, примиряющее настроеніе, навѣваемое этой картиной, не нарушалось даже довольно сильными и неожиданными толчками экипажа, колеса котораго попадали иногда на скрытые пескомъ корни сосенъ.

Когда мы пріѣхали въ Спасское, совсѣмъ стемнѣло, и изъ растворенныхъ оконъ верхняго этажа нашего дома падалъ свѣтъ лампъ на террасу и вершины кустовъ сада, и оттуда доносились веселые голоса...

IV.

Донъ-Педро и Мавра Андреевна.

(Письмо къ Любѣ и Юлинькѣ Прокунинымъ.)

Вы хотите, чтобы я вамъ разсказалъ подробно, кто были «Донъ-Педро» и «Мавра Андреевна», какъ они видались, въ какомъ удивительномъ экипажѣ Донъ-Педро разъѣзжалъ, — однимъ словомъ, всю ихъ волшебную исторію?

Я постараюсь исполнить ваше желаніе, но за успѣхъ разсказа я ручаться не могу, ужъ очень это было давно,— Донъ-Педро и Мавра Андреевна!

Вѣроятно, я половину забылъ изъ того, что зналъ о нихъ. Это было такъ давно, что у родителя вашего тогда на головѣ росли черные, густые волосы, онъ былъ стройный, хорошенькій мальчикъ съ голубыми глазами, а на губахъ и на подбородкѣ у меня не росло не только сѣдой щетины, но даже и пуха, что тогда меня очень огорчало.

Оба мы были веселые, шаловливые мальчики и жили вмѣстѣ въ Москвѣ и въ деревнѣ, и вездѣ намъ было замѣчательно весело. Но похожденія Донъ-Педро и Мавры Андреевны происходили у насъ въ деревнѣ, въ Спасскомъ.

Вы не знаете этого мѣста, да если бы теперь и увидали, то все-таки не узнали бы, такъ оно измѣнилось и состарилось, гораздо больше, чѣмъ мы сами.

Жили мы въ большомъ домѣ, и въ нашемъ распоряженіи находились двѣ комнаты; одна общая, просторная, хорошая, кажется, даже зеленая, гдѣ за ширмами, обклеенными старинными модными картинками, спали я и Herr Strenge; а другая гораздо меньше, гдѣ стояла кровать вашего родителя. Это было превосходное жилище! Подумайте, рядомъ съ нашей большою комнатой — стоило только отворить дверь — помѣщался домашній театръ, и какъ разъ начиналась сцена, стоявшая на подмосткахъ; мы могли или забраться на сцену, за «кулисы», или залѣзть на четвереньках подъ сцену, что было особенно пріятно и весело. На сценѣ былъ занавѣсъ синій, коленкоровый, съ золотою лирой и звѣздами, была суфлерская будка, тоже очень хорошее мѣсто; а тамъ, за занавѣсомъ, шла зрительная зала, гдѣ въ обычное время стояли большой диванъ со спинкой изъ краснаго дерева, обитый желтымъ, тисненымъ «утрехтскимъ» (право, его такъ звали) бархатомъ, такіе же кресла и стулья, а по стѣнамъ висѣли портреты прадѣда, дѣдушки, бабушки и другіе.

Вотъ эти портреты мы не очень любили, и не безъ основанія: бывало, когда идешь одинъ по залѣ, то всѣ они (одинъ — въ красномъ мундирѣ съ голубымъ воротникомъ, напудренный, другой — во фракѣ съ жабо и съ кокомъ, дама въ тюрбанѣ) уставятся глазами и все время, пока бѣжишь мимо, слѣдятъ за тобою.

Всѣ остальныя комнаты, а ихъ было безконечное количество, не представляли опасности; въ одной стоялъ настоящій бильярдъ, но особенно интересная комната, или, вѣрнѣе, каморка, или кладовая, находилась на чердакѣ; на чердакъ мы ходили лѣтомъ, когда гдѣ-нибудь въ окрестности случался пожаръ, чтобы съ бельведера на крышѣ лучше разглядѣть, гдѣ горитъ; такія путешествія мы очень любили и иногда учиняли безъ спроса. Сперва надо было подниматься по темной, узкой винтовой лѣстницѣ, и чѣмъ выше, бывало, поднимаешься, тѣмъ все становилось теплѣе, а когда, наконецъ, выйдешь на громадный чердакъ, то чувствовалась

духота и какой-то особый, нравившійся намъ, запахъ голубями. Въ одномъ изъ закоулковъ чердака помѣщалась та комната, про которую я вамъ говорилъ; обыкновенно она стояла запертою, но иногда мы выпрашивали ключъ и любовались всѣмъ, что тамъ находилось. А тамъ сохранялись рѣдкія вещи: стояла настоящая, но маленькая, деревянная мельница со всѣми колесами и жерновами, двигавшимися правильно, большой, въ ростъ человѣка, бумажный змѣй, висѣли два маленькихъ кремневыхъ ружья, нѣсколько шпагъ, а въ сундукахъ лежали необыкновенныя платья, старинныя треугольныя шляпы, чуть не съ насъ ростомъ, лосиные панталоны прадѣдушки и его военная фуражка, турецкій костюмъ, швейцарскій, казацкія шапки и т. п.; тамъ же стоялъ турецкій барабанъ и хранился кожаный несессеръ-портфель съ массою ящиковъ и отдѣленій, въ одномъ изъ которыхъ я нашелъ баночку съ чѣмъ-то желтымъ и надписью «гишпанскій порошокъ».

Но я отвлекаюсь отъ моего разсказа и, если стану лазать съ вами по всѣмъ комнатамъ и закоулкамъ Спасскаго дома, то никогда не доберусь до Мавры Андреевны. Вернусь поскорѣе къ ней. Владѣніе ея и мѣстожительство находились не очень далеко отъ насъ; стоило только выйти изъ нашей комнаты въ коридоръ, повернуть направо и идти до конца, гдѣ черезъ холодныя сѣни мы проходили въ другой коридоръ и, наконецъ, попадали въ апартаменты Мавры Андреевны.

Вы еще не знаете, кто она была? Маленькая старушка, чистенькая, хорошенькая, одѣтая всегда въ ситцевое платье темнаго цвѣта, съ чернымъ повойникомъ на головѣ, какихъ теперь уже не носятъ, и съ платкомъ на шеѣ, скрещивавшимся и заколотымъ на груди; личико у нея было круглое, крошечное, все въ самыхъ тонкихъ морщинкахъ, совершенно какъ у сушеныхъ яблокъ, и того же цвѣта, и пахло отъ нея тоже сушеными яблоками, право; да оно и понятно: она всю жизнь возилась съ сушеными яблоками и грушами, она была экономкой въ Спасскомъ домѣ, старинной, еще крѣпостной. Вы едва

ли имѣете понятіе о томъ, что такое «крѣпостная», или думаете, что это нѣчто въ родѣ пушки крѣпостной или артиллеріи? Нѣтъ, оно не совсѣмъ такъ: я могъ бы вамъ все это разъяснить, но и такъ мой разсказъ затягивается. Скажу лишь, что теперь больше крѣпостныхъ людей нѣтъ, и слава Богу, но что въ то время ни мы ни Мавра Андреевна отъ ея крѣпостного состоянія не страдали.

Владѣнія Мавры Андреевны были обширны: кромѣ столовой, гдѣ обѣдали всѣ дѣвушки, няни, горничныя, дѣвочки, и гдѣ очень хорошо пахло лукомъ и свѣжеиспеченнымъ ржанымъ хлѣбомъ, кромѣ ея собственной комнаты съ портретомъ отшельника-монаха Саровской пустыни Серафима на стѣнѣ и съ кроватью за перегородкой, кромѣ подваловъ и погребовъ, которые насъ мало интересовали, она завѣдывала на исключительномъ и безконтрольномъ правѣ тремя кладовыми, изъ которыхъ одна была двухъэтажная. Въ этихъ кладовыхъ, содержавшихся такъ чисто, что пылинки нигдѣ не было, и некрашенные полы которыхъ были бѣлы и закрывались дорожками изъ рѣдинны, сохранялись запасы всевозможнаго домашняго лакомства и всякой другой снѣди: на многочисленныхъ полкахъ, въ чудномъ порядкѣ, стояли большія и малыя банки съ вареньемъ текущаго и прошлыхъ годовъ; въ ситахъ, на блюдахъ и на лоткахъ лежали, переложенныя бумагой, всевозможныя смоквы, нѣкоторыя совсѣмъ уже высохшія; въ мѣшочкахъ покоились на полкахъ сушеная земляника и малина, висѣла засахаренная рябина въ пучкахъ, какія-то благовонныя травы и коренья, а главное — на длинныхъ шестахъ, нанизанные на нитки, какъ ожерелья, — сушеные грибы, яблоки и груши. До чего ихъ было много и передать нельзя! И какъ хорошо все это пахло!.. Въ нижней кладовой, изъ которой былъ спускъ въ погребъ, или что-то въ этомъ родѣ, стояли еще банки и бочоночки съ солеными грибами, огурцами и лежали свѣжія яблоки. Я пересчиталъ далеко не всѣ сладости и вкусныя вещи, охранявшіяся Маврой Андреевной; были еще, помню, вяленыя вишни, моченыя яблоки и груши, брусни-

ка, клюква въ сахарѣ, цукаты, каленые и свѣжіе орѣхи, сиропы и другія лакомства. Мы ежедневно послѣ завтрака заходили къ Маврѣ Андреевнѣ и получали отъ нея что-нибудь вкусное, и очень ее любили.

Ну вотъ вамъ Мавра Андреевна. А Донъ-Педро? Это было уже совсѣмъ другое существо. Мы его вѣдь не видали никогда, хотя отлично знали. Онъ днемъ не показывался, а прилеталъ въ совершенно особенномъ экипажѣ по ночамъ. Онъ былъ, несомнѣнно, португалецъ и притомъ, кажется, королевскаго или герцогскаго рода. Ужасно знатный и богатый; лицо у него было желтое, почти оранжевое (у португальцевъ всегда такъ, вѣроятно отъ того, что они много ѣдятъ померанцевъ; тамъ вѣдь это просто, померанцы растутъ на каждомъ шагу, и всякій, идя мимо, сорветъ и съѣстъ), волосы черные, какъ вороново крыло, глаза громадные, тоже черные, блестящіе, а зубы бѣлые; роста онъ былъ небольшого, но коренастый и сильный; мы хотя его не видали, но все это очень хорошо про него знали. Говорилъ онъ только по-португальски, если такой языкъ существуетъ. Мавра Андреевна однако его понимала, хотя сдва ли твердо знала по-португальски. Она одна его и видала: Донъ-Педро былъ ея женихъ. Какъ это случилось, что знатный иностранецъ, потомокъ королей, встрѣтилъ и полюбилъ Мавру Андреевну, незнатную, простую старушку, ужъ не знаю. Оно какъ будто совершенно невѣроятно и объясняется развѣ тѣмъ, что это все было волшебное. А можетъ-быть, онъ не меньше нашего любилъ смоквы и сушеныя яблоки, а вы, конечно, отлично понимаете, что въ Португаліи ни за какія деньги не достанешь ни смоквъ, ни варенья, ни соленыхъ огурцовъ, ни сушеныхъ грибовъ; во всякомъ случаѣ, совершенно невозможнаго тутъ нѣтъ. Любятъ вѣдь не за знатность, а за доброту, ласковость, за простоту душевную, за кротость, а всѣмъ этимъ Мавра Андреевна обладала въ полной мѣрѣ, ну, а португальцы хоть и желтые люди, но все же люди...

Мы не знали, когда состоялось знакомство и помолвка Донъ-Педро съ Маврой Андреевной. Вѣроятно, очень давно, съ тѣхъ поръ, какъ возникъ Спасскій большой домъ. Тогда же сразу явилась Мавра Андреевна и, вѣроятно, Донъ-Педро.

Мы всегда знали, когда онъ прилеталъ, онъ по дорогѣ заѣзжалъ въ нашу комнату. Сколько разъ, бывало, когда мы уже уляжемся на ночь, потушимъ огонь, и я начну засыпать, вдругъ сквозь сонъ слышу знакомые звуки фантастическаго экипажа Донъ-Педро. Ѣздилъ онъ въ какой-то посудинѣ, навѣрное не знаю въ какой, можетъ въ лоханкѣ, можетъ въ рукомойникѣ. Мы не видали, а только слышно было, что по полу быстро-быстро скользитъ что-то въ родѣ рукомойника. Я пробовалъ зажигать свѣчу, чтобы разглядѣть дивный поѣздъ Донъ-Педро, но всегда опаздывалъ; свѣча освѣщала пустую комнату.

Разъ какъ-то я, съ цѣлью захватить врасплохъ Донъ-Педро, приблизительно въ то время, когда онъ имѣлъ обыкновеніе пріѣзжать къ намъ, слѣзъ потихоньку съ кровати, не зажигая свѣчи, и ползкомъ, стараясь не шумѣть, отправился на середину нашей комнаты; но тутъ произошло нѣчто поистинѣ ужасное: я при полной тишинѣ вдругъ столкнулся съ какимъ-то страшнымъ существомъ, тоже ползшимъ молча и прямо на меня по полу. Чудовище вцѣпилось въ меня своими лапами, я дико закричалъ отъ ужаса, похолодѣвъ весь, а чудовище тоже заорало благимъ матомъ... Оно, бѣдное, испугалось больше меня... И тутъ оказалось, что это вовсе не чудовище и даже не Донъ-Педро, а вашъ родитель, который такъ же, какъ и я, хотѣлъ подкараулить Донъ-Педро, и нечаянно въ темнотѣ налетѣлъ на меня. Ахъ, какой это былъ ужасъ, а потомъ смѣхъ!...

Мы съ Маврой Андреевной никогда не говорили о Донъ-Педро, да мы днемъ о немъ и забывали. Ну, а потомъ что было? Не знаю, или, вѣрнѣе, не помню. Пока мы жили въ большомъ Спасскомъ домѣ и зиму и лѣто, Мавра Андреевна и Донъ-Педро существовали, но потомъ не стало ни той ни другого. Они исчезли совсѣмъ, безслѣдно.

Какъ это случилось, не могу себѣ даже представить. Вспоминаю, что потомъ, лѣтомъ, жили мы опять вмѣстѣ въ большомъ Спасскомъ домѣ, но Мавры Андреевны ужъ не было, а была Елизавета Артемьевна, и съ нею не Донъ-Педро, а собачка Дамка, которую она очень любила, хотя ежедневно сѣкла за легкомысленное поведеніе. Впрочемъ, вѣдь Елизавета Артемьевна и прежде существовала, только тогда она была въ «кофишенской» и, кромѣ того, мы думали, что она помѣшанная, и боялись ея; отъ нея пахло ужъ не сушеными яблоками, а кофеемъ и нюхательнымъ табакомъ, и носъ у нея былъ громадный, и она готовила деревенскія лакомства гораздо хуже.

А знаете, что я думаю? Я думаю, что, въ концѣ-концовъ, Донъ-Педро увезъ Мавру Андреевну къ себѣ въ Португалію, женился на ней, и они теперь живутъ тамъ во дворцѣ, на берегу моря, ѣдятъ померанцы (а изъ корокъ Мавра Андреевна дѣлаетъ «бишофъ» и цукаты) и катаются уже вмѣстѣ въ любимомъ экипажѣ Донъ-Педро къ удивленію прохожихъ. И вѣрно, они очень счастливы, чему я отъ души радъ и желаю имъ всего лучшаго въ благодарность за то время, когда они жили съ нами и доставляли намъ столько радости и веселья.

Вотъ и весь мой правдивый разсказъ. Когда нибудь передамъ вамъ еще что-либо изъ далекаго уже нашего дѣтства. Мнѣ самому отрадно вспоминать то счастливое время. Образы прошлаго такъ ясно и живо представляются мнѣ теперь! Сколько лицъ давно уже исчезнувшихъ, и какими милыми, родными они кажутся мнѣ!... Ко всѣмъ нимъ я чувствовалъ тогда какую-то особую любовь и привязанность, и они такъ и остались въ моей памяти согрѣтыми этимъ чувствомъ. Всѣ они вносили свою лепту въ чашу моего дѣтскаго благополучія; въ кругу ихъ протекало мое дѣтство, проведенное въ деревнѣ.

Я совсѣмъ отчетливо вижу, напримѣръ, моего дядьку Григорія Ефимовича, добрѣйшее существо и философа, весьма страдавшаго отъ козней и даже побоевъ строгой и

ехидной супруги своей, не одобрявшей почему-то склонности Григорія къ горячимъ напиткамъ. Помню его, цѣлыми днями сидящаго въ передней за перегородкой на ларѣ, дремлющаго и вяжущаго шерстяные чулки на спицахъ. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрый полуфракъ, бороду брилъ, но усы носилъ, и кончикъ носа его былъ всегда выпачканъ въ нюхательномъ табакѣ, который онъ хранилъ въ берестовой тавлинкѣ. Про него ходила легенда, что въ дни юности онъ провинился чѣмъ-то передъ моимъ прадѣдомъ, и за то въ наказаніе былъ посаженъ верхомъ на молодую, совсѣмъ необъѣзженную, лошадь и спущенъ съ коннаго двора, при чемъ лошадь получила еще ударъ арапникомъ. И будто онъ долго, какъ вихрь, носился по полямъ, лугамъ, лѣсамъ и болотамъ, держась за гриву коня, но уцѣлѣлъ, и къ вечеру вернулся домой пѣшкомъ, ведя подъ уздцы присмирѣвшую лошадь. Онъ самъ подтверждалъ истину этого разсказа и говорилъ, что всего больше боялся тогда испортить лошадь, и что онъ былъ по возвращеніи прощенъ.

А потомъ Ѳедоръ Макаровичъ, обросшій волосами, какъ звѣрь, регентъ и учитель, производившій совершенно невѣроятные голосовые звуки, подобные рыканью льва, при чемъ онъ откидывалъ голову судорожно назадъ, раскрывалъ ротъ, дѣйствительно, до ушей и вращалъ, какъ мельничнымъ жерновомъ, единственнымъ глазомъ, но зналъ и церковную службу, и «уставъ» лучше всякаго пономаря или дьячка; Захаръ Конычъ, бывшая первая флейта доморощеннаго крѣпостного оркестра,—бритый, чистенькій, красивый старикъ съ голубыми глазами, являвшійся откуда-то (мнѣ почему-то казалось, что изъ огорода) въ домъ, лишь когда нужно было настраивать фортепіано, и священнодѣйствовавшій тогда при помощи камертона (онъ прикладывалъ его къ зубу), маленькихъ мѣховъ, гусинаго крыла и полотенца. Токарь «Ивушка», котораго мы ужасно, но неизвѣстно почему, боялись, и много другихъ.

Да, у насъ есть о чемъ вспомнить. Рѣдко кому такъ весело и хорошо жилось въ дѣтствѣ, какъ намъ.

Вотъ еще что: вамъ, пожалуй, и послѣ моего разсказа не совсѣмъ понятно, кто былъ Донъ-Педро? Я вамъ скажу все по правдѣ: его на самомъ дѣлѣ вовсе не существовало; мы придумали его и произвели въ женихи Мавры Андреевны; у насъ была такая игра—«въ Донъ-Педро», при которой фантазія наша не знала границъ, а иногда передъ сномъ, въ темнотѣ, мы пугали имъ другъ друга. Ну, теперь ужъ я вамъ все рѣшительно разсказалъ. До свиданія!

V.

Святовскіе помѣщики.

Широко и далеко раскинувшаяся луговина окаймлена тихой глубокой рѣкой, словно лентой, то голубой, то серебристо-бѣлой, протекающей по зеленому ковру поемныхъ луговъ. Въ одномъ мѣстѣ, на томъ берегу, къ рѣкѣ вплотную подошелъ лѣсъ; за рѣкой, лѣвѣе лѣса, большое село съ церковью и высокою колокольней. Съ этой же стороны луговины, гранича съ пологой возвышенностью, поросшей кустарникомъ и рѣдкимъ невысокимъ соснякомъ, лежитъ озеро «Святое». Въ длину оно не менѣе двухъ верстъ, въ ширину мѣстами съ полверсты, а то и больше, и въ срединѣ очень глубокое, бездонное; лишь у одного края озеро поросло камышомъ и кугой, а то оно все на виду, чистое, ласковое, веселое при солнечномъ свѣтѣ, покойно лежащее въ изумрудной оправѣ луговъ.

Не знаю, таковы ли теперь эти луга, не пересохло и не заросло ли камышомъ и осокой свѣтлое озеро, уцѣлѣлъ ли, на радость людямъ и иной живой твари, прибрежный лѣсъ; я давно не былъ въ этихъ мѣстахъ, но я ихъ вижу въ воспоминаніи такъ же явственно и въ той же тихой прелести русской

природы, какъ и въ то очень ужъ дальнее время, когда я охотился въ «святовскихъ» лугахъ по красной дичи и по уткамъ.

Дичи теперь, конечно, гораздо меньше, а, пожалуй, и совсѣмъ нѣтъ; было же ея тутъ несосвѣтимое множество, особенно утокъ. Августовскими вечерами, на зарѣ, на озеро и съ озера (изъ камышей его) къ ольховымъ и ивовымъ кустамъ, около которыхъ всегда было сыро, а въ дождливые годы вода стояла чуть не по колѣно, утка шла непрерывно, сначала высоко, потомъ низко, кружась и выбирая мѣсто гдѣ опуститься, шла въ одиночку, тройками, цѣлыми стайками; не успѣваешь бывало ружье заряжать. Я какъ сейчасъ вижу ольховое деревцо, выросшее на кочкѣ, у котораго я убилъ на вечернемъ перелетѣ первую мою утку, упавшую грузно мнѣ прямо подъ ноги въ воду и обдавшую всего меня брызгами.

Не одна охота, и рыбный спортъ увлекалъ меня нерѣдко на озеро; въ немъ ловились великолѣпные лини, караси и карпіи. Вотъ тутъ-то я и узналъ изъ разсказовъ мѣстныхъ крестьянъ, что озеро бездонно посрединѣ и, несмотря на названіе «Святое», очень не безопасно. Часто дѣти, купаясь въ немъ на мелкомъ мѣстѣ, тонули неизвѣстно отчего; а разъ—это было ужъ въ мое время—утонуло днемъ двое молодыхъ крестьянскихъ парней, переѣзжавшихъ озеро на лодкѣ, хотя не было ни бури ни даже сильнаго вѣтра. Какъ именно случилось такое невѣроятное несчастіе—не выяснилось; никто не былъ свидѣтелемъ происшествія, и лишь опрокинутая лодка, прибитая вѣтромъ къ берегу, навела на мысль, что сѣдоки ея утонули. На слѣдующій день тѣла ихъ, дѣйствительно, вытащили изъ озера, постерегли нѣсколько дней на берегу въ шалашѣ до прибытія властей, порядка ради «выпотрошили», но потомъ все-таки похоронили. Однако дѣло этимъ не обошлось, и вскорѣ оба утопленника стали показываться въ народѣ. Ночью, даже еще вечерами, ихъ встрѣчали разъѣзжавшими на тройкѣ лихихъ лошадей съ колокольчикомъ, бубенцами, со вплетенными въ гривы коней разноцвѣтными лентами. И они, ве-

селые, съ гармониками, кричали встрѣчнымъ знакомымъ: «Вотъ мы теперь какъ!» Такое несоотвѣтственное поведеніе «упокойниковъ» крайне тревожило и смущало населеніе, особенно женскую его половину; но вскорѣ, къ счастью, веселые разъѣзды утопленниковъ кончились, и разъ, уже поздней ночью, они явились синіе, распухшіе, мокрые, какъ оно полагается въ ихъ положеніи, одинокой старухѣ, приходившейся имъ теткой, въ ея избѣ, и слезно молили отслужить по нимъ девять панихидъ.

— А то намъ плохо, — жаловались они, — тамъ насъ каждый день порютъ. За то порютъ, будто мы самовольно, не спросясь, пришли. А намъ гдѣ же спрашиваться! Мы и сами не рады, что потонули, съ пьяныхъ глазъ попали въ омутъ!

Старуха не пожалѣла денегъ, заказала попу и отслужила девять панихидокъ, и утопленники успокоились и больше ужъ никому не показывались. Такъ разсказывали мнѣ сопровождавшіе меня на охотѣ и рыбной ловлѣ крестьянскіе мальчики. На томъ мѣстѣ, гдѣ вытащили парней, на берегу, былъ поставленъ деревянный, некрашенный крестъ съ образомъ подъ навѣсцемъ, и на немъ было начертано мало разборчиво: «Помолитесь объ утопшіихъ рабахъ Божіихъ Алексѣѣ и Парфенѣ». И всякій, проходя мимо креста, снималъ шапку, крестился и, какъ умѣлъ, молился. Не сомнѣваюсь, что крестъ на берегу давно уже истлѣлъ, и никто не укажетъ даже мѣста, гдѣ онъ стоялъ, и что самая память объ «утопшіихъ» парняхъ исчезла.

Но кого тоже нѣтъ больше, это довольно многочисленныхъ прежнихъ обитателей, а частью даже собственниковъ, описанной мной мѣстности, цѣлаго поселка мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, пріютившихся со своими усадебками близъ озера на песчаныхъ буграхъ, за которыми, всего черезъ оврагъ, расположилась небольшая деревня бывшихъ ихъ крѣпостныхъ. Сельцо, насколько мнѣ извѣстно, уцѣлѣло и даже разрослось, а помѣщики и усадьбы ихъ исчезли съ лица земли, словно ихъ никогда и не было. Тамъ живетъ

теперь, говорятъ, новый землевладѣлецъ, и имъ возведенъ новый домъ и новыя хозяйственныя постройки. Но мнѣ памятны прежніе обитатели песчаныхъ холмовъ, типичные представители отжившаго свой вѣкъ класса; я всѣхъ ихъ лично хорошо зналъ съ самаго дѣтства моего.

Ихъ было три отдѣльныхъ гнѣзда; усадьбы соприкасались, но были разграничены частью деревянными заборами, частью просто плетеной изгородью, всего же больше—идейно; каждая усадьба жила своей особой, самостоятельной жизнью, нисколько не завися отъ сосѣдей, но невольно, въ виду территоріальной близости, входя съ ними въ тѣ или другія отношенія, хозяйственныя, дружескія, вражескія; всякія чувства взаимно переживались сосѣдями.

Въ первой отъ луговины усадьбѣ проживала на правахъ собственницы Корнелія Петровна Нижинская, вдова столбового дворянина, бывшаго городничимъ въ какомъ-то уѣздномъ городѣ. Корнелія Петровна была бездѣтна, но воспитывала, какъ родного сына, племянника.

Я помню Корнелію Петровну уже старушкой, и какой прелестной! Бываютъ старушки, красота которыхъ, нравственная и физическая, миловидность и обаяніе развиваются съ годами. Именно такой классической старушкой была помѣщица Нижинская; кажется, въ молодости она ничего особеннаго изъ себя не представляла, а была просто необходимой принадлежностью жизненнаго обихода мужа, служившаго сперва по военной, а потомъ укрѣпившагося на гражданскомъ поприщѣ въ завидномъ званіи городничаго. Корнелія Петровна была хорошо образована, по-тогдашнему, конечно; она воспитывалась въ институтѣ для благородныхъ дѣвицъ, играла на фортепіано, рисовала акварелью и говорила по-французски. Она во всю свою брачную жизнь нѣжно любила своего городничаго и при немъ никакой самостоятельности не имѣла и не искала, во всемъ убѣжденно и охотно покоряясь ему.

Овдовѣвъ, Корнелія Петровна потерялась было и чуть не погибла. Все имущество, остававшееся послѣ Нижинскаго,

состояло изъ коллекціи трубокъ, одежды и неважной домашней обстановки; были и долги. Самой Корнеліи Петровнѣ принадлежало небольшое имѣньице съ усадебкой при «Святомъ» озерѣ и сельцѣ того же наименованія, но заложенное въ опекунскомъ совѣтѣ, всего только двое дворовыхъ, да душъ тридцать крѣпостныхъ крестьянъ, ходившихъ на оброкѣ. Корнелія Петровна такъ была убита горемъ и растерялась, до того почувствовала себя безпомощной, одинокой и никому не нужной, что утратила смыслъ жизни, захворала и захирѣла; къ себѣ въ деревню она не поѣхала, отпустила дворовыхъ и, продавъ часть движимости, осталась въ томъ городкѣ, гдѣ служилъ и скончался ея мужъ, ни о чемъ не думая и ничего не ожидая.

Въ это время полной ея апатіи, граничившей съ психической болѣзнью, случилось такъ, что умеръ братъ Нижинской и оставилъ ей въ наслѣдство, вмѣсто денегъ или имѣнія, своего сына, мальчика лѣтъ пяти, которому некуда было пріютиться; мать его еще при жизни отца бросила семью и проживала неизвѣстно какъ и гдѣ. Мальчика привезли и сдали Нижинской, и ей пришлось, хотя и черезъ силу, ради племянника, подумать о своемъ и его дальнѣйшемъ существованіи. Въ ней, подъ вліяніемъ чувства долга и необходимости, проснулись дремавшія энергія и жизненность, она воспрянула духомъ, и лѣтъ черезъ восемь послѣ пріема на воспитаніе племянника жила уже въ своемъ имѣньицѣ, хорошо устроясь и почти ни въ чемъ не нуждаясь; племянника она помѣстила въ кадетскій корпусъ на казенный счетъ, какъ круглаго сироту.

Корнеліи Петровнѣ удалось заплатить долги и хорошо устроиться, благодаря собственнымъ усиліямъ, да и судьба помогла. Она лѣтъ пять провела, мыкаясь по чужимъ людямъ въ качествѣ компаньонки, учительницы и бонны; гдѣ-то она даже за это время ногу сломала. Получала она гроши, тѣмъ болѣе, что въ ея условія входило разрѣшеніе племяннику жить при ней. Хотя она откладывала зарабатываемыя деньги и ничтожный оброкъ, получаемый съ крестьянъ,

но не жить бы ей помѣщицей на своей усадьбѣ, если бы ей неожиданно не достался небольшой капиталъ; она выиграла, длившійся уже болѣе десяти лѣтъ, судебный процессъ, начатый еще ея мужемъ, о которомъ она совсѣмъ забыла, и получила наличными деньгами тысячъ десять. Съ этого момента началось ея благополучное, хотя въ началѣ и хлопотливое, существованіе уже въ собственномъ имѣніи; матеріальному благополучію ея не повредила даже «эмансипація»; напротивъ, полученная выкупная ссуда пошла ей на пользу.

Корнелія Петровна была маленькаго роста, миніатюрная старушка съ совершенно бѣлыми волосами, гладко причесанными на виски, румяная, съ свѣтло-голубыми глазами и мягкой улыбкой. Я увѣренъ, что всѣ видали такихъ хорошенькихъ старушекъ, если не въ живыхъ, то на старинныхъ портретахъ. На головѣ она носила тюлевый бѣлый чепчикъ съ такой же рюшкой, завязывавшійся подъ подбородкомъ лиловыми или коричневыми лентами, бантомъ; она ходила прихрамывая и опираясь на палку, но очень быстро; одѣта была точно въ одинъ и тотъ же, не имѣвшій износа, черный капотъ, перетянутый поясомъ съ черной же, не снимавшейся никогда, пелеринкой на плечахъ; на рукѣ у нея висѣлъ «ридикюль», или, попросту, бархатный мѣшокъ. Въ особенно торжественные и праздничные дни Корнелія Петровна надѣвала того же фасона капотъ, но свѣтло-сѣрый, и чепчикъ съ бѣлыми лентами. Въ ридикюлѣ у Корнеліи Петровны было много вещей; я его въ свое время основательно изучилъ (я былъ лишь немногимъ моложе ея Миши и очень друженъ съ нимъ); кромѣ обыкновенныхъ вещей, въ родѣ носового платка, футляра съ очками, связки ключей, въ мѣшкѣ обрѣтались еще печатка о двухъ концахъ, изображавшая на одной сторонѣ мало одѣтаго юношу съ крылышками, держащаго въ вытянутой рукѣ конвертъ, и надписью вокругъ сего изображенія «лечу», а на другой сторонѣ—дерево, подъ коимъ, столь же мало одѣтый, мужъ копаетъ заступомъ землю, съ надписью «работаю», эмалированная табакерка съ чьимъ-то портре-

томъ, часы съ золотымъ циферблатомъ подъ стекломъ съ одной стрѣлкой—«брегетъ», почему-то не шедшій, но особенно цѣнившійся Корнеліей Петровной, и, наконецъ, завернутые въ бумажку палочки и кусочки чего-то твердаго, чернаго,—reglisse, лакрицы по увѣренію старушки, отвратительные на вкусъ, но полезные отъ разныхъ болѣзней, которыми меня Корнелія Петровна всегда кормила, а я, не отказываясь, ѣлъ, потому что какъ-никакъ, а они все-таки были сладки, и потому еще, что Миша ѣлъ ихъ съ убѣжденіемъ и считалъ лакомствомъ.

Корнелія Петровна по вечерамъ любила играть на фортепіано и обыкновенно играла что-нибудь трогательное, жалостное, такъ что сама плакала, и мы, дѣти, за нею тоже; помню мазурку Огинскаго, «La derniére pensée de Weber», «Adieu» Шуберта; но иногда она играла для насъ «казачка», какъ-то особенно, какъ теперь не играютъ, очень просто, а въ то же время пріятно. Вообще отъ музыки Корнеліи Петровны вѣяло самымъ началомъ девятнадцатаго вѣка; ея игра была подобна ей самой: тихая, нѣжная, миніатюрная, наивная. Я бы дорого далъ, чтобы услышать теперь такую игру, и вѣрно опять всплакнулъ бы, но секретъ ея, хотя и неважный и ненужный, утерянъ.

Корнелія Петровна въ отношеніи чувствъ и мыслей, не касавшихся хлѣба насущнаго, осталась институткой стараго времени, наивной, жеманной, легко склонной къ слезѣ и умиленію, страстно религіозной и сентиментальной; она любила цвѣта розовый, голубой, лиловый, вообще все нѣжное, чувства благородныя, разговоры изящные, вводила въ рѣчь массу французскихъ словъ и фразъ, считала деликатность и чистоту необходимыми условіями порядочной жизни. Она имѣла твердыя правила и новшествъ не переносила. Воспитанность ея доходила до того, что она говорила не входъ, а «антре», не бесѣдка, а «боскетъ», не прогулка, а «променадъ». Конечно, она произносила: колидоръ, фершалъ, флигерь, секлетарь, таперича, энтотъ... Милая Корнелія Петровна! Она была смѣшна во мно-

гомъ, но такъ искренно добра, что ей все можно было простить

Маленькій домикъ ея стоялъ на вершинѣ холма, окруженный съ трехъ сторонъ хозяйственными постройками, образовавшими его дворъ; съ четвертой стороны былъ расположенъ, спускавшійся покато къ лугу и озеру, садъ; у самаго дома былъ разбитъ цвѣтникъ, напоминая въ маленькомъ видѣ сады крупныхъ помѣщичьихъ усадьбъ; тутъ былъ и круглый газонъ, обсаженный пунцовыми и розовыми піонами, и длинныя грядки, вдоль прямыхъ дорожекъ, съ тюльпанами и нарциссами, такія же грядки съ «царскими кудрями» и лиліями, даже одна круглая клумба центифольныхъ розъ, а вдоль ограды поднимали свои стебли высокіе риттершпоры и мальвы; внизъ шли аллеи изъ подстриженныхъ акацій, было много сирени, дикаго жасмина и шиповника; ниже цвѣтника или палисадника, какъ тогда говорили, стояли яблони и груши; садъ составлялъ гордость владѣлицы имѣнія.

Самый домъ былъ невзраченъ и невеликъ, комнатъ въ пять, если не считать неотапливавшагося мезонина; конечно, деревянный, сѣрый, съ красной тесовой крышей, онъ не обладалъ никакими архитектурными украшеніями и даже былъ лишенъ обычныхъ бѣлыхъ колоннокъ. Входъ въ него былъ со двора черезъ крыльцо и сѣни и велъ въ залу, она же и гостиная, гдѣ было сосредоточено все лучшее и драгоцѣнное изъ вещей: продолговатое, желтаго цвѣта, фортепіано, китайскій бильярдъ, часы въ деревянномъ, высокомъ футлярѣ, зеркало въ рамкѣ изъ краснаго дерева, такая же мебель и плохіе портреты замѣчательно уродливыхъ чьихъ-то предковъ. Изъ остальныхъ комнатъ помню еще «дѣтскую», гдѣ жилъ Миша во время отпусковъ, съ изразцовой лежанкой и обоями, изображавшими картины англійской охоты съ гончими.

Управлялось маленькое имѣніе Нижинской не ею самой, а единственнымъ бывшимъ ея дворовымъ человѣкомъ Александромъ Дормидонтовичемъ. Какъ только Корнелія

Петровна, разбогатѣвъ, оставила жизнь въ чужихъ людяхъ и водворилась въ «Святомъ», она призвала къ себѣ на помощь Александра, отпущеннаго ею въ годы бѣдствій. Сей мужъ къ ея счастью оказался проживающимъ по сосѣдству въ качествѣ лѣсного сторожа и, конечно, съ восторгомъ принялъ предложеніе своей госпожи и, переѣхавъ на старое свое пепелище, досталъ изъ сундука прежнее свое одѣяніе и сдѣлался опять дворовымъ и фактотумомъ Нижинской. Онъ былъ и управляющій, и садовникъ, и дворецкій, и лакей, и кучеръ своей барыни, и вѣрный другъ ея, а жена его раздѣляла съ нимъ бразды правленія несложнымъ усадебнымъ и полевымъ хозяйствомъ. Александръ былъ человѣкъ не пьющій, въ достаточной степени честный, т.-е. не обижалъ своей барыни, не забывая однако о томъ, что у него есть свои дѣти, и былъ барынѣ преданъ, т.-е., попросту, любилъ ее, считая свое существованіе органически связаннымъ съ нею, а еще больше съ самой усадьбой, со всѣмъ обиходомъ ихъ совмѣстной, и для него идеальной, жизни. Видъ Александръ имѣлъ чрезвычайно благообразный; бороду и усы онъ брилъ по собственному желанію, оставляя почему-то самые короткіе бакенбарды около ушей; носилъ онъ кафтанъ табачно-сѣраго цвѣта, очень долгополый, съ массою мелкихъ пуговицъ необыкновенно узкими рукавами и буфами на плечахъ и высокіе сапоги; выраженія на лицѣ у него не было никакого: такъ, просто лицо; глаза, носъ, ротъ,—все это есть, но самое обыкновенное, безъ личнаго оттѣнка. У барыни и у знакомыхъ господъ онъ цѣловалъ ручку.

Ближайшимъ сосѣдомъ Корнеліи Петровны состоялъ Александръ Ивановичъ Мальковъ, купившій это имѣніе, въ нѣсколько разъ большее участка Нижинской, по выходѣ въ отставку изъ исправниковъ. Оставленіе службы Мальковымъ произошло, кажется, не совсѣмъ добровольно, но это обстоятельство не помѣшало ему, по слухамъ, сохранить въ цѣлости оставшуюся отъ покупки имѣнія часть благопріобрѣтеннаго на службѣ капитала. Мальковъ былъ не дворянскаго рода, а дослужился до коллежскаго асес-

сора, дававшаго въ то время дворянство, на Кавказѣ. Купилъ онъ имѣніе еще при крѣпостномъ правѣ, съ крестьянами, которые однако, не будучи достаточно свѣдущи въ отечественныхъ законахъ, усомнились въ правѣ новаго помѣщика — не столбового дворянина, владѣть ими, и отказались было отъ повиновенія ему; дѣло чуть было не дошло до бунта, но, въ концѣ-концовъ, крестьяне смирились. Случай этотъ не послужилъ къ установленію добрыхъ отношеній между обѣими сторонами, а такъ какъ новый помѣщикъ сразу проявилъ себя суровымъ и не стѣсняющимся ни въ чемъ передъ безсильнымъ человѣкомъ, а также цѣнителемъ розги, то онъ оказался скоро окруженнымъ злою враждой своихъ подданныхъ, не прекратившейся и при освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости, тѣмъ болѣе, что Мальковъ продолжалъ эксплуатировать своихъ бывшихъ крестьянъ.

Мальковъ былъ холостъ, но вскорѣ послѣ пріобрѣтенія имѣнія завелъ себѣ экономку изъ своихъ же крестьянокъ, спокойно взявъ ее къ себѣ въ домъ отъ живого мужа, которому было возбранено даже показываться на барской усадьбѣ. Помимо экономки, которую онъ, несмотря на то, что она родила ему дочь, преспокойно сѣкъ въ случаяхъ пропажи какой-либо вещи, или иного непорядка въ кладовой, Мальковъ не стѣснялся и иными амурными предпріятіями у себя же на дому, и молва приписывала ему въ этомъ отношеніи множество пороковъ и дѣяній, которыхъ онъ, быть-можетъ, на самомъ дѣлѣ и не совершалъ. Изъ себя Мальковъ былъ нехорошъ: крѣпко сложенный, моложавый старикъ, высокій ростомъ, худой, съ гладко-выбритымъ, совершенно краснымъ, мясистымъ лицомъ, съ какой-то развинченной походкой, бѣгающими глазами и рѣдкими безцвѣтными волосами, — онъ былъ прямо-таки противенъ.

Человѣкъ онъ былъ неглупый и отлично сознавалъ, какъ къ нему относится сосѣднее крестьянство. Но этимъ онъ не стѣснялся, а принялъ лишь свои мѣры: взялъ съ воли двухъ крѣпкихъ молодцовъ въ караульные, завелъ на ок-

нахъ ставни, а на дверяхъ крѣпкіе замки, на ночь спускалъ съ цѣпи нѣсколько злыхъ собакъ съ добраго волка ростомъ, и перенесъ день на ночь. Всей округѣ было извѣстно, что Александръ Ивановичъ встаетъ съ постели при наступленіи темноты и ложится спать, когда разсвѣтетъ. Часть его домашней прислуги тоже не смѣла спать, пока онъ бодрствовалъ. Обѣдалъ онъ въ 12 часовъ ночи, а ужиналъ къ утру, остальное же время проводилъ въ томъ, что ходилъ по пустымъ комнатамъ своего дома и пилъ водку. Черезъ каждые полчаса можно было слышать, какъ онъ громко кричалъ: «Ванька, полводки!» И Ванька-казачокъ моментально подавалъ ему на подносѣ полрюмки какой-нибудь настойки, которую онъ сразу выпивалъ, не закусывая. Очевидно, Мальковъ былъ чрезвычайно крѣпокъ на вино, потому что онъ подъ конецъ даже длинной зимней ночи, послѣ массы «полводокъ», стоялъ и ходилъ на ногахъ твердо и не предпринималъ ничего особеннаго; онъ выкуривалъ также много трубокъ и иногда «занимался», а именно что-то высчитывалъ, щелкалъ счетами и записывалъ на бумажкѣ.

Исключенія изъ описаннаго образа жизни Мальковъ допускалъ, когда приходилось самому присмотрѣть за хозяйствомъ, поѣхать куда-либо по дѣлу или къ сосѣдямъ въ гости, отъ чего онъ никогда не отказывался; но къ себѣ онъ никого не звалъ, даже на именины.

Почти единственнымъ посѣтителемъ его былъ настоятель недалекой приходской церкви, старичокъ съ красными, подслѣповатыми и слезящимися глазами, беззубымъ ртомъ и дрожащимъ голосомъ, очень пристрастный къ вину; его Александръ Ивановичъ принималъ во всѣ установленные для крестнаго хожденія дни и, кромѣ денежной мзды, угощалъ на славу, требуя себѣ однако за это почета въ церкви, подношенія просфоръ и т. п. Мальковъ къ церкви «прилежалъ» и даже пожертвовалъ разъ довольно крупную сумму на пріобрѣтеніе новаго колокола, но постовъ дома не придерживался. Слуховъ его жизнь, дѣйствительно оригинальная, вызывала очень много, и не было странности, которой бы не повѣрили

въ отношеніи Малькова; въ народѣ говорили про него, что онъ водится съ чертями, что онъ бѣглый каторжникъ, а то нанятый англичанами шпіонъ и т. п.; его вообще побаивались. А былъ онъ на самомъ дѣлѣ, какъ надо думать, просто самодуръ-пьяница, цинникъ, человѣкъ безъ нравственныхъ устоевъ, довольствовавшійся въ жизни, особенно подъ старость, удовлетвореніемъ самыхъ грубыхъ склонностей, человѣкъ не глупый, но опустившійся.

Очень близко отъ дома Малькова стояла совсѣмъ разоренная на видъ усадебка дворянъ Корягиныхъ. Одноэтажный деревянный домъ, потемнѣвшій отъ старости, былъ покрытъ камышомъ и походилъ больше на сарай; крылечко его сильно покосилось на бокъ, балконъ со сходней совсѣмъ обвалился, ставни на окнахъ наполовину отпали, садикъ заглохъ, и изъ-за забора его виднѣлись, вмѣсто мальвъ и иныхъ цвѣточныхъ растеній, подсолнечники, кропива и, роскошно развившійся и поднявшійся кверху, бурьянъ. Но кусты сирени уцѣлѣли на спускѣ къ озеру; они такъ же дивно благоухали весной, какъ и въ иныхъ садахъ, а соловьи такъ заливались въ нихъ въ теплыя майскія ночи, что старый-престарый слуга Корягиныхъ, каморка котораго выходила окномъ въ садъ, не могъ иной разъ заснуть и ворчалъ:

— Черти куцые, горлодеры, только и знаютъ, что по ночамъ орутъ! Пожили бы съ мое, такъ не горланили бы зря.

Корягины жили очень плохо и бѣдно. Ихъ «эмансипація», заставшая имѣньице обремененнымъ долгами, при отсутствіи въ то время дешеваго кредита, доконала. Семья эта состояла изъ старухи-матери, давно овдовѣвшей, сына и пяти дѣвицъ, младшая изъ которыхъ воспитывалась на дворянскій счетъ въ мѣстномъ губернскомъ институтѣ, а старшей было за тридцать лѣтъ. Вся семья существовала не на доходы съ имѣнія, которыхъ еле хватало на внесеніе процентовъ по залогу, а на деньги, посылаемыя молодымъ Корягинымъ, служившимъ гдѣ-то и получавшимъ сравнительно порядочное жалованье. Имѣнье давало жилище, солому для топлива

и дешевую прислугу, а жизнь въ деревнѣ не требовала почти никакихъ расходовъ. Но зато какая это была сѣрая, скучная жизнь! Тоскливая, безпросвѣтная до одурѣнія. Старуха Варвара Николаевна удовлетворилась бы ей, но всѣ четыре дочери изнывали и убитымъ видомъ своимъ мучили невольно и мать. Двѣ старшія (всѣ онѣ были изъ себя недурны) помнили, какъ онѣ при жизни отца ѣздили съ нимъ въ гости къ сосѣдямъ-помѣщикамъ, «принимали» у себя, даже провели разъ въ вихрѣ веселія, въ какомъ-то чаду блаженства, три недѣли въ губернскомъ городѣ на дворянскихъ выборахъ. Онѣ тамъ танцовали, участвовали въ живыхъ картинахъ, катались, кокетничали, за ними ухаживали офицеры, одинъ гусаръ даже признался въ любви; онѣ надѣвали кисейныя платья декольте, какъ настоящія барышни; старшая, Лидія, пѣла при гостяхъ романсы и получала одобреніе, на горизонтѣ вырисовывался даже «женихъ», — этотъ спаситель отъ домашней скуки и безплоднаго завяданья...

И все это пошло прахомъ со смертью отца и послѣднимъ размѣненнымъ выкупнымъ свидѣтельствомъ. Всѣ четыре дѣвицы получили домашнее (деревенское) воспитаніе, готовились лишь къ выходу замужъ за кого угодно; ни въ учительницы, ни на иное дѣло онѣ не годились, да такого дѣла въ то время еще и не было для молодыхъ дѣвушекъ въ провинціи. Наняться въ бонны, экономки, горничныя онѣ не могли: никто не взялъ бы ихъ, столбовыхъ дворянокъ! Да онѣ и сами лучше съ голода умерли бы, чѣмъ пойти въ услуженіе.

И вотъ онѣ сидѣли у себя дома и тосковали: туалетовъ не было, приличнаго экипажа и лошадей не было, сносной прислуги не было, въ домѣ стоялъ зимой жестокій холодъ, отовсюду дуло, лѣтомъ онъ протекалъ; даже свѣчи и керосинъ надо было беречь и рано тушить огонь, книгъ не имѣлось, и не откуда ихъ было достать. А у Лидіи уже появились первые сѣдые волосы, она худѣла, желтѣла, «сохла»; сломался зубъ, и его пришлось замѣнить воскомъ; да и Варѣ уже стукнуло 29 лѣтъ, и ея когда-то пышная коса замѣтно

порѣдѣла. Кругомъ — никого, ни одного настоящаго знакомаго. Зимой только и развлеченья, что надоѣвшая церковь по воскресеньямъ, да посѣщенія Корнеліи Петровны, которая хотя и добра къ нимъ, но скуки ихъ разогнать не въ состояніи.

Лѣтомъ еще жизнь возможна: уже весна приноситъ, хоть и обманчивыя и неопредѣленныя, но сладкія надежды и мечты, даже вѣру во что-то лучшее. И запущенный садъ весной все-таки хорошъ; красивъ видъ на луга, озеро и лѣсъ; тепло, свѣтло, даже вѣтеръ и тотъ ласкаетъ. Одѣться къ лицу легче: самое простое ситцевое платье, розовый или голубой платочекъ на голову, и выходитъ хорошо... Еще недавно Варя въ лѣсу встрѣтила неожиданно незнакомаго молодого человѣка, видимо помѣщика, шедшаго съ ружьемъ черезъ плечо, одѣтаго въ сѣрый костюмъ, въ тирольской шляпѣ съ перомъ на головѣ... При видѣ его Варя сконфузилась и трепетно остановилась, а онъ, снявъ шляпу, любезно раскланялся, свиснулъ собаку и пошелъ дальше... И она потомъ его уже ни разу не встрѣчала, сколько ни ходила въ лѣсъ. Но все-таки лѣтомъ «охотникъ» можетъ встрѣтиться; вѣдь ходитъ же онъ гдѣ-нибудь со своей собакой! Лѣтомъ ягоды, грибы, купанье въ озерѣ и визита два сосѣднимъ богатымъ помѣщикамъ, пріѣзжающимъ въ свое имѣніе съ мая до сентября, визиты, вызывающіе массу хлопотъ, приготовленій, волненій и наполняющихъ надолго жизнь. Но проходятъ весна и лѣто, не сдержавъ туманныхъ обѣщаній, и надвигается ужасная для одинокихъ, незанятыхъ людей, живущихъ бѣдно въ затерянной въ глуши деревнѣ, осень, холодная, вѣтреная, мокрая, до того грязная, что нельзя выйти изъ дома; и гнетущая тоска охватываетъ обитательницъ третьей «Святовской» усадьбы, и ужъ не отстаетъ во всю зиму. Вся надежда бѣдныхъ старѣющихъ барышень сосредоточилась на братѣ: быть-можетъ, онъ разбогатѣетъ и возьметъ ихъ къ себѣ въ городъ. Городъ, общество, движеніе, свѣтъ — это спасеніе, это счастье!

Въ описываемое время Миша уже былъ произведенъ въ офицеры и, гостя у тетушки, бывалъ, конечно, у Корягиныхъ, развлекая дѣвицъ, изъ которыхъ младшая была даже въ него влюблена; но самъ онъ въ то время увлекся тамъ, гдѣ этого всего менѣе слѣдовало ожидать. Къ Александру Ивановичу Малькову переѣхала на жительство незаконнорожденная дочь его Анюта, которую онъ съ десяти лѣтъ отдалъ для воспитанія въ городской пансіонъ. Къ 17 годамъ она тамъ кончила курсъ, и отецъ, чувствовавшій къ ней нѣкоторую привязанность, — кажется, единственное его человѣческое чувство,—взялъ ее къ себѣ навсегда; матери ея, экономки, уже не было въ живыхъ. Положеніе дѣвушки было незавидное, отецъ ея продолжалъ вести тотъ же дикій образъ жизни и съ ближайшими сосѣдями своими, Нижинской и Корягиными, не видался, находясь съ ними въ ссорѣ.

Съ Корягиными онъ и самъ не желалъ имѣть никакихъ отношеній въ виду ихъ абсолютной бѣдности, а съ Корнеліей Петровной онъ не прочь былъ бы «водиться», но она сама порвала съ нимъ всякія сношенія вскорѣ по переѣздѣ ея въ Святое. Мальковъ зашелъ къ ней познакомиться, какъ сосѣдъ, и сразу же ей не понравился, а тамъ до ея слуха дошли не подлежавшія сомнѣнію вѣсти о томъ, что онъ открыто живетъ съ крестьянкой, чужой женой, разлучивъ ее самовольно съ законнымъ мужемъ, что онъ, не довольствуясь этимъ, имѣетъ и другихъ наложницъ, и все это явно, что онъ по ночамъ пьетъ и куритъ, а днемъ спитъ, что онъ, несмотря на посѣщенія церкви и пожертвованный колоколъ, въ сущности безбожникъ, такъ какъ даже въ страстную пятницу пьетъ чай со сливками, что онъ не честенъ въ расчетахъ со своими же крестьянами и, на чемъ только можетъ, прижимаетъ ихъ. Узнала все это Корнелія Петровна, и душа ея воспылала негодованіемъ къ сосѣду, оскорблявшему ея чувства всей своей жизнью, а негодованіе это еще усугубилось, когда въ первый же праздникъ она стала свидѣтельницей того, какъ въ церкви Малькову поднесли просфору и

какъ онъ первый важно подходилъ ко кресту. Затѣмъ одно за другимъ послѣдовали событія, все болѣе и болѣе обострявшія враждебныя чувства Корниліи Петровны: приказчикъ и подручный Александра Ивановича соблазнилъ и совратилъ съ пути истины горничную, дѣвушку Нижинской (по наущенію Малькова, конечно, рѣшила Корнелія Петровна); одну изъ дворовыхъ дѣвочекъ Малькова поймали обирающей малину у сосѣдки; утка Нижинской неизвѣстно какъ перебралась въ садъ Малькова и тамъ подъ яблоней снесла нѣсколько яицъ, а затѣмъ вывела утятъ, которыхъ Мальковъ отказался возвратить старушкѣ, сославшись на то, что утка испортила ему яблоню; объ этой уткѣ возникло даже судебное дѣло. Наконецъ, когда въ какой-то праздникъ Мальковъ явился было опять къ Корнеліи Петровнѣ, она его торжественно выгнала, сказавъ, чтобы онъ никогда не смѣлъ порога ея переступать, что она съ нечистыми людьми и развратниками незнакома.

Тутъ ужъ и Мальковъ обозлился не въ шутку на Нижинскую и воздвигъ на нее цѣлый рядъ гоненій: пугалъ ее по ночамъ выстрѣлами изъ ружья; передъ самыми ея воротами, но на своей землѣ, построилъ свиной хлѣвъ, мѣшавшій въѣзду въ усадьбу и распространявшій достаточную вонь; приказывалъ перебрасывать черезъ заборъ сосѣдки всякій соръ и нечисть; нарочно при ней такъ громко и скверно ругался, что бѣдная старушка затыкала уши и убѣгала, отплевываясь; ловилъ самовольно рыбу и раковъ въ водахъ Нижинской; приказалъ повѣсить любимую собачку ея, словомъ, изводилъ всячески дерзнувшую его выгнать сосѣдку, подавалъ на нее безчисленныя жалобы въ судъ и инымъ властямъ, и въ значительной степени отравлялъ жизнь Корнеліи Петровны, начинавшей, кромѣ отвращенія къ нему, чувствовать прямо суевѣрный страхъ; ей искренно казалось возможнымъ, что Мальковъ знается съ чортомъ, а тѣмъ болѣе обидными были ей почести, оказываемыя Александру Ивановичу въ церкви.

Миша Рессеръ, племянникъ Нижинской, былъ премилый малый, простой, добродушный, веселый и обожалъ тетушку

свою; для него, даже съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ произведенъ въ офицеры, лучшимъ временемъ были отпуска, проводимые имъ у Корнелiи Петровны. За годъ до лѣта, въ которое произошли событiя, измѣнившiя жизнь святовскихъ помѣщиковъ, онъ увидалъ, впервые съ дѣтства, окончившую ученiе въ пансiонѣ дочь Малькова — Анну Александровну. Онъ смутно помнилъ, что какая-то дѣвочка жила у непрiятнаго сосѣда и считалась его дочерью, но тогда не обращалъ на нее вниманiя. На этотъ разъ, однако, когда онъ увидалъ Анюту, онъ замѣтилъ ее и сразу догадался, кто эта стройная красивая дѣвушка, всѣмъ своимъ видомъ противорѣчившая, неподходившая къ порядкамъ Мальковской усадьбы.

Миша не охотился, но былъ страстный рыболовъ и цѣлые дни просиживалъ съ удочкой на берегу озера или въ лодкѣ. Какъ-то разъ Анюта, гуляя, прошла совсѣмъ подлѣ удившаго съ берега озера Рессера; онъ раскланялся съ ней, назвавъ по имени Анной Александровной. Она выразила удивленiе, что онъ ее узналъ, и они разговорились безъ всякаго стѣсненiя, совсѣмъ забывъ, или, вѣрнѣе, не интересуясь даже враждой, существовавшей между ихъ усадьбами.

Рессеръ прожилъ въ «Святомъ» съ мѣсяцъ, и за все это время онъ и Анна Александровна встрѣчались почти ежедневно у озера. Миша былъ, конечно, отличный гребецъ, Анюта любила, разумѣется, кататься, и они часами ѣздили вдоль и поперекъ озера въ валкомъ охотницкомъ челнокѣ Миши, ходили гулять пѣшкомъ въ ближнiй лѣсъ и... «сдружились». Миша со второго же свиданья по уши, какъ тогда выражались, влюбился въ дочь Малькова, которая родилась, вѣроятно, въ мать, рѣшительно ничѣмъ даже не напоминая отца своего. Она считала его своимъ воспитателемъ и «благодѣтелемъ», позаботившимся дать ей, круглой сиротѣ, воспитанiе и прiютившимъ ее у себя и, привыкнувъ съ дѣтства къ странному образу жизни Александра Ивановича, не поражалась имъ и не знала многаго изъ того, что творилось на усадьбѣ.

Миша, молчавшій сначала о встрѣчахъ своихъ съ Анютой, разсказалъ какъ-то о нихъ Корнеліи Петровнѣ, похваливъ миловидность и воспитанность дочери Малькова. Онъ и не ожидалъ, какое сильное дѣйствіе слова его произведутъ на Корнелію Петровну. Она даже поблѣднѣла, и голосъ ея дрожалъ, когда она сказала ему:

— Миша, умоляю тебя, не видайся ты съ этой дѣвчонкой. Не можетъ быть добра отъ Малькова! Вся ея прелесть — обманъ; яблоко падаетъ недалеко отъ яблони. Да и кто она такая? У ней по метрикѣ нѣтъ даже отца! Мать простая баба и, вѣрно, такая же пьяница была, какъ старый безбожникъ. Все, что хочешь, но только не видайся съ нею. Лучше, какъ мнѣ ни жаль, уѣзжай на службу нынче же. Бѣги отъ этой пагубы и соблазна! Они тебя нарочно, оба заодно, заманиваютъ.

Корнелія Петровна отъ великаго волненія, сама того не замѣчая, даже развязала ленты чепца своего, чего никогда и при Мишѣ не дѣлала.

Какъ ни старался Миша увѣрить Корнелію Петровну, что Анюта чистое существо, далекое отъ грѣховности своего отца, слова его не имѣли никакого дѣйствія на старуху. Но, съ другой стороны, и просьба тетушки не видаться съ Анютой не помѣшала свиданіямъ ихъ. Подъ конецъ Корнелія Петровна даже захворала и слегла въ постель, и ужъ ничего не говорила Мишѣ, а только крестила его, вздыхала и плакала. Миша самъ былъ готовъ плакать, такъ ему было жалко тетушку, но на озеро, гдѣ его поджидала Анюта, все-таки ходилъ.

Такова сила любви, и тщетно съ ней бороться. Если бы не было надежды на взаимность, тогда бы, пожалуй, Корнелія Петровна побѣдила, но Миша чувствовалъ, что Аннѣ Александровнѣ съ нимъ хорошо, и этого было достаточно.

Срокъ отпуска Рессера прошелъ, и онъ уѣхалъ. Онъ ничего «рѣшительнаго» не сказалъ при прощаніи Аннѣ Александровнѣ, очевидно, подъ вліяніемъ столь опредѣ-

леннаго чувства враждебности къ ней Корнелін Петровны; но онъ все-таки намекнулъ на то, что самое счастливое время его молодой жизни были эти три недѣли, которыя они провели вмѣстѣ, что зимой онъ будетъ только скучать и жить надеждой на будущее лѣто, часть котораго непремѣнно, во что бы то ни стало, проведетъ въ «Святомъ», а подъ конецъ, хотя совсѣмъ налету, поцѣловалъ таки руку у Анюты. Та убѣжала, покраснѣвъ, какъ и подобаетъ въ такихъ случаяхъ, но вскорѣ обернулась, привѣтливо улыбаясь, и, передъ тѣмъ, какъ скрыться въ калиткѣ палисадника, нѣсколько разъ махнула Рессеру платочкомъ.

Прошла зима, тяжелая для всѣхъ обитателей песчанаго бугра надъ озеромъ. Корягины, по обыкновенію, голодали и мерзли во все болѣе и болѣе старѣющемъ домѣ, скучали, ссорились ради развлеченія, доходили даже до истерики и писали брату отчаянныя письма, умоляя освободить ихъ отъ каторжной жизни въ «Святомъ» и взять къ себѣ въ городъ.

Александръ Ивановичъ сильно постарѣлъ за послѣднее время и опустился; даже его желѣзная натура не выдержала бремени лѣтъ и нездороваго образа жизни; онъ уже не могъ до конца ночи оставаться на ногахъ, и послѣ ужина присаживался и задремывалъ, а то и просто засыпалъ. Выпивая ночами, онъ довольно скоро пьянѣлъ, и пристрастился еще больше къ водкѣ,—онъ уже и днемъ пилъ ее. Однако ослабленіе не помѣшало ему приблизить къ себѣ, недавно нанятую въ качествѣ кухарки, разбитную, молодую еще и бездѣтную вдову, крестьянку Агаѳью; упадокъ Александра Ивановича сказался и въ томъ, что онъ поддался Агаѳьѣ, и не только не билъ и не сѣкъ ее, но даже боялся, т.-е. боялся, что она его броситъ, измѣнитъ и — чего прежде никогда не было— задаривалъ ее. Весь рѣшительно интересъ жизни его сосредоточился на водкѣ и отношеніяхъ къ Агаѳьѣ; объ Анютѣ онъ позабылъ и думать, и не стѣснялся ея нисколько.

Наиболѣе тяжело далась эта зима именно Анютѣ. Уже не говоря про безусловное, подобное тюремному, одиночество ея на усадьбѣ отца, ей пришлось пережить сообщен-

ное Агаѳьей, конечно, безъ всякихъ стѣсненій, извѣстіе о томъ, чья она дочь; ей раскрыли глаза на отношенія Александра Ивановича къ Агаѳьѣ и вообще передали подробности грязной жизни отца. Не встрѣться Анюта съ Рессеромъ истекшимъ лѣтомъ, кто знаетъ, пережила ли бы она всѣ эти открытія и чувство ужаса и омерзѣнія, которое у нея возникло вмѣсто любви къ отцу; но образъ милаго юноши и два-три полученныхъ отъ него письма, явно свидѣтельствовавшихъ, судя по тексту писемъ, о его горячей «дружбѣ» и о «привычкѣ» къ ней, не дозволили ей ни покончить съ собой самоубійствомъ, ни убѣжать навсегда изъ «Святого». Въ глубинѣ сердца ея съ лѣта таилась надежда на то, что счастье ея, зависящее, очевидно, отъ артиллерійскаго офицера, возможно, несмотря на ея происхожденіе и вражду ея отца съ Нижинской. Помогло Анютѣ еще то обстоятельство, что она около трехъ мѣсяцевъ, съ января почти до апрѣля, провела въ семьѣ пансіонской подруги, давно звавшей ее къ себѣ погостить.

Наступила весна, исчезъ съ полей и луговъ снѣгъ, сдвинулся ледъ, воды озера слились съ рѣкою, превративъ всю луговину въ сплошное водное пространство, отрѣзавшее жителей «Святого» на нѣсколько дней отъ остального міра; но скоро воды разлива спали, зазеленѣла трава, разбухли и, согрѣтыя горячими лучами апрѣльскаго солнца, развернулись почки на кустахъ и деревьяхъ, въ воздухѣ запахло молодой листвой, въ сирени защелкали соловьи, надъ озеромъ и въ лугахъ около него зазвенѣло въ воздухѣ отъ крика и свиста налетѣвшихъ птицъ, и вся луговина, видная съ песчанаго бугра, какъ на ладони, засіяла живою, радостною, ни съ чѣмъ не сравнимою красотой...

Еще зимой скончался настоятель Святовской церкви, старикъ, покровительствовавшій Малькову. Въ апрѣлѣ пріѣхалъ вновь назначенный священникъ, совсѣмъ молодой, высокаго роста, очень крѣпкаго сложенія, которое, повидимому, его самого смущало, какъ явно лишнее для представителя духовныхъ интересовъ человѣчества; онъ не зналъ

куда дѣвать громадныя руки, стѣснялся богатырскихъ ногъ своихъ, даже голоса своего, звучавшаго слишкомъ сильно, густымъ басомъ. На красивомъ лицѣ священника, обрамленномъ густой темной бородой, было еще чисто-юношеское выраженіе; большіе каріе глаза свѣтились рѣшительностью и искренностью. Жена новаго настоятеля, тоже совсѣмъ молоденькая, погибала въ хлопотахъ по устройству и обзаведенію хозяйства въ перешедшемъ во владѣніе молодой четы домѣ стараго священника, бездѣтнаго вдовца, очень запустившаго всю усадьбу. А самъ настоятель знакомился съ приходомъ, выслушивалъ подробные разсказы діакона о паствѣ и, наконецъ, сдѣлалъ визиты наиболѣе выдающимся по своему положенію прихожанамъ.

Онъ отправился и къ Малькову. Тамъ давно уже ожидали его посѣщенія, а потому хотя Александръ Ивановичъ спалъ, когда явился отецъ Петръ, его приняли, и вскорѣ къ нему вышелъ хозяинъ; подали, какъ водится, чай; Александръ Ивановичъ въ разговорѣ заявилъ чувствовавшему себя замѣтно неловко молодому священнику, что онъ, Мальковъ, вѣрный сынъ церкви и полезный прихожанинъ, что онъ весьма дружилъ съ покойнымъ настоятелемъ, и готовъ и съ новымъ быть въ такихъ же отношеніяхъ и посильно помогать и ему лично, и церкви, но желаетъ видѣть должное уваженіе и почетъ со стороны представителей церкви. Отецъ Петръ краснѣлъ, волновался до того, что даже вспотѣлъ, но молчалъ. Послѣ чая подали закуску и подносъ съ графинчиками водки, наливки и бутылкой лиссабонскаго. Отецъ Петръ отказался и отъ водки и отъ вина. Малькову пришлось выпить одному.

— Э, батюшка,—заявилъ онъ, выпивъ вторую рюмку,— не конфузьтесь, мы люди свои. Выпить не грѣхъ! И святые отцы пили, а мнѣ сколько разъ приходилось угощать и даже самому выпивать во время службы не только съ вашей братіей-священствомъ и діаконствомъ, а и повыше, съ преосвященными. Пожалуйте рюмочку! Со мной не ломайтесь, не стоитъ.

Я, Александръ Ивановичъ, не пью и считаю за порокъ пьянство,—рѣшительно, хотя и съ дрожью въ голосѣ, заговорилъ священникъ.—Я по долгу священства обязанъ бороться съ нимъ, такъ же, какъ и съ развратомъ. Это моя пастырская обязанность, а не то что пить самому. А за симъ извините и увольте, мнѣ ужъ пора. Прощайте.

Отецъ Петръ раскланялся и ушелъ, а Александръ Ивановичъ такъ былъ пораженъ отказомъ священника выпить и видимымъ нежеланіемъ состоять съ нимъ въ дружбѣ, что даже не пошелъ его проводить. Замѣчаніе священника о развратѣ было вызвано тѣмъ, что изъ-за двери сосѣдней комнаты во все время ихъ разговора выглядывало молодое женское лицо и нахально, какъ казалось отцу Петру, смѣялось, вѣроятно, надъ нимъ. Замѣчаніе это очень раздражило Малькова.

У Корнеліи Петровны дѣло обошлось лучше; угощеніе ограничилось чаемъ, за которымъ хозяйка говорила на тему о теперешнемъ развращеніи нравовъ, безбожіи и служеніи одному мамонѣ, и не преминула намекнуть, что въ ближайшемъ ихъ сосѣдствѣ есть лицо, дурно вліяющее на нравы собственной разнузданной жизнью, при чемъ особенно горько то, что лицо это до сихъ поръ находило какъ бы поддержку церкви.

Отецъ Петръ конфузился, краснѣлъ, но все-таки проговорилъ густымъ басомъ:

— Я уже слышалъ. Много слышалъ отъ отца діакона. Очень этимъ разстроенъ и все обдумываю свое здѣсь положеніе и обязанности передъ паствой. Да-съ, обдумываю, ибо такъ я оставить это не могу.

И отецъ Петръ, несмотря на свою молодость, а, пожалуй, именно потому, что былъ молодъ, и хорошая, честная натура его, искренная вѣра въ свое «учительство» и нравственныя обязанности передъ паствой не затерялись еще въ массѣ житейскихъ компромиссовъ, не оставилъ дѣла этого такъ.

Девятаго мая, вешній Никола, былъ престольный праздникъ въ «Святомъ», а потому обѣдня служилась

особенно торжественно. Святовскій храмъ являлъ праздничный видъ; на колышкахъ бѣлой деревянной ограды его можно было усмотрѣть массу шапокъ и фуражекъ, повѣшенныхъ богомольцами предъ входомъ въ церковь; внутри ограды все было чисто, и обычный бурьянъ отсутствовалъ; около воротъ, привязанныя къ столбикамъ, вбитымъ въ землю, и къ самой оградѣ, стояли лошади, запряженныя въ телѣги и нѣсколько болѣе элегантные экипажи; на паперти сидѣли крестьянскіе ребятишки и двѣ очень древнія старухи. У дверей и по полу притвора была набросана скошенная трава, уже раздавленная входившими и распространявшая свѣжій луговой запахъ. Святовская церковь была деревянная, не оштукатуренная внутри; обстановка ея, невзрачная и даже грязная, свидѣтельствовала о небрежности покойнаго настоятеля. Церковь была полна: впереди, у самаго амвона, стояли мальчики постарше, чисто и аккуратно одѣтые и даже обутые въ сапоги, гладко причесанные, замѣчательно чинно державшіеся и молившіеся истово, точь въ точь какъ взрослые. Молодой возрастъ этой пріятной компаніи выдавалъ себя лишь тѣмъ, что когда мальчики кланялись въ землю, припадая къ полу головой, то осторожно повертывали другъ къ другу личики и пересмѣивались глазами. Впрочемъ, одинъ изъ шалуновъ, уличенный въ такой продѣлкѣ помощникомъ церковнаго старосты, ставившимъ къ образамъ у иконостаса тоненькія, совсѣмъ желтыя восковыя свѣчи (теперь такихъ больше не выдѣлываютъ), былъ тутъ же имъ наказанъ: отодранъ молча за вихры. За дѣтьми стояли крестьяне, всѣ въ кафтанахъ и сапогахъ, иные подпоясанные и даже съ повязанными на шею пестрыми и бѣлыми платочками; за мужиками помѣщались бабы и дѣвки, нарядныя въ высокой степени и красивыя въ большинствѣ, благодаря прекрасной русской одеждѣ, съ кичками и платками самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и рисунковъ на головахъ; въ одномъ углу держались особой группой женщины съ грудными младенцами на рукахъ, поочередно ревѣвшими на всю церковь, несмотря на

усиленное укачиванье, а въ другомъ старухи, повязанныя въ большинствѣ бѣлыми платками.

На правомъ клиросѣ помѣщались пѣвчіе-любители: сосѣдній приказчикъ теноръ, фактотумъ Нижинской Александръ, кузнецъ громаднаго роста, мельникъ, простой поселянинъ и изображавшій регента, учитель изъ отставныхъ солдатъ. Хоръ сей пѣлъ замѣчательно добросовѣстно и старательно, что уже было видно по серьезному, напряженному выраженію лицъ «поющихъ», съ которыхъ потъ катилъ градомъ, особливо, когда имъ приходилось слѣдить по книгѣ, которую высоко поднималъ регентъ. Аудиторія была довольна хоромъ; выходило, дѣйствительно, громко, даже очень, но, по правдѣ сказать, замѣчательно нестройно; нельзя также сказать, чтобы произношеніе церковно-славянскихъ фразъ и словъ было правильное и хотя бы немного осмысленное, но этого и не требовалось. Иногда священникъ подпѣвалъ хору изъ алтаря, а во время запричастнаго стиха съ лѣваго клироса пришелъ на подмогу дьячокъ, — человѣкъ одѣтый въ сѣрый длиннополый кафтанъ, ради праздника распустившій и намасливщій волосы, обычно сплетенные въ подобную крысиному хвосту косичку.

У праваго клироса на особомъ коврѣ стоялъ передъ кресломъ Александръ Ивановичъ Мальковъ, совсѣмъ одинъ; лицо его выражало серьезное настроеніе и сознаніе собственнаго достоинства. Нижинская, семья Корягиныхъ, «матушка» и еще кое-кто изъ мѣстной знати стояли у лѣваго клироса, всѣ, конечно, одѣтыя попраздничному и съ такими же безусловно праздничными лицами. Особенно ярко такое выраженіе можно было прочесть на лицѣ Корнеліи Петровны. Въ большіе праздники, за церковной службой, Корнелія Петровна прямо-таки сіяла торжественнымъ умиленіемъ; она какъ бы ощущала присутствіе въ себѣ чего-то величаваго, въ будніе дни ей не присущаго, чего-то высшаго чѣмъ она сама, и старательно берегла это проявленіе духа Божьяго, даже ходила особенно: важно, медленно, словно боясь расплескать духовное содержимое свое. Такое состояніе подчер-

кивалось въ дни причастія; но и престольный праздникъ своего храма былъ достаточнымъ поводомъ, и Корнелія Петровна, въ свѣтломъ капотѣ и чепцѣ съ бѣлыми лентами, сіяла.

Отецъ Петръ началъ службу нѣсколько робко, конфузясь, но потомъ окрѣпъ духовно и служилъ прекрасно; произносилъ вѣрнымъ пѣвучимъ голосомъ слова молитвы раздѣльно, внятно и со смысломъ и, «воздѣвая руки горѣ», дѣйствительно и съ искреннною вѣрою молился. Прихожане чувствовали это, и благоговѣніе невидимо распространялось въ церкви, несмотря на черезчуръ громкое, смѣшное пѣніе любительскаго хора и тяжелый, удушливый воздухъ, пропитанный сладкимъ запахомъ ладана и испареніями толпы.

Всегда прежде во время запричастнаго стиха діаконъ выносилъ и подавалъ съ поклономъ просфоры, сперва Малькову, потомъ Корнеліи Петровнѣ и остальнымъ представителямъ Святовскаго высшаго общества. Но на этотъ разъ діаконъ вышелъ, ко всеобщему удивленію, изъ лѣвой двери алтаря, держа въ рукахъ блюдце съ одной только просфорой, которую онъ подалъ Корнеліи Петровнѣ. Ни Александръ Ивановичъ, ни кто другой не удостоились такой чести.

— Излишне, — сказалъ отецъ Петръ діакону передъ началомъ обѣдни, на вопросъ его о поднесеніи просфоры Малькову. — Не годится отличать прихожанъ лишь за положеніе и деньги; Корнелія Петровна сама по себѣ женщина достойнѣйшая уваженія; ну-те-съ, — ей и окажемъ почитаніе. Указанія же на чествованіе Александра Ивановича не имѣю и не почту его въ храмѣ; права на то даже не имѣю.

Этимъ дѣло не ограничилось; когда по прочтеніи отпуска священникъ вышелъ съ крестомъ на амвонъ, то первый, по обыкновенію, подошелъ къ нему Мальковъ, но отецъ Петръ поднялъ выше, отстранивъ немного, крестъ, и сказалъ Александру Ивановичу, хотя и тихо, но такъ, что всѣ окружающіе слышали:

- Пообождите. Есть лица болѣе почтенныя.

Мальковъ, обозлившись, не сталъ дожидаться и ушелъ изъ церкви, а первою приложилась ко кресту Корнелія Петровна.

Корнелія Петровна до того была растрогана и потрясена случившимся, что, придя домой, долго плакала и молилась, и чувствовала, что она въ чемъ-то виновата и недостойна выпавшей ей на сей день чести.

Александръ Ивановичъ не на шутку разсердился на новаго настоятеля.

«Дуракъ, мальчишка, — думалось ему, — какъ онъ смѣетъ дѣлать мнѣ афронтъ. И съ какой стати? Кто его уполномочилъ, долгогриваго! Ну, да я ему покажу, какъ со мной шутить. Недолго онъ выживетъ въ «Святомъ»!

Но событія предупредили и разрушили предположенія Малькова.

Агаѳья, женщина нрава веселаго, даже разгульная, а къ тому же достаточно легкомысленная, не могла удовлетвориться отношеніями своими съ Александромъ Ивановичемъ; они ей были выгодны, но, въ концѣ-концовъ, скучны, и она вступила въ любовную связь съ однимъ изъ двухъ «молодцовъ» Малькова — Сергѣемъ, холостымъ парнемъ, жившимъ въ самомъ домѣ. Александръ Ивановичъ и не подозрѣвалъ этой связи, а между тѣмъ она длилась уже давно на глазахъ его. Въ Агаѳьѣ, какъ ни была она испорчена, связь ея съ Сергѣемъ разбудила-таки настоящее чувство, она полюбила его, и чувство это въ ней все росло. Вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ Ивановичъ становился ей все противнѣе. Ей хотѣлось независимой, свободной, а въ то же время безбѣдной жизни съ Сергѣемъ, своимъ домомъ; но если бы они просто отошли отъ Малькова, то ничего бы изъ этого не вышло, и имъ бы скоро пришлось разойтись опять по людямъ и жить врозь. И вотъ у нея зародилась мысль, выработавшаяся потомъ въ опредѣленный планъ, убить старика и забрать хранившіяся у него въ сундукѣ деньги. Агаѳья осторожно въ нѣсколько пріемовъ передала свою мысль Сергѣю,

убѣждая его помочь ей въ этомъ дѣлѣ и ссылаясь въ свое оправданіе на то, что старикъ не жалокъ, что онъ хуже всякой собаки и ее, Агаѳью, мучаетъ. Сергѣй долго противился убѣжденіямъ Агаѳьи, но подъ конецъ сдался. Сергѣй былъ не дурной парень, но избаловался на службѣ у Малькова, пристрастился къ вину, а главное, Агаѳья, женщина энергичная, забрала его въ руки и имѣла на него, слабовольнаго и очень еще юнаго, сильное вліяніе и достаточно его развратила.

Кромѣ Малькова и Агаѳьи съ Сергѣемъ, въ домѣ жили дочь хозяина Анна Александровна, въ своей комнатѣ, второй караульный, кухарка и дѣвочка; обѣ послѣднія спали въ кухнѣ. «Мальчика» Мальковъ больше не держалъ, и «полводки» ему приносила сама Агаѳья. Приказчикъ жилъ на селѣ въ своемъ домѣ. На Николинъ день Александръ Ивановичъ отпустилъ второго «молодца» на сутки, ради храмового праздника, домой въ деревню, отстоявшую отъ усадьбы на нѣсколько верстъ, и этимъ обстоятельствомъ любовники рѣшили воспользоваться.

Агаѳья къ ночи угостила кухарку водкой до полнаго ея опьянѣнія и уложила спать, а у дѣвочки сонъ былъ и такъ крѣпокъ. Александръ Ивановичъ всталъ, какъ обычно, къ 9 часамъ вечера, расположился въ «зальцѣ» и занялся строченіемъ жалобы благочинному на отца Петра и выпиваніемъ. Обѣдъ приготовила и подала Александру Ивановичу сама Агаѳья; послѣ него Мальковъ удержалъ около себя Агаѳью, угощая ее виномъ; она, по обыкновенію, пила, не отказываясь, и съ своей стороны подливала старику. Тотъ скоро осовѣлъ и пошелъ, пошатываясь, въ свою спальню полежать. Почти тотчасъ же Мальковъ заснулъ; тогда Агаѳья вызвала сидѣвшаго въ прихожей Сергѣя, и тотъ, выпившій для храбрости цѣлую бутылку водки, не долго думая, схватилъ лежавшаго на постели Малькова за горло и принялся его душить. Но сразу покончить съ нимъ не удалось; старикъ проснулся, понялъ грозящую ему опасность, и на одно мгновеніе его физическая сила вернулась; онъ вырвался и самъ

схватилъ Сергѣя руками за горло, но борьба была слишкомъ неравна, а къ тому же Сергѣй вытащилъ изъ-за сапога заранѣе припасенный безмѣнъ и однимъ ударомъ по головѣ Александра Ивановича покончилъ съ нимъ.

Сергѣй привелъ Агаѳью, убѣжавшую при началѣ борьбы; они сняли съ шеи убитаго шнурокъ, на которомъ висѣли три ключа, вытащили изъ-подъ кровати сундучокъ, обитый желѣзомъ, но сколько ни бились съ нимъ, отпереть его не могли: ни одинъ ключъ не подходилъ (они не знали секрета, при которомъ замокъ отпирался легко). Сергѣй принесъ изъ кухни топоръ и попробовалъ сломать сундукъ, сбить крышку, но всѣ усилія были тщетны: крышка держалась какъ припаянная, а слишкомъ стучать и шумѣть было опасно. Уже показались первые признаки ранней въ маѣ зари. Надо было кончать. Сергѣй и Агаѳья забрали бывшую въ карманахъ Малькова небольшую сумму денегъ, схватили первыя попавшіяся болѣе цѣнныя вещи, въ родѣ карманныхъ часовъ и серебряныхъ ложекъ, и докончили таки задуманное, но въ главномъ неудавшееся, дѣло. Они облили трупъ, кровать и полъ спальни керосиномъ, стащили съ чердака заранѣе приготовленное сѣно и солому, разложили ихъ въ спальнѣ, залѣ и прихожей, и зажгли ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ за разъ, а также и на чердакѣ....

Огонь скоро охватилъ всю внутренность жилья и чердака и выбился наружу черезъ крышу, освѣтивъ еще темную, благодаря облачному небу, ночь. Невѣроятно быстро пламя выбухнуло изъ окошекъ черезъ прогорѣвшія ставни, а съ крыши его перебросило на стоявшіе рядомъ съ домомъ конюшню и сарай, покрытые камышомъ, который сразу вспыхнулъ, какъ порохъ, поднявъ клубы чернаго дыма и вихрь вѣтра. Стало свѣтло какъ днемъ, и первые прибѣжавшіе на пожаръ люди видѣли, какъ караульный Сергѣй выводилъ наскоро изъ конюшни артачившуюся лошадь, а изъ кухни выбѣгали съ узлами Агаѳья и кухарка съ дѣвочкой. Кто-то коломъ выбилъ ставню въ окнѣ спальни Анны Александровны, и та выскочила въ окно, еле одѣтая, съ

опаленными волосами и обожженнымъ лицомъ. Малькова никто не видалъ.

Съ колокольни раздавались удары набатнаго колокола, сбѣгался народъ, а огонь дѣлалъ свое дѣло; уже всѣ постройки Малькова пылали, и на дворѣ его нельзя было стоять отъ жары. Въ ближайшей къ нему усадьбѣ Корягиныхъ шелъ страшный переполохъ и раздавались отчаянные крики пяти ея собственницъ; дѣвицы метались по двору, вытаскивая изъ дому первое попадавшееся подъ руку, на подмогу имъ набѣжало пропасть народа, и вскорѣ, кажется, все рѣшительно ихъ имущество было вытащено и сложено въ саду за кустами. Первая зачадила въ одномъ мѣстѣ и дала тонкую струйку бѣлаго дыма крыша Корягинскаго дома; на ней появился огонекъ, змѣйкой побѣжалъ кверху, и сидѣвшій на крышѣ, съ метлой для тушенія и затаптыванья галокъ, парень кубаремъ скатился внизъ по противоположной сторонѣ, понявъ, что теперь ужъ пожара ничѣмъ не остановишь. И дѣйствительно, на мѣстѣ первой змѣйки появилась другая, третья, образовался клубъ густого дыма, закрывшій на мигъ всю крышу, спустившійся даже внизъ, и тотчасъ же изъ этого темнаго клуба громаднымъ краснымъ языкомъ вырвалось пламя, и весь домъ запылалъ какъ хорошій, сухой костеръ.

Корнелія Петровна не спала, когда начался пожаръ; она разбудила всѣхъ въ домѣ, быстро одѣлась и вышла за ворота, взявъ изъ спальни икону святителя Николая. Туда же Корнелія Петровна приказала принести и шкатулку, въ которой хранились документы, письма ея матери, институтскихъ подругъ и покойнаго ея мужа, дѣтскія тетрадки Миши и деньги, и стала, держа въ рукахъ образъ, въ воротахъ, не велѣвъ пока выносить изъ дома имущество. На ея глазахъ загорѣлся ненавистный ей свиной хлѣвъ, построенный Мальковымъ ей на зло какъ разъ передъ ея воротами, и на ея глазахъ выскочила въ окно, похожая на полоумную, обожженная, полуодѣтая Анюта.

Нижинской успѣли уже шепнуть, что Александръ Ивановичъ, повидимому, остался въ пылающемъ домѣ, и у Кор-

нелiи Петровны «упало сердце», и, какъ она сама потомъ разсказывала, она увидала перстъ Божiй во всемъ этомъ событiи, и свою несправедливость; и она тотчасъ же, ковыляя, побѣжала куда-то, оставивъ въ воротахъ горничную съ поднятою иконой Николая чудотворца, которую та стойко, въ сознанiи совершаемаго подвига, держала, несмотря на жестокiй жаръ отъ горѣвшаго невдалекѣ хлѣва, ею же прикрывая временами лицо и лишь на малость отступивъ внутрь двора. Плетень, опоясывавшiй со стороны Малькова усадьбу Нижинской, сломали прибѣжавшiе крестьяне, ворота были дубовыя, не легко загорающiяся, ихъ иногда обдавали водой изъ ведеръ, а главное, вѣтеръ дулъ въ сторону, на Корягиныхъ; усадьба Нижинской не загорѣлась. Корнелiя Петровна на слѣдующiй же день и потомъ ежегодно 9-го мая служила благодарственный молебенъ святителю Николаю.

Корнелiя Петровна, опираясь на палку, такъ быстро, какъ только могла, дошла до того мѣста, гдѣ въ саду, ниже горѣвшаго дома, на скамейкѣ сидѣла Анюта, совсѣмъ одна, закрывъ лицо руками и раскачиваясь отъ боли, причиняемой ей ожогами головы и рукъ. Старуха сѣла рядомъ съ ней на скамейку, отвела нѣжно одну ея руку отъ лица, заботливо оглядѣла ее и мягко, любовно сказала:

- Успокойся, Анюта, ничего! Богъ дастъ, все пройдетъ. Я передъ тобою виновата. Что же дѣлать? Всѣ мы грѣшны, и я не меньше прочихъ, но ужъ я постараюсь оправдать мою вину передъ тобой. Пойдемъ ко мнѣ, тебѣ тутъ нечего дѣлать.

Анюта была слишкомъ испугана и потрясена, чтобы вполнѣ понять и оцѣнить поступокъ Корнелiи Петровны, но все-таки ласка, звучавшая въ голосѣ старушки, доброе выраженiе ея лица подѣйствовали на нее благотворно, и она охотно пошла съ Нижинской. Къ этому времени уже выяснилось, что опасности для строенiй ея нѣтъ, надо лишь приглядывать за догоравшимъ пожарищемъ. Корнелiя Петровна уложила по этому Анюту въ постель, засыпала обожженныя мѣста на головѣ и рукахъ картофельной мукой,

и, хотя ожоги оказались неглубокими и немногочисленными, послала въ городъ нарочнаго за докторомъ.

Анюта въ началѣ этой роковой ночи спала крѣпко и не слыхала ни шума борьбы въ спальнѣ отца, ни стука отъ стараній Сергѣя взломать сундукъ, ни треска начавшагося пожара. Она проснулась только отъ удара коломъ, выломавшаго ставню; испугавшись, она кинулась къ двери, отперла ее, прiотворила, и вотъ тутъ ворвавшимся изъ коридора огнемъ ее опалило. Захлопнувъ машинально дверь, она побѣжала къ окну, надѣвъ наскоро юбку и накинувъ платокъ, и выскочила изъ невысокаго окна на землю. Домъ уже былъ почти весь объятъ пламенемъ, загорались надворныя постройки, и она убѣжала отъ этого ужаса въ садъ, хорошо еще не сознавая, что это дѣлается вокругъ нея. Сѣвъ на скамейку, она, наконецъ, почувствовала, что сильно обожглась, кто-то сообщилъ ей, что отецъ ея сгорѣлъ въ домѣ, и вотъ тутъ, столь своевременно для нея, подошла къ ней Корнелія Петровна и неожиданно — Анюта знала, какъ Нижинская относится къ нимъ — приласкала и увела ее къ себѣ. Лежа въ постели у Корнеліи Петровны и сильно страдая отъ ожоговъ, Анюта не могла однако не подумать, что произошелъ великій шагъ по пути сближенія ея съ Ресséромъ и, вопреки физическимъ страданіямъ и ужасу при мыслѣ о сгорѣвшемъ отцѣ, личное счастье казалось ей доступнѣе прежняго.

Домъ Малькова сгорѣлъ, потолокъ обвалился, но нѣкоторыя изъ внутреннихъ стѣнъ уцѣлѣли, благодаря прискакавшей утромъ изъ сосѣдняго крупнаго помѣщичьяго имѣнія пожарной трубѣ, которою залили тлѣвшія балки, полъ и прочее. О пожарѣ и исчезновеніи Малькова дали знать полиціи, и уже въ присутствіи станового пристава было приступлено къ раскопкамъ. Въ томъ мѣстѣ сгорѣвшаго дома, гдѣ была спальня Александра Ивановича, около уцѣлѣвшей до половины стѣны, былъ найденъ сильно обгорѣвшій трупъ его; тутъ же неподалеку оказался обитый желѣзомъ запертый сундукъ. Началось дознаніе о причинѣ пожара.

Народная молва приписывала пожаръ тому, что Мальковъ, захмелѣвъ, самъ заронилъ какъ-нибудь огонь, такъ какъ онъ былъ человѣкъ курящій, а, будучи пьяненькимъ, заснулъ да такъ и сгорѣлъ; иные говорили, что Мальковъ самъ загорѣлся, когда поднесъ близко ко рту спичку, закуривая трубку; онъ, молъ, такъ былъ наспиртованъ отъ постояннаго питья водки, что вспыхнулъ, весь истлѣлъ, да и усадьбу ненарокомъ спалилъ.

Но болѣе подробный осмотръ трупа Малькова, въ присутствіи врача и слѣдователя, выяснилъ существованіе пролома черепа, едва ли происшедшаго отъ паденія на трупъ балки; подлѣ Малькова былъ найденъ безмѣнъ, которымъ очень удобно было нанести усмотрѣнное поврежденіе черепа старика. Отчистили и отмыли непрогорѣвшій сундукъ, и тогда ясно представились слѣды покушенія на взломъ его, совершенно не зависѣвшіе отъ огня. Сундукъ былъ вскрытъ, но все находившееся въ немъ, за исключеніемъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, оказалось истлѣвшимъ.

Проломъ черепа старика, присутствіе рядомъ съ трупомъ безмѣна, слѣды нажимовъ топоромъ на сундукѣ, въ которомъ хранились деньги Малькова, навели на мысль объ умышленномъ убійствѣ съ цѣлью грабежа и о поджогѣ. Подозрѣніе не могло не пасть на Агаѳью и Сергѣя, такъ какъ слухъ объ ихъ связи уже проникъ въ народъ, и такъ какъ они оставались почти одни со старикомъ въ ночь убійства. Ихъ осмотрѣли и обыскали; на одномъ изъ пальцевъ Сергѣя нашли свѣжую ранку, какъ бы отъ укуса зубами, и два кровоподтека на шеѣ, которые онъ не былъ въ состояніи удовлетворительно объяснить, а въ узлѣ съ вещами Агаѳьи, вынесенномъ ею изъ горѣвшаго дома, нашли серебряные приборы, часы и еще кое-какія вещи Малькова. Обоихъ заарестовали, и началось дѣло объ убійствѣ и поджогѣ.

Новые судебные уставы тогда еще не были введены у насъ, дѣло слушалось въ «Соединенной палатѣ» и кончилось, помнится, оправданіемъ заподозрѣнныхъ или, вѣрнѣе, прекращеніемъ дѣла за недостаточностью уликъ.

Если Мальковъ и составилъ духовное завѣщаніе, то оно сгорѣло съ домомъ, а такъ какъ Анюта не была его законной дочерью, то имѣніе его досталось какому-то отдаленному родственнику, поспѣшившему продать его.

Старуха и дѣвицы Корягины, сложивъ спасенную обстановку ихъ дома и прочее имущество въ сараѣ у Корнеліи Петровны, переѣхали тотчасъ послѣ пожара въ городъ къ брату и остались у него навсегда. Истребленіе огнемъ усадьбы, лишивъ ихъ крова и возможности дальнѣйшаго пребыванія въ деревнѣ, побудило Корягина исполнить, наконецъ, давнишнюю просьбу и мечту его сестеръ.

Я встрѣтилъ одну изъ нихъ значительно позднѣе; она была замужемъ и, сравнительно съ прежнею жизнью въ «Святомъ», довольна судьбой своей.

А у Корнеліи Петровны все обошлось и устроилось «по-хорошему, по-Божески». Растроганная оказанной ей въ Николинъ день въ храмѣ честью, пораженная «постыдной» смертью врага своего, потрясенная пожаромъ и чудеснымъ, по ея мнѣнію, избавленіемъ дома ея отъ истребленія огнемъ, она во всемъ этомъ, и въ фактѣ бѣгства на ея глазахъ Анюты изъ горящаго дома, увидала указаніе, данное ей свыше, на то, что съ ея стороны было грѣхомъ относиться съ недовѣріемъ и даже злобой къ ни въ чемъ неповинной дѣвушкѣ, жалкой уже въ силу того, что у нея нѣтъ матери, не было и настоящаго, заботливаго отца, не видавшей ни ласки, ни любви съ самаго дѣтства, и что она обязана загладить свою духовную вину передъ Анютой.

И она легко загладила эту вину. Любвеобильное сердце экзальтированной, но въ хорошую сторону, старушки быстро и совершенно раскрылось для Анюты, которую она и по выздоровленіи оставила у себя. И когда, тѣмъ же лѣтомъ, Миша пріѣхалъ въ отпускъ въ «Святое», ему было нетрудно убѣдиться въ томъ, что тетушка его ничего не будетъ имѣть противъ брака его съ Анютой. Тѣмъ, конечно, черезъ годъ, кажется, дѣло у нихъ и кончилось. Мнѣ пришлось раза два поохотиться съ Мишей Рессеромъ на

«Святомъ» озерѣ, когда онъ, уже женатый, пріѣзжалъ на лѣто съ молодой женой къ Корнеліи Петровнѣ.

Много лѣтъ спустя я опять встрѣтился съ Ресссрами въ одномъ изъ южныхъ большихъ городовъ. Миша вышелъ въ отставку изъ военной службы, но имѣлъ выгодныя и интересовавшія его занятія на частномъ заводѣ. Семья Рессеровъ разрослась, у нихъ было что-то очень много дѣтей. Они разсказали мнѣ тогда, что Корнелія Петровна скончалась при нихъ въ своемъ домикѣ, и что они вскорѣ затѣмъ продали полученное ими отъ нея въ наслѣдство имѣніе при «Святомъ» озерѣ, такъ какъ оно могло приносить, и то маленькій, доходъ лишь при условіи самимъ имъ заниматься, что для Рессера было немыслимо; держать же его какъ дачу, они не могли, не хватало на то средствъ.

Такимъ образомъ распалась вся мелкопомѣстная «Святовская» колонія и, я думаю, теперь едва ли кто-либо изъ старожиловъ даже помнятъ Корнелію Петровну и двороваго ся Александра Дормидонтовича.

VI.

На мельницѣ.

Глубокая въ низкихъ берегахъ рѣка, стоящая на ней, издалека слышная по водѣ ритмическимъ шумомъ поставовъ, мельница, широкій прудъ, заросшій по берегамъ кугой и камышомъ, многолѣтнія густоразросшіяся у воды ивы... Какая красота въ этой простой деревенской картинѣ изъ прошлаго!

Хороши наши широкія судоходныя рѣки; онѣ величественны даже; но какъ онѣ далеки отъ укромной, интимной прелести небольшой рѣчки, тянущейся свѣтлыми водными линіями вдоль луговъ и лѣсовъ!

Сколько на такой рѣчкѣ, бывало, найдешь тихихъ, тѣнистыхъ уголковъ, небольшихъ заливовъ и затоновъ, осѣненныхъ прибрежными деревьями, словно умышленно укрывшихся въ камышахъ отъ чужихъ!

Вода такой рѣки чиста и прозрачна, соръ и отбросы, всегда сопровождающіе собраніе людей, ей не извѣстны; съ береговъ ея не несутся людской пьяный гамъ и ругань, на ней встрѣтишь, бывало, лишь одѣтыхъ поверхъ рубахъ въ кожаные фартуки бородатыхъ рыбаковъ, медленно плывущихъ подвое въ челнѣ и тянущихъ, молча съ сосредоточеннымъ выраженіемъ строгихъ лицъ, сѣти, или «ботаньемъ» загоняющихъ въ нихъ рыбу. Раздастся, если дѣло на зарѣ, два-три ружейныхъ выстрѣла, а то—глубокая тишина, прерываемая лишь замирающими въ воздухѣ знакомыми сельскими звуками—отдаленнымъ шлепаньемъ вальковъ, мычаніемъ коровы да случайною пѣснью. Теперь такія картины если и встрѣчаются, то рѣдко.

Солнце стояло еще высоко, и было жарко, когда мы подъѣхали къ Симоновской водяной мельницѣ и остановились на плотинѣ у вешняка...

Это было давно. Много лѣтъ съ тѣхъ поръ протекло, много тогдашнихъ людей ушло на вѣчный покой. И мельницы ужъ нѣтъ; «веселый шумъ колесъ ея умолкнулъ», но она не «развалилась», а сгорѣла, подожженная чей-то, оставшейся необнаруженной, преступною рукой. Да и безъ пожара ей грозила естественная смерть отъ старости: она доживала послѣдніе дни свои. Прежній собственникъ давно уже продалъ имѣніе, а съ нимъ и мельницу; новый сдалъ ее въ аренду и не заботился о ней; арендаторъ попался нехозяйственный, запустилъ мельницу, и дѣло разрушенія пошло быстро впередъ: маховое колесо потеряло половину лопастьевъ, валъ его далъ трещину, всѣ поставы расшатались, и шумъ ихъ былъ уже не ритмичный, а съ перебоями, какъ у больного сердцемъ человѣка; слышалось дребезжаніе и вдругъ раздавались прорвавшіеся откуда-то, спѣшащіе толчки и удары, жернова обмололись. А главное, плотина у

вешняка съ осени дала течь, зимой мельница кое-какъ продержалась, а весною плотину въ большомъ мѣстѣ размыло, вода проложила себѣ новый путь, и мельничный прудъ «ушелъ». Не стало и прежней красавицы-рѣки. Вмѣсто гладкой водной поверхности пруда сперва зачернѣло, а тамъ засохло, посѣрѣвъ, корявое, илистое дно его, по которому узкимъ русломъ потекли обмелѣвшія воды Симоновки: прибрежные камыши и осока, весело зеленѣвшіе и волновавшіеся, посохли и поникли; даже могучія ивы, оставшись безъ привычной воды, дрогнули, заскучали и начали сохнуть. Жизнь ушла.

Разсказъ мой относится къ давнему прошлому, но я до мельчайшихъ подробностей помню этотъ вечеръ; вся картина его стоитъ передъ моими глазами, будто зафотографированная памятью.

Насъ было трое, кромѣ кучера: я, сосѣдній помѣщикъ, еще совсѣмъ молодой человѣкъ, пригласившій поохотиться съ нимъ на разливахъ его мельничнаго пруда, да Мозя. Были съ нами еще двѣ собаки, одна Мозина—Фингалъ, бѣжавшая за тарантасомъ, и моя, ѣхавшая на правахъ гостьи съ господами въ экипажѣ.

Мозя, — я не знаю почему его такъ прозвали, христіанское имя его было Иванъ, а отчество Прохоровичъ,—былъ старикъ-охотникъ, человѣкъ нейтральный, никому не дававшій на себя спеціальныхъ правъ.

Происхожденіе его было крестьянское, но изъ особыхъ крестьянъ, не настоящихъ, сидящихъ на землѣ и ею кормящихся, а приписанныхъ еще со временъ Петра къ существовавшему тогда въ нашихъ мѣстахъ, а затѣмъ исчезнувшему съ лица земли, какому-то заводу. Надѣльной, полевой земли у этихъ заводскихъ крестьянъ не было, но полагалась усадьба съ огородомъ. Мозя на ней и проживалъ съ семьей, занимая какую-то очень небольшую должность въ администраціи завода. Все свое свободное время Мозя отдавалъ охотѣ, выпрашивая себѣ лѣтомъ отпуска съ завода, управлявшагося довольно хаотично и патріархально, не по-настоя-

щему. Мозя былъ человѣкъ въ высшей степени пріятный: нрава веселаго, болтливаго, живого, а къ тому же, какъ охотникъ, мастеръ своего дѣла.

Мозя и зимой охотился по зайцамъ, участвовалъ, конечно, на всѣхъ бывавшихъ въ нашихъ мѣстахъ облавахъ, ставилъ капканы на волковъ и лисицъ и представлялъ изъ себя типичнѣйшій образъ охотника-егеря «при господахъ». Хотя онъ былъ не изъ дворовыхъ, но, проводя большую часть времени на заводской усадьбѣ и вообще при господахъ, воспринялъ всѣ черты двороваго. Онъ былъ замѣчательно добродушенъ, услужливъ, легкомысленъ и лѣнивъ, любилъ и умѣлъ основательно выпить, терпѣть не могъ оставаться у себя дома, въ семьѣ, и въ сущности совершенно не заботился о ней. Жена его, ведя домашнее хозяйство, состояла, кромѣ того, прачкой у собственниковъ завода и тѣмъ поддерживала семью. Мозя скучалъ въ семейной обстановкѣ, но жену уважалъ и никогда ее не билъ, а она искренно его презирала, но тоже жалѣла. Презрѣнія этого Мозя не замѣчалъ; онъ былъ очень гордъ и считалъ заурядныхъ заводскихъ рабочихъ на много ниже себя. Съ совсѣмъ молодыми господами-«барчатами» онъ тоже обращался свысока, говорилъ имъ ты, называя просто по имени — Васей, Пашей, ворчалъ на нихъ, но обучалъ охотничьему дѣлу и былъ ими любимъ несказанно. Одѣвался Мозя фантастично и достаточно небрежно, и вообще былъ не казистъ, къ тому же совсѣмъ лысый. Выпивъ, онъ любилъ пѣть пѣсни и пѣлъ недурно тонкимъ, тонкимъ фальцетомъ.

Доѣхавъ до Симоновской мельницы, мы, пыльные, истомленные жарою, съ мѣста искупались въ мельничномъ омутѣ и отправились пѣшкомъ, сперва плотиной вдоль пруда, а тамъ лугомъ, къ заливу Симоновки, описавшей въ этомъ мѣстѣ дугу. Надъ камышами и вдоль луга, кончавшагося невысокимъ ольшанникомъ, гдѣ держалась кое-гдѣ вода, всегда вечерними зорями тянули утки. Какъ только мы спустились въ низинку, обѣ собаки наши, сначала легкомысленно скакавшія, приняли озабоченный, дѣловой видъ,

и вошли въ болѣе густую и высокую болотную траву осторожно, вытянувъ, но еще не выпрямивъ, хвосты и поднявъ уши. Бекасы не допустили ихъ однако до стойки и поднялись сразу цѣлымъ выводкомъ; не доходя до намѣченнаго мѣста, мы порядочно-таки пострѣляли по бекасамъ.

Очень скоро начался летъ, не такой, какъ бываетъ въ самомъ концѣ августа, когда при прокрадывающейся темнотѣ все пространство вокругъ васъ, кажется, кишитъ утками, и стрѣляешь не переставая, даже не цѣлясь, а гораздо болѣе умѣренный, но зато болѣе продуктивный по результатамъ охоты. Утки шли небольшими стайками, не часто и въ большинствѣ высоко; но тѣ же стайки, описавъ кругъ и исчезнувъ изъ глазъ, возвращались къ нашимъ ольхамъ уже ниже и, наконецъ, если только мы не выдавали чѣмъ-либо своего присутствія, налетали, всего чаще сзади, на выстрѣлъ; отдѣльныя утки шли иной разъ прямо на насъ и достаточно низко. Собаки, отлично зная какого рода охота намъ предстоитъ, смирно сидѣли около насъ, дрожа однако отъ волненія, и тоже слѣдили за полетомъ утокъ, а послѣ выстрѣла устремлялись къ падавшей въ воду дичи и приносили ее; при промахѣ ихъ трудно было удержать на мѣстѣ, онѣ не хотѣли вѣрить въ возможность плохой стрѣльбы.

Заря была дивная, и торжественная картина медленнаго перехода бѣлаго дня въ красное сіяніе, потомъ въ сѣроватыя сумерки и, наконецъ, въ ночь, чувствовалась, благодаря вызванному охотой повышенному настроенію, особенно сильно.

Вечеръ выдался на рѣдкость для августа, теплый и тихій; вѣтра не было вовсе и лишь на мгновеніе послѣ захода солнца камышъ зашелестилъ слегка, прилегъ мѣстами да дрогнули листья на ольхахъ около насъ. Рѣка передъ нами сперва ярко блестѣла серебромъ, отливая вдали лазурью, потомъ пожелтѣла при загорѣвшейся зарѣ, стала, было, огневой, а когда заря погасла, засѣрѣла словно свинцовая и, наконецъ, совсѣмъ потемнѣла, но не надолго. Когда мы, подобравъ застрѣленныхъ утокъ, двинулись

въ обратный путь, рѣка, вдоль которой мы шли, опять засвѣтилась и заиграла блестками подъ лучами поднимавшагося полнаго мѣсяца. Стало такъ свѣтло, что Мозя застрѣлилъ утку, спугнутую нами съ берега.

На мельницѣ насъ ждали: въ сосѣднемъ съ жилой избой, открытомъ съ одной стороны лабазѣ, служившемъ складомъ разнаго хлама, въ родѣ старыхъ жернововъ, испорченныхъ колесъ и мѣстомъ плотничьихъ работъ по починкѣ чего-либо въ мельничномъ механизмѣ, былъ поставленъ небольшой, накрытый для ужина, столъ съ придвинутыми къ нему скамейками. Мы тотчасъ же усѣлись. Послѣ водки и кое-какой закуски явился горячій ужинъ, а послѣ него чай съ медомъ и свѣжимъ ежевиковымъ вареньемъ и черносмородиновая наливка.

Мельникъ Акимъ, изъ бывшихъ дворовыхъ, усадивъ насъ за столъ и поручивъ попеченіямъ дочери своей Варвары Акимовны, повелъ кучера и Мозю ужинать къ себѣ въ домъ съ обоими засыпками и, повидимому, тоже хорошо угостилъ пріѣзжихъ: изъ открытаго окна избы до насъ долетали оживленные трапезные звуки, веселые голоса и смѣхъ пирующихъ, къ которымъ перешелъ послѣ насъ и самоваръ и бутылка наливки.

Прислуживавшая намъ Варя, молодая дѣвушка, была писаная красавица. Высокая, стройная, съ тонкими чертами лица англійскаго типа, съ большими свѣтло-голубыми глазами и нѣжнымъ цвѣтомъ лица, — она казалась въ простомъ, хотя очень элегантномъ, русскомъ платьѣ переодѣтой сказочной царевной. Она, нисколько не конфузясь, разговаривала съ нами, а по тому, какъ она взглядывала на моего товарища, ясно было, что она къ нему неравнодушна; она знала, повидимому, всѣ его привычки, и когда оказалось, что его портсигаръ пустъ, принесла откуда-то коробочку такихъ папиросъ, какія онъ курилъ.

Нашъ трехстѣнный сарайчикъ стоялъ на самомъ берегу, тамъ, гдѣ начиналась плотина, и изъ него былъ виденъ весь прудъ, теченіе рѣки до поворота ея, а также мельница

и окружавшія ее ветлы. Мѣсяцъ отражался въ тихой водѣ, ольховая роща на той сторонѣ неясно очерчивалась въ окружившемъ ее туманѣ, прибрежный камышъ тоже чуть выступалъ изъ подвижной мглы, а мельница стояла вся бѣлая, точно посеребреная. И мельница, и ветлы, и полная росы луговинка внизу, у омута, сіяли, весь воздухъ былъ полонъ этимъ бѣлымъ, волшебнымъ сіяніемъ. Вдали по рѣкѣ стелился и поднимался съ луга прозрачный паръ, мѣстами густо надвисая надъ камышомъ, клубясь и принимая причудливыя очертанія. Онъ словно заглушилъ всѣ звуки: притихла обычно шумливая мельница, молчали, всю ночь перекликающіеся въ началѣ лѣта, перепела и коростели, не гудѣлъ бучень, одна лягушка заквакала было, но ее никто не поддержалъ, и она оборвала свою трель. Слышались лишь равномѣрные, убаюкивающіе звуки падающей въ затворѣ струи воды, фырканье пасшихся у деревьевъ лошадей, да изрѣдка рѣзко всплескивалась въ водѣ проснувшаяся и чего-нибудь испугавшаяся крупная рыба.

Съ рѣки и съ луговъ несся по воздуху влажный тонкій ароматъ болотныхъ цвѣтовъ, зрѣющаго камыша и водяныхъ растеній, а со стороны мельницы доносился иногда, почти неуловимымъ для обонянія порывомъ, запахъ мокраго и загнившаго въ водѣ дерева, дегтя и муки.

Мы ужинали и пили чай при свѣтѣ двухъ фонарей, подвѣшенныхъ около насъ въ лабазѣ, но вскорѣ, когда сосѣдъ пошелъ прогуляться и покурить, какъ онъ говорилъ, на плотинѣ, а за нимъ скрылась незамѣтно Варя, я потушилъ въ фонаряхъ свѣчи и залюбовался лунной ночью. Несмотря на усталость, не хотѣлось спать.

Акимъ и Мозя, плотно поужинавъ и напившись чаю съ наливкой, пришли тоже подъ навѣсъ и присѣли къ столу. На Мозю дивная ночь производила мало впечатлѣнія; усталость, а еще больше выпитая водка и наливка, брали свое, и онъ скоро, прислонившись къ плетневой стѣнѣ сарайчика, заснулъ въ сидячемъ положеніи.

Мельникъ, напротивъ, даже не дремалъ и, казалось, былъ очень доволенъ нашимъ пріѣздомъ. Красивое, мало состарившееся, несмотря на изрядные уже года — ему было за шестьдесятъ лѣтъ — лицо его было какъ всегда спокойно, даже невозмутимо и торжественно. Большая, почти до полгруди спускающаяся, едва сѣдѣющая борода, ровно расчесанная, придавала ему особенно почтенный, внушительный видъ, а по умнымъ проницательнымъ глазамъ, зорко высматривавшимъ изъ-подъ густыхъ бровей, было видно, что мельникъ шутить съ собой не позволитъ и сумѣетъ постоять за себя.

Я давно и хорошо зналъ Акима; онъ былъ вдовъ и кромѣ дочери имѣлъ еще сына, жившаго гдѣ-то на сторонѣ. Акимъ обладалъ недюжиннымъ умомъ, былъ сравнительно развитъ и хорошо грамотенъ, что въ тѣ времена составляло рѣдкость. Былъ онъ очень настойчивъ, даже упрямъ и своеволенъ, высоко цѣнилъ себя и усердно заботился о собственномъ матеріальномъ благополучіи; онъ хорошо зналъ мельничное дѣло, владѣлъ топоромъ не хуже плотника, былъ аккуратенъ и никогда не напивался. Господа его цѣнили, но между равными его не любили и боялись. Да, боялись его не только сослуживцы, но и на селѣ (лежавшемъ всего верстахъ въ двухъ отъ мельницы) и вобще въ ближайшей округѣ.

За «мельникомъ» — вѣтряныя мельницы въ счетъ не шли — у насъ испоконъ вѣка установилась обязательная репутація знахаря, прозорливаго человѣка, къ которому слѣдуетъ идти за совѣтомъ при какой-либо бѣдѣ, при нездоровьѣ или даже просто при затруднительномъ положеніи; водилось и то, что у мельника можно на время перехватить деньжонокъ, уже не говоря про муку, за большіе, конечно, проценты. На фонѣ такой серьезной дѣловой репутаціи и, зиждясь тоже на преданіи, да на особой обстановкѣ постоянной жизни мельника при водѣ, легко выростала молва, приписывавшая тому или другому мельнику сверхъестественную силу — вѣдовство.

Съ водой, особенно же съ мельничнымъ омутомъ, прудами и заливами, до сихъ поръ связывается въ народѣ представленіе о нечистой силѣ, гнѣздящейся въ водныхъ глубинахъ, да въ камышевой непролазной чащѣ. Лѣсъ, нѣкогда несомнѣнное обиталище лѣшихъ и оборотней, въ значительной степени потерялъ свою сказочную репутацію, опростился. На сѣверѣ дѣло другое, а у насъ глухихъ, непроходимыхъ лѣсовъ почти нѣтъ болѣе; всѣ лѣса исхожены вдоль и поперекъ бабами, отправляющимися туда небольшими партіями на сутки и болѣе по грибы, по ягоду; лѣса стали доступны и крестьянамъ: валежникъ и хворостъ подбирается ими осенью и свозится на топливо; въ большомъ казенномъ лѣсу прорѣзаны широкія просѣки, а частныхъ лѣсовъ совсѣмъ мало стало, почти всѣ они повырублены, остались рощицы, да пошло около старыхъ громадныхъ пней мелколѣсье; тамъ ужъ нечистой силѣ нечего дѣлать, негдѣ и приткнуться. А вода попрежнему таинственна и страшна, попрежнему камышъ по ночамъ и безъ вѣтра шелеститъ и кто-то его пригибаетъ; на рѣкѣ въ лунныя ночи можно разглядѣть сквозь туманъ призрачныя очертанія дѣвушекъ въ бѣломъ съ распущенными косами, кто-то въ омутахъ булькаетъ и гогочетъ, немало людей за лѣто уходятся въ рѣкѣ, кто купаясь, а кто и невѣсть зачѣмъ попавъ въ воду... Не даромъ рыбаки люди молчаливые, часто угрюмые. А мельникъ и того больше. Чего онъ только не насмотрится и не наслышится ночью въ теплякѣ!

Крестьяне, впрочемъ, и въ ту давнюю пору, о которой я разсказываю, не очень довѣряли вѣдовству мельника и трунили надъ бабьими росказнями; но женскій элементъ твердо, безъ какихъ-либо сомнѣній, зналъ, что мельникъ — не всякій, конечно, водится съ «нечистью»—можетъ любого человѣка «испортить», килу присадить, но можетъ и заговорить отъ зубной боли и отъ другихъ болѣзней, можетъ остановить однимъ словомъ самое сильное кровотеченіе, можетъ «трясучку» съ одного человѣка перевести на другого, а иные

даже могутъ по водѣ разобрать, куда увезено украденное добро и будетъ ли успѣхъ затѣянному дѣлу.

Такой двойной славой дѣлового человѣка, умнаго, опытнаго совѣтчика и также капиталиста, пускающаго деньги въ ростъ, а въ то же время знахаря и вѣдуна, пользовался Акимъ въ высшей степени.

Мнѣ уже приходилось говорить съ Акимомъ о его дѣятельности, какъ своего рода юрисконсульта, банкира и хироманта. Первую онъ признавалъ охотно и для обоснованія успѣха ея ссылался на наличность у него нѣкоторыхъ познаній въ законахъ, даже не безъ самодовольства приносилъ «Положеніе о крестьянахъ», крестный календарь и десятый томъ свода законовъ, показывалъ также старинный «домашній лѣчебникъ», подаренный ему кѣмъ-то, по которому онъ будто лѣчилъ, и разсказывалъ, что дѣдъ его, подъ старость проводившій каждое лѣто, съ разрѣшенія господъ, въ лѣсу на заведенномъ имъ пчельникѣ, куда Акимъ мальчишкой постоянно убѣгалъ, научилъ его распознавать и находить полезныя отъ болѣзней травы и растенія и варить «декохты». Отъ всякихъ финансовыхъ операцій Акимъ энергично отрекался, ссылаясь на то, будто у него и капитала никакого нѣтъ. Про умѣнье заговаривать кровь и зубную боль и про вѣдовство онъ говаривалъ:

— Ничего я этого не знаю и не понимаю; такъ болтаютъ на меня, зря.

И потомъ онъ сейчасъ же переводилъ разговоръ на какую-нибудь другую тему. Но онъ, дѣйствительно, заговаривалъ, т.-е. нашептывая что-то, останавливалъ кровотеченіе. Мнѣ объ этомъ не разъ со всѣми подробностями передавали очевидцы лѣченія Акима и сами испытавшіе его на себѣ. Онъ произносилъ что-то въ родѣ заклинанія, и тотчасъ же, даже сильное, кровотеченіе, сначала становилось тише, а тамъ и совсѣмъ прекращалось. Зубную боль онъ останавливалъ даже заочно, на третью зорю. Мнѣ это разсказывали люди безусловно достовѣрные; говорили, что онъ даже червей, заводящихся иногда въ ранахъ у лоша-

дей и собакъ и другихъ домашнихъ животныхъ, выводитъ заговоромъ.

На этотъ разъ Акимъ, подъ вліяніемъ ли выпитой наливки, или подъ обаяніемъ теплой, свѣтлой, прямо волшебной ночи, или по другимъ причинамъ, казался гораздо болѣе экспансивнымъ и разговорчивымъ, чѣмъ обычно. На просьбу мою объяснить, какъ это онъ заговариваетъ кровь, вѣритъ ли самъ, положа руку на сердце, въ свое колдовство и видалъ ли когда-либо на рѣкѣ, или на мельницѣ что-либо сверхъестественное, Акимъ отвѣчалъ сперва шутками, но, наконецъ, заговорилъ болѣе искреннимъ, чѣмъ обычно, тономъ:

— Вотъ что я вамъ скажу, Николай Васильевичъ, по-совѣсти: кровь заговорить я могу, если только не захвачена артерія, или не пошла кровь нутромъ. Пересказалъ мнѣ заговоръ тотъ же дѣдъ мой, пчелинецъ, что травамъ меня обучалъ; отъ него и зубной заговоръ знаю; читаю его три утреннія зори подъ рядъ, даже больного и видѣть не надо, имя его лишь знать, только и всего. Многому меня дѣдъ научилъ, ученый былъ старикъ, знающій; онъ въ молодости на барской усадьбѣ жилъ и къ ихнему фершалу приставленъ былъ. Кое-что отъ фершала узналъ, а до чего и самъ дошелъ; много лѣтъ жилъ, безъ малаго до ста не дотянулъ. Теперь насчетъ колдовства моего,—это ужъ какъ есть выдумки! Я, слава Богу, крещеный, ни одной праздничной обѣдни не пропущу и посты соблюдаю, даже Апостола кое-когда читаю въ церкви, какое уже тамъ колдовство! Мнѣ душа моя дорога!

Ну, а бабамъ это, грѣшный человѣкъ, иной разъ что и скажешь — пристанетъ этакая... или припугнешь какую, чтобы отвязалась,—а онѣ и наплетутъ и наплетутъ. Баба сѣрая, крестьянская, сами знаете какая она! Что въ ней? Одна глупость да робость. Ума и не ночевало. Случалось скажешь: «Тетка, ты нажимай, нажимай, да и оглядывайся»,—къ примѣру ежели мнѣ на нее жаловались, что больно люта съ невѣсткой,—«не стоитъ ли кто за тобой?»

Пригрозишь ей этакъ, ну, та, случается, и ослабѣетъ, а иной разъ ей и взаправду помстится, будто кто за ней стоитъ. А тамъ никого и не бывало. Вотъ и все мое колдовство.

Нечисти я самъ не видалъ никогда, а что водится она, то это вѣрно. Видать не видалъ, а въ иную ночь все-таки къ омуту не пойду. Нехорошо тамъ, такія ночи бываютъ. Даже слышно: барахтается въ водѣ, плещется, смѣется... Гадость, тьфу! Или камышъ начнетъ ломать, словно бы медвѣдь бредетъ... А то выть примется, и ужъ тутъ быть бѣдѣ: или утопленникъ гдѣ-нибудь всплыветъ на утро, или лошадь, или корова уходится, ужъ чему-нибудь да быть.

Это въ особыя ночи... а такъ на мельницѣ тихо. Разъ только у меня мельница сама ночью заработала въ пустую, и затворъ самъ поднялся и колесо спустили... въ тотъ разъ и я страху набрался; засыпки и слышатъ—мельница на всѣ поставы въ пустую работаетъ, да не идутъ. Одному пришлось орудовать. Однако справился. Я вѣдь не изъ робкихъ. Случалось иной разъ и помстится или послышится что на рѣкѣ, такъ я перекрещусь и пройду себѣ мимо. И ничего.

— Да что покажется-то?—спросилъ я.

— Какъ вамъ сказать?.. Разное... Да и не слѣдуетъ про это говорить теперь. Нонѣ ночь-то вѣдь какая? Нонѣ на какого святого приходится? На Памфила? То-то. Не знаете? Ну, а я знаю, да помалкиваю.

Искренность тона Акима исчезла, онъ заговорилъ намеками, кажется, и со мной почувствовалъ себя въ положеніи мельника-колдуна, запугивающаго глупыхъ бабъ, и, наконецъ, всталъ.

— Я вамъ и Петру Андреевичу постелилъ на сѣнѣ въ омшаникѣ. Тамъ у насъ чудесно: чисто и прохладно. Изволите знать гдѣ? Сходить развѣ сказать Петру Андреевичу? Пора вамъ отдохнуть, коли хотите пораньше по бекасамъ поохотиться. Вы не безпокойтесь, я васъ разбужу ко времени. Спокойной ночи.

Акимъ принялся будить Мозю, а я вышелъ на плотину. Ночь была такая привлекательная, и вся обстановка наша

такая будившая фантазію и поэтическое чувство, что тянуло еще побыть въ ней и не запираться въ омшаникѣ.

Я прошелъ мимо отпряженныхъ возовъ съ рожью, по мельничному помосту около скрыней, гдѣ слегка шумѣла вода, просачиваясь черезъ щели затворовъ, и побрелъ, не спѣша, вдоль рѣки, по той же дорогѣ, которой мы шли на перелетъ. Было все такъ же свѣтло и бѣло; тѣнь ветелъ отчетливо падала на землю и отражалась въ водѣ тамъ, гдѣ деревья росли у самаго берега; стелившійся вначалѣ около камышей туманъ испарился, и вся рѣка, видная на далеко впередъ, сіяла въ лунномъ свѣтѣ, неподвижная и холодная. Становилось свѣжѣй.

Что хотѣлъ сказать Акимъ, предупредивъ меня о томъ, что нынѣшняя ночь особенная? Говорилъ онъ это серьезно или запугивалъ меня, изображая изъ себя страшнаго бабамъ кудесника? Невольно мысли вертѣлись около этой странной фразы Акима, и временами казалось вѣроятнымъ, почти неизбѣжнымъ, что я увижу что-нибудь особенное. Страха я не ощущалъ, но сердце билось все-таки ускоренно. Однако ни на рѣкѣ, ни въ камышахъ, ни на лугу, къ которому я подошелъ плотиной, не замѣчалось ничего особеннаго. Акимъ явно подшутилъ надо мной.

Я вернулся на мельницу и прошелъ къ омшанику, гдѣ мнѣ и прежде приходилось ночевать передъ охотой по уткамъ на утренней зорѣ. Товарищъ мой еще не возвращался съ прогулки. Меня это не удивило, такъ какъ, очевидно, прогулка его была не одинокая, какъ моя. Я уже слышалъ о томъ, что между нимъ и Варей болѣе года тянется романъ.

Мнѣ рѣшительно не спалось, хотя я очень удобно улегся въ омшаникѣ на сѣнѣ, оставивъ открытою дверь, въ рамѣ которой виднѣлась часть плотины, вешнякъ и совсѣмъ близко стволъ могучей, старой ветлы; я думалъ о сосѣдѣ, и мнѣ казалось, что какъ разъ теперь, въ эту особенную, по выраженію Акима, ночь на святого Памфила, между Варей и Акимомъ разыгрываются сцены изъ Пушкинской

«Русалки», а именно по разнымъ признакамъ чувствовалось, что въ отношеніяхъ Вари и молодого помѣщика есть нѣчто сложное, и что жизненная дѣйствительная драма приближается къ развязкѣ.

«Князья невольны женъ себѣ по сердцу брать» чудилось мнѣ въ воздухѣ. Знакомая, красивая мелодія Даргомыжскаго такъ и звучала во мнѣ; я съ трудомъ удерживался отъ того, чтобы громко не запѣть ее. «А вотъ и дубъ завѣтный», думалось про ветлу... и какъ разъ въ этотъ мигъ я увидалъ подошедшихъ къ ней съ плотины сосѣда и Варю. Они шли молча, прижавшись другъ къ другу, у дерева остановились, и, все молча, обнялись длительно и горячо.

«Господи, что же это такое, теперь сцена изъ «Фауста»! — мелькнуло въ мысляхъ, когда она совсѣмъ припала къ нему, обхвативъ его шею обѣими руками. Нельзя же такъ долго! И какая теперь пойдетъ опера?»

Очевидно, Милордка, лежавшій у моихъ ногъ, совершенно такъ же взглянулъ на дѣло, онъ зарычалъ и двинулся къ двери. Это помогло. Они еще разъ поцѣловались, и «она» убѣжала къ дому, а «онъ», оставшись на мѣстѣ, зажегъ спичку и закурилъ папиросу.

Уже по тому, какъ звонко и торжествующе Варя поцѣловала «его», какъ легко, молодо и весело побѣжала, я понялъ, что въ эту ночь ей ничего не грозитъ болѣе; или драма отложена, или даже Варя побѣдила. Во всякомъ случаѣ, «представленіе» окончилось, и я это почувствовалъ настолько сильно, что повернулся лицомъ къ стѣнѣ, закрылъ глаза и, кажется, въ ту же минуту заснулъ. По крайней мѣрѣ, я не замѣтилъ, какъ вернулся и легъ товарищъ и опомнился лишь, когда въ темный омшаникъ, вмѣстѣ съ вошедшимъ Акимомъ, ворвался въ открытую дверь денной свѣтъ, въ которомъ дрожали неяркіе еще, красноватые, благодаря высоко поднявшемуся туману, лучи солнца и къ намъ проникъ свѣжій, бодрящій утренній воздухъ, способный, казалось, въ наши годы, оживить и мертваго, не то что заспавшагося человѣка.

— Петръ Андреевичъ, Николай Васильевичъ, пора, вставайте! Солнышко ужъ порядочно высоко. Должно, половина седьмого, подбадривалъ насъ Акимъ. Мозя ужъ ушелъ.

Мы сразу поднялись, наскоро выполоскались, полураздѣтые, прямо въ рѣкѣ и, выпивъ по кружкѣ молока, быстро пошли къ болоту, начинавшемуся у вчерашняго ольшняка.

Собака моя потягивалась и расправлялась, громко зѣвая; потягивались и мы, но отъ вчерашней усталости и слѣда не осталось, и хотя спали мы въ общемъ немного, чувствовали мы себя совсѣмъ свѣжими, бодрыми и такими жизнерадостными, съ такимъ восторгомъ втягивали въ себя здоровый прирѣчный воздухъ и чувствовали на себѣ не жгущіе еще, а только мягко грѣющіе лучи солнца и ласку набѣгавшаго порывами легкаго вѣтерка,—что именно тутъ мы могли бы воскликнуть: «Мгновеніе, остановись!»

Мельница проснулась еще раньше; отъ нея до насъ долетали шумъ махового колеса, которое, видное въ открытую дверку тепляка, медленно двигалось черное, громадное, обливаясь и брызгаясь водой, громыханіе поставовъ и голоса помольщиковъ. Около избы мельника возилась, загоняя куда-то утокъ, немолодая баба, на плотину въѣзжали, скрипя колесами, нѣсколько возовъ съ рожью; на недалекомъ лугу слышались дѣтскіе голоса и топотъ скачущихъ лошадей, возвращавшихся изъ «ночного»; черезъ наши головы пролетѣла низко, рѣзко звеня въ воздухѣ крыльями, стая голубей...

— А что, Акимъ Михайловичъ,—сказалъ я, не выдержавъ, провожавшему насъ по плотинѣ мельнику,—вѣдь ты былъ правъ: я и то вчера кое-что видѣлъ. Ночь была дѣйствительно особенная.

Акимъ взглянулъ было на меня строго, но потомъ, будучи, вѣроятно, тоже въ хорошемъ настроеніи, махнулъ только рукой, пробурчавъ словно бы про себя: «Ну, чего тамъ», и направился на мельницу.

Съ болота донесся выстрѣлъ Мози. Милордка насторожился. Мы прибавили шагу. Подойдя къ болоту, мы ра-

зошлись въ разныя стороны и въ это утро охотились очень пріятно.

Къ двѣнадцати часамъ, разгоряченные, обливаясь потомъ, грязные, насквозь пропахшіе болотомъ, дичью, кожей и пороховою гарью, мы вернулись на мельницу и, конечно, начали съ купанья въ рѣкѣ, которое въ такихъ случаяхъ ни съ чѣмъ несравнимое физическое наслажденіе.

Передъ отъѣздомъ — каждый изъ насъ отправлялся домой—мы закусили, вѣрнѣе, просто вкусно пообѣдали на мельницѣ, ужъ не въ лабазѣ, куда проникало солнце, а въ прохладномъ, полутемномъ омшаникѣ, легко преобразившемся изъ спальни въ столовую, гдѣ не было днемъ нестерпимо надоѣдливыхъ мухъ.

Подавала намъ кушанья опять-таки Варя, на этотъ разъ съ помощью бабы-стряпухи. При первомъ же взглядѣ на ея сіявшее счастьемъ и довольствомъ лицо, казавшееся еще красивѣе и милѣе благодаря несбѣгавшей съ губъ и глазъ веселой улыбкѣ, мнѣ стало ясно, что я не ошибся вчера, и что дочери мельника не придется превращаться въ русалку и пѣть на свадьбѣ «князя» неподходящую къ этому торжеству, но красивую арію.

Тотчасъ послѣ обѣда я простился съ сосѣдомъ, Акимомъ и его красавицей-дочерью и отправился домой, нагруженный всей застрѣленной нами въ обѣ охоты дичью. Ее, обернувъ въ крапиву, укладывалъ у меня въ телѣжкѣ Мозя настолько заботливо и бережно, такъ энергично уговаривалъ меня велѣть ее по пріѣздѣ тотчасъ же отнести на ледникъ, что мнѣ нетрудно было догадаться, что онъ тоже доволенъ. Дѣйствительно, Мозя за обѣдомъ хорошо выпилъ и совсѣмъ растворился въ благодушіи и доброжелательности. Онъ долго махалъ мнѣ въ слѣдъ фуражкой и что-то кричалъ...

Романъ сосѣда съ мельничихой Варей окончился полной ея побѣдой. Вскорѣ послѣ описаннаго мною вечера она переселилась на усадьбу своего «барина», а затѣмъ года черезъ два, когда у нея родился ребенокъ, сосѣдъ

женился на ней. Акимъ Михайловичъ, разставшись съ мельницей, устроился на селѣ, гдѣ открылъ кабакъ и лавочку. Мозя не дожилъ до глубокой старости, но до конца жизни продолжалъ охотиться; когда закрылся заводъ при которомъ онъ служилъ, его оставили все-таки при немъ, въ качествѣ караульнаго. Скончался онъ внезапно, отъ разрыва сердца.

Н. Давыдовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

IPd
69